

К. В. АЙВАЗЯН

*Я стал спускаться... к
свежим равнинам Армении
Арзруму*

*Я стал спускаться... к
свежим равнинам Армении*

Арзруму

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ

1829 г.

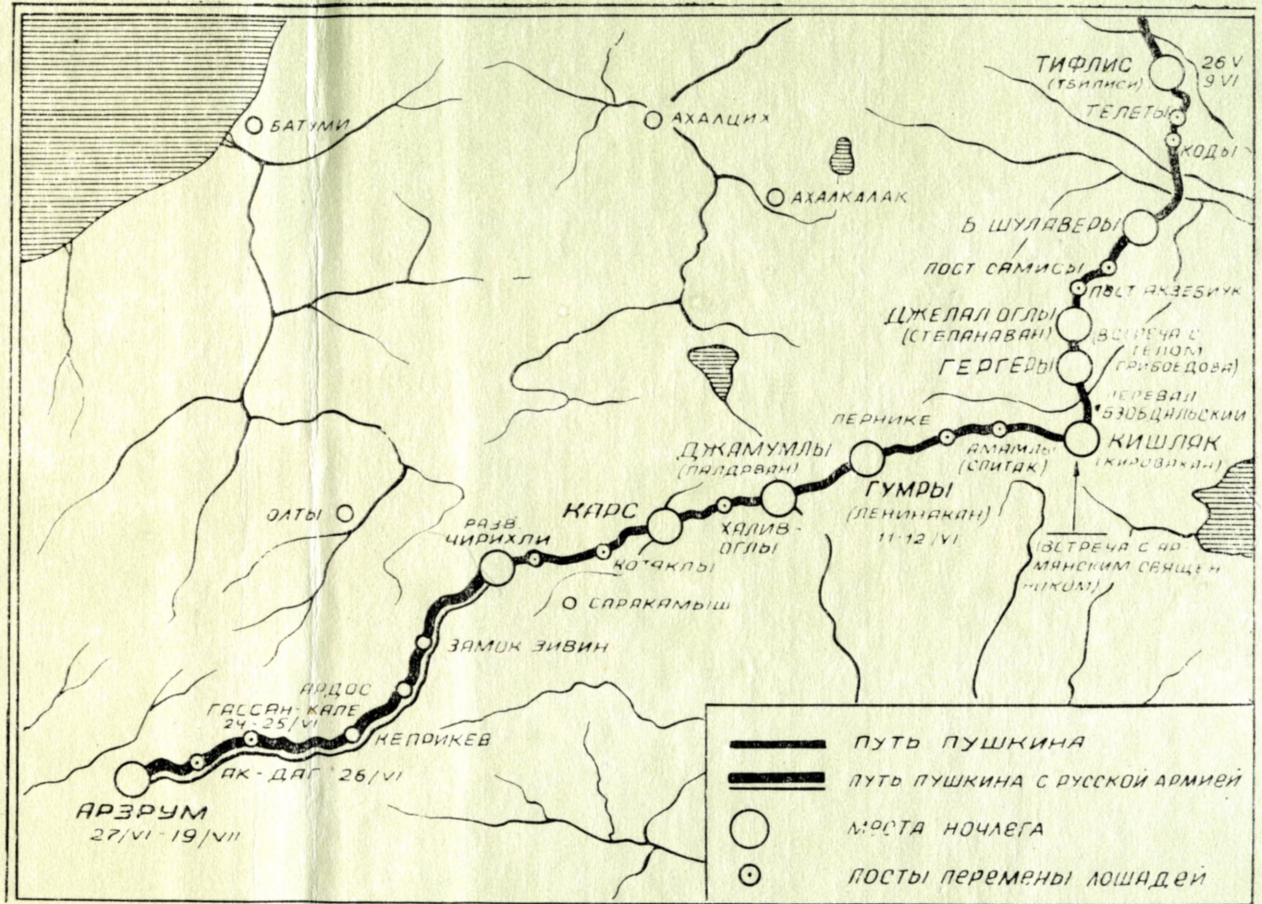
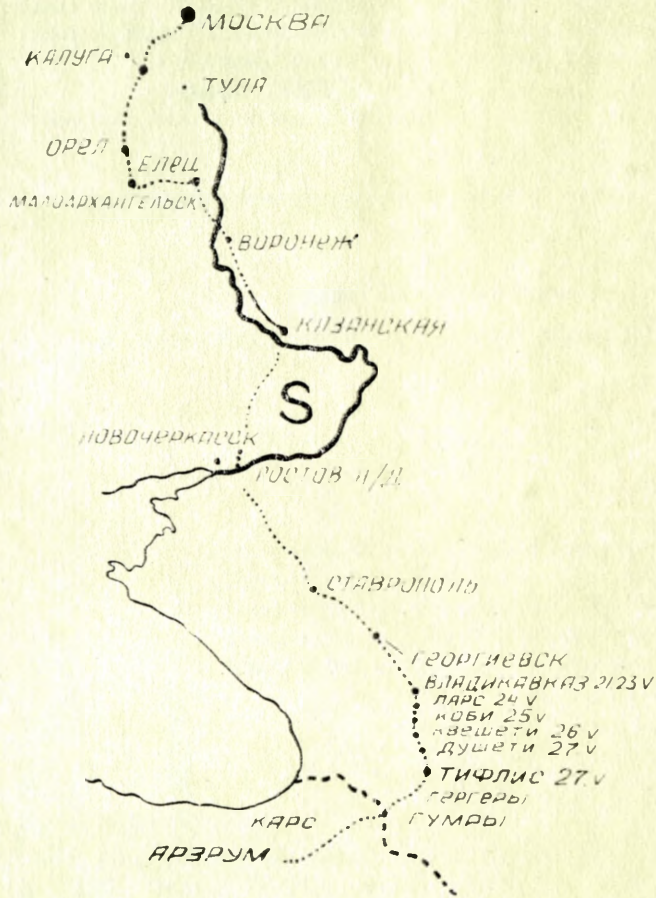
К. В. АЙВАЗЯН

К. В. АЙВАЗЯН

Я стал свидетелем... к
свежым равнинам Арменни

Мужиком

Маршрут путешествия Пушкина из Москвы в Арзрум в 1829г.

К. В. АЙВАЗЯН

○
*Я стал спускаться... к
свежим равнинам Армении*

Анучини

Ереван „Айастан“ 1990

Рецензенты: доктор филологических
наук

С. А. ФОМИЧЕВ,
доктор филологических
наук

Е. А. АЛЕКСАНИЯН

Редактор доктор филологических
наук

А. П. ГРИГОРЯН

«

•

Айвазян К. В.

А 360 «Я стал спускаться... к свежим равнинам Ар-
мении...» А. Пушкин. — Ер.: Айастан, 1989. —
360 с., 14 вклеек.

Освещение армянских взаимосвязей Пушкина дано на фоне исторических и культурных отношений русского и армянского народов, в тесной увязке с важнейшими событиями первой трети XIX в.—войнами России с Персией и Турцией, ролью в них «друзей, братьев, товарищей» поэта — ссыльных декабристов. Прослеживается обогащение знаний Пушкина об Армении в детские и лицейские годы, в первую поездку на Кавказ и Крым, в Кишиневе, при путешествии в Арзрум, в Петербурге и Москве и занятиях историей Петра I, их отражение в его творчестве. Приводятся сведения об армянах, с которыми Пушкин общался. В книге использованы малоизвестные и архивные материалы, в ней помещены рисунки Пушкина и другие иллюстрации, относящиеся к теме.

Рассчитана на широкий круг читателей.

4603010000

А $\frac{4603010000}{701 (01)}$ —89

ББК. 83. З Р 1 + 83. З Ар 1

ISBN 5-540-00403-5

© Айвазян К. В., 1989

**К 190-летию со дня рождения
А. С. ПУШКИНА и 160-летию
его путешествия в Арзрум**

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1988 г. исполнилось 160 лет со дня добровольного вхождения Восточной Армении в состав России, а в 1989 г. — 160-летие путешествия А. С. Пушкина в Арзрум.

Совпадение этих дат, конечно же, случайно, однако закономерно их сближение. Волей обстоятельств в лицейские и первые послелицейские годы поэт познакомился с рядом лиц армянского происхождения, проживавшими в Петербурге, в период южной ссылки побывал в армянских поселениях Сев. Кавказа, Крыма и Молдавии, в 1829 г. предпринял 40-дневную поездку в Армению; на конец XVIII—первую треть XIX в. — время, когда жил и творил Пушкин, — пришлось наиболее активное и результативное осуществление исторической задачи, стоявшей перед Россией, — присоединения к ней Закавказья, находившегося под игом Персии и Турции. В войнах за освобождение Армении ее участниками стали многие из окружения Пушкина, среди них и его друзья и единомышленники — декабристы, сосланные в действующую русскую армию. Это еще более сблизило Пушкина с Арменией, стремление встать рядом с «друзьями, братьями, товарищами» в их ратном труде обусловило его дальнейший интерес к прошлому и настоящему армянского народа.

Именно Пушкин, осознававший себя «эхом русского народа» и воплотивший в себе Россию, благословил вечный союз с ней армянского народа, что и поставило его рядом с Арменией.

Об этом хорошо сказал замечательный русский поэт и гражданин Сергей Наровчатов, выступая в июне 1974 г. на празднике поэзии в честь 175-летия со дня рождения Пушкина на перевале его имени в Степанаванском районе Армении:

«Без малого сто пятьдесят лет тому назад русский солдат отвоевал для армянского народа свободу. Это должно было укрепить доброе, светлое имя. Этим именем стал Пушкин. Символично, что сразу же после этой даты Армению посетил не просто

русский поэт, а сам Пушкин — солнце русской поэзии. Здесь, на этой земле, он записал у себя слова: «Я видел прекрасную землю», — слова, которые отразились в его «Путешествии в Арзрум».

Тема «Пушкин и Армения» не осталась вне поля зрения армянских литературоведов — ей посвящены многие статьи, опубликованные как в дореволюционные, так и советские годы¹. В них рассматриваются отдельные контакты Пушкина с армянами, армянская тематика в произведениях поэта, история их переводов, отклики армянской критики на его творчество, высказывания о нем армянских писателей и т. п. Это конечно необходимый этап изучения армянских взаимосвязей Пушкина, однако лишь начальный, требующий не только их обогащения за счет открытия новых фактов и осмысления в свете современного пушкиноведения, но, главное, иного к ним подхода — не локального, а в плане русско-армянских исторических и культурных отношений, так сказать, с высоты птичьего полета. Это диктуется, с одной стороны, феноменальностью явления Пушкина, в котором гениальный поэт сочетался с умным политическим деятелем и мудрым историком, что выводило все связанное с ним за пределы лишь личного и вводило в широкие рамки эпохи, а с другой — своеобразием исторических судеб армянского народа, когда характерной особенностью его существования стала миграция населения за пределы родины — в Византию, Западную Европу, Грузию и на Русь, где уже с XI в. появляются довольно значительные поселения армян — на Северном Кавказе, в Тмутараканском княжестве, Киеве, Крыму, Галицкой Руси, Поволжье, позднее — в Северо-Восточной Руси, Нижнем Новгороде, Москве и других местах, с XVIII в. — в Санкт-Петербурге.

На Руси поселенцы встретили доброжелательное отношение населения и светских властей, хотя церковь, особенно ее верхи, сперва враждебно расценила армянское вероисповедание, одна-

¹ Они указаны в библиографии: А. С. Пушкин. Переводы на армянский язык (А. С. Пушкин в армянской литературной критике и переводах) /Сост. А. В. Калашян. Ереван, 1974; мы называем лишь некоторые работы обобщающего характера: Лисициан С. Д. Пушкин в Армении. — В кн.: А. С. Пушкин. К столетию со дня трагической гибели. Ереван, 1937; Ениколопов И. К. Пушкин на Кавказе. Тбилиси, 1938; Мхитарян А. Г. Пушкин в Армении. — Тр. Тбил. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина. Тбилиси, 1949, вып. 7; Айвазян К. В. О «Путешествии в Арзрум». — Тр. Первой и Второй Всесоюзных пушкинских конференций 25/27 апр. 1949 г. и 6—8 июня 1950 г. М.; Л., 1952; Григорьян К. Н. Армения в русской литературе и живописи (XVIII — первая половина XIX в.). Ереван, 1962; Айвазян К. В. «Путешествие в Арзрум» Пушкина (Пушкин и Армения). — В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975, и др.

ко позднее признала его и приняла под свое покровительство армянскую церковь². Армянам было предоставлено право селиться повсеместно, заниматься скотоводством и садоводством, ремеслами, торговлей, иметь свой суд и самоуправление, а с начала XVIII в. — строить свои церкви. До нас дошла примечательная памятная запись писца-армянина, датируемая XII-XIII вв., что «земля на Руси обильна, нравы не чуждые, а жители гостеприимны, добронравны, чужелюбцы»³.

Но и армяне не оставались в стороне от забот и тревог русского народа, чему сохранились многие свидетельства. Дружба и братство армян с русскими проявлялись в различных формах — от развития внешней торговли со странами Европы и Азии, дипломатической службы русским князьям и царям вплоть до совместной борьбы против чужеземных завоевателей, посягавших на русскую землю. Это сотрудничество продолжалось и укреплялось на протяжении следующих столетий, завершившись вхождением Восточной Армении в состав России в 1828 г., подлинным освобождением и национальным возрождением армянского народа после Великой Октябрьской социалистической революции.

Россия стала для армян, проживавших в ней, второй родиной, верными сынами которой они себя осознавали и каковыми их признавали русские люди; для Пушкина русские армяне — так их называли — составляли не чужеродный элемент в его окружении, а столь же близкий, как и русские. Во взаимосвязях с армянами, как и с представителями других национальностей, Пушкину был присущ подлинный интернационализм, ставший характерной чертой истинной русской интеллигенции.

Но взгляд с высоты птичьего полета не исключает и рассмотрения армянских взаимосвязей Пушкина, так сказать, под лупой, выискивания их деталей и подробностей. При этом мы имеем в виду, что целый ряд сообщаемых в нашей работе фактов не получил прямого отражения в пушкинском творчестве, но они важны для воссоздания смысла и логики событий, того «духа истории», в атмосфере которого развивался Пушкин — художник и мыслитель. Поэтому в отдельных случаях, при отсутствии прямых показаний, мы восстанавливаем их вероятности, руководствуясь тем принципом, что для обобщений и выводов нужна не мно-

² Как указывает акад. М. Н. Тихомиров, несмотря на внушения высшего духовенства, «рядовые русские люди не чувствовали больших различий между православием и армянским вероисповеданием, охотно общались и пировали с армянами, дружили и вступали с ними в браки» (Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 143).

³ **Бжишкян М.** Путешествие в Польшу. Венеция, 1830, с. 84. На древне-арм. яз.

жественность фактов, а умение извлекать из них существенное, закономерное.

Еще три необходимых замечания.

Первое: в нашей работе приводятся краткие исторические и географические сведения об армянских поселениях в России, в которых Пушкин бывал и которые, если так можно выразиться, сопричастны ему, так или иначе вошли в его жизнь и творчество. Они вызваны тем, что эти сведения мало известны современному читателю и требуют от него специальных изысканий.

Второе: по этой же причине мы даем небольшие биографические справки об армянах, с кем общался Пушкин, а также о ряде лиц, через которых осуществлялись его армянские контакты, будь то конкретное лицо или автор книги об Армении. Не надо доказывать, как важно знать, кто есть кто, ибо, как верно отмечает Л. А. Черейский, «окружение Пушкина органически входит в его биографию и творчество, а наше понимание его наследия во многом зависит от того, насколько мы знаем среду, в которой он жил и работал»⁴.

Третье: вторжение наполеоновских полчищ в Россию, Отечественная война 1812—1814 гг., надолго занявшая умы и чувства русских людей, как-то отодвинули на второй план войны в Закавказье. На это обратил внимание сам Пушкин, который в письме, написанном в начале апреля 1833 г. генералу А. П. Ермолову, командовавшему Отдельным Кавказским корпусом в 1816—1827 гг., писал: «До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает все— и только некоторые военные люди знают, что в то же время происходило на Востоке»⁵.

Замечание Пушкина, подтверждая его понимание значения этих войн для России, звучит своевременно и сегодня. Они известны лишь специалистам-историкам, почему мы и уделяем много места описанию военных действий русской армии против Турции и Персии, их отдельным эпизодам, чтобы дать наглядное представление о тех невероятных трудностях и опасностях, которые пришлось преодолеть русским солдатам и офицерам; мы также особо выделяем участие в них армян, их помощь и содействие своим освободителям.

Таковы необходимые замечания, предваряющие рассмотренные армянские взаимосвязи Пушкина.

⁴ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 3.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. М.; Л., 1957, т. 10, с. 430. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома римской цифрой, страницы — арабской.

Глава первая

НАЧАЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО С АРМЕНИЕЙ

1

Интерес Пушкина к Армении складывался постепенно — из отдельных, зачастую случайных сведений и впечатлений детства и отрочества, от встреч с армянами, проживавшими в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России, — до личного ознакомления с природой страны, глубокого понимания исторических судеб армянского народа, его современного положения, его быта, нравов, культуры.

Еще ребенком Пушкин слышал от Марии Алексеевны Ганибал, бабушки по материнской линии, или от няни Арины Родионовны популярную переводную повесть о Бове-королевиче, перешедшую в русское устное народное творчество в виде богатырской сказки. В стихотворении «Сон» (1816) он вспоминает о «мамушке своей», рассказывавшей о «мертвецах и подвигах Бовы», который, спасаясь от преследований отчима, бежит в «Армянское царство» и поступает на службу к королю Зензевею. Бова влюбляется в дочь Зензевея Дружевну, к которой сватаются многочисленные женихи из разных стран. Бова вступает в борьбу с соперниками, совершает героические подвиги в битвах с богатырями и их войском, его предают и заключают в темницу. Освободившись, он женится на Дружевне, она рождает двух сыновей; они вновь разлучаются, однако после новых приключений все кончается благополучно: Бова и Дружевна вместе, он мстит за отца, убивает Додона и злодейку-мать Милитрису.

Армения в повести о Бове может восприниматься как случайный, мимолетный эпизод, если бы не увлечение Пушкина этим сюжетом, возвращение к нему в лицейские годы — в 1814 г., затем в южной ссылке в 1822 г. и после поездки в Арзрум — в 1834 г., обнаруживающие в каждом из вариантов все большее знакомство со страной, где действовал Бова-королевич.

В семье Пушкиных господствовал интерес не только к поэзии, а и к истории — прошлому и настоящему России. Отец по-

эта — Сергей Львович описывает один из вечерних визитов к нему в 1804 г. Н. М. Карамзина, автора «Писем русского путешественника», в которых нашли место и факты истории Армении. Он пишет, что «во все время Александр, сидя против него (Карамзина. — К. А.), вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз»¹.

Их темой были и русско-персидская война, начавшаяся в 1804 г. и продолжавшаяся с перерывами до 1813 г., и русско-турецкая 1806—1812 гг. Целью первой являлось присоединение к России Восточной Армении и Азербайджана, находившихся под игом полунезависимых персидских ханов, защищавших вопреки желанию и воле подвластного населения свое владычество, а второй — отвоевание южных областей России, захваченных Турцией, и освобождение от турецкого гнета балканских народов. В походах участвовали многие из близких и знакомых семьи Пушкина, известия с фронта военных действий и отдельные их эпизоды печатались в московских и петербургских газетах и журналах, и вероятно, что волновали и юного Александра.

Новые возможности для пополнения знаний об армянском народе открылись перед Пушкиным в лицее. В курсе русской словесности, который вел Н. Ф. Кошанский, изучались памятники древнерусской письменности, содержавшие записи об Армении и армянах. Уже в летописях Киевской Руси при перечислении земель, населенных «Афетовым (Яфетовым) племенем», упоминаются «Армения Великая и Малая», гора Арарат (или Рарат), являющаяся «концом христианского мира», к которой, по библейскому преданию, в дни всемирного потопа пристал Ноев ковчег², приводятся сведения о завоеваниях армянского царя Тиграна II Великого (I в. до н. э. — нач. I в. н. э.), его поражении в войне с римлянами³, о крещении армян в 301 г. Григорием Просветителем⁴; в «Киево-печерском патерике» — о враче-армянине, лечившем великого киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха и его бояр⁵; в «Сказании о Куликовской битве» — об участии на стороне Дмитрия Донского армянской дружины и гибели ее военачальника Андрея Саркисовича⁶; в Летописном своде 1497 г. — об армянине Аврааме, проживавшем в Москве в княже-

¹ Огонек, 1927, № 7, с. 1.

² Полное собрание русских летописей. СПб., 1846, т. 1, с. 2; СПб., 1851, т. 5, с. 181 и др. Далее: ПСРЛ.

³ ПСРЛ. Пг., 1914, т. 22, с. 36—37 и др.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1913, т. 18, с. 63; т. 5, с. 181 и др.

⁵ Киево-печерский патерик /Под ред. Д. И. Абрамовича, Киев, 1931.

⁶ Воинские повести Древней Руси /Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949, с. 32.

ние Василия I Дмитриевича (1389—1425)⁷; в повести «О взятии Царьграда» — о героизме армянских отрядов, павших при защите города от турок⁸, и т. д.

Ряд сведений вошел в «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, первые тома которой вышли в свет в 1818 г., уже после окончания Пушкиным лицей. Так, во второй главе первого тома говорится о хазарах и их связях с армянами; что армянский историк V в. «Моисей Хоренский полагает Алан близ Кавказа», а в примечании добавлено, что «тот же историк упоминает первый о болгарах, вышедших за 1000 лет до Р. Х. из своего древнего отечества»; далее упоминание Моисеем Хоренским «о славянах, коих называет «скалавицо»; там же: «Греки, имея с собой Персов, Армян и Россиян, окружили в Сицилии в 963 г. Али-Гасана»; во втором томе в шестой главе: «Сын венгерского Анджея, Анджей был помолвлен в 1219 г. на царевне армянского престола»; в третьем томе в седьмой главе: «Во времена Мономаха славилась своим искусством в Киеве армянские врачи»; в девятой главе: «Татары, завоевав Армению в 1262 г., перевели многих жителей в нынешнюю Астраханскую и Казанскую губернии». В пятом томе в четвертой главе — об армянской международной торговле. В десятом томе в четвертой главе: «В Москве, в Белом городе, находился двор Армянский».

Источниками знаний Пушкина-лицейца об Армении служили некоторые публикации в периодике и отдельные книги, увидевшие свет в эти годы. Так, в 1811 г. в журнале «Вестник Европы» (ч. 55, № 1 и 2) был напечатан «Проект Азиатской Академии», принадлежавший С. С. Уварову (1786—1855), который в 1818 г. стал президентом Российской Академии, с 1833 г. — управляющим Министерством просвещения, а с 1834 г. — министром, председателем Главного управления цензуры. Он присутствовал на переводных экзаменах лицейстов «младшего возраста» в «старший», где Пушкин читал свои «Воспоминания в Царском Селе», позднее поддерживал довольно тесные отношения с Пушкиным, которые, по словам Л. А. Черейского, «при внешней лояльности» скрывали «внутренний антагонизм» между ними⁹.

В шестом параграфе «Проекта», посвященном Армении и Грузии, Уваров писал: «Словесность армянская и грузинская достойны внимания в отношении историческом; ибо грузинцы и армяне имеют собственные летописи, заключающие в себе такие исторические известия, которых напрасно будем искать в историках

⁷ ПСРЛ, т. 18, с. 86.

⁸ Военские повести XV—XVI вв. М.; Л., 1958, с. 218—227.

⁹ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976, с. 428—429. Далее в этой и следующих главах: Черейский Л. А.

Азии, Греции и Рима... Армянская литература так мало известна, что мы не знаем еще и имена тех сочинений, которые к ней относятся. Но для России было бы особенно выгодно познакомиться ближе с теми двумя народами: она имеет к тому великое множество способов; сверх того многие сведущие армяне и грузинцы могли бы употреблены быть для преподавания нужных уроков в обоих языках»¹⁰.

Проект Уварова не был осуществлен, однако вызвал отклики как в России, так и за границей. Знакомство с ним Пушкина-лицейста находит подтверждение в том, что он откликнулся на напечатанную в том же номере журнала балладу В. А. Жуковского «Громобой».

Заметим, что упрек С. С. Уварова был не совсем справедлив: уже во второй половине XVIII в. в русской литературе появляются произведения, затрагивающие тему Армении; трудами армян, проживавших в Петербурге, издаются в переводах на русский с армянского и французского книги по истории армянского народа, его религии, географии страны, оригинальный русско-армянский словарь и др.¹¹ Их круг еще более расширяется в начале XIX в. В 1809 г. выходит в свет «История Армянская, сочиненная Моисеем Хоренским, с кратким географическим описанием древней Армении», переведенная на русский язык основателем типографии¹² при армянской церкви в Санкт-Петербурге архидьяконом Иосифом Иоаннесовым; в 1811 г. в его же переводе печатается «Описание достопамятных происшествий Армении, случившихся в последние тридцать лет, т. е. от патриаршества Симеонова (1779) до 1809 г.» Егора Хубова, в котором изложены события конца XVIII—начала XIX в., в частности поход генерала Цицианова в Восточную Армению и осада им Эривани; в 1816 г. в С.-Петербурге издается в переводе с французского на русский книга «Любопытные извлечения из древней истории о Азии, почерпнутые из восточных рукописей, хранящихся в Парижской библиотеке, и из иных источников А. С. Шаганом-Чирбетом (Джрбет), армянином, находящимся при особливом училище, при той библиотеке учрежденном для восточных языков, ныне употребляемых, и Сен-Мартеном, французом, ученым в армянской словесности. Изданные на французском языке в 1806 г., а ныне здесь переведенные Александром Худобашевым».

¹⁰ Цит. по: Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX в.). Ереван, 1974, с. 131.

¹¹ См.: Григорьян К. Н. Армения в русской литературе и живописи (XVIII—первая половина XIX в.). Ереван, 1962.

¹² Типография основана в 1811 г., в ней печатались книги на армянском и русском языках.

Несколько слов об А. Худобашеве, тем паче, что нам придется встретиться с ним и в дальнейшем.

Александр Макарович Худобашев (1780—1863) был выходцем из астраханских армян. Помимо родного армянского он свободно владел также русским, французским и восточными языками — персидским и турецким. В 1810 г. он переехал в Москву, затем в Петербург и до конца жизни служил в Коллегии иностранных дел. В 1817 г. А. М. Худобашев в составе дипломатической миссии генерала А. П. Ермолова, тогда главноуправляющего Грузией и командующего Отдельным Кавказским корпусом, выезжал в Персию. Занимался А. М. Худобашев и литературной деятельностью: ему принадлежит «Армянско-русский словарь» (М., 1836)¹³ и др.

Известно, что после окончания лицея Пушкин в чине коллежского секретаря был зачислен 13 июня 1817 г. в Коллегию иностранных дел переводчиком, т. е. туда же, где в этом качестве состоял и А. Худобашев. Не могла пройти мимо внимания Пушкина и поездка Худобашева в Персию, хотя бы по тому успеху, которого добился в ней Ермолов. Наконец, еще одна нить к Худобашеву тянется от его брата Артемия, с которым поэт сблизился в Кишиневе.

Примечательной личностью являлся и основной составитель «Любопытных извлечений...», автор предисловия и примечаний **Акоп Джрпет** (1772—1837), с которым, по всей вероятности, Пушкин встречался в бытность в 1829 г. в Тифлисе. Родился А. Джрпет в г. Эдесса (Турция) и в 15-летнем возрасте предпринимает путешествие — посещает Киликию, Иерусалим, затем Италию, а в 1789 г. поселяется в Женеве, где, надо полагать, получает высшее образование, изучает европейские языки. В 1798 г. он знакомится с Наполеоном Бонапартом и по его приглашению переезжает во Францию, в Париж, где назначается на работу в Императорскую библиотеку. В том же году основывает в Парижском институте живых восточных языков кафедру армянского языка. С 1799 г. преподает армянский язык, подготовив таких известных арменистов, как П. Флориваль, Ж. А. Сен-Мартен и др. В 1806 г. совместно со своим учеником Сен-Мартеном издает упомянутую выше книгу, в 1812 — на армянском и французском два отрывка из «Хронографии» армянского историка XII в. Матеоса Урхаеци, а в 1824 — на греческом, древнеармянском (грабаре) и французском языках и др. В 1826 г. его приглашают в качестве преподавателя французского языка в открытое в 1824 г. в Тифлисе армянское училище Нерсисян, позже открывает частную шко-

¹³ **Степанян Г. Х.** Биографический словарь: В 3-х т. Ереван, 1981, т. 2, с. 72. На арм. яз.

ду, где преподает до конца жизни¹⁴. Известно, что в бытность Грибоедова в Тифлисе в 1821 и 1826 гг. он часто встречался с Джрпетом, в беседах с которым он узнал многое о народах Закавказья и который навел его на мысль написать трагедию «Родамист и Зенобия» из истории Армении и Грузии I в. н. э.

В 1813 г. в той же типографии И. Иоаннесова была напечатана автобиографическая повесть в двух частях с посвящением графу В. А. Зубову — герою похода русских войск в Персию в 1806 г. от автора — «Армянина Артемия Богданова», с следующим заглавием: «Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапат близ горы Арарат, и приключения, случившиеся с ним от младенчества до совершенных лет; удаление его от своего Отечества в Грузию, оттуда в Россию, потом в Персию и, наконец, возвращение обратно в Россию чрез Каспийское море, с описанием многих любопытных предметов, находящихся в его стороне и прочих местах Персии, с приложением шести гравированных эстампов, изображающих виды городов персидских. Писанные и переведенные им самим с Армянского на Российский». В 1821 г. ее перевели на немецкий, в 1822 г. — на английский, позднее — во второй половине XIX в. — на грузинский и армянский¹⁵. Как отмечает К. Н. Григорьян, подробно изучивший личность Араратского, историю создания и распространения его произведения, в бумагах Пушкина, хранящихся в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом), имеется листок с краткими замыслами биографического характера, датируемый 1836 г. В нем перечислены названия книг, намеченных Пушкиным для рецензирования в своем журнале «Современник», среди них «О путеш. Арт. Ар.», которую пушкинисты расшифровывают как «О Путе(шествии) Арт(иллериста) Ар» и, считая последнее слово опиской, предлагают читать его «И. Р.», т. е. «Илья Радожицкий». Отвергая это мнение, автор утверждает, что Пушкин имел в виду «Жизнь Артемия Араратского», привлекая его внимание и имевшуюся в его библиотеке, «по всей вероятности, в связи с общим интересом поэта к Кавказу и литературе путешествий». К. Григорьян приводит и такой довод, что книга Артемия Араратского была известна А. С. Грибоедову, в его «Путевых записках» периода русско-персидской и русско-турецкой войн упоминается и его имя¹⁶. Правда, Пушкин встречался с И. Радожицким в дни путешествия в Арзрум, его «Походные записки артиллериста» (4 тома. М., 1836)

¹⁴ Армянская советская энциклопедия. Ереван, 1983, т. 9, с. 546. На арм. яз. Далее: АСЭ. См. также: Агаян Э. Б. История армянского языкознания. Ереван, 1958, т. 1, с. 142—147. На арм. яз.

¹⁵ Григорьян К. Н. Из истории..., с. 139.

¹⁶ Там же, с. 139 — 140.

сохранились в библиотеке Пушкина, на них в первом томе «Современника» за 1836 г. была опубликована заметка Гоголя, однако мы склоняемся к мнению К. Григорьяна, ибо толкуемое слово «И. Р.» поставлено Пушкиным в кавычки, чего нет в «Записках» И. Радожицкого, но присутствует у Арт. Араратского.

Среди книг о Закавказье следует особо выделить «Записку, касающуюся до земель, между Черным и Каспийским морем находящихся, в особенности о Грузии, показания теперешнего ее состояния, с некоторыми видами к исправлению оно́го», принадлежащую генерал-лейтенанту в отставке **Сергею Александровичу Тучкову** (1767—1839). Ее автор с 1778 г. состоял на действительной службе, отличился в русско-шведской (1788—1790) и русско-турецкой (1787—1791) войнах, был переведен в Польшу и через пять лет службы получил чин генерал-майора, затем переведен в 1802 г. в Грузию, назначен ее правителем, где стал участником происшествий, о которых Пушкин позднее писал в «Кавказском пленнике», воевал с персами в северных районах Армении, вышел в отставку и занялся литературной работой. В конце 1805 г. он издал свою «Записку». В 1816—1817 гг. в той же типографии И. Иоаннесова вышли в свет 4 тома его «Сочинений и переводов»¹⁷. В первом же из них помещены «Опыт жизни Горация» и переводы его од, во втором и третьем — трагедии в 5-ти действиях «Агамемнон» и «Федра», в четвертом — оды и упомянутая «Записка».

Прежде чем рассмотреть последнюю, укажем, что Пушкин если не по выходе в свет, то вскоре познакомился с сочинениями Тучкова. Они встретились летом 1821 г. в Кишиневе, где оба состояли членами масонской ложи «Овидий», затем в декабре того же года Пушкин побывал у Тучкова дома в основанном им около крепости Измаил городе Тучкове и, по воспоминаниям одного современника, говорил, что остался бы у него «месяц, чтобы посмотреть все то, что ему показывал генерал»¹⁸. Тучков рассказывал Пушкину о Радищеве, с которым был знаком, об обстоятельствах убийства Павла I, надо полагать, и о своей деятельности в Грузии и Армении.

«Записка» начинается с вопроса, вызывающего, по словам автора, споры: «Полезно ли для Российского государства приобретение Грузии с соседствующими землями, дабы поднять границу, охраняемую Кавказской линией, за хребет Кавказа по рекам Куре, Араксу и другим?»¹⁹. Резонно заметив, что польза воз-

¹⁷ См.: Колосийцев П. Т. Генерал-лейтенант С. А. Тучков. Одесса, 1908.

¹⁸ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 1, с. 311.

¹⁹ Тучков С. А. Соч. СПб., 1817, т. 4, с. 151. Далее ссылки в тексте с указанием страниц.

лагают определенные обязанности, автор приводит доводы за и против продолжения войн по присоединению Закавказья к России. Они выражают не только официальную точку зрения, но и противоположную ей, с которыми мы еще встретимся, помогая уточнить и взгляды Пушкина на историческую миссию России на Востоке.

По Тучкову, «польза» России состоит, во-первых, в приобретении ею морских путей Черного и Каспийского морей, значительном расширении ее внешней торговли; во-вторых, укреплении ее южных рубежей; в-третьих, создании условий для переселения христиан—греков, армян, коптов, в связи с чем приводит такой факт: армяне, живущие в Индии, Египте, Багдаде, обратились к тифлисским армянам с запросом, справедливо ли известие, дошедшее до них, что россияне утвердили свое владение в Грузии с целью переселиться сюда (с. 152).

«Неудобства» же для России «простирает далее Грузии завоевания свои в сей части Азии» Тучков видит в незначительности доходов, получаемых от владения этим краем, не покрывающих расходов на содержание русского войска, и в «негодности» для них местного климата, трудности доставки продовольствия и боевых припасов через горы Кавказа. Автор приходит к заключению, что «сама природа начертила естественную границу, предел России», ограничив ее Грузией, сделав нежелательным дальнейшие войны за присоединение к ней всего Закавказья (с. 159).

Много места в «Записке» уделено армянам, проживавшим в Грузии и северных районах Восточной Армении. Автор подразделяет армян на пять сословий: дворянство, духовенство, купечество, ремесленники и поселяне. «Их князья и дворяне²⁰, — пишет он, — происходят частью от тех, кои были тогда, когда существовало царство Великой и Малой Армении, имея в пределах прежних наследственные земли; частью вновь пожалованных в сие достоинство царями Грузинскими, что подает случай думать, что армяне и грузины в древности составляли один народ...» (там же). Автор знаком с древней легендой о происхождении этих народов от двух братьев, с историей их совместной борьбы против общих врагов, однако некоторые его рассуждения об их родстве и причинах различия наивны и ошибочны.

Автор отмечает, что грузинские цари использовали армянских дворян наряду с грузинскими на военных и гражданских должностях (с. 160), однако армяне больше склонны к ремеслам, земледелию и торговле. «Из них только находятся в Грузии изрядные золотари, серебряники, резчики на камнях и стали, мед-

²⁰ Живущие вне Грузии армянские владыки называются меликами. Примеч. С. Тучкова.

ники, кузнецы, слесари, каменщики, столяры, ткачи, набойщики, кожевники и проч. Не меньше в случаях военных показывают они довольно неустрашимости и способности управлять оружием. Живущие по деревням упражняются в земледелии и обрабатывании садов, а которые обитают между татарами²¹, занимаются по примеру сих народов скотоводством с довольно успешным (там же). О вероисповедании армян автор пишет, что они «следуют учению великого Григория, почитаемого христианскими народами под именем Григория Великого Армении, хотя между ними есть и католики» (с. 167); указывая вместе с тем на религиозные различия между армянами и грузинами, а также первыми и татарами, он отмечает, что это «не мешает жить им в мире и дружбе, заключать союзы против персов и турок» (там же).

Мы кратко изложили часть «Записки» С. Тучкова касательно армян, оставив те, которые относятся к грузинам и азербайджанцам, его предложениям о будущем устройстве Закавказья. Они ценны тем, что явились одним из источников знаний об армянском народе и исходили от человека, по словам поэта, «с умом», который был хорошо осведомлен в том, о чем он написал.

2

Ко времени пребывания в лицее следует отнести и сведения Пушкина об армянах — участниках Отечественной войны 1812 г., его знакомство с некоторыми из них в Царском Селе и в Петербурге.

«Гроза двенадцатого года» целиком завладела чувствами и мыслями Пушкина, родила в нем поэта. Он с глубокой заинтересованностью следит за ходом войны, воодушевляется победами русского оружия, посвящает ее прославленным деятелям свои оды. Патриотический подъем, вызванный войной, заложил в юном поэте не только глубокое понимание исторической роли России в судьбах других народов, а зримо и конкретно раскрыл перед ним их отношение, в том числе и армянского, к русскому народу. Поэтому мы вправе причислить к источникам знаний Пушкина об Армении в лицее и сведения об участии воинов-армян в Отечественной войне. Наиболее знаменитым среди них был Мадатов, который в дореволюционной «Военной энциклопедии» по заслугам назван «героем Отечественной войны»²².

Валериан (Ростом) Григорьевич Мадатов (1782—1829) ро-

²¹ Так тогда называли русские азербайджанцев.

²² Военная энциклопедия. СПб., 1914, т. 15, с. 102. Далее: ВЭ. Портрет генерала Мадатова и его краткая биография помещены в «Военной галерее героев войны 1812 г.» (СПб., 1912, с. 165, 146). Его биографию мы излагаем по

дился в Карабахе и с детства остался без родителей. Приехав в Санкт-Петербург, он был зачислен на русскую военную службу в 1799 г. подпрапорщиком, в 1802 г. произведен в подпоручики, в 1807 г. — в штабс-капитаны, в 1808 г. — в капитаны. В том же году началось его славное боевое поприще на театре войны с Турцией: состоя в авангарде генерала М. И. Платова, участвовал в боях в Молдавии и Валахии и «за оказание отличной храбрости противу турок 26-го июня, 19 и 20 июля (1809 г. — К. А.) под Браиловом» награжден орденом Анны 3-й ст., за взятие Кюстенджи пожалован орденом св. равноапостольного кн. Владимира 4-й ст. (с. 3—4); за бой в местечке Расеваре — золотой шпагой с надписью; за действия при блокаде крепости Силистрия — Анной 2-й ст. (с. 4—5). Как сказано в «Военной энциклопедии», «блестящая храбрость и выдающиеся качества» кавалерийского офицера, проявленные Мадатовым во всех этих делах, вызвали перевод его в Александровский гусарский полк ротмистром, где за отличия в предыдущих делах он был произведен в майоры²³.

Мадатов проявил себя и во многих сражениях второй задунайской кампании 1810 г. против турок. В Отечественную войну он вступил как воин, широко известный и по армии и по молве, в качестве командира передового отряда 3-й Западной армии. Его формуляр заполнен записями о его подвигах: в бою под Кобрином, за что награжден «орденом Анны 2-й ст. с бриллиантами» (с. 8—9), в блестящих атаках против австрийцев и саксонцев под Пружанами и Городечно, в вытеснении неприятеля из м. Туриска и его преследовании до Бреста (был произведен в полковники, с. 10—13), в рейдах по тылам противника и уничтожении его оружейных и продовольственных складов, нанесении поражения генералу Косецкому при м. Кайданове и взятии 2800 пленных, 2 пушек и 2 знамен, в сражении у Вильно, где разбил отряд противника, захватив в плен 2 генералов, 26 офицеров и 400 солдат (награжден орденом Владимира 3-й ст., с. 14—17). При отступлении французской армии из Москвы за бои при Березинской переправе и взятие в плен при Калише 2 батальонов саксонской пехоты награжден орденом Георгия 3-й ст. (с. 18), обложил крепость Глогац и держал ее в блокаде до подхода армии, сражался при Люцене и награжден золотой саблей с бриллиантами. За 17 дней Мадатов участвовал в девяти жарких сшибках, взял множество пленных, в их числе полковников и офицеров;

книге «Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова» (2-е изд., СПб., 1863), написанной в 30-х гг. XIX в. его сослуживцами А. С. Хомяковым и И. М. Бакуниным «по воспоминаниям о походах, в которых они с ним участвовали, и о личных качествах человека, которого они любили» (там же, с. 1). Далее ссылки на эту книгу в тексте с указанием страниц.

²³ ВЭ, т. 15, с. 102.

награжден прусским орденом «За заслуги» (с. 19—20); сражался в решающей битве при Лейпциге, получил ранение пулей навывлет в левую руку, но не оставил поля боя, был возведен в чин генерал-майора; после лечения вступил в числе победителей в Париж, командовал бригадой 2-й гусарской дивизии, находившейся в Кракове под начальством А. П. Ермолова, после бегства Наполеона с о. Эльбы вместе с бригадой направлен во Францию и второй раз побывал в Париже (с. 21—23). После завершения войны, когда Кавказский фронт вновь выдвинулся на первый план, по предложению А. П. Ермолова В. Г. Мадатов был назначен на должность командующего войсками в Карабахе, в 1817 г. — начальником Шекинского, Ширванского и Карабахского ханств.

Мы еще вернемся к службе Мадатова в Закавказье, а здесь отметим, что его имя было широко популярно в русском обществе, его высоко ценил близкий Пушкину поэт-партизан Денис Давыдов, который в своих «Военных записках» писал о Мадатове как о «беспредельно храбром», «весьма умном», «отличном генерале»²⁴.

Такой же известностью пользовался и **Дмитрий Иванович Ахшарумов** (1786—1837) — первый русский историк Отечественной войны 1812 г. Он окончил 1-й кадетский корпус, в чине подпрапорщика воевал против Наполеона в кампанию 1806—1807 гг., в русско-турецкой войне 1809—1811 гг., затем в рядах л.-гв. егерского полка в Отечественной войне 1812—1814 гг., был отмечен М. И. Кутузовым и М. Б. Барклаем-де-Толли, за мужество и храбрость удостоен многих орденов и произведен в генерал-майоры. Написанное им «Описание войны 1812 года», увидевшее свет в 1813 г. (со значительными дополнениями и изменениями переизданное в 1819 г.), было встречено с большим интересом и получило весьма положительные отклики современников. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский писал, что «ясность, подробность без излишнего распространения, точность описания воинских действий, чистота и приятность слога составляют достоинство сочинения. За исправность же и верность описываемых предметов можно ручаться тем более, что почтенный автор был действующим лицом во все продолжение кампании, имел случай почерпнуть все нужные для сего сведения из вернейших источников»²⁵.

Столь же высокую похвалу встретила работа Д. И. Ахшарумова в «Сыне отечества»²⁶, позднее — в дореволюционной «Воен-

²⁴ Давыдов Д. Военные записки. М., 1910, с. 404—408.

²⁵ Соревнователь просвещения и благотворения, СПб., 1820, ч. 7, с. 114.

²⁶ Сын отечества, СПб., 1819, № 6.

ной энциклопедии», в которой, в частности, говорится: «Русский воин-самовидец не только обстоятельно и кратко (вся книга имеет 294 стр.) изложил фактическую сторону войны, но и во многих местах не забыл высказать свои «мысли и замечания», не утратившие во многом своей правильности и интереса до настоящего времени»²⁷.

Со всей вероятностью следует полагать, что эта книга не прошла мимо внимания Пушкина, как и составленный Д. И. Ахшарумовым первый «Свод военных постановлений от Петра I до 1830 г.», имея в виду работу поэта над «Историей Пугачева» и «Историей Петра».

Из видных участников Отечественной войны армян, как-то сопричастных Пушкину, назовем:

Давида Артемьевича Дельянова (1761—1826), чей портрет и биография помещены в «Военной галерее героев войны 1812 г.»²⁸. В ней отмечается, что на военную службу он был определен в 1783 г. вахмистром (потом переименован в корнеты), находился в походе в 1792—1794 гг. в Польше, в 1806—1807 гг. в чине полковника, шефа Александровского гусарского полка — в сражениях с французами, за что награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», за преследование неприятеля до Пассорга — орденом Владимира 4-й ст., за бои при Гутштадте, Гельсберге, Фриландоле — орденом Анны 2-й ст. В войне 1812—1814 гг., начав от Гродно до самого Можайска, находился во всех арьергардных делах Сумского гусарского полка, в подходах к Бородину и в самом Бородинском сражении, в 1813 г. — при атаке Петерсвальда, Дрездена, в генеральной битве под Лейпцигом — вплоть до Парижа, закончил войну в звании генерал-майора; награжден орденами: Анны 1-й ст., Георгия 4-й ст., Владимира 3-й ст. Вместе с ним в Отечественной войне в чине майора участвовали два его брата, один из которых «сделался жертвой своей неустрашимости и убит в сражении под Витебском»²⁹. Женой Д. А. Дельянова являлась Мария Екимовна Лазарева, и он был частым посетителем дома Д. Абамелека и Х. Лазарева, где мог встретиться с Пушкиным;

Василия Осиповича Бебутова (1791—1859), также отмеченного в «Военной галерее героев войны 1812 г.». Поступив на военную службу в 1809 г. в чине прапорщика, он на следующий год был назначен адъютантом главноначальствующего в Грузии генерала Ф. О. Паулуччи, вместе с ним в 1812 г. отбыл на За-

²⁷ ВЭ. СПб., 1911, т. 3, с. 301.

²⁸ Военная галерея героев войны 1812 г., с. 75, 69.

²⁹ **Нерсисян М. Г.** Отечественная война 1812 года и народы Закавказья. Ереван, 1965, с. 231—234. Далее: **Нерсисян М. Г.**

падный фронт, где «принимал участие в преследовании неприятеля, бывшего под командой маршала Макдональда, из Риги к Мемелю и занятии этого города», в других сражениях и за отличия произведен в штабс-капитаны³⁰. С ним мы еще много раз встретимся в последующих главах;

Павла Ивановича Арапетова, полковника, командира 27-й артиллерийской бригады, провоевавшего всю войну и закончившего ее в чине генерал-майора³¹. Он проживал в Москве и занимал высокие посты, состоял одним из председателей «Общества любителей древности» при Лазаревском институте восточных языков³², не чуждался литературы, что наводит на мысль о возможности его встреч с Пушкиным.

Из армян-офицеров, участников войны, упомянем ротмистра П. М. Меликова, майора Г. И. Мелик-Осипова, гвардии капитана П. Я. Шахнавазяна, поручика Д. О. Бебутова, проявивших себя в сражениях и награжденных орденами³³. Их действия отмечались в приказах по армии, реляциях командующих, рескриптах о награждениях, о них сообщалось в газетах. И суть важно не столько, знал ли Пушкин их имена, сколько известность ему факта участия армян на стороне русского народа в минуту трудных для него испытаний.

Этому способствовало также знакомство и сближение Пушкина-лицеиста с семьей участника Отечественной войны Д. С. Абамелека, а через нее — с родственной ей семьей Лазаревых.

Давид Семенович Абамелек (1774—1833) происходил из знатного армянского княжеского рода, предки которого переселились в Россию при Петре I вместе с грузинским царем Вахтангом VI³⁴. По традиции Д. Абамелек поступил на военную службу, был зачислен в 1798 г. корнетом в л.-гв. гусарский полк, в 1805—1807 гг. воевал против Наполеона, за что получил орден Анны 2-й ст. с алмазами, затем в 1812—1813 гг. в чине подполковника командовал эскадронами в том же полку и, по его формулярному списку, отличился в боях под Вилькомиром, Островной, Бородином, Тарутином, Малым Ярославцем, Вязьмой, Дорогобужем, Красном, Люценом, Бауценом вплоть до Парижа. Так, по донесению М. И. Кутузова, под Красном полковник Д. С. Абамелек «с неустрашимой храбростью атаковал с полком неприятеля».

³⁰ ВЭ. СПб., 1914, т. 7, с. 437.

³¹ Нерсисян М. Г., с. 334—335.

³² Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1838, ч. 3, с. 65—66.

³³ Нерсисян М. Г., с. 239—241.

³⁴ Его сестра Елена Семеновна была замужем за грузинским царем Георгием XII Багратиони.

теля, нанес ему важное поражение...», за отличия награжден золотым оружием с надписью «За храбрость», несколькими русскими и иностранными орденами³⁵. В декабре 1815 г. он был назначен командиром Таганрогского уланского полка, стоявшего недалеко от г. Чугуева (Харьковской губ., на р. Сев. Донец), в 1818 г. произведен в генерал-майоры, в 1824 г. вышел в отставку, переехал в Москву, где жил в Басманной части. В л.-гв. гусарском полку, в котором до отъезда в Чугуев служил Д. С. Абамелек, состояли и его младшие братья — Петр и Александр³⁶.

Д. С. Абамелек был женат на дочери Екима Лазарева — Марфе Екимовне, происходившей из известного рода армянских богачей Лазаревых (Лазарян), переселившихся в XVIII в. из Персии и занявшихся в России промышленной деятельностью — устройством мануфактур по выделке шелковых и бумажных тканей, горных заводов и соляных промыслов. Один из Лазаревых — Иван (Ованес) Лазарев (1735—1801) по смерти оставил значительную сумму (200 тыс. р.) и завещал своему брату Екиму (1744—1826) основать в Москве учебное заведение для детей армян (их в те годы проживало здесь около двух тысяч), построив для него здание. Местом для строительства был выбран Столпов переулок, где селились армяне и находилась армянская церковь, возведенная на средства Лазаревых архитектором Ю. М. Фельтенем (позднее переулок стал называться Армянским). Открытие учебного заведения состоялось в 1815 г., и вскоре оно получило наименование Лазаревского института восточных языков, первым попечителем которого стал Еким Лазарев³⁷.

Помимо дочери у Екима Лазарева было четыре сына³⁸:

Христофор (Хачатур) Екимович (1789—1871), действительный статский советник и камергер, жил в Петербурге, занимая одну из высших гражданских должностей. Он сыграл большую роль в присоединении Восточной Армении к России, представил русскому правительству программу экономического развития Закавказья, оказывал помощь в открытии школ и культурно-просветительных учреждений в армянских поселениях в пределах империи, был организатором типографии при Лазаревском институте восточных языков; **Иван Екимович** (1786—1858) имел

³⁵ Нерсисян М. Г., с. 235—236.

³⁶ См.: История лейб-гвардии гусарского Его Величества полка. СПб., 1859, т. 3, с. 54—55.

³⁷ Подробнее см.: Иоаннисян А. Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947; Базиянц А. П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

³⁸ Сведения о них излагаем по: АСЭ. Ереван, 1978, т. 4, с. 469—470. На арм. яз.; Нерсисян М. Г., с. 200, 237, 239, 244, 247.

чин полковника, жил в Москве, выполнял различные важные поручения русского военного командования, был награжден орденом Анны 1-й ст. Два других их брата — **Артемий Екимович** (1781—1813) в чине штаб-ротмистра принимал непосредственное участие в 42 сражениях Отечественной войны, в том числе и на Бородинском поле, погиб в битве под Лейпцигом. О нем М. И. Кутузов в «Списке генералов, штаб- и обер-офицеров, в сражении 22-го сентября 1812-го года противу французов отличившихся мужеством и храбростью» писал, что «в первой атаке, когда убита под ним лошадь, то взял другую, находился во все время впереди», а в другом донесении о сражении в начале ноября 1812 г., что, «храбро атаковав неприятеля со взводом, взяли в плен до 100 человек»³⁹; **Лазарь Екимович** (1780—ок. 1870) в чине корнета Сумского гусарского полка находился в заграничном походе русской армии 1812—1814 гг., в декабре 1814 г. переведен в л.-гв. гусарский полк, в котором служили Абамелеки, позднее, в 1826—1827 гг., будучи полковником, находился в составе русской армии, освободившей Восточную Армению, при занятии русскими войсками в октябре 1827 г. Тавриза исполнял обязанности его коменданта, состоял в миссии Грибоедова при заключении Туркманчайского договора с Персией, возглавлял переселение 40 тыс. армян из южного Азербайджана в Армению и Карабах, за что был награжден орденом Анны 2-й ст.

Таким образом, трое из братьев Лазаревых — Христофор, Иван и Лазарь—являлись, подобно своим предкам, активными участниками армянского освободительного движения, связывающими его с правительственными и военными кругами России, ее общественными и культурными деятелями.

Знакомство Пушкина с семьей Абамелек и Лазаревых состоялось в период его учения в лицее, в Царском Селе, а затем продолжалось в Петербурге и в Москве. В списке посетивших лицей 11 июля 1815 г. значатся В. А. Жуковский, С. Л. Пушкин и «полковница Абамелек», и, как полагает Л. А. Черейский, последняя встречалась с Пушкиным в конце 1814—начале 1815 г.⁴⁰

Свидетельство о раннем знакомстве Пушкина-лицейста с семьей Абамелек—Лазаревых оставил он сам в стихотворении, написанном спустя годы — 9 апреля 1832 г., посвященном дочери Давида Семеновича и Марфы Екимовны — Анне, родившейся 3 апреля 1814 г. Выдерживая хронологию армянских взаимосвязей Пушкина, мы приведем это стихотворение в VI главе нашей работы, а пока отметим такие детали: в нем поэт говорит, что он «с

³⁹ **Нерсисян М. Г.**, с. 239, а также: История лейб-гвардии гусарского Его Величества полка, с. 75.

⁴⁰ **Черейский Л. А.**, с. 9.

умилением» вспоминает, как «нянчил» маленькую Анну, называл ее «дивное дитя».

В собрании музея Пушкинского Дома хранятся два небольших портрета Анны Давыдовны, еще нигде не публиковавшихся, поступивших из дома Абамелек—Лазаревых⁴¹.

На первом, небольшом по размеру, изображена девочка двух лет с вьющимися короткими волосами и большими карими глазами, обнимающая сидящую рядом собаку. На оборотной стороне надпись: «Портрет Боратынской А. Д., урожденной Абамелек».

Второй рисунок сделан итальянским карандашом, растушеванный и чуть подкрашенный акварелью. На нем также девочка, но постарше, с сильно вьющимися темными локонами, с характерным изгибом губ, большими карими глазами, складкой у подбородка; на ней светлое платье, спускающееся с обнаженного плеча. На обороте: «Анна Давыдовна Боратынская, рожденная княжна Абамелек, умерла 13 февраля 1889 г.».

Для датировки времени написания обоих портретов О. И. Михайлова обращается к расходным книгам Лазаревых. Там записано: «По приказанию г-жи Анны Сергеевны⁴² за портрет Анны Давыдовны живописцу — 80 (рублей)»⁴³. О. И. Михайлова полагает, что маленький портрет Анны был сделан для отца, уехавшего в Чугуев, и такой ее мог видеть Пушкин-лицеист. Второй, по тем же записям, сделан в феврале—сентябре 1817 г. во время приезда Марфы Екимовны в Москву по распоряжению Анны Сергеевны Лазаревой. Что касается исполнителя портретов, то О. И. Михайлова находит, что им мог быть известный русский живописец Василий Андреевич Тропинин: появление его в доме Лазаревых зафиксировано лишь в 1823 г., однако до этого он был крепостным графа Морозова, работал с 1813 по 1818 г. в Москве и прославился как хороший портретист детей, писал портреты и по приглашению Лазаревых; имя же его не внесено в расходные книги по причине его крепостного состояния⁴⁴.

Но безотносительно к тому, кто являлся автором портретов Анны Давыдовны, они объясняют многое в стихотворном посвящении Пушкина: поэт, любивший детей, был очарован прелестной девочкой, к тому же обладавшей живым характером и умом.

В Тульском областном архиве сохранилась грамота предво-

⁴¹ Излагается по статье: Михайлова О. И. Портреты А. Д. Абамелек.— Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986, вып. 20.

⁴² Лазаревой, бабушки Анны, в честь которой она была названа.

⁴³ Со ссылкой: Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 880, оп. 4, д. 105, л. 13.

⁴⁴ Михайлова О. И. Портреты А. Д. Абамелек, с. 70.

дителя дворянства Московской губернии и уездных дворянских депутатов, данная Д. С. Абамелеку 6 марта 1833 г., из которой устанавливается, что помимо Анны были еще дочери Екатерина и Софья, а также три сына — Семен, Артемий и Аким⁴⁵.

В Петербурге Абамелеки жили совместно с Х. Е. Лазаревым и его женой Екатериной Эммануиловной (урожд. Манук-бей), не имевшими детей, в большом доме по Невскому проспекту (ныне № 40—42). Обе семьи принадлежали к верхам общества не только в силу занимаемого ими положения, а и по их высокому культурному уровню. У них собирались соратники Д. С. Абамелека, его братьев и Лазаревых по Отечественной войне, сослуживцы по л.-гв. гусарскому полку, среди которых был и корнет этого полка П. Я. Чаадаев, литераторы, в их числе и те, кто позднее посвятил стихи Анне Давыдовне, — П. Вяземский, И. Козлов, И. Мятлев, проживавшие в столице и находившиеся на военной службе грузины и армяне, а через Х. Е. Лазарева — сановники и гражданские чиновники всех рангов, представители местной и наезжавшей из Москвы и других городов армянской интеллигенции, деловых кругов и др. Это был один из центров русско-армянских политических и культурных связей, который подобно другим — в Москве, Тифлисе, Новом Нахичеване, городах Северного Кавказа, за границей — сыграл выдающуюся роль в присоединении Армении к России.

В семье Абамелек—Лазаревых свято соблюдались армянские национальные традиции. Сохранились письма Марфы Екимовны родным; в одном из них от 20 марта 1820 г. она пишет: «Начала учить Анюту мою по-армянски, и смею уверить вас, что никогда не упущу из виду целительные наставления ваши и первым делом всегда буду считать, чтобы дети мои совершенно знали национальный язык свой»⁴⁶. В другом письме от 11 августа 1822 г. она сообщает, что Анна «сделала много успехов» в изучении родного языка⁴⁷.

Очевидно, что в этой армянской семье, где в обиходе наряду с русским (и иностранными) был и армянский язык, Пушкин, играя и забавляясь с Анютой, впервые от нее мог услышать армянские слова, а общаясь со старшими, обогатить свои знания о прошлом и настоящем армянского народа и судьбе Армении, об армянских поселениях в России, т. е. познакомиться с тем кругом вопросов, которые волновали и занимали Абамелеков и Лазаревых, являвшихся активными деятелями армянского национально-освободительного движения.

⁴⁵ Тульский областной архив, ф. 39, оп. 2, д. 1.

⁴⁶ ЦГИА, ф. 880, оп. 5, д. 4. Цит. по статье О. И. Михайловой.

⁴⁷ Там же.

К лицейскому периоду относится и первое отражение в творчестве Пушкина армянской тематики, правда, не прямое, а косвенное — попытка юного поэта написать в 1814 г. поэму о Бове, переосмыслив народную сказку в политическую сатиру на Александра I, выведенного в образе Додона, на его бездарных советников, на события дворцовой жизни, в частности убийство Павла I, и т. п. Эта косвенная связь — отсылка на одноименную поэму А. Радищева. Обращаясь к Вольтеру, Пушкин пишет:

Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравнюсь ли с Радищевым?

(I, 70)

У Радищева же в одноименной поэме Армения названа лишь в начале его произведения:

На Пегаса я воссевши,
Полечу в страны далеки,
В те я области обширны,
Что Понт черной облегаёт,
Протеку страны и веси,
Где стояло сильно царство
Славна древле Митридата,
Где Тигран царил в Армении⁴⁸.

Строки Радищева свидетельствуют о его осведомленности в войнах Рима с Боспорским государством и Арменией в первой половине I в. н. э., и их упоминание в его поэме, как отмечает академик М. П. Алексеев, было вызвано усилением интереса России в 1770—1790 гг. «к тем странам, «что Понт облегаёт»⁴⁹.

Противоборство Рима с понтийским царем Митридатом и армянским царем Тиграном Великим было известно и Пушкину по курсу истории древнего мира, изучавшемуся в лицее. Однако потому, что оно никоим образом не соприкасалось с идейным содержанием намеченной им поэмы, Пушкин перенес место действия из древней Армении в безымянную современную страну, изменив соответственно и образы героев.

⁴⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. 1, с. 30—31.

⁴⁹ Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950.

Пушкин не стал продолжать поэму, сообщив в письме от 27 марта 1816 г. П. А. Вяземскому, что Батюшков «завоевал» у него «Бову Королевича» (X, 9), хотя последний также ее не написал.

В последние лицейские годы Пушкин подружился с участником Отечественной войны **Николаем Николаевичем Раевским-младшим** (1801—1843), подпоручиком л.-гв. гусарского полка, и поручиком того же полка **Петром Павловичем Кавериним** (1794—1855). Оба они горели ненавистью к рабству и тирании, мечтали о политическом перевороте в стране с помощью армии, были связаны с поэтом до конца его жизни.

После окончания лицея Пушкин был зачислен в Коллегию иностранных дел и 1817—1820 гг. провел в Петербурге. Сведений о его контактах с армянами в этот период жизни поэта у нас нет. Однако, памятуя о близости Пушкина к Абазелек—Лазаревым, надо полагать, что он не прекращал посещать их дом.

В Петербурге наметилась еще одна линия сопричастности Пушкина с армянским народом, которая осуществлялась позднее, — его сближение с членами тайных обществ, которые после восстания 14 декабря 1825 г. были сосланы в Закавказье и приняли участие в войнах за освобождение Армении.

Юный поэт попадает в бурную обстановку литературных и политических споров, центральной идеей которых является ликвидация самодержавия и крепостничества, способы и средства ее осуществления — от ограничения власти царя до его убийства, от полного до частичного освобождения крестьян.

В 1818 г. организовался тайный Союз благоденствия, руководимый Коренной управой и насчитывавший около 200 членов. Он не имел подробно разработанной программы, и в своде законоположений (названном по цвету обложки «Зеленой книгой»), в первой его части, излагались общие правила и цели: формирование общественного мнения для выдвижения требований по переустройству России, а во второй, незавершенной, известной лишь Коренной управе, — главная задача: установление конституционной монархии и упразднение крепостничества.

В неизданной X главе «Евгения Онегина», сохранившейся в зашифрованном виде и черновике, в < 14—15 > строфах так характеризуется дух, царивший среди членов тайного общества:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты⁵⁰,

⁵⁰ **Никита Михайлович Муравьев** (1796—1843) — участник Отечественной войны, поручик гв. Генерального штаба, позднее капитан, член Союза спасения, Союза благоденствия. Знакомый Пушкина по лицу, «Арзамасу» и Пе-

У осторожного Ильи⁵¹.
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луний⁵² дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин⁵³,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев⁵⁴ им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

(V, 212)

Обратим внимание: ни Союз благоденствия, ни позже образованное Северное общество не ставили вопроса о национально-освободительных движениях, тем более — о будущем народов, вошедших в состав России, который вскоре возник перед Пушкин-

тербургу, с которым, вероятно, встречался в доме И. А. Долгорукова. Осужден на 20 лет каторги (Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 132—133 и 358—359).

⁵¹ **Илья Андреевич Долгоруков** (1798—1848) — князь, поручик, член Союза благоденствия, впоследствии генерал-лейтенант. Пушкин у него дома читал свои стихи (Восстание декабристов, т. 8, с. 78—80 и 314).

⁵² **Михаил Сергеевич Луний** (1787—1845) — участник Отечественной войны, ротмистр л.-гв. Гродненского гусарского полка, адъютант вел. кн. Константина Павловича, позднее подполковник, член Союза спасения, Союза благоденствия, Северного и Южного обществ. Выдвигал план цареубийства. Осужден на 20 лет каторги. Пушкин дружил и переписывался с ним (Восстание декабристов, т. 8, с. 118 и 346—347).

⁵³ **Иван Дмитриевич Якушкин** (1793—1857) — отставной капитан, член Союза спасения, затем Союза благоденствия и Северного общества. Являлся сторонником цареубийства. Осужден на 20 лет каторги. Пушкин встречался с ним в Петербурге у Чаадаева, позднее в Каменке (Восстание декабристов, т. 8, с. 216—217 и 431—432).

⁵⁴ **Николай Иванович Тургенев** (1789—1871) — один из руководителей Союза благоденствия и видный член Северного общества, с 1824 г. находился за границей, заочно приговорен к смертной казни. Общение с ним Пушкина относится к июлю 1817 — маю 1820 гг. (Восстание декабристов, т. 8, с. 188—189 и 407).

ным и стал определяющим также в его отношении к армянскому народу. А пока в кружке «арзамасцев», затем «Зеленой лампы», в домах братьев Тургеневых и Муравьевых, в кругу старых и новых друзей Пушкин вел разговоры и споры о необходимости перемен в России, отражением которых явилась его свободолюбивая лирика — оды «Вольность», «Деревня», «К Чаадаеву», «Noël» и др.

Трудно сказать, под воздействием каких обстоятельств, но в юноше-Пушкине в 1819 г. возникает желание посетить Закавказье, о чем имеется свидетельство близкого к нему с лицейских лет Александра Ивановича Тургенева, в доме которого он бывал постоянно в 1817—1820 гг. Об этом А. И. Тургенев сообщил в письме от 1819 г. П. А. Вяземскому.⁵⁵

Однако на Пушкина поступили доносы, доведенные до императора Александра I, возникла угроза ссылки в Сибирь или на Соловки. В результате хлопот Карамзина, Чаадаева и других друзей поэт 6 мая 1820 г. был выслан в Екатеринослав с назначением в канцелярию генерал-лейтенанта И. Н. Инзова.

⁵⁵ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899, т. 1, с. 200.

Глава вторая

ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ И ПО КРЫМУ С РАЕВСКИМИ

1

Новые знакомства среди армян и новые знания об Армении Пушкин приобрел в период южной ссылки (1820—1824). Прибыв в середине мая 1820 г. в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), к месту службы в конторе иностранных поселенцев, Пушкин из-за раннего купания в реке заболел малярией. На его счастье, в Екатеринослав в конце мая заехал по пути на Кавказские минеральные воды командующий корпусом во 2-й армии, стоявшей на юге, генерал Николай Николаевич Раевский-старший, с ним были: его сын — ротмистр л.-гв. гусарского полка Николай Раевский-младший, друг поэта с лицейских лет, и две дочери — Софья и Мария. Волей случая эта семья (с другими ее членами Пушкин познакомился вскоре) оказалась в ближайшем его окружении на всю остальную жизнь, кроме того, мужская ее часть — сперва отец, затем старший сын Александр, а потом и младший — Николай — связанными с Закавказьем, став живым источником сведений поэта об этом крае и его народах.

Раевские отыскивали больного Пушкина, и он с разрешения своего начальника, генерал-лейтенанта И. Н. Инзова, вместе с ними отправился в путешествие. Уже после возвращения в письме к брату Льву Сергеевичу от 24 сентября 1820 г. Пушкин так описывает обстоятельства, при которых состоялась его поездка:

«Приехав в Екатеринославль, я соскучился, поехал кататься по Днепру, выкупался и схватил горячку... Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада. Сын его (ты знаешь нашу тесную связь и важные услуги, для меня вечно незабвенные), сын его предложил мне путешествие к Кавказским водам, лекарь¹, который с ним ехал, обещал меня в дороге не уморить» (X, 17).

Дорога лежала через Александровск (ныне Запорожье), Ма-

¹ Имеется в виду военный врач Е. П. Рудыковский, сопровождавший семью Раевских.

риуполь, Таганрог, Нор (Новый) Нахичеван (ныне Пролетарский район Ростова-на-Дону), Новый и Старый Черкасск, Ставрополь, Георгиевск и до Горячих Вод (ныне Пятигорск), куда прибыли в конце июня. В этих и других пунктах, куда заезжали путешественники, они встречали разноплеменное население края, среди них и армян, составляющих в Нор Нахичеване подавляющую часть жителей. Этот город в конце XVIII в. основали по указу Екатерины II армянские переселенцы из Крыма, а в начале XIX в. он стал одним из ремесленно-промышленных центров России. Немало армян жило и в районе минеральных вод — в Пятигорске, а также в Кисловодске и Железноводске. И если в Петербурге круг знакомых армян Пушкина ограничивался в основном военными, то в поездке на Северный Кавказ он увидел земледельцев и садоводов (в пяти армянских селах в окрестностях Нор Нахичевана), ремесленников и мелких торговцев, т. е. простых людей, занимающихся мирным трудом. При острой наблюдательности поэта вряд ли вне его внимания остались особенности их внешнего облика, занятий, быта и нравов, их национального характера.

В пути и в дни пребывания на водах Пушкин с живым интересом слушал рассказы **Н. Н. Раевского-старшего** (1771—1829) о его боевом прошлом, начавшемся на Сев. Кавказе. В том же письме к брату Льву он называет Н. Н. Раевского «свидетелем Екатерининского века, памятником 12 года», человеком «без предрассудков, с сильным характером и чувствительным», который «неволью привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества» (X, 19). Он представляет для нас повышенный интерес потому, что его боевая деятельность непосредственно соприкасалась с освобождением армян, находившихся под персидским и турецким гнетом, он встречался со многими армянами, состоявшими на русской службе, и по этой причине стал живым источником сведений для Пушкина об Армении и ее народе.

Рано потеряв отца, погибшего в русско-турецкую войну 1768—1774 гг., Н. Н. Раевский в 16 лет был прикомандирован своим двоюродным дедом князем Г. А. Потемкиным к казакам и добровольно прошел весь курс аванпостной и партизанской службы. За военные отличия в 18 лет он получил чин ротмистра гвардии и назначение командиром Конного полка булавы Великого гетмана, с которым окончил русско-турецкую войну 1787—1891 гг.²

² Сведения о Н. Н. Раевском-старшем заимствованы из кн.: **Борисевич А. Т.** Генерал от кавалерии Н. Н. Раевский. СПб., 1912; **Потто В.** История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя-наследника цесаревича полка. СПб., 1893, т. 2.

воевал в Польше под начальством А. В. Суворова, после чего его перевели в основанный еще Петром I в начале XVIII в. прославленный 44-й драгунский Нижегородский полк, входивший в состав Отдельного Кавказского корпуса с местонахождением в г. Георгиевске. В свой полк Н. Н. Раевский явился в январе 1793 г. в чине полковника, с георгиевским и владимирским крестами в петлице. Здесь в 1795 г. родился его старший сын Александр.

Вскоре командующий Кавказской линией генерал И. В. Гудович получил сообщение о вторжении персидского деспота Ага-Магомет-хана с 85 тысячами войска в Закавказье с целью наказать не признававших его местных правителей и противодействовать продвижению русских в Грузию. Персы попытались взять город Шушу, но, встретив упорное сопротивление объединенных сил местных армян и азербайджанцев, сняли осаду и вторглись в Грузию, захватив в сентябре 1795 г. Тифлис. Последовали массовые убийства и разграбление местных жителей, разрушения и пожары, угон в плен оставшихся в живых. Тогда же погиб великий поэт-ашуг, певец дружбы народов Закавказья Саят-Нова, создававший свои произведения на армянском, грузинском и азербайджанском языках.

На зимовку Ага-Магомет-хан направился в Мугань с тем, чтобы весной продолжить войну, но внутренние смуты заставили его вернуться обратно в Персию, где он погиб от руки своих же телохранителей.

Политическое состояние Закавказья на рубеже XVIII — начала XIX в. было таково: Грузия разделена на два царства — Картли-Кахетинское, перешедшее по трактату, заключенному в 1783 г. в Георгиевске, под протекторат России, и Имеретинское, находившееся в сфере влияния Турции, а также подвластные последней княжества — Абхазское, Гурийское, Мегрельское и др.; в Азербайджане — ряд персидских полунезависимых ханств — Дербентское, Бакинское, Гянджинское, Ширванское и др.; Армения же была поделена между Турцией и Персией: первой принадлежала ее западная часть, второй — восточная. Христианское население, в основном крестьяне и ремесленники, подвергалось жесточайшей эксплуатации и угнетению: с него брали до сорока разных налогов, взывавшихся натурой, оно вело полуголодное существование, было лишено гражданских и политических прав и подвергалось национальному и религиозному гнету; любой из захватчиков по личному произволу, без суда и следствия, мог отобрать землю, имущество и даже убить коренного жителя, увести в гарем его жену или дочь.

Описывая жизнь армян под властью персов, Хачатур Абовян писал в романе «Раны Армении»: «Девушек ... утаскивали, маль-

чиков уводили.. часто и голову отрезали, жгли, замучивали. Ни дом армянину не принадлежал, ни скот, ни все добро...»³.

Мало чем отличалось и положение грузин, что объединяло их в борьбе против общего врага, в их стремлении к союзу с Россией, в помощи которой они видели реальное средство освобождения от чужеземного гнета.

Несколько слов о внешней политике русского правительства в Закавказье во второй половине XVIII в. Окончание русско-турецкой войны 1786—1774 гг., присоединение к России Крыма и территории между Бугом и Днестром вновь выдвинуло на первый план вопрос о судьбе народов Закавказья. Предполагалось создать под эгидой России три самостоятельных царства—Грузинское, Армянское и Азербайджанское, что нашло одобрение всех слоев народов Закавказья. Так, например, в 1780 г. известные деятели армянского освободительного движения—предводитель армянской епархии в России Иосиф Аргутинский (Аргутян) и московский богач Ованес Лазарян (Иван Лазарев) представили А. В. Суворову докладную записку о создании армянского полка и привлечении войска армянских меликов (владельцев) Карабаха, которое должно было с помощью России освободить Армению и восстановить Армянское царство со столицей в Эривани.

Вторжение Ага-Магомет-хана в Грузию затронуло интересы России, и, верная своим обязательствам, она объявила войну Персии. Указом Екатерины II под командованием отличного полководца графа В. А. Зубова был сформирован экспедиционный корпус, в состав которого вошел и Нижегородский драгунский полк Н. Н. Раевского.

18 апреля корпус В. А. Зубова, перейдя Терек, по песчаному берегу Каспия подошел к крепости Дербент, занятой персами, которые после слабого сопротивления сдались на милость победителя. Под стенами этого города родилась старшая дочь Н. Н. Раевского — Екатерина.

Вскоре пала и крепость Баку, после чего русское войско, перелезав Большой Кавказский хребет, двинулось на Шемаху. Неожиданное появление русских войск имело результатом покорность ширванских, шекинских и карабахских ханов⁴, чему во многом способствовала и позиция армянских меликов Нагорного Карабаха (арм. Арцах), завязавших еще в начале XVIII в. переговоры с Петром I об освобождении Армении от ига турок и пер-

³ Абовян Х. Раны Армении. Ереван, 1971, с. 60.

⁴ Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского... полка, с. 28. В. Потто и другие авторы называют эту область то Карабаг, то Карабах. Мы придерживаемся последнего написания.

сов, затем неоднократно поднимавших знамя восстания против порабощителей.

Нижегородский полк занял Шемаху, затем перешел к Новой Шемахе — резиденции ширванских ханов. У ворот крепости русское войско встретили толпы народа, среди них много армян, их духовенство и знать с серебряным блюдом, наполненным червонцами⁵. За отличные действия Н. Н. Раевского, его победы над персами его прозвали «ширванским ветераном», чем он по праву гордился и как называл его Пушкин.

21 ноября русский корпус достиг г. Дживар, расположенного на месте слияния Куры и Аракса. В. Зубов задумал заложить здесь г. Екатериносрад, оставив 2 тыс. молодых солдат, которым, как полагал он, «грузины и армяне дали бы жен». Говоря это, Зубов имел в виду не только Карабах, где армяне составляли подавляющее большинство населения, а и Гянджу, Шемаху и другие города этого региона, в которых также существовали их крупные поселения.

Перед русским корпусом лежала открытая дорога на Тегеран. Создалась реальная возможность освободить Восточную Армению от персидского гнета. Однако внезапная смерть Екатерины II (6 XI 1796) и восшествие на престол Павла I свели на нет успехи русского оружия.

В декабре из столицы прибыл фельдъегерь с приказанием нового российского императора о немедленном отходе русского войска в Россию и увольнении В. А. Зубова со службы. В своих воспоминаниях А. П. Ермолов, бывший в этом походе батарейным командиром, рисует печальные картины возвращения корпуса, во время которого от холода, болезни и голода погибло больше людей, чем за всю кампанию. Из-за мелких придирок получил отставку от должности и Н. Н. Раевский, несмотря на то, что его полк дошел в лучшем состоянии, чем остальные. Он был вынужден взять займы 10 тыс. р., чтобы заплатить за павших при отходе полка лошадей и пришедшее в негодность имущество⁶.

Проезжая по знакомым местам, генерал Н. Н. Раевский вспоминал о перипетиях блестящего, но столь горестно закончившегося похода, не миновав находившихся в составе корпуса армянских добровольцев и сопровождавшего их архиепископа Иосифа Аргутинского, отношения к русским местного армянского населения.

В 1805—1807 гг. Н. Н. Раевский участвовал в войнах с Францией, затем в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. В последней

⁵ **Потто В.** История 44-го драгунского Нижегородского... полка, с. 30.

⁶ См.: Архив Раевских / Под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908, т. 1, с. 14—15.

он командовал корпусом и отличился при осаде Силистрии. На этой войне Н. Н. Раевский установил знакомство с многими армянами, находившимися на русской службе, в частности с Мадатовым, Манук-бей Мирзояном, Григором Захаряном (о них — в следующей главе).

Что темой бесед Раевского с Пушкиным являлась и русско-турецкая война, свидетельствует одна из записей поэта об анекдотах, услышанных им от генерала о графе Н. М. Каменском, главнокомандующем Дунайской армии с мая 1810 г. Во время обеда у Каменского Раевский заметил, что повар вздумал выставить графские вензеля на крыльях мельницы из сахара, и сказал командующему колкую шутку (как отмечает Пушкин, генерал был насмешлив и желчен). Каменский вспылил и удалил Раевского из армии.

Всенародную славу Н. Н. Раевский заслужил в Отечественную войну 1812 г.: командуя 7-м пехотным корпусом, он отличился в боях у Салтановки, где, взяв за руки двух своих сыновей-подrostков, пошел на вражескую батарею, крикнув солдатам: «Вперед, ребята! Я и дети мои укажем вам дорогу!». Батарея была взята, а подвиг Раевского стал известен всей России. Личную храбрость, мужество и выдающийся воинский талант Н. Н. Раевский выказал под Смоленском и особенно в Бородинском сражении блестящей обороной редута, против которого были сосредоточены и введены в бой крупные силы французов. В этой всенародной войне и последовавших за ней заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. сподвижниками Раевского были и названные в первой главе воины-армяне, с многими из которых у него сложились довольно тесные отношения.

В Горячих Водах Пушкин встретился и со старшим сыном Н. Н. Раевского — Александром (1795—1868). Он и его брат Николай вместе с отцом участвовали в наполеоновских походах, а с 1817 г. он в чине полковника служил в Грузии при А. П. Ермолове, был причастен к тайным обществам и после восстания декабристов подвергся аресту, но вскоре освобожден с «очистительным аттестатом»⁷. Человек образованный и начитанный, с большим жизненным опытом и скептическим, саркастическим умом, А. Н. Раевский оказал сильное влияние на молодого Пушкина, который в том же письме к брату отзывался о нем, что он «будет более нежели известен» (X, 19).

Раевские явились еще одним источником сведений Пушкина о Закавказье. В поэме «Кавказский пленник», написанной после возвращения из поездки на Кавказ и навеянной не только полученными там впечатлениями, но, очевидно, и беседами с Раевски-

⁷ Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 160 и 383.

ми, в «Эпиллоге» Пушкин кратко, но обобщенно излагает историю Кавказской войны, характеризует ее крупных деятелей, значение для России присоединения этого края и для живущих в нем народов:

...И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый...
Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

(IV, 130—131)

Поражает, как глубоко юноша Пушкин осознает не только необходимость для России присоединения к ней Кавказа и Закавказья, но и для народов последних, которые забудут «алчной брани глас» и получат возможность мирной созидательной жизни.

В упомянутом письме к брату Льву есть фраза, свидетельствующая о том, насколько далеко вперед смотрел Пушкин на значение этого края для будущего России. Он писал: «Должно надеяться, что эта завоеванная сторона... скоро сблизит нас с персианами безопасною торговлею, не будет нам преградою в будущих войнах — и, может быть, сбудется для нас химерическая идея Наполеона в рассуждении завоевания Индии» (X, 17—18).

Говоря об Индии, Пушкин имел в виду не отвоевание у захватившей ее к тому времени Англии, к чему стремился Наполеон, а осуществление великого замысла Петра I — установление с ней экономических, торговых и других отношений.

Пушкину было известно, что войны в Закавказье проходят в сложной обстановке: помимо прямого противодействия со стороны Турции и Персии Россия вступала в столкновение с интересами Англии и Франции. Как справедливо указывает советский исследователь русско-армянских исторических отношений З. Т. Григорян, «в силу своего удобного географического положения между Западом и Востоком, Севером и Югом, Закавказье представляло собой важный плацдарм для развертывавшейся борьбы России против влияния Англии и Франции на Востоке»⁸.

⁸ Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. М., 1959, с. 41. Далее: Григорян З. Т. См. также: Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960, с. 55—59.

При Наполеоне в начале XIX в. Франции удалось потеснить англичан в Персии, заключив с ней в 1807 г. договор о союзе, по которому признавалось право персидского шаха на владение Закавказьем; ему было обещано содействие в изгнании русских из Грузии, помощь вооружением, инструкторами для реорганизации его армии. В свою очередь шах обязался порвать отношения с Англией и пропустить французские войска в Индию. В Персию прибыла «Союзная миссия» генерала Гардиана, инженеры и офицеры для возведения новых укреплений, в частности Эриванской крепости. После Тильзитского мира с Россией Наполеон отказался от прямой поддержки Персии, хотя по-прежнему продолжал свои интриги, подогревая реваншистские амбиции шаха и его окружения.

Столь же коварную политику проводила и Англия, под нажимом которой Персия объявила войну России, длившуюся с перерывами до 1813 г. Не вдаваясь в детали англо-французских отношений с Россией, ограничимся их краткой характеристикой, данной К. Марксом. «Наполеон вел интриги и на Востоке: калькутские «торгаши» трепетали перед такой комбинацией: **Франция, Персия, Афганистан.** Этим объясняется **посольство в Персию** во главе с капитаном Малькольмом! (оно) стоило бешеных денег; он «покупает» все, **«от шаха до погонщика верблюдов»**; добился следующего **договора, заключенного в Тегеране:** шах персидский **изгоняет из Персии всех французов**; прекращает всякие нападения на Индию и в случае необходимости препятствует таковым силой оружия; **в иностранной торговле обеспечивает покровительство исключительно англичанам**⁹.

Это отступление мы сделали не случайно: уже с лицейских лет Пушкин отличался интересом и осведомленностью в международной политике и навряд ли обошел ее в разговорах с Раевскими. В этом плане примечателен факт посещения им с Н. Н. Раевским-младшим и поручиком л.-гв. гренадерского полка С. Н. Мещерским 21 июля 1820 г. приехавшего в Горячие Воды брата английского поверенного в делах в Персии Генри Уиллока—Эдварда Уиллока, известного своими антирусскими действиями, переманиванием русских солдат в персидскую армию, вызвавшим позднее протест Грибоедова¹⁰. Желание Пушкина видеть Э. Уиллока диктовалось не праздным любопытством, а его интересом к делам в Персии, политике Англии на Востоке.

Обратим внимание: по успехам, которых добилась та же эк-

⁹ Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М., 1947, с. 105. Цит. по: Григорян З. Т., с. 87.

¹⁰ Шостакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова, с. 64—69.

спедиция Зубова и которых в дальнейшем достигло русское войско в Закавказье в войнах с персами (и турками), может создаться впечатление, что они давались легко. Между тем русская армия имела дело с обученным и вооруженным противником, превосходящим ее количественно в десятки раз, ей приходилось воевать в трудных климатических и географических условиях, ее победы достигались дорогой ценой за счет отваги, храбрости, самоотверженности русских солдат и воинского таланта ее руководителя. Вместе с тем не менее важно и то, что в этих обстоятельствах содействие русской армии местного населения, его участие в военных действиях даже небольшими силами, — несмотря на ожидающие его жестокие кары со стороны поработителей, — эта помощь, как мы убедимся из дальнейшего изложения, высоко ценилась русскими и сыграла большую роль в успехах их оружия.

Таким образом, поездка с Раевскими на Кавказ имела тот результат, что Пушкин глубже понял смысл войн за присоединение к России Закавказья, пополнил свои знания его истории и героев, что нашло отражение в поэме «Кавказский пленник».

2

Продолжим историю Кавказских войн. Отозвав корпус В. А. Зубова, Павел I отказался от проекта Екатерины II создать в Закавказье самостоятельные царства и поручил назначенному инспектором Кавказской линии генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу «добровольным соглашением» приобрести и Армению. В инструкции, данной ему, говорилось: «К особливому же наблюдению Вашему представляем привлекать к себе нацию армянскую всякими обласкиваниями. Способ сей по многочисленности сего племени в сопредельностях Грузии есть один из надежнейших к приумножению семьи народной и вместе к утверждению вообще на поверхности христиан. На сей конец соизволяем, чтобы Вы оказали Ваше, по возможности, покровительство Арабатскому патриаршему монастырю Эчмиадзину, содержали с главой церкви оной приязненные отношения»¹¹.

Новый царь Александр I освободил К. Ф. Кнорринга от должности «вследствие жалоб, неудовлетворительного и слабого управления» и назначил в сентябре 1802 г. инспектором Кавказ-

¹¹ ЦГИА ГССР, ф. 2, д. 1, л. 9 об. Цит. по: Дилоян В. А. Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. — В кн.: Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение. Ереван, 1978, с. 13.

ской линии и главнокомандующим в Грузии князя генерала П. Д. Цицианова. Его первым называет Пушкин среди выдающихся деятелей Кавказской войны:

...И грохог русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов...

(IV, 130)

Павел Дмитриевич Цицианов (1754—1806) происходил из знатного грузинского рода, переселившегося в Россию в XVIII в.; его дед поступил на военную службу в царствование Анны Иоанновны, был убит во время шведских войн; с тех пор мужская линия Цициановых поставляла потомственных военных.

П. Д. Цицианов поступил на службу в Преображенский полк, затем переведен в армию, назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка и произведен в полковники; принимал участие в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., сражался под Хотином (31 июля 1788 г.), но вскоре полк был передвинут в Польшу, где в 1793 г. произведен в генерал-майоры. По словам В. Потто, армия знала Цицианова не по одним военным заслугам, но «любила его тонкий наблюдательный ум, острый язык, которого побаивались сильные мира сего»¹². Ему принадлежала ходившая по рукам известная сатира «Беседа русских солдат в царстве мертвых» — разговор двух убитых солдат Двужильного и Статного, в котором критиковались действия высшего командования, в частности Потемкина. В событиях 1794 г. в Польше Цицианов выказал решительность и смелость, был награжден орденом Владимира 3-й ст., Георгия на шею и золотой шпагой с надписью «За храбрость». В 1799 г. Цицианов участвовал в походе Зубова в Персию, некоторое время был комендантом Баку, где сблизился с его владетелем Гусейн-Кули-ханом, ставшим впоследствии его гнусным убийцей¹³. В царствование Павла I Цицианов в числе других вышел в отставку и вновь призван Александром I на службу и направлен в Грузию.

Можно по-разному оценивать деятельность Цицианова, но он добился значительных успехов по расширению и упрочению за Россией новых территорий, по защите Закавказья от вторжения персов и турок, а также подстрекаемых ими горских племен,

¹² Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 3-е изд. СПб., 1897, т. 1, вып. 3, с. 317—319. Далее: Потто В. Кавказская война.

¹³ Там же, с. 327.

по административному устройству и умиротворению края. Правда, он (как впоследствии Ермолов) прибегал к жестким репрессиям, однако с точки зрения не интересов отдельных сословий и слоев населения, а той исторической перспективы, которая открывалась перед всеми народами Закавказья, — их избавления от гнета варварских деспотий Персии и Турции, эти крайности требуют если не оправдания, то понимания.

Цицианов явился первым проводником новой линии русского самодержавия на отказ от образования самостоятельных царств в Грузии, Армении и Азербайджане и присоединение их к России. Конечно, этим были обусловлены многие издержки для народов Закавказья, связанные с колониальной политикой царизма. Однако уже имевшийся опыт показывал, что, несмотря на русский протекторат, шах Персии Ага-Магомет-хан совершил опустошительное нашествие на Грузию, что ханы, правители различных областей Закавказья, несмотря на присяги верности России, при первом же удобном случае изменяли и переходили на сторону персов или турок. Теперь попытки силой захватить ту или иную часть Закавказья представляли не войну с Грузией или отдельным ханством, а с могущественной Россией, что, как мы увидим дальше, обрекало на неудачи все попытки подобного рода.

Присоединение к России дало народам Закавказья и ряд других преимуществ, о которых нельзя забывать. Во-первых, на них как русскоподданных распространялись общие для всей империи, в том числе для русского народа, законы. Один пример из многих: прибыв в Тифлис, Цицианов обнаружил злоупотребления, допущенные правителем по гражданским делам Ковалевским, которого снял с должности и отдал под суд¹⁴, дав тем самым понять, что перед законом равны все. Во-вторых, высшее сословие, паразитически существовавшее за счет своих подданных, вынуждено было, как и русское дворянство, перейти на службу Российского государства и получать за это вознаграждение. Многие из них прославились своей деятельностью на благо и русского и своего народов. В-третьих, прекратились внутренние смуты из-за притязаний на царский престол в той же Грузии между отдельными партиями, используемыми внешними силами, что дестабилизировало обстановку в стране, принося в конечном счете бедствия собственному народу. Главным же результатом присоединения явилось то, что борьба народов Закавказья за свое социальное и национальное освобождение накрепко соединилась с борьбой трудовых масс России и создала все условия расцвета

¹⁴ См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868, т. 2, с. 10, 13 и др.

их экономики и культуры. Именно это должно стать основным критерием оценки действий каждого деятеля и любого движения в Закавказье в период его присоединения к России.

Цицианов начал с того, что с согласия Александра I поручил известному нам как автор книг о Закавказье генерал-лейтенанту С. А. Тучкову, правителю Грузии, арестовать грузинских царевичей, а генерал-майору И. П. Лазареву¹⁵ — вдову последнего грузинского царя Георгия, царицу Марию. Первому удалось сравнительно легко справиться с поручением, второй же застал вдовствующую царицу предупрежденной о цели его прихода и лежащей в постели; в ответ на настойчивое требование встать и одеться Мария вдруг выхватила кинжал и насмерть поразила Лазарева, а ее фрейлины тяжело ранили его адъютанта.

Этот эпизод нашел место в «Кавказском пленнике», свидетельствуя, кстати, об интересе Пушкина к подробностям событий на Кавказе:

Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава¹⁶ древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок...

(IV, 129)

Доскажем историю до конца: царица Мария все же была арестована и выслана в Россию, где ее заточили в монастырь, но затем освободили, создав соответствующие ее сану условия жизни.

Цицианов принял решительные меры к обеспечению безопасности русских владений в Закавказье. Узнав о готовящемся вторжении персидского шаха Баба-хана во главе 20-тысячной армии, он решил нанести упреждающий удар, имея конечной целью присоединение к России Восточной Армении. Для этого он решил сперва взять крепость Гянджу, представляющую ключ к се-

¹⁵ Иван Петрович Лазарев (1763—1803) — один из первых деятелей по присоединению Закавказья к России, участник похода Зубова, шеф 17-го егерского полка.

¹⁶ Имеется в виду поход тмутараканского князя Мстислава в 1022 г. на косогов. В конце 1829 г. Пушкин составил план поэмы, в котором соединил предания о Мстиславе со сказочными и былинными мотивами, а также включениями героя в духе рыцарских романов.

верным провинциям Персии. Владетель Гянджи Джавар-хан, вместе с Ага-Магомет-ханом разрушивший и опустошивший Тифлис, отказался выполнить требование сдать крепость и признать власть России. В начале декабря 1803 г., заняв сады и предместья города, русские войска приступили к осаде крепости, которая длилась месяц; хан заявил, что готов скорее умереть, чем сдаться.

2 января 1804 г. Цицианов приказал штурмом взять крепость, начав его ночью. К утру 3 января Гянджа пала: было взято 9 знамен, 12 орудий, 6 фальконетов, большие запасы оружия и продовольствия, множество пленных¹⁷. Тогда же Цицианов переименовал Гянджу в Елисаветполь — в честь императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I, подтвердив этим присоединение ханства к России.

Летом 1804 г. Цицианов двинулся на Эривань, 9 июня авангард русской армии в составе трех батальонов Тифлисского мушкетерского полка генерала Леонтьева, двух батарей Кавказского гренадерского полка генерала С. А. Тучкова и присоединившихся к нему 100 всадников из армянского ополчения — всего около 1000 человек — встретился близ Гумри с 8 тыс. персов. Немногочисленное русское войско одержало победу, персы спешно отступили. Из плена было освобождено 7400 армянских семейств.

Официальный историк войн в Закавказье П. И. Ковалевский, сообщая о действиях Тучкова в Шираке, пишет: «... нужно отдать справедливость — армяне всюду были верными нашими союзниками, разведчиками и помощниками»¹⁸. Сохранилось донесение армянина по национальности, состоявшего на русской военной службе, майора Ходжаева от 24 ноября 1804 г., в котором сообщалось, что армяне Караклиса (ныне Кировакан), вооружившись, помогали русским при обороне крепости¹⁹.

15 июня русская армия пошла на Эривань и в начале июля осадилла неприступную по тем временам крепость. Она стояла на высоком берегу р. Занги (ныне Раздан), окруженная с трех сторон двойными стенами, которые правитель этой провинции Мамед-хан укрепил с помощью французских офицеров рвом, наполненным водой, имея на вооружении до 60 пушек, 2 мортиры и гарнизон до 7 тыс. сарбазов (солдат персидских регулярных войск). Вот как ее описывает Х. Абовян: «На каменистом утесе, закинув голову вверх и как некий тысячеглавый демон равнодушно озирая окрестность, высится ереванская крепость — тысячелетняя,

¹⁷ Потто В. Кавказская война, с. 242.

¹⁸ Ковалевский П. И. Завоевание Кавказа Россией. СПб., б. г., с. 98.

¹⁹ См.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4259, т. 5, л. 53—54. Цит. по: Григорян З. Т., с. 94.

древняя, дряхлая, с четырех сторон окруженная рвом и укрепленная башнями с целым ожерельем острых зубцов поверху, с двойным поясом стен толщиной в пять гязов. Одной ногой оперлась она на Конд, другой — на Дамур-булах и, раскрыв одну пасть на север, другую на юг, воздев к небу иссохшую свою голову, растила на земле широкие полы свои, белея гладко оштукатуренным бесстыдным лицом с тысячью жерл, с тысячью окон, подобных вытарашенным в разные стороны глазам, — охватила она когтями и прижала к груди каменистое, ужасающее, черноликое Зангинское ущелье, — безволосая, безязыкая, поистине людоедская ереванская крепость»²⁰.

Два месяца Цицианов находился под Эриванью, несколько раз штурмовал крепость, но взять ее не удалось. К тому же в русском войске начались болезни, а из-за нападений на русские обозы, следовавшие из Тифлиса, персов и перешедшего на их сторону грузинского царевича Александра возникла острая нехватка боеприпасов и продовольствия.

О том, как приходилось сражаться русским войскам, дает наглядное представление подвиг и трагическая гибель отряда майора Осипа Антоновича Монтрезора²¹.

Выходец из семьи польского шляхтича, он после окончания кадетского корпуса в 1783 г. поступил на русскую военную службу и был направлен на Кавказ, где стал участником русско-турецкой войны 1786—1791 гг., отличившись при взятии крепости Анапа, за что награжден орденом Владимира 4-й ст., в 1796—1797 гг. находился в походе Зубова, с 1800 г. переведен в Грузию, был в экспедициях против горских племен. В 1803 г. Цицианов назначил О. А. Монтрезора начальником военной дистанции в северных районах Армении, отошедших к России, с расположением отряда в Караклисе. Помимо охраны границы он вел дипломатические переговоры с персидским ханом Эривани, турецким пашой Карса, поддерживал связи с эчмиадзинским католиком, оказывая покровительство тысячам армянских семей, перешедших в русские пределы из Персии и Турции, успешно отражал грабительские вторжения персов и турок, чем приобрел широкую популярность у населения края, создавшего устные рассказы о его мужестве и отваге, прозавшего его «храбрый», «грозный», «черный» майор. Спустя десятилетия Х. Абовян написал о нем в романе «Раны Армении»: «Русские тем временем

²⁰ Абовян Х. Раны Армении, с. 81.

²¹ Излагаем по: Потто В. Кавказская война, с. 270—277; Хачатрян А. Н. 1) Об одном памятнике. — Ленинян угнов (Ленинским путем), Ереван, 1964, № 11, с. 97—99. На арм. яз.; 2) АСЭ, т. 8, с. 18. На арм. яз.; Акопян А. Е. У памятника святыни. Ереван, 1978. На арм. яз.

только что успели занять Памбак, и был там майор по прозвищу «Кара», что означает «Черный».

Хан на возвратном пути пожелал попробовать завладеть и Памбаком. Узнав, что у майора Кара всего несколько сот людей и больше ничего, он приказал своим пойти и схватить его живьем.

Но эти жалкие люди еще не знали тогда силы русского солдата и русской пушки. Три-четыре раза отряд их совершал нападение, но, видя, что русские стоят как стена и не отворачивают лица даже от пули, вконец перепугавшись, повернули своих коней и возвратились восвояси»²².

При походе на Эривань, высоко ценя Монтрезора, Цицианов взял его с собой, но, когда персы захватили дорогу из Тифлиса, прервав доставку продовольствия и боеприпасов, отправил его 18 августа с отрядом в 109 солдат при одном офицере (по другим данным — 114 солдат и 35 армянских и грузинских ополченцев) с тем, чтобы отогнать противника и открыть пути сообщения.

Согласно В. Потто, не успел отряд отойти от блокадного корпуса, как встретил персидскую конницу и присоединившиеся к ней толпы казахских и борчалинских татар. Монтрезор решил пробиться штыками, и по каменистой безводной дороге, непрерывно отбивая атаки, отряд прошел 20 верст до р. Абаран. 21 августа отряд спустился в Памбакскую равнину и увидел двигавшиеся со стороны Караклиса главные силы царевича Александра, обложившие вскоре изнуренный усталостью, зноем и жаждой маленький отряд. На требование сдаться Монтрезор ответил, что предпочитает смерть постыдному плену. Несколько часов длился бой, большая часть отряда была перебита, кончились патроны. Обращая к солдатам, Монтрезор выразил им благодарность за храбрость и службу, объявив, что теперь каждый волен искать себе спасения. Никто, за исключением барабанщика, не захотел сдаваться в плен; все оставшиеся в живых бросились в штыки, и отряда не стало. Погибли 93 солдата, поручик Ладыгин, прапорщики Черед и Верещаго, сам Монтрезор был изрублен на куски, 15 раненых захвачены в плен.

Весть о гибели отряда Монтрезора явилась одной из причин снятия Цициановым осады Эривани и возвращения в Тифлис. Персы и их подручные были изгнаны из Лори-Памбакской провинции. Монтрезора и его соратников похоронили в братской могиле у дороги из Караклиса в Гумри близ деревни Сарай. Вскоре общество офицеров Тифлисского полка решило увековечить память своих товарищей, соорудив на месте их гибели скромный

²² Абовян Х. Раны Армении, с. 87—88.

obelisk, для которого Цицианов написал эпитафию. Этот памятник чести русского оружия стал **первым на территории Армении**.

Беспримерный героизм и самопожертвование отряда Монтезора получили широкий резонанс в русской периодике, они подробно описаны в первом томе книги Платона Зубова «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год» (СПб., 1830). В местах, где воздвигнут памятник, побывал А. С. Грибоедов при своих поездках в Персию; по этой единственной в те годы дороге из Тифлиса в Гумри и дальше двигались русские войска в дни русско-персидской и русско-турецкой войн; по ней ехал летом 1829 г. Пушкин в Арзрум и обратно.

Дальнейшая судьба памятника такова: землетрясение 8 октября 1827 г. разрушило его, погибла и драгоценная надпись. В 1837 г. был сооружен другой монумент, а в 1848 г. инженер-подполковнику Корганову удалось обнаружить в архиве эпитафию Цицианова, которую, выбив на мраморной доске, водрузили на место, однако в 1918 г. вторгшиеся в Армению младотурецкие башибузуки сорвали и уничтожили ее. В 1978 г. в дни празднования 150-летия вхождения Восточной Армении в состав России по инициативе общественности памятник реставрировали, построив вокруг него по проекту архитектора Г. А. Агабабяна мемориальный комплекс, ставший еще одним символом вечной и нерушимой дружбы русского и армянского народов.

Но вернемся к Кавказской войне. На следующий 1805 г. Цицианов предпринял экспедицию против подвластного эриванскому хану Шурагельского (Ширакского) владетеля Будаг-султана, совершавшего частые набеги на Грузию. Отрядом командовал **Петр Данилович Несветаев** (? — 1808), один из незаслуженно забытых героев Кавказской войны, начавший свою службу в 1788 г. рядовым л.-гв. Измайловского полка, участвовавший в войне со шведами (1788—1790 гг.), в военных действиях в Литве (1790—1792 гг), получивший за свои успехи в 1798 г. чин полковника, в 1800 г. — генерал-майора и шефа Саратовского пехотного полка, прибывшего в Грузию в 1804 г. по приглашению Цицианова. Отряд Несветаева быстро занял село Артик, разбил 3-тысячное войско эриванского хана, очистил область от персов. Благодаря успешным действиям генерала П. Д. Несветаева все левобережье реки Арпачай, город Гумри, окрестные районы вошли в состав России²³.

Одновременно Цицианов вступил в переговоры с владетелем Карабаха, населенного преимущественно армянами, о принятии им русского подданства, с чем тот согласился и 6 февраля 1805 г. в Елисаветполе принял присягу. В ответ персидский шах Баба-

²³ Потто В. Кавказская война, с. 395.

хан отправил сильное войско для наказания хана Карабаха Ибрагима, однако тот нанес поражение персам и взял крепость Шумлы в 80 верстах от персидской границы.

* * *

В июне 1805 г. 10-тысячная персидская конница под начальством Пир-Кули-хана перешла р. Аракс и вновь вторглась в Карабах с тем, чтобы отвоевать занятые Россией области Закавказья. Находившийся в Карабахе батальон майора Лисаневича, насчитывающий всего 300 солдат, срочно отошел к крепости Шуша. К нему на помощь Цицианов направил отряд полковника **Калягина**²⁴ в составе батальона пехоты, в который входила и рота Котляревского — одного из самых прославленных героев Кавказской войны, отмеченного Пушкиным в эпилоге поэмы «Кавказский пленник»:

Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...

(IV, 130)

Петр Степанович Котляревский²⁵ (1777 (1782?)—1851) родился в семье священника и, собираясь идти по стопам отца, поступил в духовное училище в Харькове. Случайная встреча с полковником Иваном Петровичем Лазаревым, командиром 17-го егерского полка, о котором мы сказали выше, изменила круто судьбу юноши: Лазарев уговорил его стать солдатом и зачислил зимой 1792 г. рядовым в свой полк. В его составе Котляревский участвовал в персидском походе Зубова, затем, вернувшись на Кубань уже в чине подпоручика, совершил трудный переход че-

²⁴ Сведения о Калягине скупы: В. Потто сообщает, что службу он начал рядовым в Бутырском пехотном полку, позже переименованном в 17-й егерский полк, прослужил в нем 34 года, участвовал в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., был ранен при штурме Анапы и «с того времени, можно сказать, не выходил из-под огня» (Потто В. Кавказская война, с. 401).

²⁵ Сведения о П. С. Котляревском мы излагаем по кн.: Потто В. 1) Кавказская война, т. 1, вып. 3; 2) Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества (Мелик Вани и Акоп-юзбаши Атабековы). Тифлис, 1909; ВЭ, т. 13.

рез Кавказский хребет в Тифлис, во время которого проявил себя при отражении нападения на Грузию аварского хана Омара с 20-тысячным войском.

После трагической смерти шефа 17-го егерского полка его командиром был назначен полковник Калягин, с которым Котляревский совершил первые боевые подвиги в Закавказье. Вместе они под командованием Цицианова дважды штурмовали Гянджу (в 1803 и 1804 гг.), за что награждены орденами: Калягин — Георгия 4-й ст., Котляревский (дважды раненный и не оставивший поля боя) — Анны 3-й ст. и произведен в майоры. Но то, что они совершили в следующем, 1805, году, внесло навсегда их имена в анналы Отдельного Кавказского корпуса.

Отряд Калягина 18 июня вышел из Елисаветполя. Путь лежал через с. Агдам, далее по тесному ущелью р. Аскаранчай, где в 25 верстах от Шуши находился Аскаранский замок, укрепления которого располагались по обеим сторонам реки и состояли из башен, связанных между собой высокими стенами; скалистые берега р. Аскаранчай так круты и обрывисты, что обойти укрепления было невозможно, даже в русле реки стояли две башни²⁶.

24 июня отряд встретил передовые части персидской армии. Построившись в каре и отбиваясь от конницы, он продолжал продвигаться ко входу в Аскаранское ущелье, но тут показались главные силы персов, из чего стало ясно, что Аскаранский замок занят персами и дорога на Шушу закрыта. Положение отряда стало катастрофическим — движение вперед означало попасть в ловушку; следовало найти удобный пункт для обороны. Помог в этом молодой армянин-карабахец юзбаши Аванес Атабеков²⁷, которого русские солдаты прозвали любовно «Вани». Оставив семью, он записался волонтером в отряд Калягина; прекрасно зная местность, он указал на холм, где находилось мусульманское кладбище, на котором отряд и закрепился. Атаки персов следовали одна за другой, что стоило жизни половине отряда, но и потери противника были столь значительны, что Пир-Кули-хан решил взять русских измором. Он поставил над рекой четыре фельконетные батареи, закрыл доступ к воде. От жары, артиллерийского обстрела русский отряд буквально таял, трижды в грудь и голову получил контузию Калягин, ранение в ногу — Котляревский. Держаться вторые сутки без воды стало невозможно. Тогда Калягин решился на отчаянный шаг: приказал поручику Ладыженскому атакой завладеть батареями противника; быстро добежав

²⁶ **Потто В.** Первые добровольцы..., с. 14. Далее ссылки в тексте.

²⁷ Он был сыном юзбаши (букв. — сотника) Арутюна Атабекова из армянской д. Касапет в Нижнем Карабахе.

до реки и перейдя ее вброд, группа взяла в штыки персов, захватила 15 фальконетов и возвратилась обратно (с. 14—18).

Поступило известие о подходе к Шуше 30-тысячной армии наследника персидского шаха Аббас-Мирзы. Отряд Калягина вновь оказался в безвыходном положении. Тогда Вани-юзбаши вызвался доставить письмо к Лисаневичу для отправки Цицианову с просьбой о помощи. Поминутно рискуя жизнью, чудом миновав персидские караулы, Вани добрался до армянской д. Храморт, отдал письмо знакомым для передачи в Шушу, а сам пробрался обратно к Калягину (с. 19).

Два дня отбивал русский отряд приступы персов, у него не осталось никаких средств к сопротивлению; к тому же от Лисаневича пришло сообщение, что выйти из Шуши он не может. Аббас-Мирза, зная безнадежное положение осажденных, прибег к тактике выжидания.

«В другой армии, — справедливо замечает В. Потто, — можно сказать смело, признано было бы совершенно невозможно защищаться горсти солдат против 30 тыс. армии и, вероятно, было бы решено сложить оружие». Однако не так рассудили Калягин и Котляревский: они решили пробиться сквозь многочисленные силы неприятеля и штурмом взять Шах-Булакскую крепость, занятую персидским гарнизоном.

Вани отговорил идти напролом и провел отряд по тропам; орудия несли на руках, раненых везли на лошадях. И пока персы спохватились, отряд очутился у стен крепости Шах-Булак, стоявшей на высоком каменном пригорке, обнесенной высокой каменной оградой с шестью зубчатыми башнями. Ее гарнизон состоял из 150 человек, рядом в лесу находились резервы. Русские подкатили пушки вплотную к крепости, дали залп — ворота рухнули, отряд ворвался в замок, подавил сопротивление персов, часть которых была убита, а часть бежала. Через 2 часа к Шах-Булаку подошла вся персидская армия, попытавшаяся штурмом взять ее обратно, однако успеха не добилась и ограничилась обычной для нее осадой (с. 19—24).

Но если стены крепости защищали от персидской артиллерии, то новым врагом русского отряда стал голод. Пользуясь беспечностью персов, переодевшись в их одежду, Вани пробрался в отстоявшее от Шах-Булака в 20 верстах родное село Касапет, отправил младшего брата Акопа-юзбаши с донесением в Шушу для передачи Цицианову о бедственном положении отряда и о прибытии новой персидской армии под личным начальством шаха Баба-хана. Сам же Вани с отцом намололи пшеницы, всей семьей напекли 40 больших хлебов, набрали овощей и к рассвету доставили в Шах-Булак. То же, но уже с пятью солдатами, Вани повторил и на следующую ночь, хотя не обошлось без проис-

шествия: они наткнулись на конный разъезд персов, истребили его, засыпали трупы землей, чтобы до их возвращения враг не спохватился.

Видя бесплодность осады, Аббас-Мирза предложил Калягину почетную капитуляцию, но последний ответил, что он должен снестись с Цициановым. По совету Вани, решили оставить крепость и перейти в небольшой замок Мухратаг. 7 июля скрытыми тропами отряд вышел из Шах-Булака, оставив нескольких часовых на башнях, наказав им громко перекликаться, чтобы ввести в заблуждение персов. Когда же отряд прошел персидскую блокадную линию, Вани вернулся и привел часовых. Неожиданно встретился конный разъезд персов, который, не вступая в бой, бежал и поднял тревогу, однако персы в ночной темноте не могли разобраться, по какой тропе ушли русские.

На пути отряда Калягина встретилась канава, через которую оказалось невозможно перевезти орудия. Тогда 4 солдата добровольно легли в канаву, и орудия переправили по ним, один из них умер, а трое остались в живых. Это был подвиг рядового 17-го егерского полка Гавриила Сидорова, о котором узнала вся Россия (с. 24—27).

Котляревский завладел Мухратагом, к которому с боем отошел и Калягин с отрядом. Из замка Калягин послал письмо Аббас-Мирзе. «В письме своем изволите говорить, что родитель ваш имеет ко мне милость, а я вас имею честь уведомить, что, воюя с неприятелем, милости не ищут, кроме изменников; а я, посевший под ружьем, за счастье почту пролить свою кровь на службе моего государя» (с. 28).

В Мухратаге среди гор и лесов персидская конница действовать не могла, и Аббас-Мирза, оставив 2-тысячное войско для наблюдения за русскими, отошел к Аскарану. Вани и местные армяне каждую ночь доставляли съестные припасы; появился и Акоп-юзбаши с приказом Цицианова при возможности выйти на соединение с ним на р. Мардагерте. Той же ночью Вани провел отряд через всю персидскую армию и привел в лагерь главнокомандующего (с. 29).

Цицианов отправил отряд Калягина в Елисаветполь, а сам с основными силами двинулся к крепости Шуша. Пока Калягин в сопровождении Вани-юзбаши совершал бросок через горы, Аббас-Мирза, обойдя Цицианова, двинулся к Елисаветполю. 27 июля русский батальон (не более 600 человек), усиленный 60-ю вооруженными карабахскими армянами, неожиданно встретился около д. Дзигам с 70-тысячной армией Аббас-Мирзы и внезапным нападением разбил ее наголову, взяв весь неприятельский лагерь, множество пленных, в их числе беглого грузинского царевича Теймураза, несколько орудий и все обозы (с. 30—31).

Для встречи отряда Калягина в Елисаветполе Цицианов приказал войскам надеть парадную форму и, когда показались остатки храброго отряда, дал команду выстроиться развернутым фронтом, взять «на караул», бить в барабаны и наклонить знамена²⁸.

Таков был финал персидской кампании 1805 г. Самое поразительное в походе отряда Калягина и Котляревского это то, что и его участники, и их соратники по Кавказскому корпусу воспринимали совершавшееся не как нечто исключительное, а должное, простое выполнение долга перед Россией. Донесения того же Калягина ограничивались кратким отчетом о состоянии вверенного ему отряда — наличии боеприпасов и продовольствия, числе убитых и раненых, известиями о противнике — и ни слова о трудностях и перенесенных страданиях²⁹. Калягин не сообщил даже о подвиге рядового Гавриила Сидорова — не по каким-то мелочным соображениям, а считая его естественным и нормальным для русского воина³⁰. И еще — за незаурядное мужество и отвагу Калягин был награжден лишь золотой шпагой с надписью «За храбрость», Котляревский — орденом Владимира 4-й ст., а Вани-юзбаша пожалован в прапорщики, удостоен золотой медали и 200 р. серебром, что, как замечает В. Потто, произошло позднее, за новые заслуги, оказанные им и братом русской армии (с. 32—33).

Разбив и отбросив за пределы русских владений в Закавказье персидскую армию, Цицианов решил занять Баку. В феврале 1806 г. во главе отряда в 1600 человек при 10 орудиях он подступил к Баку; его владетель, Гусейн-Кули-хан, старый знакомый Цицианова, согласился сдать крепость, и когда тот в сопровождении лишь генерала Эристова приехал на встречу, выстрелом в затылок вероломно убил обоих; затем, отрезав голову Цицианова, послал ее персидскому наследному принцу Аббас-Мирзе. Прах Цицианова был погребен у ворот крепости и лишь спустя 6 лет перенесен в Сионский собор в Тифлисе³¹. Однако его заслуги навсегда остались в памяти России: благодаря ему ханы Карабаха, Шеки и Ширвана приняли русское подданство и на

²⁸ Потто В. Кавказская война, с. 399.

²⁹ См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. 2 («Кавказ и Закавказье в период управления генерала от инфантерии кн. П. Д. Цицианова, 1802—1806»).

³⁰ Сведения о Гаврииле Сидорове стали достоянием гласности через воспоминания одного из участников похода.

³¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе: В 4-х т. СПб., 1871, т. 4, с. 149.

время усмирили, в состав русских владений вошла часть Восточной Армении — область Ширак.

Несмотря на полученные ранения, Калягин и Котляревский приняли участие в походе против бакинского хана. Находясь в авангарде, 17-й егерский полк столь успешно действовал против неприятеля, что Калягин был представлен к ордену Владимира 3-й ст., а Котляревский произведен в полковники. Из-за болезни (лихорадка) Калягин вынужденно ушел в отставку и вскоре — 7 мая 1807 г. — умер. Преемник Цицианова генерал И. В. Гудович назначил шефом полка Котляревского.

Новый главноначальствующий граф **Иван Васильевич Гудович** (1741—1820) уже дважды командовал Кавказской линией— при Екатерине II и Павле I, был участником двух русско-турецких войн — 1768—1779 гг. и 1787—1791 гг., отличился в сражении при Ларге (1770), взятии Журжи (1771), занятии Гаджибея (ныне Одесса) и Килии, особенно при штурме Анапы (1791), когда, располагая 14—15-тысячным отрядом, сломав сопротивление 25-тысячного турецкого гарнизона, овладел крепостью. Пушкин не называет Гудовича, однако он был достаточно популярен, и его близко знал Н. Н. Раевский-старший, служивший под его началом на Сев. Кавказе.

Перед Гудовичем была поставлена задача присоединить к России Эриванское и Нахичеванское ханства, а также районы Азербайджана, еще остававшиеся под владычеством Персии. Этому в первую очередь воспретивилась Франция, которая подстрекала к войне с Россией Турцию. Она началась в декабре 1806 г. и сразу осложнила обстановку в Закавказье необходимостью вести войну на два фронта — против Турции и Персии. Гудович попытался добиться мира с Персией, но его усилия не увенчались успехом. Тогда с целью не дать Турции перебросить свои силы на Дунай, Гудович выдвинул к границе Турции по р. Арпачай около Гумри части генерала Несветаева, которые, перейдя 7 апреля 1807 г. р. Арпачай, за неделю достигли окрестностей древнего армянского города Карс. 25 апреля русские войска штурмовали Карс с его 20-тысячным турецким гарнизоном, ворвались в форштадт крепости, однако Гудович, узнав о движении к русской границе турецкой и персидской армий, приказал Несветаеву отступить к Арпачаю. 18 июля 1807 г. при Гумри разыгралось кровопролитное сражение между 7 тыс. русского войска и более чем 20-тысячной объединенной турецко-персидской армией, закончившееся поражением последней и заставившее ее отступить.

В этих условиях начались переговоры о заключении мира с Персией, вновь не давшие результатов. Тогда Гудович решил нанести внезапный удар по эриванскому правителю — сардару Гусейн-Кули-хану, заставив его сдать крепость; одновременно он

приказал Несветаеву совершить рейд в Нахичеванское ханство, чтобы препятствовать подходу из Персии новых войск. Но лично Несветаеву не удалось выполнить это приказание: 17 июля, находясь в Караклисе, он неожиданно скончался³².

В начале сентября Гудович во главе 6-тысячного войска, с 12 орудиями, армянским кавалерийским отрядом в составе 500 человек, руководимым Григором Манучаряном, объединенными грузинскими и азербайджанскими кавалерийскими частями выступил на Эривань. Взяв Эчмиадзин, 30 сентября главные русские силы осадили Эривань; тем временем отряд русских, посланный Гудовичем, разбил войска сардара недалеко от Эривани, а другой отряд по дороге в Нахичеван 23 октября одержал победу над войсками наследника персидского шаха Аббас-Мирзы, состоявшими из 10 тыс. конницы, 3 тыс. пехоты с 12 пушками и 60 фальконетами, и через три дня занял Нахичеван. 17 ноября Гудович дал приказ овладеть Эриванью, однако штурм окончился безрезультатно, после чего с большими трудностями русская армия возвратилась в Тифлис. Отряд же, занявший Нахичеван, отступил в Карабах.

Котляревский вместе со своим полком был участником второго похода на Эривань, перенес все его тяготы, выказав в столкновениях с противником свойственные ему качества мужественного воина и талантливое военачальника.

Но слава Котляревского была впереди.

В 1809 г. вновь возобновилась русско-турецкая война, главным театром которой стал Дунайский фронт, а в Закавказье русские ограничились оборонительными действиями. Воспользовавшись этим, эриванский сардар Гусейн-Кули-хан с 20-тысячным войском подошел к Ахалкалаки с намерением вторгнуться в Грузию. Сыновья персидского хана Мамед-Али-Мирза и Аббас-Мирза двинулись на Ширак—Памбак и на Карабах—Елисаветполь все с тем же намерением изгнать русских из Закавказья. Русское правительство повело переговоры о перемирии с Персией, но вмешательство Англии помешало их успеху³³.

В начале 1810 г. персы вошли в Карабах. Навстречу им с задачей вытеснить неприятеля во главе 400 солдат 17-го егерского полка без артиллерии был послан Котляревский. Совершив трехдневный бросок по горному хребту, идя по тропинкам, Кот-

³² П. Д. Несветаев похоронен в Караклисе. В Потто так характеризует его: «Человек одинокий, бескорыстный, простой солдатской жизни, Несветаев был очень любим войсками как за свою решительность, энергию и мужество, так и за доброту, которая побуждала его оставить все, что он имел, нуждающимся подчиненным» (Потто В. Кавказская война, с. 435).

³³ См.: Григорян З. Т., с. 90.

ляревский подошел к построенной на скалах, имевшей 2-тысячный гарнизон крепости Мегри и приступом взял ее, создав тем самым плацдарм для развертывания военных действий в направлении Тавриза — столичного города наследника персидского престола Аббас-Мирзы. Потери русских составили 6 убитых и 29 раненых, в числе которых был и шеф полка, получивший пять ран.

Так древний Мегри освободился от почти двух с половиной векового гнета персов. И обязан был этим простому русскому солдату, ставшему за мужество и воинский талант генералом.

Опомнившись, Аббас-Мирза отправил 5-тысячное войско для обложения крепости, но огнем взятой у персов же артиллерии, удачными вылазками Котляревский вынудил противника отступить за Аракс. Жители Зангезура (составлявшего тогда часть Карабаха) — армяне и азербайджанцы, образовав военное ополчение, помогали солдатам 17-го егерского полка, участвовали в их боевых действиях, защищали свои села от грабительских набегов персов, и, как отмечает В. Потто, в передвижениях войск Котляревского большую помощь оказали проводники-разведчики, известные нам братья Вани (Аванес) и Акоп Атабековы (с. 38).

Не желая отсиживаться в крепости, Котляревский обратился со следующей речью к солдатам: «Братцы! Нам должно идти за Аракс и разбить персиан. Их на одного — десять, но каждый из вас стоит десяти, а чем больше врага, тем славнее победа. Итак, братцы, пойдем и разобьем персиан»³⁴.

Отряд Котляревского в составе 1500 человек пехоты, 500 казаков и 6 орудий перешел р. Аракс на рассвете 19 октября 1811 г., совершил обход с тыла и ударил по персам, заставив их бежать, оставив 36 орудий. Затем Котляревский двинулся к крепости Асландуз, где стояла 30-тысячная армия Аббас-Мирзы, и неожиданно напал на нее. Юзбаши Вани предложил подойти к лагерю персов с той стороны, где не было артиллерии. На это Котляревский ответил: «На пушки, братец, обязательно на пушки, опасаясь их упустить».

Беспримерная отвага русских солдат обеспечила полный разгром в несколько раз превосходившего их противника; на поле боя осталось более 9 тыс. убитых, остальные в панике разбежались; едва спасая бегством и Аббас-Мирза. В своем донесении Котляревский писал: «Бог, ура и штык даровали и здесь победу нашим войскам»³⁵. Весть об этой победе разнеслась не только по Кавказу, достигла России и внушила такой страх персам, что они без боя сдали Котляревскому крепость Талыш.

Впереди находилась стоявшая среди болот сильно укреплен-

³⁴ ВЭ, т. 13, с. 235.

³⁵ Там же, с. 236.

ная крепость Ленкорань. С тем же отрядом Котляревский по дороге взял укрепление Аркеваль с тысячным гарнизоном, а 27 декабря штурмовал Ленкорань, лично находясь в рядах сражавшихся. Изувеченного, обезображенного, но живого солдата отыскали его среди трупов, после чего он продолжал командование войсками. За эти подвиги Котляревскому присвоили звание генерал-лейтенанта и наградили орденом Георгия 2-й ст.

Победы, одержанные русскими войсками, и особенно «грозой» персов Котляревским, разгром полумиллионной армии Наполеона в России вынудили Персию просить мира. 12 октября 1813 г. в местечке Гюлистан (в Карабахе) был заключен мир, по которому Персия признала присоединение к России территорий в Закавказье, занятых русскими войсками, в частности Лори, Ширака, Шамшадина и Зангезура в Восточной Армении, право России держать флот на Каспийском море и другие привилегии.

После последнего тяжелого ранения (седьмого по счету) Котляревский был принужден уволиться в бессрочный отпуск. Оценивая свой боевой путь в Закавказье и сравнивая его с Отечественной войной 1812 г., он писал: «Кровь русская, пролитая в Азии, на берегах Аракса и Каспия, не менее драгоценна, чем пролитая в Европе на берегах Москвы и Сены, а пули галлов и персов причиняют одинаковое страдание»³⁶. Эпилог «Кавказского пленника» очевидно свидетельствует о том, что Пушкину было известно это высказывание Котляревского, и об интересе и знании поэтом жизни прославленного героя после ухода с военной службы:

Ты днесъ покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...

(IV, 130)

3

Заключив мир, Персия не оставила своих притязаний вернуть под свое господство Закавказье, подстрекая к неповиновению владетелей азербайджанских провинций; ту же политику вела и Турция в Дагестане, вооружая горские племена и поддерживая их восстания против русских. Перед русским правительством встала задача тушения периодически возникавших отдельных очагов сопротивления, налаживания во вновь приобретенных

³⁶ Там же.

областях административного порядка и законности, поднятия разоренной экономики, развития культуры и просвещения. Но главным оставалось освобождение Эриванского и Нахичеванского ханств, находившихся под властью Персии, и Западной Армении — Турции. Выполнение большей части этих задач пало на плечи крупного военного и государственного деятеля России — генерала А. П. Ермолова. Его в эпилоге «Кавказского пленника» Пушкин поставил в ряду выдающихся деятелей Кавказской войны:

Но се — Восток подъемлет вой!
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

(IV, 130)

Свою боевую службу **Алексей Петрович Ермолов** (1777—1861) начал в артиллерии под начальством А. В. Суворова в войне против французов в Италии в 1795—1796 гг., участвовал в персидском походе Зубова, в качестве командира батареи отличился при взятии Дербента. Возвратившись в Россию, он в 1798 г. вступил в офицерский политический кружок «Вольнодумные» и за резкие отзывы о начальстве подвергся аресту, разжалованию, лишению звания и наград, заключению в Петропавловской крепости и высылке на «вечное житие» в Кострому. После смерти Павла I в 1801 г. вновь был зачислен на службу, в войнах 1805—1807 гг. против Наполеона проявил храбрость и выдающиеся способности артиллерийского начальника, в 1809 г. командовал отрядом, охранявшим юго-западные границы России. В 1811 и в первые месяцы Отечественной войны 1812 г. являлся начальником штаба 1-й Западной армии, где познакомился и сблизился с В. Мадатовым. При отходе русских армий к Смоленску сыграл значительную роль в сражениях при Велутиной горе, при Бородине и Малоярославце. Во время Бородинского сражения выказал смелость, организовал отступавших, лично повел их в контратаку против французов, занявших позиции батареи Раевского, и отбил ее; затем назначен начальником объединенного штаба 1-й и 2-й Западных армий и, выполняя приказ М. И. Кутузова, проявил прозорливость, инициативу и решительность, выдвинув заслон перед противником, чем перерезал путь его отступления на Калугу, заставив Наполеона свернуть по уже опустошенной Смоленской дороге, что во многом способствовало катастрофе французской армии. В заграничном походе 1813—1814 гг. был начальником артиллерии союзных войск, при взятии Парижа командовал русским и прусским гвардейскими корпусами.³⁷

³⁷ Военная энциклопедия. М., 1977, т. 3, с. 315.

Храбрость и талант военачальника, независимость и свободо-мыслие, неподкупность и остроумие, ненависть к «прусскому духу» и казенщине сделали Ермолова любимцем офицеров и солдат. Имя его перешло в народ.

Уже в детстве Пушкин слышал имя Ермолова, а в лицейские годы числил его в ряду любимых героев Отечественной войны и читал «Записки артиллерии полковника Ермолова с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился, и военных происшествий того времени», охватывающие период его жизни с 1801 по 1812 г., ходившие тогда в списках по рукам.

После окончания войны с Наполеоном А. П. Ермолову прочили ряд высших должностей в столице, однако 24 января 1816 г. он был назначен главноначальствующим Грузией и одновременно чрезвычайным и полномочным послом в Персии. Само это назначение свидетельствовало о том, какое значение для России имело наведение порядка в Закавказье и присоединение к ней Армении. Ермолов был одним из немногих, кто осознавал это, и с охотой отправился в Закавказье. «Кавказ, — говорил Ермолов, — это огромная крепость, занимаемая многочисленным, полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем ее осаду»³⁸.

Политика умиротворения горских народов и персидских ханов, выдвинутая Ермоловым, нашла горячее одобрение Пушкина. В письме к брату Льву от 24 сентября 1820 г. он писал: «Кавказский край, знойная граница Азии, любопытная во всех отношениях. Ермолов наполнил его своим именем и благотворным гением» (X, 17). В поэме «Кавказский пленник» эту же мысль Пушкин выразил так:

И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!

(IV, 130—131)

Восторженное отношение Пушкина к Ермолову — отнюдь не дань романтическим настроениям юноши-поэта; оно зиждется на действительно присущих личности его героя качествах. В. Пот-

³⁸ Потто В. Кавказская война... 2-е изд. СПб., 1887, т. 2, вып. 1, с. 7.

то, наиболее глубоко изучивший из всех ученых историю Кавказской войны, особо выделяет по значимости время Ермолова и отводит ему отдельный (II) том, озаглавив его «Ермоловское время». «Из ряда людей, — пишет он, — прославленных Отечественной войной, из тесного круга деятелей государственных возвышается величавая фигура, выдающаяся из всех других. Мужественная голова со смелою и гордою посадкой на мощных плечах, привлекательные очертания лица, соразмерность членов и самые движения свидетельствуют о великой нравственности и физической силе Ермолова, этого необыкновенного человека»³⁹.

Более объективен отзыв о нем А. С. Грибоедова в письме С. Н. Бегичеву от 29 января 1819 г.: «...что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски, на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако позволяет говорить и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедиться, все-таки заставляет себя слушать»⁴⁰.

Пушкин слышал от Раевских восторженные рассказы о Ермолове, проникся к нему духом воззрений этой военной семьи. Н. Н. Раевский-старший был соратником Ермолова по персидскому походу 1796 г. и по Отечественной войне, был обязан ему спасением себя и сыновей во время Бородинского сражения. А. Н. Раевский служил с 1817 г. адъютантом при главноначальствующем Грузией и по своей должности знал такие подробности о нем, в которых сказывалась личность, натура человека и которые поэтому были наиболее любопытны Пушкину.

Очевидно, что беседы вокруг Ермолова затрагивали самые различные вопросы, но, судя по тому, как они отразились в письме Пушкина и в его поэме, они главным образом касались деятельности на Кавказе и в Закавказье, ограничивались временем до середины 1820 г. Заметим, что этот интерес к Ермолову Пушкин проявлял всю свою жизнь, получая известия о нем от близких и друзей: А. С. Грибоедова и Д. Давыдова, сосланных в 1826—1827 гг. на Кавказ декабристов; не случайно, что в 1829 г. по пути в Арзрум Пушкин сделал 200 верст крюку и заехал в Орел для знакомства с Ермоловым.

В рассказе о нем мы выделяем те эпизоды, которые имеют отношения к Армении и армянам, в первую очередь поездку Ермолова в Персию, детально описанную им в «Записке». К сожалению, рамки нашей работы не дают возможности подробно из-

³⁹ Там же, с. 2.

⁴⁰ Грибоедов А. С. Соч. М., 1953, с. 397.

ложить ее содержание, и мы приведем из нее лишь отдельные эпизоды.

Назначая Ермолова чрезвычайным и полномочным послом России, Александр I наказал ему укрепить мир с Персией, не отнавливаясь перед возвращением ей некоторых закавказских ханств. Ермолов, внутренне не согласный с царем, не противоречил ему, однако решил действовать по-своему.

17 апреля 1817 г. посольство выехало из Тифлиса. Из входивших в его состав лиц отметим тех, кого Пушкин знал, или кто каким-то образом был причастен к нему. Это секретарь посольства, упомянутый в первой главе автор работ по истории Армении коллежский советник Александр Макарович Худобашев; кавалер посольства, л.-гв. Семеновского полка штабс-капитан, участник Отечественной войны, князь Василий Осипович Бебутов, также отмеченный выше и к которому мы еще вернемся в дальнейшем; кавалер посольства, л.-гв. Преображенского полка прапорщик, граф Н. А. Самойлов⁴¹; переводчик, подпоручик князь Мадатов⁴²; живописец В. И. Машков⁴³; гв. Ген. штаба штабс-капитан Н. Н. Муравьев⁴⁴; гв. Ген. штаба штабс-капитан барон П. Я. Ренненкампф⁴⁵; зачисленные в посольство по рекомендации

⁴¹ **Николай Александрович Самойлов** (ум. 1847) — двоюродный брат Н. Н. Раевского-старшего, флигель-адъютант, капитан л.-гв. Преображенского полка, после посольства — адъютант Ермолова, в чине штабс-капитана уволен от службы в июне 1827 г.; привлекался по делу декабристов и за недоказанностью обвинения «оставлен без наказания» (Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 172 и 392). Пушкин с ним был знаком, упоминает в письме от 1 декабря 1826 г. В. П. Зубкову (X, 221—222), а также во 2-й главе «Путешествия в Арзрум».

⁴² **Мадатов** (псевдоним Мирза-Джан, ум. 1842) — азербайджанский поэт, майор, командир мусульманского полка. Встречался с Пушкиным при поездке в Арзрум.

⁴³ **Владимир Иванович Машков** (1792—1839) — воспитанник Академии художеств, впоследствии академик, автор батальных картин о русско-персидской войне 1826—1827 гг. и русско-турецкой 1828—1829 гг., в том числе картины о сражении 20 июня 1829 г., в котором участвовал Пушкин; встретился с ним на обеде у Паскевича по случаю взятия Арзрума.

⁴⁴ **Николай Николаевич Муравьев** (1794—1866) — сын основателя Училища колонновожатых в Москве генерал-майора Н. Н. Муравьева, брат декабриста Александра Николаевича Муравьева, осужденного по VIII разряду на ссылку в Сибирь; был участником Отечественной войны, членом «Священной артели» в Петербурге, стал впоследствии одним из выдающихся военных деятелей в Закавказье, о чем мы подробно скажем в следующих главах.

⁴⁵ **Павел Яковлевич Ренненкампф** (ум. 1857) — впоследствии полковник. Пушкин называет его в 1-й главе «Путешествия в Арзрум».

Н. Н. Муравьева колонновожатые Е. Е. Лачинов⁴⁶ и Н. П. Воейков⁴⁷; л.-гв. казачьего полка штаб-ротмистр Ф. А. Бекович⁴⁸; из армян в качестве переводчиков и сотрудников — прапорщик Алиханов, Шамир Бегляров, Назарян и др.

19 апреля посольство вступило на территорию Армении и доехало до поста Ак-Корпа, 20-го — Акзибеюка, 21-го — крепости Лори, затем Каменной речки, у которой, как отмечает Ермолов в своей «Записке», «квартира одной артиллерийской роты, полки казачьи содержат стражу границы»⁴⁹, 22-го прибыло в Караклис. Осмотрев границы Турции и Персии, Ермолов, проезжая Дилижанское ущелье, подыскивал место «для устройства небольшого укрепления, ибо здесь проходила дорога для караванов, идущих из Персии кратчайшим путем». Преодолев с трудом подъем на Безобдал «по худому состоянию едва обработанной дороги, чрезвычайно затруднительной», посольство достигло 25-го селения Бекант (ныне Кшлах), 26-го — Гумри, представлявшего, по словам Ермолова, «укрепление, лежащее в близком расстоянии от персидских границ и на самой турецкой границе». «Здесь, — продолжает он, — мы слушали обедню, остановились по причине худой погоды и сильного снега, тогда как в Тифлисе давно уже тепло и воды в большом возвышении» (с. 1).

30 апреля в Талине посольство Ермолова встретили посланцы правителя эриванского: «При первых оказанных мною вежливостях чиновникам персидским изъяснил я им, что прилично сардару эриванскому встретить меня, когда буду въезжать в Эривань» (с. 2). Это заявление Ермолова — уважать в нем представителя великой державы — стало доминантой в его дальнейших сношениях с персами: привыкшие к угодию европейцев; бес-

⁴⁶ **Евдоким Емельянович Лачинов** (1799—1875) — воспитанник Училища колонновожатых в Москве, занимался топографическими съемками. К его дальнейшей судьбе мы вернемся в четвертой главе нашей работы.

⁴⁷ **Николай Павлович Воейков** (ум. 1871) — также воспитанник Училища колонновожатых, прапорщик, позднее — штаб-капитан, адъютант Ермолова, арестованный в январе 1826 г. по «подозрению в участии в мятеже 14 декабря и принадлежности к Кавказскому тайному обществу», однако освобожденный в феврале 1827 г. с аттестатом (Восстание декабристов, т. 8, с. 55 и 296).

⁴⁸ **Федор Александрович Бекович-Черкасский** (1790—1835), кабардинец по национальности, командир бригады 21-й пехотной дивизии, участник войн с Персией и Турцией, с 1828 г. генерал-майор. С ним Пушкин встречался во время похода русской армии в Арзрум.

⁴⁹ Записка генерала Ермолова о посольстве в Персию в 1817 г. — В кн.: Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями. М., 1865, с. 1. Нумерация страниц в книге дана отдельно по каждой части. Далее ссылки в тексте.

прекословно подчинявшихся их требованиям, часто нелепым, персы были просто ошеломлены, даже испуганы, боясь передать сардару слова Ермолова. Однако, как мы увидим дальше, они дошли не только до эриванского сардара, а и до наследного принца Аббас-Мирзы и самого шаха: То был первый урок Ермолова персам.

1 мая в 5 верстах от Эчмиадзина посольство встретили армянские епископы и поздравили с приездом, а за версту — католикос Ефрем, у ворот монастыря — остальное духовенство в полном облачении. С крестами, хоругвями, при колокольном звоне, пении псалмов и стрельбе фальконетов они отвели посольство в специально выделенное помещение. «С намерением не пошел я прямо в церковь, — пишет Ермолов, — дабы не привести с собой толпы встречавших меня персиан, которые в храмах наших обыкновенно не оказывают никакого уважения к святыне» (с. 3). Ермолову стало известно, что персы приставили множество шпионов для наблюдения за католикосом и обращением с ним русских.

На другой день 2 мая в праздник Вознесения католикос Ефрем отправлял богослужение, на котором присутствовал весь состав посольства. В своей речи он «призывал благословение божье на исполнение возложенных на меня Государем Императором поручений; всеми нами замечено, что, когда патриарх упоминал об Императоре, всегда тотчас за ним должен был громко прокричать имя шаха, дабы это могли прослышать персиане, или иначе подвергался взысканию, за избежание от коего персиане берут всегда хорошие деньги» (там же). Во время службы персидские чиновники сидели на стульях, русские же стояли, а Ермолов даже стал на колени. Выказав свое уважение к армянской церкви и подтвердив тем самым, что русское правительство считает ее единой, пользующейся его покровительством и защитой, Ермолов преподавал второй урок персам.

И таких наглядных уроков персы получили от Ермолова множество, усвоив их если не навсегда, то надолго.

На полпути к Эривани навстречу Ермолову был выслан 5-тысячный отряд куртинской конницы во главе с братом сардара, недалеко от крепости — батальон регулярной пехоты и так называемая «народная персидская пехота», которая, как сразу определил Ермолов, состояла из согнанных из деревень крестьян. За версту появился сам Гусейн-хан с пышной свитой. «Гордый сей вельможа, близкий к шаху, уважаемый некогда по храбрости, ныне по чрезвычайному богатству, не ожидал, что Ермолов потребует от него выехать навстречу. У персов, — с иронией замечает Ермолов, — сардар считается одним из умнейших людей, думаю, даже из самых просвещенных, чему... нимало не препятствует то, что он ни писать, ни читать не умеет» (с. 4). Между тем в городе раз-

неся слух, что Ермолов ведет с собой войско для занятия Эри-вани, что вызвало радость и ликование высыпавших на улочки местных жителей. Но — увы! — посольство сопровождали 24 человека пехоты, столько же казаков, 1 урядник. «Вот все силы, которые приводили в трепет пограничные провинции персидской монархии...» (с. 5). Но и здесь и дальше Ермолов подчеркивает наличие у персов значительной армии (которую постоянно ему демонстрировали), огромных военных ресурсов и помощь им англичан.

Опустим описание свидания с Гусейн-ханом, первым, в нарушение этикета, приехавшим к Ермолову. Уже с первой встречи Ермолов взял за правило ни в чем не уступать персам; напротив, он упорно настаивал на своем и требовал, прибегая иногда к угрозам.

В Нахичеване Ермолова встретил местный владетель, ослепленный по приказу Ага-Магомед-хана. Нищета населения, тяготы и бедствия, переносимые им, произвол и самодурство персидских властей произвели на Ермолова тяжелое впечатление. «Здесь видишь предрержащих власть, не познающих пределов оной в отношении к подданным, с сожалением смотришь подданных, не чувствующих достоинства человека. Благословляю стократ участь любезного Отечества, и ничто не изгладит в сердце моем презрения, кое почувствовал я к персидскому правительству» (с. 10).

19 мая за 14 верст от Тавриза Ермолова встретили выстроенные в линию 16 тыс. войска с 20-ю английскими офицерами, стоявшими перед фронтом в своих мундирах, а в угоду персам — в их лаковых шапках (с. 11). Посланные Аббас-Мирзой чиновники объявили Ермолову церемониал приема, обязательный для всех, не исключая иностранцев, состоящий из множества правил, в том числе снять обувь и надеть красные носки при свидании с наследным принцем. По этому поводу Ермолов язвительно заметил, что французскому генералу Гардиану, беспрекословно выполнившему весь ритуал, «после красного колпака свободы⁵⁰ не трудно было надеть красные чулки». «А как я не приехал с чувствами наполеоновского шпиона, не с прибыточными расчетами приказчика купеческой нации, то я не согласился на красные чулки и прочие условия» (с. 13). Ермолов не только принудил кичливого Аббас-Мирзу отказаться от своих требований, но и продиктовал собственную церемонию приема, которую тот беспрекословно принял.

Демонстрируя мощь персидской армии, Аббас-Мирза устроил военный парад, выведя на него созданную им регулярную пе-

⁵⁰ Имеется в виду так называемый «фригийский колпак» — символ французской революции.

хоту и конницу, обученную англичанами и французами, всю артиллерию. Ермолов несколько равнодушно, но изучающе смотрел на дефилирующие войска, позднее занеся в свою «Записку»: «Англичане бьют в зубы офицеров (персидских.—К. А.), те — рядовых, когда-нибудь и солдаты ответят им» (с. 16).

Аббас-Мирза пускался на многие ухищрения, чтобы как-то подчеркнуть свое превосходство над русским послом, но всякий раз получал должный отпор. В Тавризе Ермолов дожидался письма из Тегерана от шаха о приеме русского посольства, что, по сложившемуся обычаю, могло длиться и недели, и даже месяцы. При очередном визите к нему управляющего делами Аббас-Мирзы каймакама с приглашением от принца Ермолов отклонил его и высказал недовольство оказанным ему официальным приемом, заявив при этом: «...впрочем, как с человеком милым и любезным, с которым приятно мне сделать знакомство, желал бы я еще где-нибудь встретиться» (с. 18). Намек был прозрачен: Аббас-Мирза являлся главнокомандующим персидской армией, а Ермолов — Кавказского корпуса, и «где-нибудь» означало встречу на поле боя. Перепуганный каймакам стал умолять русского посла о прощении, ссылаясь на этикет, однако Ермолов отверг объяснение и потребовал предупредить шаха, что в красных носках к нему являться не будет, и, если тот не согласен, то пусть его известят заранее, чтобы не делать лишнего пути (с. 19). Угроза подействовала, и вскоре пришло письмо с приглашением от Фет-Али-шаха.

По пути в Тегеран Аббас-Мирза любезно предложил Ермолову остановиться в его дворце в Уджане («Царская роза»); он надеялся, что, прогуливаясь по его залам, посол заметит висящие там две картины, которые произведут сильное впечатление на него и заставят с уважением относиться к наследному принцу. По описанию Ермолова, «на первой Аббас-Мирза представляет шаху регулярные войска и артиллерию. Шах изображен сидящим верхом во всем царском убранстве, Аббас-Мирза — лежащим на земле у передних ног лошади, как будто просит о помиловании за введение в войсках европейского устройства, что в шахе могло возбудить подозрение на какие-нибудь замыслы» (с. 23). Комментируя, Ермолов точно вскрывает внутреннюю пружину деспотической власти в Персии. «Люди, всяческими способами домогающиеся власти, паче же достигающие владычествования, предполагают в других те же самые желания и смотрят с робостью на средства удовлетворять оным» (там же). На другой Аббас-Мирза одерживает победу над русскими, бегущими в панике от одного вида персидского войска. Ермолов передает ее замысел: «Ни один русский не дерзает остановиться против непобедимых войск Аббас-Мирзы; многие увлекаемы им в плен или с унижением просят помилования; головы дерзнувших противиться повергаются

перед его лошадей. Нет в помощь несчастным русским ни единой преграды, могущей удержать стремление героев Персии. Как вихри несут кони ужасную артиллерию, уже рассеивают они смерть между русскими — и гибель их неотвратима. Со стороны русских одно орудие, у которого спасаются россияне, но уже готовы пасть во власть победителя. Разрушается Российская монархия и сей день изглаживает имя русских с лица земли» (с. 24).

Увы, вопреки замыслу Аббас-Мирзы картины вызвали в Ермолове убийственные по иронии вопросы: «Кто виновник сих великих перемен на земном шаре⁵¹ — не шах ли, который не оставил своего гарема, чьи труды обогатили его семью младенцами. Не Аббас-Мирза ли, который никогда не видал побед над русскими? Слава же принадлежала его резвому коню, спасавшему его быстротою бега». И наконец, напоминая о беспримерных подвигах Котляревского, — «не асландузское или ленкоранское это сражение?» (с. 25).

Посольство медленно двигалось вперед. В дороге встретили англичан и беседовали с ними о состоянии Персии. По этому поводу Ермолов делает несколько замечаний: что создается впечатление, что нынешний шах, как и его предшественник Ага-Магмет-хан, «взяли в аренду несчастную землю персидскую, ею так управляли, как будто завтра надобно бежать с награбленными пожитками» (с. 28—29); что «грабительство приведено в систему и обращено в необходимость для каждого из управляющих, ибо без денег и подарков ни милости шаха, ни покровительства вельмож, никакого уважения между равными снискать невозможно» (с. 39); что «деньги доставляют почет и преимущества, коих персиане ненасытны. Деньги разрешают преступления, с которыми персиане неразлучны. Вера самая не только не налагает обуздания от страсти, но часто искусными толкованиями получает направление, спешествующее порокам» (там же).

К Ермолову приехал русский поверенный в делах в Персии Мазарович с письмом от особого доверенного министра шаха Мирзы-Абдул-Вахада, что прием посла назначен после рамаза⁵². 5 июля министр пожаловал лично с грамотой шаха, дающей ему право начать переговоры о возвращении завоеванных Россией земель и особенно Карабаха. Ермолов, не распечатывая грамоты, ответил, что до встречи с шахом ни с кем он переговоры вести не станет, четыре часа русский посол повторял свое, министр — свое (с. 31).

⁵¹ Т. е. исчезновения с лица земли русских.

⁵² Девятый месяц мусульманского лунного календаря, во время которого ислам предписывает не принимать пищи и не пить воды с восхода до захода солнца.

Состоялось не меньше 10—12 столь же продолжительных свиданий, в ходе которых министр намекнул, что Персия обладает значительной, хорошо обученной армией и подготовленными военачальниками. «Я согласился в рассуждении войска, хвалил их храбрость, показывая, что верю несметным силам Персии. Относительно участи военных людей я разъяснил, что где нет понятия о чести, там, конечно, остается искать выгод, отчего все военные их люди похожи на разбойников, не имеющих в предмете ни славы Персии, ни чести оружия, но один грабеж» (с. 32). Министр было оскорбился, однако посол, разузнавший от Мазаровича о том, что он за провинность был бит по пяткам, указал на отсутствие понятия чести у высших государственных чинов Персии, молча соглашавшихся с отобранием и продажей их гаремов и детей. Как-то министр прибегнул к угрозе разрыва и войны, на что посол ответил, что русское правительство не пожалеет ничего для защиты верных ему подданных. «Я присовокупил, что, зная обязанности мои наблюдать достоинство России, и, если в приеме шаха увижу холодность и в переговорах о делах замечу намерение нарушить мир, я не допущу до того, объявлю сам войну и потребую границ по Араксу» (с. 33). Чтобы не оставить сомнений у персидского министра, он разъяснил, каким образом это сделает, и назначил день, когда русские войска возьмут Тавриз. «Я желал бы только, чтобы мне дали слово дожидаться меня там для свидания». Посол добавил, что, случись война, ею воспользуются люди и свергнут шаха, который своим примером для этого указал дорогу другим (там же).

19 июля посольство посетило Султанию, где находилась летняя резиденция шаха, и осмотрело дворец. Глядя на бросающуюся в глаза восточную роскошь, рассчитанную на то, чтобы поразить воображение, на аляповато и без всякого вкуса обставленные комнаты, Ермолов занес в свои записи: «Сей женоподобный шах, в сем жилище срама и бесчестия, мечтает себя правителем всех во вселенной» (с. 34).

20 июля прибыл шах Фет-Али. Впереди вели слона с водруженным на него балдахин, за ним 500 верблюдов с фальконе-тами и знаменами, восточный оркестр и куртинский конвой, 16 богато убранных лошадей, 40 скороходов, затем шах на сером коне, живот, грива и хвост которого были окрашены хной (в оранжевый цвет), за ним — 20 сыновей и гарем шаха, 20 тысяч войска, большей частью принадлежавших его старшему сыну Мамеду-Али-Мирзе, лишенному престола в пользу Аббас-Мирзы (с. 35).

В церемониале его приема шахом Ермолов добился своего: никаких красных чулок, за 100 шагов до кресла шахский слуга оботрет пыль с его сапог и его кресло будет на том же ковре, где сидит шах; его должны сопровождать два советника и офицеры

посольства (с. 38—39). 31 июля состоялась аудиенция. Шах сидел на троне, с головы до ног осыпанный драгоценными камнями; позади стояли 11 его сыновей и придворные, державшие шахские регалии. Ермолов представился по той программе, которую сам же наметил, после чего были внесены подарки от русского императора. Они-то более всего интересовали шаха, особенно громадное зеркало, где он увидел себя первый раз в жизни; восхитился он и хрустальным сервизом, мехами, парчой, бриллиантами. Горя нетерпением поскорее рассмотреть каждый подарок в отдельности, шах завершил аудиенцию (с. 39—40). После еще двух встреч с шахом переговоры были поручены великому визирю. Последний назначил несколько конференций, однако Ермолов решительно заявил, что довольно и одной; не доверяя персам, он оговорил условие, что переговоры будет вести лишь на бумаге, письменно, и взял на себя всю переписку и — тем самым — всю ответственность⁵³. Единственное заседание состоялось 12 августа, и стороны пришли к согласию, чтобы вопрос о землях, отошедших к России по Гюлистанскому договору, считать окончательно решенным.

16 августа шах пригласил русское посольство, устроил угощение и «забавлял его разными зрелищами». Тогда же Ермолову передали письмо для Александра I, в котором шах писал, что «земли те вперед в возврат требованы не будут, так как приязнь государя императора шах предпочитает пользе, происходящей от приобретаемых земель» (с. 47). Шах показал Ермолову святое святых — свои сокровища, сказав, что, кто владеет ими, тот владеет и властью; затем шах заявил, что он выше всех европейских государей, и уподобил себя тени божьей на земле. «Я отвечал ему, что приятна тень от человека, под которым благоденствуют несколько миллионов народа, исчисляющего дни его благотворениями, но осмелился сделать один вопрос: какова была тень дядюшки его Ага-Магомет-хана?». Шах проглотит пилюлю и даже усмехнулся (с. 48—49). 19 августа шах, прощаясь с Ермоловым, сказал ему: «Ты до того расположил меня к себе, что язык мой не хочет произнести, что я отпускаю тебя». Он выразил желание повесить у себя во дворце портреты Александра I и Ермолова (с. 47). Но Ермолов хорошо знал лезть и коварство властелина Персии — его больше всего поразило «растление нравов, подкупность в людях и раболепие народа» (с. 50).

На обратном пути в Тавризе Ермолова встретил будто подменный Аббас-Мирза: он рассыпался в любезностях, уверял и клялся в верности достигнутой между Персией и Россией дого-

⁵³ В. Потто в этой связи замечает: «Характеристичная и редкая черта в начальнике» (Кавказская война, т. 2, вып. 1, с. 43).

воренности. Русский посол насквозь видел притворство наследного принца, ждавшего удобного часа для очередного вероломного вторжения в Закавказье.

* * *

Даже по краткому пересказу и приведенным выдержкам из «Записки» Ермолова можно составить представление о тонкой наблюдательности и остром критическом уме ее автора, его самобытном образном стиле, что выделяло ее как своеобразное документально-художественное произведение. В ней как нельзя лучше, наглядно как в зеркале отражены нравы и быт правящего сословия Персии, порядки, вернее, полный беспорядок, царящий в стране, тяжелое положение народа и живущих под гнетом персов иноверцев, в их числе армян, и вместе с тем высечен с многих сторон образ самого Ермолова как государственного деятеля большого масштаба.

Подробное описание перипетий посольства составил и Н. Н. Муравьев⁵⁴, который обратился к другим его участникам с предложением изложить свои впечатления от поездки; он, собираясь издать книгу, включил в нее и «Записку» Ермолова, однако по каким-то причинам осуществить свое намерение ему не удалось. Сохранился и «Дневник следования посольства» Е. Е. Лачинова, содержащий любопытные сведения о встреченных в пути городах и деревнях, в частности об Эчмиадзине и Эривани, бесправном положении населения, грабительстве и взяточничестве персидских властей и т. п.⁵⁵

Посольство Ермолова получило большой резонанс в русском обществе не только из-за личности чрезвычайного посла и рассказов многих его участников, но и из-за достигнутого ошеломляющего успеха. Достойное поведение Ермолова вызывало восхищение и гордость, стало, не побоимся сказать, примером того, как должны представлять великую Россию ее посланцы. «Записка» Ермолова распространилась среди офицеров Кавказского корпуса, дошла до Петербурга и Москвы. С ней Пушкина, вероятнее всего, ознакомили Раевские, состоявшие в дружбе с «проконсулом Кавказа». Но что Пушкину она была известна, видно

⁵⁴ «Записки» Н. Н. Муравьева, относящиеся к его поездке в Персию, напечатаны в «Русском архиве» за 1886 г. в № 4 и 5.

⁵⁵ «Дневник» Е. Е. Лачинова в отрывках опубликован в кн.: Нерсисян М. Г. История русско-армянских отношений. Ереван, 1961, кн. I, и в составленном и отредактированном М. Г. Нерсисяном сборнике: Декабристы об Армении и Закавказье. Ереван, 1985.

из уже приведенных строк: «Но се — Восток подьмет вой!.. Идет Ермолов!».

Итак, восстанавливая темы бесед Пушкина с Раевскими в поездку на Кавказ, мы вправе полагать, что в них большое место отводилось войнам в Закавказье с конца XVIII в. по 20-е гг. XIX в., в частности по присоединению Восточной Армении к России, их крупным деятелям и героям, участию в них сынов армянского народа.

4

В конце августа 1820 г. Пушкин с семьей Раевских выехал из Горячих Вод, на этот раз по новому маршруту — по правому берегу р. Кубань (левый был еще в руках черкесов) на Таманский полуостров, далее по морю — в Керчь. В том же письме к брату Льву он писал: «Видал я берега Кубани и сторожевые станции — любовался нашими казаками. Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности! ... С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапей⁵⁶, думал я — на ближней горе посереде кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот все, что осталось от города Пантикапей» (X, 18).

Эти строки письма Пушкина имели в виду трагическую судьбу понтийского царя Митридата VI Евпатора (132—63 до н. э.), который почти всю свою жизнь вел непримиримую борьбу с Римом. На первых порах он добился больших успехов: после двух войн с Римом завладел почти всей Малой Азией и перенес войну с Римом на Балканский полуостров. Однако в третьей войне, начавшейся в 74 г. до н. э., Митридат потерпел поражение от римских легионов, возглавлявшихся Луцием Лукуллом, и бежал в Армению. До этого Митридат, стремясь укрепить свои позиции в борьбе с Римом, вступил в союз с армянским царем Тиграном II Великим (95—56 до н. э.), выдав за него свою дочь Клеопатру.

В 70 г. Лукулл прислал своего представителя Аппия Клавдия к Тиграну с требованием выдать Митридата, но тот решительно

⁵⁶ Пантикапей (ныне Керчь) — столица древнего Боспорского государства (VI в. до н. э. — IV в. н. э.), образовавшегося в результате объединения греческих городов-колоний на западном и восточном побережье Понтийского (Черного) моря.

отклонил его. Началась римско-армянская война, наполненная трагическими эпизодами, победами и поражениями как римлян, так и армян, разрушением и разграблением городов Армении, массовым угоном в плен мирного населения. В войне принял участие Митридат, который с приданным ему армянским войском вторгся в Понт и отвоевал свое царство.

Неудачи деморализовали римское войско, не желавшее воевать с Митридатом и Тиграном. Римский сенат сместил Лукулла и передал командование на Востоке Гнею Помпею, которому удалось разбить Митридата, после чего тот бежал в Крым в принадлежавшее ему Боспорское царство. Оказавшийся в тяжелом положении Тигран не мог прийти на помощь своему тестю: у него начались междоусобицы с сыном — Тиграном-младшим. 75-летний армянский царь отказался от продолжения войны с римлянами, явился один, безоружный и без свиты, в лагерь к Гнею Помпею, который, поняв благородство и величие Тиграна, обнял его, посадил с собой рядом и оставил его царем Армении, правда, отняв внешние территориальные завоевания и наложив огромную контрибуцию.

Митридат тем временем набрал и обучил огромную армию, чтобы вторгнуться в Италию, однако внезапная смерть помешала осуществлению этого плана⁵⁷.

Пушкину была известна история Митридата VI Евпатора, следовательно, и Тиграна II, дошедшая в подробном изложении Аппиана, Иосифа Флавия и отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци, что косвенно подтверждается строкой из «Бовы» Радищева, на которую ссылался Пушкин в первом варианте одноименной поэмы, начатой в 1814 г.

Из Керчи путешественники отправились в Кафу (Феодосию), где остановились на даче у **Семена Михайловича Броневского** (1764—1830), знакомого Н. Н. Раевского-старшего по походу Зубова в Персию 1796 г., затем служившего в 1802—1806 гг. правителем дел при Цицианове в Тифлисе, в 1810—1816 гг. градоначальника Кафы, снятого с должности по навету. О нем Пушкин в том же письме к брату отзывался как о человеке почтенном «по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно Старику Вергилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города» (X, 18).

Ко времени приезда Раевских и Пушкина С. М. Броневский занимался написанием сочинения «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», две книги которого вышли в свет в 1823 г. в Москве. Они имелись в библиотеке Пушкина, и по

⁵⁷ История армянского народа. Ереван, 1973, с. 46—50. Подробнее: Манандян Я. А. Тигран II и Рим. Ереван, 1941.

тому, что разрезаны, надо заключить, были им прочитаны⁵⁸. В «Путешествии в Арзрум» есть ссылка на эти книги.

В первой части книги Броневского сообщаются сведения о Кавказе и Закавказье, их физическое обозрение — гор, рек, флоры и фауны, экономика края и т. п.; во второй — история, главным образом Грузии и Армении с древнейших времен до начала XIX в. Автор изучил имевшуюся к его времени литературу о Закавказье на европейских языках, в основном на немецком, материалы, в их числе архивные, о коммерческих и дипломатических отношениях России с Персией и Турцией и войнах с ними начиная с Петра I и до Ермолова.

Ограничимся одним примером: описывая Ширванское ханство (в котором он бывал), автор сообщает, что оно простирается вдоль по Каспийскому морю до устья Куры, находится рядом с Карабахом, Муганью и Гянджой. «Слово Ширвань, — пишет он, — производят двояким образом — от персидского — лев — шир или от хана Хозроя Нушгервана. У Моисея Хоренского и в персидской книге Зенда — Авеста сия область называется Шерованир»⁵⁹. В примечании дается интересный справка: «Армяне называют Ширвань Корин-Гайк, т. е. внутренняя часть Армении, или землю армянских агуанцев»⁶⁰.

С. М. Броневский был знатоком не только Закавказья, но и южного берега Крыма. Его сад украшали остатки колонн паросского мрамора, керамики и другие памятники древних поселенцев Тавриды, в том числе и армян, образовавших здесь свои поселения уже в XI в., продолжавшие существовать и во времена приезда сюда Пушкина. Наиболее значительные из них находились в Кафе, Сурхате, Судаке, Гезлёве (Евпатории), Карасубазаре (Белогорске), Ак-Мечети (Симферополе), Бахчисарае и других, а также в армянских городах Казарате, Армянском базаре (Армянске) и деревнях, расположенных между Карасубазаром и Старым Крымом⁶¹. Только в Кафе во второй половине XV в. проживало

⁵⁸ Модзалевский Б. Л. Личная библиотека Пушкина. СПб., 1910, отд. отт., с. 15.

⁵⁹ Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с. 344—350.

⁶⁰ Там же. Агуанцы (агваны, албанцы) — население Албании Кавказской, расположенной в Восточном Закавказье, в нижнем течении рек Аракса и Куры (4—3 вв. до н. э. — 10 в. н. э.), единое с армянами. См. подробнее: Акопян А. А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

⁶¹ Микаэлян В. А. История армянской колонии в Крыму. Ереван, 1964, с. 384—385. На арм. яз. Рез. на рус. яз.

свыше 40 тыс. армян, а по всему Крыму — около 500 тыс.; однако их число не оставалось неизменным, а изменялось в зависимости от политической обстановки в Крыму. Так, завоевание Крыма татарами и захват его турками в последней четверти XV в. привели к уходу части армян в другие страны (или их насильственному угону), затем в начале XVII в. в Крым хлынула новая волна переселенцев из Персии и Турции⁶². За время многовекового существования поселений армян в Крыму здесь развивалась самобытная национальная архитектура, литература, миниатюра и другие области культуры. В Кафе функционировало до 30 армянских церквей, в Сурхате — 5, несколько десятков в Судаке, Казарате, Бахчисарае и др. Знаменитый монастырь XIV в. Сурб-Хач (св. Креста) близ Старого Крыма, сохранившийся и поныне, монастырь св. Спасителя (XIV—XV в.) около бывшей армянской церкви Бахчели (ныне село Богатое).

Армянское население Крыма резко сократилось после переселения его в конце XVIII в. на Северный Кавказ, о чем мы скажем дальше, однако уже с начала XIX в. оно вновь возросло за счет возвратившихся из Нового Нахичевана и новых переселенцев из самой Армении. Так что ко времени пребывания Пушкина в Крыму и его путешествия армяне проживали здесь во многих местах, занимаясь садоводством, в основном виноградарством, ремеслами, мелкой торговлей.

Сохранившимися памятниками материальной культуры особенно выделялась Феодосия: в центре города стояла изумительная по архитектуре армянская церковь св. Саркиса (Сергея) с вмонтированными в ее стены мраморными плитами в память умерших. На одной из них имелась запись: «Сей святой крест есть предстатель мальчика Манука, который утонул в море в начале 406 года (по армянскому летосчислению. — К. А.), т. е. в 1047 г.», на другой на мраморном фундаменте церкви: «Сии святыя знамения предстатели парона⁶³ Цера, Паша хатун⁶⁴, Бей-⁶⁵ Мелика, Азна хатун. Лето 660 (1291 г.)».

Надо полагать, что Броневский, беседуя с Раевскими и Пушкиным об истории Крыма, говорил и о здешних армянских поселениях, а осматривая Кафу и ее окрестности, поэт видел армянские церкви, встречался с местными армянами. Кстати, заметим, что в Кафе проживала семья небогатого купца-армянина Айвазовского, в которой рос и будущий знаменитый живописец, крупный мастер морского пейзажа Ованес (Иван) Константинович Айва-

⁶² Там же, с. 390—392.

⁶³ Парон — господин.

⁶⁴ Хатун — госпожа.

⁶⁵ Бей — богатый, видный.

зовский, с которым Пушкин познакомился в 1836 г. в Петербурге.

17 августа Пушкин с семьей Раевских отправился из Кафы на военном бриге вдоль побережья на Гурзуф, где 19-го их встретила жена Н. Н. Раевского-старшего Софья Алексеевна (1769—1844) с дочерьми Екатериной и Еленой. Здесь он провел лето и занес в дорожную тетрадь конспект новой поэмы из кавказской жизни — «пленник — дева — любовь — побег». Позже в письме Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 г. он писал: «Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегах шумного Терека, на границах Грузии, в глухих ущелиях Кавказа...» (X, 27).

В начале сентября Пушкин и генерал Раевский с сыном Николаем верхами поехали в Бахчисарай, осмотрели ханский дворец, затем отправились в Симферополь, Перекоп и Одессу. И в пути, и в названных пунктах, как отмечалось, имелись поселения армян, однако у нас отсутствуют какие-либо сведения о контактах Пушкина с ними.

Из Одессы Пушкин направился на новое место своей службы — в Кишинев.

Глава третья

КИШИНЕВСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

(сентябрь 1820 — июль 1823)

1

21 сентября 1820 г. Пушкин прибыл в Кишинев, недавно отвоеванный у Турции и ставший центром вновь образованной Бессарабской области. За время поездки Пушкина на Кавказ и по Крыму сюда был переведен его начальник И. Н. Инзов — наместник этой области и глава Новороссийского края, попечитель и председатель Комитета иностранных поселенцев юга России.

Спустя год в стихотворном послании «Баратынскому. Из Бессарабии» (1822) Пушкин писал:

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным¹ воспета
И славой русскою полна.

(II, 102)

Кишиневский период жизни поэта ознаменовался дальнейшим расширением его контактов с армянами и его знаний об армянском народе. Для того, чтобы понять, каким образом могли возникнуть в далекой Молдавии армянские взаимосвязи Пушкина, необходим некоторый экскурс в историю русско-турецких войн XVIII—начала XIX в., в результате которых Россия вернула захваченные у нее на юге территории, что имело своим следствием появление здесь армянских поселений. О войнах Петра I с Турцией и ее сателлитом Крымом, нарушая хронологию, но соблюдая ее в отношении Пушкина, мы скажем в шестой главе, а здесь остановимся на русско-турецких войнах послепетровского периода.

Первую из них (1735—1739 гг.) Россия вела в союзе с Австрией, преследуя цель обезопасить свои южные границы от гра-

¹ Имеется в виду ода Г. Р. Державина «На взятие Измаила» (1790).

бительских набегов крымских татар, приостановить агрессию Турции, стремившейся к новым захватам на Украине и Кавказе, пробить выход к Черному морю. Это удалось осуществить частично, и по договору, заключенному в 1739 г. в Белграде, Россия добилась лишь демилитаризации Азова.

Непосредственного влияния на положение той части армянского народа, которая находилась под властью Турции, эта война не оказала, однако в ней еще больше укрепилась вера в Россию, стремление помочь ей в борьбе против общего врага. В войну приняли участие две воинские части из армян-добровольцев, «Армянский шкадрон», составленный из выходцев г. Новая Джу́га в Персии под командованием полковника Лазаря Христофорова (Агазар ди Хачик), при нем — подполковник Петр Касперов, корнет Иван Исцатуров, прапорщик Хачатур Якопов, и «Грузинский шкадрон» из армян и грузин, проживавших на территории Грузии, под командованием Рафаэла Парсаданова (Кузанова), при нем брат Таги и другие офицеры. Позднее оба эскадрона были объединены в Армяно-грузинский эскадрон, которым командовал Лазарь Христофоров в чине генерал-майора (с 1734 г.)². Действовали и отдельные отряды, возглавляемые Панибеком Басауровым и его сыном Абакумом Шергиловым, Погосом Зененцем (Павлом Зиновьевым), Александром Галустовым из Западной Армении, братьями Тарханом, Яковом и Гуласаром Исахановыми, Баги Васильевым, юзбаши (сотником) Абрамом Салагом, Пападаром Саркисовым, Григором Степановым, Аваном юзбаши и его сыном Аглуханом и др. Численность каждого из отрядов доходила от 100 до 250 чел.

Деятельность этих армянских частей зафиксирована в официальных документах³, отражена в русской периодике, в восьмитомной «Военной истории походов россиян в XVIII столетии» (СПб., 1819—1823) военного историка, генерал-майора и флигель-адъютанта Дмитрия Петровича Бутурлина (1790—1849), участника Отечественной войны 1812—1814 гг. и русско-турецкой войны 1829 г. В личной библиотеке Пушкина сохранились ее первые три тома⁴, однако, памятуя, что до нас она дошла не вся, следует полагать наличие у поэта всех восьми книг. Д. П. Бутурлину принадлежали также «История нашествия императора Наполео-

² Хачатрян А. Н. Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского военного сотрудничества. Исследование и документы. Ереван, 1969, с. 413—419.

³ Там же, раздел «Документы», № 14—42, с. 156—182.

⁴ Модзалевский Б. Л. Личная библиотека Пушкина. СПб., 1910, отд. отт., с. 15.

на на Россию в 1812 году» (1825), «Картина войн России с Турцией» (1829) и др.

Пушкин общался с семьей Д. П. Бутурлина и позднее — в 1833—1834 гг., о чем записал в своем дневнике. При работе над «Полтавой» и «Историей Петра» Пушкин пользовался военно-историческими трудами Д. П. Бутурлина.

Вторую войну (1768—1774 гг.) объявила Турция под воздействием Австрии и Франции, стремившихся не допустить Россию к Черному морю и отвлечь ее от европейских дел. В ходе военных действий русская армия добилась решающих успехов: в 1769 г. овладела Азовом, Таганрогом, Хотинном и Яссами, продвинулась в глубь Молдавии и Валахии; в 1770 г. русская армия под командованием П. А. Румянцева разгромила турок в сражениях на реках Ларге и Кагуле, русский экспедиционный корпус, направленный в Закавказье, взял Кутаиси и осадил Потю; русская эскадра высадила десанты на побережье Греции, блокировала Дарданеллы и сокрушила флот противника в морском бою в Чесменской бухте; в 1771 г. русские взяли Крым и часть Прикубанья. Терпя поражение за поражением, Турция запросила мира, однако переговоры, которые велись в 1772—1773 гг., не привели к успеху. В 1774 г. война возобновилась — русская армия перешла Днепр и вступила в Болгарию, осадила крепости Рушук, Силистрию и Шумлу, разбила турок у Козлуджи, ее авангарды двинулись за Балканский хребет. В этих условиях Османская империя пошла на попятную и подписала в 1774 г. Кючук-Кайнарджийский мирный договор, по которому Крымское ханство получило независимость от Турции, к России отошли Керчь, Азов, Еникале и Кинбурн и некоторые земли между Днепром и Бугом, Большая и Малая Кабарда на Сев. Кавказе. Россия не только получила выход к Черному морю, но внесла в договор пункты, которые **облегчали положение оставшихся под гнетом Турции славян, румын, греков, грузин, армян и других народов**, придав новый импульс их национально-освободительной борьбе. В частности, было оговорено восстановление автономии Молдавии и Валахии, переходивших под покровительство России⁵.

И в этой войне в рядах русской армии сражались и армяне, но не в качестве добровольцев, а состоящих на русской службе солдат и офицеров. В 1760 г. сенатом был принят указ «О принятии в русскую службу грузинцев и армян», в котором говорилось, что проживающие в отошедших к России местностях гру-

⁵ См.: Дружинин Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

зины и армяне могут быть зачисленными в русскую армию⁶. У нас нет сведений о том, были ли сформированы из них отдельные части и их количественном составе, но судя по тому, что среди награжденных находился уже упомянутый Петр Касперов, начавший войну полковником и закончивший ее в чине генерал-майора, позднее назначенный комендантом Таганрога, надо полагать участие в военных действиях армянского и грузинского эскадронов; известно также, что в сражениях отличился и подполковник кн. Стефан Сумбатов, о котором в источнике данных не имеется⁷.

Следствием победы России в этой войне явилось и **переселение в 1778—1779 гг. крымских армян в Азовскую губернию при непосредственном участии и помощи А. В. Суворова**⁸.

Признав независимость Крыма, Турция не оставляла своих попыток восстановить прежнее положение. Для противодействия проискам Турции по приказу Г. А. Потемкина — правителя Новороссийской, Азовской и Астраханской областей — в конце 1776 г. в Крым были введены русские войска под командованием генерала Прозоровского, смененного в апреле 1778 г. Суворовым. Энергичными мерами Суворову удалось вытеснить из Крыма турецкие войска и флот, не допустить их десанта, расстроить заговор татарских ханов против России, положить конец их грабегам и насилию над христианским населением полуострова. По замыслу русского правительства войска в Крыму должны были оставаться на небольшой срок, и их действительно вывели весной 1779 г. Возник проект переселения из Крыма в Азовскую и Новороссийскую области армян и греков, в руках которых находились почти все ремесла и торговля, а уплачиваемые ими подати составляли значительную часть поступлений в ханскую казну. Ослабляя таким путем экономически Крымское ханство, Россия ставила его в зависимость от себя, укрепляя вместе с тем производительные силы вновь приобретенных южных губерний⁹.

Суворову пришлось проделать огромную работу: он вступил в контакты с местными армянами и греками и их руководителями, убеждал сомневающихся в необходимости переселения; учитывая интересы и потребности переселенцев, добивался от русских властей их удовлетворения и организации широкой помощи ар-

⁶ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1833, ч. 1, с. 24.

⁷ Собрание актов... М., 1838, ч. 3, с. 302.

⁸ См.: **Нерсисян М. Г.** А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770—1790 годах. — В кн.: **Нерсисян М. Г.** Из истории русско-армянских отношений. Ереван, 1956, кн. 1. Далее: **Нерсисян М. Г.**

⁹ Там же, с. 13—14.

мянскому и греческому населению; он решительно пресек те препятствия, которые чинили ему татарские беи, аги и мурзы во главе с ханом Шагин-Гиреем, ярость которых возрастала не только из-за того, что они лишались доходов, а и потому, что многие их единоверцы—татары выражали желание выехать в Россию и тайно принимали христианство. Массовое переселение имело место в августе и сентябре 1778 г. В рапорте от 18 сентября Суворов доносил: «Вывод крымских христиан кончен. Обоюга пола отправилось в Азовскую губернию 31 098 душ... Осталось зимовать в Еникале и Черкасске 288 душ. Преосвященный митрополит греческий, преподобный архимандрит армянский выехали за христианами сего числа, в то же время католический патер Яков». Из общего числа переселенцев греки составляли 18 407 душ, армяне — 12 598, грузины — 219, валахи — 162¹⁰.

В пути переселенцам пришлось испытать немало лишений и бедствий из-за голода, болезней и холода. Суворов по мере своих сил и возможностей стремился облегчить их положение, поступая «сдержанно, политично и человеколюбиво... вкладывая свою душу в это дело»¹¹, однако и ему не всегда удавалось преодолеть произвол и притеснения царских чиновников. Лишь через год решился вопрос с выбором места жительства: греки основали г. Мариуполь и ряд деревень вблизи от нового г. Екатеринослав, в которых поселились и армяне-католики, в большей части вернувшиеся в Крым после его присоединения к России (1783 г.); армяне же, придерживавшиеся национальной религии, основали г. Новый Нахичеван в Таганрогском градоначальстве, недалеко от крепости св. Дмитрия Ростовского (ныне Ростов-на-Дону) и пять деревень, ставших еще одним очагом жизнедеятельности армянского народа.

Существенную помощь Суворову в переселении крымских христиан оказали греческие и армянские деятели. Из последних назовем: архимандрита Петра Маркоса (Петроса Маркосяна), католического священника Якова (Акопа), крымских армян Аналию и Андриаса (которым по ходатайству Суворова было присвоено звание капитана), подпоручика Петра (Петроса) Иванова, участника Семилетней войны и первой русско-турецкой войны, служившего в русских войсках, находившихся в Крыму¹², Павла

¹⁰ Там же, с. 26, 27 со ссылкой: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 208, п. 276.

¹¹ Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. СПб., 1884, т. 1, с. 212.

¹² В 1777 г. при кн. Прозоровском подпоручик Иванов был послан для увещевания восставших против Шагин-Гирей-хана татар, но подвергся жестоким казням со стороны мятежников, которые отрубили ему два пальца правой руки, прокололи пикой левую и в двух местах тяжело ранили саблей. Посчитав его убитым, татары бросили Иванова в реку, но, к счастью, на мелкое мес-

(Погоса) Артемьева, произведенного за труды и усердие в прапорщики. Тогда же Суворов познакомился с архиепископом Иосифом Аргутинским — главой армянской церкви в России, богачом, видным деятелем армянского национально-освободительного движения Иваном (Ованесом) Лазаревичем Лазаревым. Оба они были привлечены к обсуждению и разработке принятого в конце 1779 г. русским правительством плана похода русских войск в Восточное Закавказье, находящееся под властью Персии, осуществление которого было возложено на Суворова и которым занимались Г. А. Потемкин и сама Екатерина II. Отсылая к монографии акад. АН АрмССР Р. А. Иоаннисяна «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия» (Ереван, 1947), в которой подробно и документированно изложен этот важный эпизод русско-армянских исторических отношений, отметим, что предполагалось создание под эгидой России самостоятельного Армянского царства с возможным его расширением в дальнейшем за счет армянских провинций, захваченных Турцией, а в качестве временной меры — переселение в Россию их населения. Деятели армянского национально-освободительного движения, армяне как в коренной Армении, так и за ее пределами — в армянских поселениях, главным образом в России и Индии, — с горячим одобрением встретили план русского правительства, приступили к подготовке воинских частей и организации народного ополчения в помощь русской армии. Реализацией плана занялся Суворов, который свыше двух лет провел в Астрахани, завязал тесные контакты с армянами, выполнявшими его поручения разведывательного характера, подготовил поход в Закавказье и т. п.

Но каким образом эта деятельность Суворова соотносится с Пушкиным, его армянскими взаимосвязями?

Одним из наиболее любимых и почитаемых героев Пушкина всю его жизнь оставался А. В. Суворов. Поэт знал малейшие подробности, относящиеся к великому полководцу и государственно-му мужу, собирая о нем даже анекдоты (см. VIII, 97). Помимо того Пушкин тщательно изучал историю екатерининского времени, собираясь писать сочинение того же типа, что «История Пугачева» и «История Петра». Ему были известны и роль Суворова в переселении крымских армян, его участие в решении вопроса огромной политической значимости — о дальнейших судьбах Армении и всего Закавказья, устройстве им крупной армянской колонии — Нового Нахичевана, в котором, как отмечалось, Пушкин побывал в июне 1820 г. с Раевскими.

то, почему он и спасся. По всеподданнейшему представлению Г. А. Потемкина Иванов 22 мая 1778 г. был при отставке награжден чином капитана и пенсией по сто рублей ежегодно (Письма и бумаги А. В. Суворова. Пг., 1916, т. 1, с. 387. Цит. по: **Нерсисян М. Г.**, с. 40).

Третью войну против России (1787—1791 гг.) вновь затеяла Турция, предъявив ультиматум России возвратить ей Крым, признать вассальную зависимость от нее Грузии и дать согласие на досмотр торговых судов, проходящих через проливы. Россия отклонила эти требования, в ответ Турция, науськиваемая Англией, Пруссией и Францией, объявила 13 августа 1787 г. войну, одновременно начав ее в Крыму и на Кавказе. Против 200 тыс. турецкого войска и флота Россия выставила две армии: генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина (82 тыс.), поставив перед ней задачу взять крепость Очаков и выйти к Дунаю, и генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева (37 тыс.), с тем, чтобы помочь главным силам. Защита же Крыма и Кавказа была поручена отдельным корпусам и черноморскому флоту.

Как и в прошлой войне, турки потерпели сокрушительное поражение и на южном, и на восточном (кавказском) фронтах. Блестящую победу одержал Суворов: в октябре 1787 г. его дивизия почти полностью уничтожила 6-тысячный десант противника, в июне 1779 г., совершив бросок через труднопроходимые леса, неожиданно атаковала противника при Фокшанах, обратив в бегство 30-тысячный корпус турок, и разбила его полностью, в сентябре объединенная русско-австрийская армия (25 тыс.) под его руководством разгромила при Рымнике 100-тысячное войско Юсуф-паши, в декабре 1790 г. завладела сильной крепостью Измаил. В Кабарде наголову был разбит вражеский экспедиционный корпус, а флот под руководством Ф. Ф. Ушакова нанес ряд поражений турецкому флоту.

Турецкий султан срочно запросил мира. 29 декабря 1791 г. в Яссах был подписан договор, по которому Турция отказалась от притязаний на Грузию и признала присоединение к России Крыма (провозглашенное в 1783 г.); новая граница России на юго-западе пролегла по р. Днепр, а на Кавказе — по р. Кубань, к ней перешло Черноморское побережье между реками Южным Бугом и Днестром; были возвращены Турции занятые в ходе военных действий Молдавия и Валахия.

Участником этой войны был и 19-летний Иван Никитич Инзов — будущий начальник Пушкина, который отличился при взятии крепости Бендеры. Заметим, что в составе русских войск сражался отряд волонтеров под командованием подполковника Ивана (Ованеса) Абрамова. В фондах ЦГВИА М. Г. Нерсисяном обнаружено дело, содержащее прошение от 14 мая 1788 г. на имя кн. Г. А. Потемкина от «начальника общества армянского, в Нахичеване обитающего», Ивана Абрамова, что он «собрал из армян-волонтеров и часть из малороссиян... исправил им на свой счет хороших лошадей, одел их в приличное платье и вооружил их по-надлежащему» с направлением отряда в Тавриду, «яко в

местах им лучше известных», чтобы «могли оказать против неприятеля храбрость и неустрашимость...». Отряд состоял из 224 человек—200 рядовых, 24 офицеров, унтер-офицеров и капралов¹³.

В: «Собрании актов...» отмечается, что под начальством Суворова «находились из армян: подполковник Манеев¹⁴, майоры: Лалаев¹⁵ и Хастатов¹⁶; оба сии были доверенные лица и любимцы генералиссимуса». Хастатов храбростью и заслугами достиг впоследствии чина генерал-майора и знаков отличия, а Манеев, к сожалению полководца и всех знавших его, «убит при взятии Измаила. Сей храбрый Манеев с неимоверною неустрашимостью отличался на приступе»¹⁷. Упоминаются также находившиеся на русской военной службе офицеры Ходжамалов, Улуханов, Мкртичев, Айвазов, кн. Василий Аргутинский-Долгорукий, Ваганов, Иванов (Иванян) и другие, однако о них, к сожалению, никаких сведений нет, хотя составители «Собрания актов...» имели под руками официальные документы.

Остановимся лишь на одном из упомянутых лиц — Варлааме Ваганове. Занимавшийся им К. Н. Григорьян пишет, что «во всех печатных источниках имя его упоминается как автора русских переводов книг об Армении»¹⁸. Установлено, что он уволился в отставку в 1786 г. в чине подпоручика, поселился в Петербурге, в том же году перевел на русский «Краткое историческое и географическое описание царства Армянского, составленное Шаамиром Шаамиряном, видным представителем армянской колонии в Мадрасе». Свою книгу Шаамирян послал Иосифу Аргутинскому, тот в свою очередь представил ее Г. А. Потемкину, и по его распоряжению она была издана в переводе В. Ваганова. Переводчик посвятил книгу Г. А. Потемкину, под командованием которого в

¹³ Нерсисян М. Г., с. 168—169.

¹⁴ Иван Манеев (р. 1763) — в 1787 г. обер-аудитор штаба Суворова, далее — секунд-майор Смоленского драгунского полка, получил ранения в сражениях под Кинбурном и Очаковом (Нерсисян М. Г., с. 88).

¹⁵ Мартин Лалаев (р. 1764) — в 1789—1790 гг. капитан, затем секунд-майор, отличился при Фокшанах и Рымнике, взятии Измаила, выполнял специальные поручения Суворова (Нерсисян М. Г., с. 87—88).

¹⁶ Аким Хастатов (1756—1809) поступил на военную службу в начале 70-х гг. XVIII в., 17 мая 1780 г. в чине капитана вновь принят в армию. Отличился в сражениях при Фокшанах, Рымнике, взятии Измаила, о чем особо упоминается в донесениях Суворова и Потемкина (Нерсисян М. Г., с. 85). Был женат на родной сестре бабушки М. Ю. Лермонтова, у которой поэт гостил во время поездок в детстве на Кавказ и во время ссылки.

¹⁷ Собрание актов..., ч. 3, с. 302.

¹⁸ Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX вв.). Ереван, 1974, с. 102.

чине капрала л.-гв. конного полка участвовал в русско-турецкой войне. Среди подписчиков значатся: А. В. Суворов, сенатор, президент Коммерц-коллегий, впоследствии канцлер А. Р. Воронцов, один из ближайших сотрудников императрицы граф А. А. Безбородко, граф А. П. Шувалов, член Российской академии, президент Академии художеств А. И. Мусин-Пушкин, отец поэта К. Ф. Рыльева, старший сын «арапа Петра Великого» И. А. Ганнибал, княгиня Е. Р. Дашкова, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил и много других влиятельных лиц¹⁹. Эти имена служат доказательством интереса правительственных кругов России к Армении, их тесных связей с деятелями армянского национально-освободительного движения. И что любопытно — на обороте титульного листа переведенной книги Варлаам Ваганов поместил сочиненное им стихотворение, в котором выразил свои чаяния об освобождении Армении с помощью России:

Богатством, древностью и храбростью героев,
Что в римских некогда разили в битвах воев,
Премножеством премен прославлена страна,
Армения доднесь лежит расхищена;
Но вопль ее, врагов насильством извлеченный,
Достиг уже пред трон Российский освященный.

В. Ваганову принадлежит и перевод с древнеармянского заключительной главы «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, озаглавленной «Плач об Армении», изданный в том же 1786 г. Переводчик посвятил его Екатерине Ивановне Лазаревой, что подтверждает его близость к Ивану Лазаревичу Лазареву. Последний и Иосиф Аргутинский стремились посредством издания переведенных В. Вагановым книг ознакомить русское общество с прошлым и настоящим Армении, заинтересовать в оказании помощи армянскому народу. Личность и деятельность В. Ваганова свидетельствуют также о том, что подавляющая часть воинов-армян поступала на службу в русскую армию не в поисках чинов и званий, а из патриотических чувств, глубокого осознания освободительной миссии России, становясь ее верными сынами. В этом и причина доброго к ним отношения русского командования, того же Суворова, их русских товарищей по оружию.

Из армян участников этой войны особого внимания заслуживают состоявшие при главнокомандующем кн. Г. А. Потемкине в качестве порученцев генерал-адъютант Артемий Лазаревич Лазарев, действительный статский советник Иван Лазаревич Лазарев, подполковник Мина (Минас) Лазаревич Лазарев²⁰. Выделим

¹⁹ Там же, с. 108—109.

²⁰ Собрание актов..., ч. 3, с. 202.

особо также Манук-бей Мирзояна, сыгравшего большую роль в урегулировании русско-турецких отношений. В Турции он занимал должность главного советника первого визиря, однако втайне придерживался русской ориентации и, будучи человеком большой смелости, к тому же состоятельным, пользовался большим авторитетом в Османской империи. Ему удалось нейтрализовать происки французских дипломатических агентов в Турции, в какой-то мере сдержать агрессивный пыл турецких правительственных кругов, а своими донесениями способствовать успеху военно-политических акций России²¹. В «Собрании актов...» о нем сказано: «Османской порты драгоман-бей, известный состоянием и доверенностью Манук-бей за оказанные России многие заслуги в переговорах и сношениях удостоился неоднократно высочайшего благоволения, потом высочайше пожалован был орденом Владимира 3-й степени»²².

Манук-бей находился в родственных связях с Лазаревыми — его дочь Екатерина Эммануиловна (Мануковна) была женой Христофора Екимовича Лазарева. Бывая у них дома, Пушкин мог слышать о полезной для России деятельности Манук-бея и даже встретиться во время его наездов в Петербург.

Русско-турецкая война 1787—1791 гг. благотворно сказалась на судьбах части армянского населения, проживавшего на территории Турции. Присоединенная к России в результате войны огромная территория — Новороссийская область была мало заселена и почти не обработана. Для решения этого вопроса русское правительство наметило основать на юге России еще один армянский город, заселив его выходцами из подвластных Турции областей. Это отвечало также общим целям, поставленным деятелями армянского национально-освободительного движения И. Аргутинским, Лазаревыми и др. Первый из них в обращении к Екатерине II писал: «Не имею иного помышления на душе моей, кроме ревностного желания исполнить святую волю вашего величества, известную мне из многократных вещаний благодетеля моего... князя Потемкина-Таврического. Он по прозорливости своей предназначил меня исполнителем великого намерения, чтобы привлечь в российское подданство армян, изнемогающих под игом турецким»²³.

Для переселения армян в действующую против турок армию

²¹ Фаньян Дж. С. Манук-бей и его дипломатическая деятельность. — Историко-филологический журнал АН АрмССР (далее: ИФЖ), 1977, № 4, с. 149—165.

²² Собрание актов..., ч. 1, с. 51.

²³ Цит. по: Ананян Ж. А. Армянская колония Григориополь. Ереван, 1969, с. 29. Далее: Ананян Ж. А.

к Г. А. Потемкину был направлен архиепископом Иосиф Аргутинский, который, согласно официальному документу, с начала войны «находился завсегда с главнокомандующим генерал-фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим при войсках... При окончании же сей войны по особливому высочайшему соизволению... императрицы Екатерины через... князя Потемкина препоручено было [ему] непосредственное старание о преклонении к выходу в Россию обитавших под турецкой властью в Бессарабии армян»²⁴.

Армянский архиепископ разослал повсеместно воззвание с описанием выгод, которыми пользуются армяне в России, выставляя в качестве примера Новый Нахичеван; со своей стороны Потемкин вменил в обязанность всем военачальникам расположить к русским армян, избегать причинения им малейшего ущерба, предоставлять им льготы, например, освобождать их от постоя войска²⁵, земских повинностей и т. п., хотя, подчеркнем, не эти меры определили решение армянского населения: его выбор в пользу России был сделан давно и бесповоротно.

Переселение осуществлялось русским командованием при помощи огромном содействии Аргутинского и его сотрудников. Оно началось в 1789 г., приняв особо интенсивный характер в 1791 г., когда на левый берег Днестра перешло более 4000 армян. Поток переселенцев не прекратился и после смерти Потемкина (1791), он продолжался и при его преемнике графе В. А. Зубове, который с пониманием и сочувствием относился к армянам и с которым И. Аргутинский завязал тесные отношения.

23 февраля 1792 г. указом императрицы екатеринославскому губернатору В. В. Коховскому «особливо поручается» устройство переведенных из-за Днестра армян — отвести им округу «между долин Черной и Черницы лежащую, со помещением обеих оных, под город армянский, который и именовать Григориополь»²⁶ (в честь кн. Григория Потемкина). В мае-июне были основаны армянские деревни Иосифовка и Васильевка, а 15 июля недалеко от них состоялась торжественная закладка города. 12 октября 1794 г. рескриптом Екатерины II город получил свой герб, печать и штат городского магистрата²⁷. Вот описание герба Григориополя: «Внизу поставленная корона значит честь государскую. Единголавный орел, держащий в лапе скипетр, показывает дела армян-

²⁴ АВПР, ф. Сношения России с Арменией (1764—1800), оп. № 100/III, д. 462, л. 28. Цит. по: **Ананян Ж. А.**, с. 31.

²⁵ **Ананян Ж. А.**, с. 32—33.

²⁶ ЦГАДА, ф. 16, д. 696, ч. I, л. 188. Цит. по: **Ананян Ж. А.**, с. 51. Территория для устройства колонии занимала 31,1 тыс. десятин земли в районе м. Черное при впадении речки Томашлык в Днестр.

²⁷ **Ананян Ж. А.**, с. 83.

ского императора Артаксеркса. Нерукотворный образ свидетельствует исповедание Христа армянским царем Абгаром. Агнец показывает то время, в которое святой Григорий просветил крещением царя Трдата и всю Армению. Львы означают трудолюбие и храбрость армянских царей Рубенских. Ковчег Ноев, стоящий на горе Араратской, означает принадлежность оного Великой Армении.

Российский императорский герб в заглавии знаменует покровительство России армянскому народу»²⁸.

На строительство города было отпущено 100 тыс. р., ему предоставили гражданское самоуправление, свой суд, который руководствовался своими законами и традициями²⁹. Градоначальником был назначен капитан Павел Туманов, полицмейстером — надворный советник Г. М. Худобашев³⁰, оба находившиеся на русской службе, членами магистрата избраны бургомистры Саргис Бинятов и Асвадур Ованесов, словесными судьями — Акоп Карапетов и Каспар Арутюнов³¹.

Так появился еще один армянский город, ставший торговым центром юга России. В нем получили развитие ремесла, а в близлежащих армянских деревнях — садоводство и виноградарство. И хотя в первой трети XIX в. экономическое значение Григориополя из-за переезда крупных купцов в Одессу и Кишинев несколько ослабло, однако он продолжал оставаться довольно значительным поселением армян в пределах Молдавии.

Одним из деятельных сотрудников И. Аргутинского стал **Григор Захарян**, впоследствии предводитель Бессарабской армянской епархии, с которым Пушкин познакомился и сблизился в Кишиневе.

Это была примечательная личность — как по прожитой им жизни, так и по складу его ума и характера. О Григоре Захаряне известно, что он родился предположительно в 60-х гг. XVIII в. в Аккермане (ныне Белгород-Днестровский), находившемся тогда под властью Турции. В конце русско-турецкой войны 1768—1774 гг. с группой армянских юношей Захарян был вывезен из Бессарабии и отправлен для получения образования в Астраханскую епархиальную консисторию. Юный Григор выделялся среди других своими способностями, и епархиальный начальник И. Ар-

²⁸ Собрание актов..., ч. 1, с. 193. См.: **Ананян Ж. А.**, с. 83.

²⁹ **Ананян Ж. А.**, с. 97.

³⁰ Он приходился родным братом упоминавшемуся в первой и второй главах нашей работы ученому-историку Александру Макаровичу Худобашеву и близкому кишиневскому знакомцу Пушкина Артемию Макаровичу Худобашеву, о котором мы скажем дальше.

³¹ **Ананян А. Ж.**, с. 86, 128.

гутинский стал его наставником и духовным отцом, направил его в Эчмиадзин, в духовную Академию, по завершении которой он был посвящен в сан вардапета (архимандрита). Возвратившись в Россию, Захарян вместе с И. Аргутинским выехал в действующую против турок русскую армию, помогал в организации армянского добровольческого отряда, познакомился с Суворовым, Кутузовым и многими русскими военачальниками, с деятелями армянского освободительного движения, такими как Степан Давтян — представитель эчмиадзинского католикоса при русском дворе (так называемый «араратский посол»), с Артемием Лазаревым и другими, участвовал в переселении армян в Россию и в строительстве Григориополя, став главой его духовного управления³².

С Григором Захаряном нам предстоит еще встретиться, а здесь перейдем к следующей **русско-турецкой войне — 1806—1812 гг.**

Воспользовавшись тем, что Россия воевала с наполеоновской Францией (1805—1807), Турция по наущению последней вновь попыталась оторгнуть Грузию и Крым, восстановить свое монопольное право на Черное море³³. Не менее важной причиной войны являлось то, что Россия поддерживала восстание сербов под руководством Кара-Георгия, вспыхнувшее в феврале 1804 г., направленное против турецкого гнета и зверств янычар, властвовавших в Белградском пашалыке. Крайнюю опасность этого восстания турки усматривали в достигнутых сербами успехах, взявших в конце 1806 г. штурмом Белград и освободивших 12 его округов, изгнавших помещиков и турецких чиновников, образовавших правительствующий сенат, подав тем самым пример другим порабоженным народам.

Упреждая вторжение турок, русские войска под командованием генерала И. И. Михельсона в ноябре 1806 г. перешли Днестр, заняли Молдавию и Валахию. В июне 1807 г. русский флот, ведомый Д. Н. Сенявиным, в морском сражении у Афона разгромил турецкий флот, а сухопутные войска тем же летом отразили вторжение турок в Валахию и в Закавказье и взяли крепость Анапу. В августе 1807 г. (после Тильзитского мира) между Россией и Турцией было заключено перемирие, однако весной 1809 г. военные действия возобновились. 80-тысячная русская армия перешла Днестр, осадила ряд турецких крепостей, однако известие о подходе 50-тысячной турецкой армии принудило русских отступить. Успешнее развивались события на Закавказском фронте: как уже

³² Фаньян Дж. С. Григор Захарян в Молдавии. — ИФЖ, 1976, № 3, с. 186.

³³ Изложение русско-турецкой войны мы даем по кн.: Петров А. Н. Война России с Турцией 1806—1812 годов. СПб., 1885—1887, т. 1 и 2.

говорилось, генерал Гудович нанес поражение 20-тысячной турецкой армии и взял крепость Потти.

В мае 1810 г. на Дунайском фронте русская армия вновь перешла Днестр и заняла ряд крепостей, разгромила 50-тысячную турецкую армию, с боями продолжала продвижение в Болгарии, дошла до балканских перевалов. К русским присоединилось и болгарское земское войско, однако малочисленность русской армии вынудила его отступить к исходным позициям; несколько тысяч болгарских семей, спасаясь от турок, ушли за Дунай.

Положение изменилось после назначения в марте 1811 г. главнокомандующим Дунайской армией М. И. Кутузова. Он стянул рассредоточенные более чем на 1000 км по Дунаю русские войска в единый кулак, нанес в мае сокрушительное поражение 80-тысячной турецкой армии, затем в августе — другой, состоявшей из 55 тыс. человек, заставив турок капитулировать и просить о перемирии. В военных действиях участвовали И. Н. Инзов, командовавший бригадой 10-й пехотной дивизии и отличившийся при осаде крепостей Силистрия и Шумла, а на Кавказском фронте, напомним, — С. А. Тучков в разгроме турецкой армии при Гумри.

Заключенный в 1812 г. в Бухаресте мирный договор закрепил за Россией Бессарабию и Западную Грузию, обеспечил безопасность ее южных и юго-западных границ. Создались благоприятные условия для непосредственного освобождения народов Закавказья и Балкан от ига Турции. По 8-й статье договора по настоянию России Турция обязывалась предоставить автономию части Сербии. Забегая вперед, отметим, что, воспользовавшись войной России с наполеоновской Францией, Турция в 1813 г. вероломно напала на Сербию и аннексировала ее. В 1815 г. в Сербии начался новый подъем национально-освободительного движения, которое с переменным успехом продолжалось до русско-турецкой войны 1828—1829 гг., принесшей окончательное освобождение сербам.

В этой войне проявили себя и состоящие на русской службе воины-армяне. Как отмечалось, в ней началась военная слава Мадатова, отличились и другие офицеры-армяне: полковники Борисов и кн. Назаров, артиллерии полковник Арапетов, майор Хождаев, а также гражданские чиновники: статский советник Меликов, коллежский асессор Бабаян³⁴, знакомые нам Манук-бей Мирзоян и Григор Захарян. Первый, переехав с семьей в Бухарест, возглавлял местную армянскую колонию и с первых дней войны находился в ставке главнокомандующего Дунайской армии не только в качестве драгомана-переводчика, а и советника, осведомленного о положении в Турции и подвластных ей землям,

³⁴ Собрание актов..., ч. 3, с. 306.

о порядках в ее армии и личности военачальников. В «Собрании актов...» о его заслугах в этой войне говорится, что «главнокомандующие русской армии ген. Михельсон, кн. Прозоровский, кн. Багратион, гр. Милорадович, гр. Каменский и кн. Кутузов приглашали драгоман-бея Манук-бея на содействие как во время кампании, так и при заключении мира. Манук-бей оказал подвиги преданности к России и на приобретении Бессарабии, равно и в переселении армян и болгар в сию область, за что высочайше пожалован прямо в действительные статские советники, и, кроме того, состоялись на имя его императорские грамоты и рескрипты, при особых отношениях главнокомандующего, государственного канцлера графа Румянцева и статс-секретаря графа Каподистрия, полученные в разные годы и по разным предложениям»³⁵.

После окончания войны Манук-бей с семьей перебрался в Молдавию и обосновался в местечке Генчешты (ныне Котовск). Владея большим состоянием и имея связи с влиятельными лицами в России, он выдвинул проект создания на Дунае крупного армянского города-порта, который стал бы опорным пунктом в освобождении Западной Армении. План встретил одобрение царских властей, в свою очередь стремившихся к упрочению военно-политического и экономического положения России в Черноморском бассейне. Однако реализовать его не удалось из-за смерти Манук-бея в результате несчастного случая в 1817 г. Манук-бей был похоронен во дворе армянского кафедрального собора в Кишиневе³⁶.

Второй — Григор Захарян — уже в качестве епархиального архиерея армян Бессарабии, Молдавии и Валахии³⁷ в августе 1809 г. прибыл в ставку главнокомандующего генерала П. И. Багратиона с предложением своих услуг, который в феврале 1810 г. отправил его в Бухарест, где вместе с Манук-бей Мирзояном организовали отдельный армянский добровольческий отряд, принявший участие в походе за Дунай в 1810—1811 гг. и отмеченный в приказе гр. Н. И. Каменского за храбрость и отвагу³⁸. Сам Захарян во главе 150 солдат участвовал в решающем сражении под Рушуком, был ранен и также заслужил благодарность от русского командования.

После заключения Бухарестского договора Манук-бей и Захарян при содействии М. И. Кутузова и его преемника генерала

³⁵ Собрание актов..., ч. 1, с. 51—52.

³⁶ См.: **Фаньян Дж. С.** Григор Захарян в Молдавии, с. 190.

³⁷ Он был назначен по предложению местного духовенства и поддержан православным митрополитом Бессарабской епархии Гавриилом Банулеско-Бодони (с которым мы встретимся дальше).

³⁸ **Фаньян Дж. С.** Григор Захарян в Молдавии, с. 188.

П. В. Чичагова переместили в Молдавию значительное число армян из оставшихся под турецким владычеством районов. Они были размещены в уже существовавших армянских поселениях — Кишиневе, Бельцах, Сороках, Бендерах, Аккермане, Кагуле, Измаиле и других городах.

2

Первое, что бросилось в глаза Пушкину в Кишиневе, — это необычайная пестрота населения, «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний». В городе бок о бок проживали молдаване и румыны, задунайские славяне и турки, греки и армяне, евреи и немцы, семейства русских переселенцев и потомки беглых стрельцов, участники Булавинского восстания и немногие представители других национальностей, к которым после присоединения к России части Молдавии и Бессарабии прибавились русские военные и чиновники.

Среди городских жителей армяне составляли значительную прослойку. По данным переписи 1809 г. в Кишиневе проживало 113 армянских семей, принадлежащих к национальной церкви, а также некоторое количество армян-католиков³⁹. К началу 20-х гг. их численность намного увеличилась за счет переселенцев, бежавших из-за Прута и Дуная, а также переехавших из Григориополя. По сложившемуся еще в средние века обычаю расселения горожан по вероисповедному принципу армяне в Кишиневе образовали особый квартал — улицу, получившую название Армянской.

В деле развития армянского поселения Кишинева большие усилия приложил Г. Захарян. Его стараниями русское правительство в 1811 г. выделило 4 тыс. левов на строительство архиерейского дома, 12 тыс. левов в год — на содержание епархиального управления, с той же целью — 2 тыс. десятин пахотной земли, фруктовые и виноградные сады с производственными постройками и жилыми домами, участок на Днестре для промысловой рыбной ловли⁴⁰. Как справедливо замечает Дж. С. Фаньян, «армянская колония крепнет численно и экономически, играя определенную роль в превращении безвестного захолустного Кишинева в значительный по тем временам ремесленный, торговый и культурный центр»⁴¹.

К приезду Пушкина на одной из центральных улиц Кишинева возвышался армянский кафедральный собор, построен дом

³⁹ Там же, с. 190 со ссылкой: ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1190.

⁴⁰ Там же, с. 191.

⁴¹ Там же.

армянского архиерея Г. Захаряна. В 1880 г. один из первых историков г. Кишинева И. Халипа пишет: «Григорий имел сан митрополита, и поэтому весь квартал армянского подворья назывался прежде «армянской митрополией» в соответствии с «православной митрополией». Армянский архиерей имел дом и на Гостиной улице, в самой официальной и важной при Пушкине части ее, между Синадиновской (тогда Галибинской) и Армянской улицами»⁴². «Здесь же стояли еще два дома, принадлежащие армянскому архиерею (видимо, для наезжавших в Кишинев гостей.— К. А.), большой каменный в два этажа дом губернатора Катакали, а в другом, также большом, находилась канцелярия М. Ф. Орлова, жившего через улицу в угловом доме»⁴³. Пушкин же, как известно, сперва поместился в заезжем доме купца И. Н. Наумова — с 21 сентября до конца октября 1820 г., а с весны 1821 г. — у И. Н. Инзова.⁴⁴

По прибытии Пушкин явился к И. Н. Инзову, который тепло и сердечно встретил его. Узнав, что в Петербурге поэт числился в Коллегии иностранных дел в качестве переводчика, Инзов определил его на эту же должность в Комитете иностранных поселенцев южного края России, главным попечителем и председателем которого он состоял.

В первые же дни пребывания в Кишиневе Пушкин встретился с известным ему по литературному кружку 1815—1818 гг. «Арзамас» и общению в петербургском обществе **Михаилом Федоровичем Орловым** (1788—1842), участником войн с Наполеоном в 1805—1807 гг. и Отечественной войны 1812—1814 гг., которую окончил в чине генерал-майора и с многими наградами; в 1815 г. он стал начальником штаба 7-го пехотного корпуса, переведен на ту же должность в Киев в 4-й пехотный корпус Н. Н. Раевского-старшего; в 1820 г. назначен начальником 16-й пехотной дивизии, стоявшей в Кишиневе. Орлов являлся членом Союза благоденствия, главой его Кишиневской управы⁴⁵.

Так Пушкин оказался в кругу близких ему по политическим воззрениям членов тайных обществ. Через Орлова он познакомился со старшим дивизионным адъютантом 16-й пехотной дивизии **Константином Алексеевичем Охотниковым** (ок. 1797—1824) — участником русско-турецкой и Отечественной войн, членом Союза благоденствия, о котором в «Алфавите членов бывших злоумышленных тайных обществ», составленном следственной комиссией,

⁴² Халипа И. Город Кишинев времен жизни в нем А. С. Пушкина 1820—1823 гг. Кишинев, 1880, с. 29.

⁴³ Там же, с. 30.

⁴⁴ Там же, с. 32.

⁴⁵ Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 142—143 и 369—370.

сказано, что «был одним из деятельнейших членов»⁴⁶. По домашним обстоятельствам К. А. Охотников уволился от службы, приобрел в Кишиневе виноградный сад и жил здесь, но вскоре скончался от чахотки. Лишь ранняя смерть избавила его от ожидавшей тяжелой участи. У Орлова же Пушкин был представлен командиру бригады 16-й дивизии **Павлу Сергеевичу Пущину** (1789—1865). Военную службу он начал прапорщиком л.-гв. Семеновского полка, затем поручиком, участвовал в Аустерлицком сражении, в чине полковника — в Отечественной войне 1812—1814 гг., в 1818 г. произведен в генерал-майоры. В Кишиневе он основал масонскую ложу «Овидий», в которую входил И. Н. Инзов, а с 7 июля по 9 декабря 1821 г. и Пушкин. П. С. Пушин состоял членом ячейки Южной управы Союза благоденствия, «но уклонился и не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 года», в 1829 г. он уволился со службы, к следствию не привлекался⁴⁷.

Пушкин быстро завязал дружеские отношения и с **Владимиром Федосеевичем Раевским** (1795—1872), участником Отечественной войны, членом Союза благоденствия и масонской ложи «Овидий», майором, с августа 1821 г. заведовавшим школой 16-й дивизии в Кишиневе. Ему принадлежали два острых политических памфлета «О солдате» и «О рабстве крестьян», где описывались истязания, которым подвергается простой народ и на царской службе и под властью помещиков. 5 февраля Пушкин случайно стал свидетелем разговора между Инзовым и командиром 6-го корпуса генерал-лейтенантом Сабаневым, которому подчинялась дивизия М. Ф. Орлова. Он приехал в Кишинев для расследования восстания в одном из полков дивизии и пресечения пропаганды революционных идей, а также с намерением арестовать В. Ф. Раевского. Узнав об этом, Пушкин предупредил Раевского, однако тот замешкался. При обыске у него были обнаружены статут Совета Союза благоденствия, четыре расписки принятых в него Охотниковым членов и брошюра «Воззвание к сынам Совета». Книги Раевский сжег, но 6 II 1822 был арестован и заключен в Тираспольскую крепость по обвинению во вредной пропаганде среди солдат, 21 I 1826 переведен в Петропавловскую крепость, после следствия и суда лишен чинов и дворянства и сослан в Сибирь⁴⁸.

До этого в январе 1821 г. в Москве прошел съезд Коренной управы Союза благоденствия, который объявил себя распущенным. Были образованы Северное общество (управа) с центром

⁴⁶ Там же, с. 144 и 370—371.

⁴⁷ Там же, с. 158 и 382.

⁴⁸ **Раевский В. Ф.** Мой арест. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 1, с. 373.

в Петербурге, основное ядро которого (директорию) составили: Н. М. Муравьев, Н. И. Тургенев, М. С. Лунин, С. П. Трубецкой⁴⁹, Е. П. Оболенский⁵⁰, И. И. Пущин⁵¹, и Южное общество (управа) с центром в г. Тульчине, где находился штаб расквартированной на Украине 2-й армии, о руководителях которого мы скажем дальше.

В Кишиневе Пушкин ознакомился с «Зеленой книгой», имевшейся у К. А. Охотникова и оставленной им у В. Ф. Раевского, излагавшей, как говорилось, программу Союза благоденствия, существо которой Раевский сформулировал так: «Тогда общество не имело еще цели истребить существующую или царствующую династию. Приготовления к конституции, распространение света или просвещения и правил чистойшей добродетели были основными установлениями общества»⁵². Здесь нет еще многих вопросов будущего России, в том числе и такого, как статус-кво народов, вошедших в ее состав, — вопрос, волновавший Пушкина в его поездку с Раевскими, во время которой он убедился в исторической необходимости присоединения к России Кавказа и Закавказья, понял объективно прогрессивное значение для населяющих их народов этого акта, о чем в полный голос заявил в эпилоге «Кавказского пленника». Однако ему еще оставалось неясным, каким образом можно сочетать стремление этих народов к самостоятельности и независимости с самодержавно-крепостническим гнетом.

Опять-таки, будто по какому-то предопределению, Пушкин встретился у Орлова с приехавшим к нему сводным братом Н. Н. Раевского-старшего **Василием Львовичем Давыдовым** (1792—1855). Он был участником Отечественной войны, корнетом л.-гв. гусарского полка, стоявшего в Царском Селе, где познакомился с

⁴⁹ **Сергей Петрович Трубецкой** (1790—1860) — участник Отечественной войны, капитан л.-гв. Преображенского полка, с 1821 г. — полковник. Осужден на 20 лет каторги. Общался с Пушкиным в обществе «Зеленая лампа» (Восстание декабристов, т. 8, с. 186 и 405—406).

⁵⁰ **Евгений Петрович Оболенский** (1796—1865) — участник Отечественной войны, поручик л.-гв. Финляндского полка, старший адъютант Гвардейского корпуса. 14 декабря 1825 г. ранил штыком генерала Милорадовича, строил каре войск на Сенатской площади, собирався двинуть восставших против войск Николая I. Был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги (Восстание декабристов, т. 8, с. 139 и 365—366).

⁵¹ **Иван Иванович Пущин** (1798—1859) — один из самых близких друзей Пушкина с лицейских лет, прапорщик л.-гв. конной артиллерии, с 1822 г. — поручик, с 1823 г. — судья в Москве. Был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги (Восстание декабристов, т. 8, с. 157 и 380—381).

⁵² **Раевский В. Ф.** Мой арест, с. 376.

Пушкиным, затем с марта 1816 г. — подполковник, с 1820 г. — полковник, неожиданно ушедший в отставку, переехавший в родное имение Каменку Киевской губернии и возглавивший одну из ячеек Южного общества, так называемую Тульчинскую думу; после восстания декабристов он был осужден к 20 годам каторги⁵³.

Давыдов пригласил Пушкина погостить в своем имении, и он с разрешения И. Н. Инзова выехал в Каменку. Здесь под видом именин матери Давыдовых 24 ноября собрались члены Южной управы — М. Ф. Орлов, К. А. Охотников и др. Среди них был и Иван Дмитриевич Якушкин. Предстояло организационное оформление Южной управы Союза благоденствия. Ее главой был **Павел Иванович Пестель** (1793—1826), участник Отечественной войны, с 1819 г. подполковник, с ноября 1821 г. — полковник, командир Вятского пехотного полка, руководитель восстания Черниговского полка, казненный 13 июля 1826 г. в числе пяти декабристов⁵⁴.

По замыслу Пестеля в январе 1821 г. должен был быть созван в Киеве съезд для заслушивания его доклада об устройстве будущей революционной России, получившего название «Русская правда». Суть составленной Пестелем конституции сводилась к тому, что Россия провозглашалась республикой, уничтожалось крепостное право и сословия, объявлялось равенство всех граждан перед законом, их демократические свободы. Считая необходимым из военных, политических, экономических соображений присоединение к России Закавказья, Молдавии, Дальнего Востока и других территорий, Пестель распространял на их народы республиканский строй и демократические свободы до полного их равноправия с русским народом. Однако Пестель отказывал вошедшим в состав России народам в праве на отделение и считал, что все они должны утратить свои национальные особенности и слиться в единый народ с русским. Непоследовательность Пестеля, по словам Пушкина, одного «из самых оригинальных умов, которых я знаю» (VIII, 17), следует объяснить свойственным не только ему, но и большей части русского общества недостаточным знакомством с национальными культурами и отсюда — их недооценкой.

Но главным в программе Пестеля был не отказ от культуры отдельных народов — подобного рода «болезни левизны», как правило, преодолевались в процессе революционного развития; главное состояло в безоговорочной поддержке национально-освободительных движений вплоть до личного участия. Как отмечает М. Г. Нерсисян, «русским революционерам того времени, поднявшим оружие против деспотизма и крепостничества, были понят-

⁵³ Восстание декабристов, т. 8, с. 75—76 и 311.

⁵⁴ Там же, с. 147—148 и 375.

ны и близки освободительные идеи народов, поработанных жестоким игом иноземных захватчиков»⁵⁵.

Подтверждение тому, что собравшихся в Каменке глубоко волновали и эти вопросы, мы находим в произведениях и письмах Пушкина. В письме к Н. И. Гнедичу из Каменки от 4 декабря 1820 г. Пушкин писал: «...нюхайте шпанского табаку и чихайте громче, еще громче» (X, 21). Намек был понятен: речь шла о заговоре испанских офицеров во главе с полковниками Риго и Кирога, поднявших в январе 1820 г. войска против короля Фердинанда VII. Полностью одобряя испанских революционеров, южане считали эту форму борьбы с царским самодержавием наиболее подходящей для России.

В шутовском стихотворном послании к В. Л. Давыдову от 5 апреля 1821 г. Пушкин вспоминает дни, проведенные в Каменке, как, надев «демократический халат», они вели «шумные разговоры»:

Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...

(II, 42)

Те — это неаполитанские революционеры, которые во главе с лейтенантом Морелли в июле 1820 г. подняли восстание против испанских Бурбонов и помощи Австрии; **та** — задавленная в годы реставрации свобода во Франции. Наконец, об этом свидетельствует и строфа <16> из ненапечатанной X главы «Евгения Онегина».

...Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель... для тиранов
И рать... набирал

⁵⁵ Нерсисян М. Г. Декабристы и присоединение Армении к России. — В кн.: Нерсисян М. Г. Страницы из новой истории армянского народа. Ереван, 1982, с. 104.

Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

(V, 212—213)

Следует согласиться с Г. А. Невелевым, что «здесь дана исторически верная картина деятельности «южан», намечено противопоставление революционной тактики южных и северных декабристов, точно указаны топографические реалии»⁵⁶.

От Пушкина, как и приехавшего на семейный праздник Н. Н. Раевского-старшего, старательно скрывали ту цель, которая собрала здесь членов тайного общества. Чтобы отвести подозрения генерала и отказать поэту, не обидев его, в присутствии обоих было проведено заседание с обсуждением вопроса о целесообразности организации тайных обществ в России, превратив дискуссию в шутку, завершив ее выступлением И. Д. Якушкина, с хохотом заявившего о мистификации. Н. Н. Раевский не очень поверил в это, но не показал вида, а Пушкин искренне огорчился и со слезами на глазах сказал: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка». И. Д. Якушкин, записавший этот эпизод, от себя добавляет: «В эту минуту он был точно прекрасен»⁵⁷.

Таким образом, в Каменке Пушкин хотя и не стал членом тайного общества, но принял и разделил программу и тактику Южной управы Союза благоденствия, в частности ее отношение к национально-освободительным движениям, к исторической миссии в них России, к будущему народов, вошедших в ее состав. Может быть, он согласился и с тем положением Пестеля, что народы, населявшие Россию, должны потерять свои национальные особенности, отказаться от своего языка и культуры и слиться с русским народом. Однако буквально в начале 1821 г. Пушкин осознал ошибочность этого тезиса, ведущего к разобщению народов, к обеднению их духовной жизни. Тому способствовали и события, вскоре вспыхнувшие в Греции и на Балканах.

Из Каменки Пушкин в последние дни января 1821 г. вместе с Давыдовым выехал в Киев. Они остановились в доме Н. Н. Раевского-старшего, встречались с М. Ф. Орловым, помолвленным с

⁵⁶ Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985, с 150.

⁵⁷ Якушкин И. Д. Из «Записок». — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 1, с. 366.

Екатериной Раевской. Пробыв здесь десять дней, 10 февраля Пушкин с В. Л. Давыдовым вернулся в Каменку, по пути посетив Тульчин, где поэт познакомился с Николаем Васильевичем Басаргиным (ок. 1800—1861), адъютантом начальника главного штаба 2-й армии, и с Алексеем Петровичем Юшневским (1786—1844), генерал-интендантом 2-й армии, которые состояли членами Южного общества и впоследствии были осуждены на 20 лет каторги в Сибири.

* * *

В Кишинев Пушкин возвратился в марте 1821 г. после почти четырехмесячного отсутствия. Город был неузнаваем. По воспоминаниям Александра Фомича Вельтмана (1800—1870), тогда поручика квартирмейстерской части в Кишиневе, впоследствии писателя и археолога, с которым Пушкин здесь познакомился, «народ кишел уже в нем. Вместо двенадцати тысяч жителей тут было уже до пятидесяти тысяч на пространстве до четырех квадратных верст. Он походил уже более на стечение народа на местный праздник, где приезжие поселяются кое-как, целые семьи живут в одной комнате. Но не один Кишинев наполнился выходцами из Молдавии и Валахии; население всей Бессарабии, по крайней мере, удвоилось. Кишинев был в это время бассейном князей и вельможных бояр из Константинополя и двух княжеств; в каждом доме, имеющем две-три комнаты, жили переселенцы из великих палат Ясс и Бухареста»⁵⁸.

И хотя А. Ф. Вельтман не упоминает, но среди них находилось и большое число армян.

Город был взбудоражен вестью о переходе через р. Прут, границу, отделявшую Россию от Турции, полка греческих повстанцев-гетеристов⁵⁹ во главе с участником Отечественной войны, генералом русской службы **Александром Константиновичем Иpsilonнти** (1792—1828), поставившего своей целью поднять балканские народы на борьбу против Османской империи. Одновременно народное восстание против турок и собственных крупных землевладельцев-бояр вспыхнуло в Валахии, руководимое **Тодором Владимиреску** (ок. 1780—1821), румынским национальным героем, который являлся участником русско-турецкой войны 1806—1812 гг. и командовал отрядом румын, сражавшихся на стороне русских против турок.

⁵⁸ Вельтман А. Ф. Воспоминания о Бессарабии. — Там же, с. 272—273.

⁵⁹ Тайное общество греческих патриотов, созданное в 1814 г. в Одессе, назвавшее себя «Филики Гетерия», с отделениями во всех крупных центрах Греции, средиземноморских греческих колониях, в некоторых южных городах России.

Сохранился черновик неотправленного письма Пушкина⁶⁰, написанный в первой половине марта 1821 г., в котором говорится об этих событиях: «Уведомляю тебя о происшествиях, которые будут иметь следствия, важные не только для нашего края, но и для всей Европы» (X, 22).

Пушкин подробно излагает действия Владимиреску, приезд в Кишинев перед походом А. Ипсиланти с двумя своими братьями и князем Георгием Кантакузиным⁶¹, о восторге, охватившем греков, продававших «за ничто» свое имущество и покупавших сабли, ружья, пистолеты и записывавшихся в ряды повстанцев, об организационной структуре греческого тайного общества и опасностях, подстерегающих его вождей не только от турок, а и изменников в их среде.

«Важный вопрос, — пишет в заключение Пушкин, — что станет делать Россия; зайдем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы за Дунай союзниками греков и врагами их врагов? Во всяком случае будут уведомлять—» (X, 24).

Поразительно, но это так: 22-летний Пушкин ясно осознает, что задача освобождения балканских и других народов от ига Османской империи может быть осуществлена лишь с помощью России. Поэт страстно опровергает маловеров, даже среди греков, сомневающихся в успехе восстания, он твердо убежден в его конечной победе. 2 апреля 1821 г. он записывает в «Кишиневском дневнике»: «...между пятью греками я один говорил как грек: все отчаивались в успехе предприятия *этерии*. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла» (VIII, 17).

Дальнейшие события развивались так: 25 марта 1821 г. началось восстание в самой Греции, охватившее все слои населения — от крестьянства до буржуазии, духовенства и аристократии. Этот день до сих пор отмечается как день независимости Греции. В ходе острых социальных столкновений планы «Филики Гетерии», наиболее радикального крыла греческого освободительного движения, были оттеснены на второй план, а руководство захватили землевладельцы-феодалы и крупные судовладельцы. Вследствие раздоров между А. Ипсиланти и Т. Владимиреску

⁶⁰ Об адресате этого письма в пушкинистике существуют различные мнения. См. об этом: Левкович Я. Л. Три письма Пушкина о греческой революции. — Временник Пушкинской комиссии. Л., 1987, вып. 21, с. 16—23.

⁶¹ Георгий Матвеевич Кантакузин (ум. 1857) — участник Отечественной войны, полковник русской службы, один из вождей Гетерии, в доме которого в Кишиневе Пушкин часто бывал.

ску последний был захвачен и казнен 7 июня сторонниками первого. Началась борьба за власть враждующих группировок, образовались два центральных правительства, затем последовала гражданская война — в ноябре 1823—июне 1824 г. и ноябре—декабре 1824 г. Внутренние противоречия явились одной из главных причин неудач в греко-турецкой войне, которая привела греческую революцию на грань почти полного поражения⁶².

Пушкин стремится лично участвовать в борьбе за правое дело. Он пишет А. А. Дельвигу 23 марта 1821 г.: «Недавно приехал в Кишинев и скоро оставляю благословенную Бессарабию— есть страны благословеннее. Праздный мир не самое лучшее состояние жизни» (X, 25). То же в письме к Н. И. Гнедичу от 24 марта 1821 г.: «Не скоро увижу я вас; здешние обстоятельства пахнут долгой, долгою разлукой!» (X, 26). Это звучит и в стихотворении «Война»:

Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня; нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

(II, 33)

Своим желанием уехать на Балканы и сражаться в рядах борцов против турецкой тирании Пушкин делился с друзьями, и слух об этом дошел до Петербурга, вызвав запрос о поэте Инзову. Запомним этот эпизод из жизни Пушкина и его отношение к борьбе народов Балкан против турецкой тирании, что даст нам возможность понять поведение Пушкина в дни русско-персидской войны 1826—1827 гг., его самовольный отъезд в Арзрум и участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

* * *

Как водится, высокое в жизни — те же события на Балканах, волновавшие и вдохновлявшие Пушкина, — переплеталось с обыденным и повседневным: необходимостью, несмотря на доброту Инзова, выполнять служебные обязанности, соблюдать какие-то общепринятые нормы и правила поведения, посещать не только балы и вечера, дружеские пирушки, но и присутствовать на службе, бывать на официальных приемах, ходить в церковь и т. п.

⁶² См.: Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII—70-е годы XIX в.). М., 1986, с. 38—42.

В послании к В. Л. Давыдову от 5 апреля 1821 г. Пушкин так описывает свое времяпрепровождение в Кишиневе:

Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю —
Пошусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни
Да на сушеные грибы...
Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
И все невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоём вине...

(II, 41—42)

Картина, нарисованная в этом послании, дополняется дневниковыми записями и письмами Пушкина, его рисунками и воспоминаниями современников и не только дает представление о том, как прошли первые дни Пушкина после возвращения из Каменки, а и подводит нас к занимающей теме о контактах поэта в период южной ссылки с армянами.

В конце марта — 28-го — начались предпасхальные дни (до 9 апреля), и генерал Инзов, в нижнем этаже дома которого жил Пушкин, предложил ему говеть вместе с ним.

30 марта неожиданно скончался знакомый Пушкину митрополит кишиневской епархии Гавриил Банулеско-Бодони (1746—1821). Именно его имеет в виду Пушкин в строках послания В. Л. Давыдову, говоря «митрополит, седой обжора», который, оттого, что умер в день Пасхи, «с сыном птички и Марии Пошел христосоваться в рай». Последнее наводит на мысль, что Пушкину кто-то рассказал апокрифический сюжет о Благовещении, легший в основу поэмы «Гавриилиада».

3 апреля Пушкин записывает в «Кишиневском дневнике»: «Третьего дня хоронили мы здешнего митрополита» (VIII, 17). Участвовало в похоронах и армянское духовенство во главе с Григором Захаряном, который, напомним, был обязан своим назначением предводителем армянской епархии покойному русскому митрополиту, с которым поддерживал близкие отношения.

Учитывая присутствие Пушкина и Захаряна на траурных церемониях похорон митрополита Гавриила Банулеско и привлекая воспоминания Пелагеи Васильевны Дыдыцкой, жены эконома духовной семинарии в Кишиневе и племянницы ее ректора Ириней Нестеровича, литературовед С. А. Гуллакян датирует знакомство поэта с Г. Захаряном концом марта—началом апреля 1821 г., т. е. по приезде первого в Кишинев⁶³. Это мнение представляется нам предпочтительным и подтверждается как прямыми, так и косвенными данными.

В «Кишиневском дневнике» Пушкина имеется запись на французском: «18 июля. 1821. Известие о смерти Наполеона. Бал у армянского архиепископа» (VIII, 19, пер. — 574). Она прямо приводит нас к Г. Захаряну и свидетельствует о том, что поэт бывал его гостем.

О знакомстве Пушкина с Захаряном сообщает и Пелагея Васильевна Дыдыцкая, что по сложившемуся обычаю на второй день Пасхи, на Рождество, Новый год и другие большие праздники местный русский архиепископ Дмитрий Сулима давал большие обеды, на которых присутствовали Инзов, видные чиновники и военные, представители греческого духовенства, армянский архиерей. Бывал на них и Пушкин.

Пушкин и Г. Захарян могли общаться и у Инзова по делам армянских переселенцев, на приемах и торжествах, устраиваемых наместником края, у общих знакомых. Г. Захарян привлекал Пушкина и своей осведомленностью в восстании гетеристов. Сохранилась переписка Захаряна с деятелями армянского национально-освободительного движения, в которой он почти в хронологической последовательности излагает действия А. Ипсиланти и Т. Владимиреску. В ней он подчеркивает огромное значение развернувшейся антитурецкой борьбы греков и румын для освобождения армянского народа, признавая важность содействия им всеми возможными средствами и способами⁶⁴. По призыву

⁶³ Гуллакян С. А. К вопросу об источниках «Гавриилиады». — В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975, с. 389.

⁶⁴ См.: Коланджян С. Э. Новые армянские документы о национально-освободительных движениях балканских народов. — Вестн. Ереванск. ун-та, 1971, № 3. На арм. яз.

Г. Захаряна в ряды восставших встали и проживавшие в Греции и Румынии армяне, и хотя известны лишь имена отдельных из них⁶⁵, однако то обстоятельство, что армяне подвергались таким же жесточайшим репрессиям со стороны турок, что греки и румыны, подтверждает их деятельное участие в борьбе против турок. Так, в Бухаресте подверглись разгрому и разрушению армянские церкви, был сожжен армянский квартал, его жители бежали в Трансильванию, Одессу и в города русской части Молдавии. Та же картина повторялась повсеместно на всей территории, подвластной Турции⁶⁶.

Г. Захарян в силу своего положения предводителя армянской епархии Бессарабии и Молдавии находился в тесных контактах с руководителями этерии, не только горячо сочувствовал повстанцам, но и оказывал им помощь, поддерживал тех, кто спасся от турецкого ятагана. Эта сторона деятельности армянского архиерея не могла не привлечь к нему Пушкина, не сблизить их друг с другом.

Но с Г. Захаряном связана и написанная Пушкиным в Кишиневе поэма «Гавриилиада», имевшая, по словам акад. М. П. Алексеева, «особую, своеобразную судьбу в истории русской литературы»⁶⁷. Не затрагивая всех проблем, относящихся к этой поэме, остановимся лишь на том, откуда взял Пушкин ее сюжет. Ответ на вопрос содержится в самой поэме:

Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он (Бог.—К. А.) прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметив в нем и ум, и дарованье —
И вечером к Марии подослал.

(IV, 141. Выделено мной — К. А.)

⁶⁵ В сборнике материалов по истории Румынии, изданном в Бухаресте в 1957 г., приводится письмо Т. Владимиреску от 6 апреля 1821 г. на имя главного казначея, что ему необходим секретарь, знающий русский язык, и в качестве такового просит отправить знакомого ему армянина Мартиняна Погоса, который не только грамотен и сведущ в турецком, а и является его товарищем (Коланджян С. Э. Новые армянские документы..., с. 124).

⁶⁶ Там же, с. 124—125.

⁶⁷ Алексеев М. П. Заметки о «Гавриилиаде», — В кн.: Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 48.

Эта отсылка могла быть и обычной литературной мистификацией, к которым Пушкин иногда прибегал. Однако в случае с «Гавриилиадой» ряд пушкинистов сходится во мнении, что в основу поэмы действительно легло армянское сказание о Благовещении. В частности, к такому выводу приходит М. Ф. Мурьянов, рассматривая в статье «Из комментариев к пушкинским произведениям» поэму «Гавриилиада». Указав на монофизитство армянского вероисповедания, расцениваемое диофизитской русской церковью в средние века в качестве ереси, автор утверждает, что эта точка зрения «оставалась неизменной и в XIX в., между тем как самодержавие завязывало отношения с армянской церковью». Иными словами, по автору, двуличная политика самодержавия к армянской церкви была известна поэту, «отсюда и пушкинская ирония, взывающая к авторитету армянского церковного предания»⁶³.

Нельзя согласиться с исходной посылкой автора: начиная с Петра I русское самодержавие взяло под свое покровительство армянскую церковь, и, несмотря на вероисповедные споры, между последней и русской церковью царили мир и согласие, а в Кишиневе — и дружба между ними. Поэма пронизана пушкинской иронией, но относится она не к русской церкви с опорой «на авторитет» армянской, а к религии как таковой.

Далее автор пишет: «Древнеармянское предание, на которое ссылается поэт, действительно существует. Его уникальная особенность, бесстрастно отмеченная издавшим этот текст ученым иезуитом П. Петерсоном, — напряженный до нескромного интерес к подробностям акта зачатия, красочный диалог между архангелом Гавриилом и девой Марией, предшествующий этому акту, и вместе с тем — совершенно искреннее благочестие, столь характерное для памятников средневековой литературы»⁶⁹.

Правда, «искреннее благочестие» предполагает полное отсутствие каких-либо сомнений и отклонений от евангельской притчи, тем более «нескромный интерес к подробностям акта зачатия», но об этом дальше, а здесь отметим, что автор, не ставя вопроса о лице, сообщившем Пушкину сюжет «Гавриилиады», признает его источником армянское **церковное** предание, точнее, текст, приведенный П. Петерсоном, который до того впервые был опубликован армянскими монахами мхитаристами в Венеции (в 1898 г.) по списку 1824 г., являвшемуся копией другого, более древнего, указывая на наличие в библиотеке Эчмиадзина рукописи с рассказом о рождении Христа, описанной Н. Я. Марром, и т. п.

Попытка установить это конкретное лицо, а также конкрет-

⁶⁸ Временник Пушкинской комиссии. Л., 1973, с. 78.

⁶⁹ Там же, с. 79.

ный ее источник, сделана в упомянутой статье С. А. Гуллакян: основываясь на факте знакомства Пушкина с Г. Захаряном, автор считает таким лицом армянского архиерея, а самый источник ищет в армянской средневековой **церковной** литературе⁷⁰.

Разделяя первое предположение С. А. Гуллакян, мы не можем согласиться со вторым, построенным на сопоставлении поэмы «Гавриилиада» и обнаруженных в Институте древних рукописей (Матенадаран) двух списков — XIV в. (№ 4682) и XVIII в. (№ 8746), в которых повествуется о Благовещении девы Марии⁷¹. «Апокриф этот, — пишет автор, — надо думать, по-разному воспринимался в разные эпохи. Составленный в форме катехизиса, очевидно, монахом-богословом, этот диалог призван был в свое время отразить распространенные споры и сомнения в одном из основных догматов христианской религии — о непорочном зачатии. Впоследствии, однако, для людей более поздних эпох он приобрел и иное значение. Они уже усматривали в этом тексте также разговор, отношения, смысл, выходящие за рамки евангельского события». По автору, этот иной взгляд на диалог Гавриила и Марии явился следствием того, что вместо богословского спора предстала человеческая, в конечном счете любовная сцена, в которой архангел — «весь терпение и выдержка», полный решимости «довести до конца свою миссию и снова объяснить Марии, «как это произойдет» и как ей надо вести себя», а пречистая дева выступает в роли «нежной, робкой, сомневающейся, полной благочестия и в то же время любопытной и лукавой»⁷².

Допущения автора конечно возможны, но они никоим образом не относятся к армянскому сказанию, не отвергающему догмата церкви о «непорочном зачатии»; иначе подобного рода сказания были бы уничтожены церковью, не бытовали бы столетиями и не размножились во многих списках, тем более не продолжались в армянской духовной поэзии вардапета (законодателя) Аракела Багишеци (XV в.), его младшего современника епископа Мкртича Нагаша, католикоса Григория Ахтамарци⁷³. Несмотря на своеобразие и отличия произведений средневековых армянских поэтов от евангельской притчи, все они — в рамках армянской церкви. Между тем основная идея «Гавриилиады» — в сатирическом осмеянии, отрицании догмата «непорочного зачатия», в том, как красавец архангел Гавриил — «Высокий стан, взор томный и стыдливый» — соблазнил Марию — «Шестнадцать

⁷⁰ Гуллакян С. А. К вопросу об источниках «Гавриилиады», с. 386—391.

⁷¹ Там же, с. 392—395.

⁷² Там же, с. 396.

⁷³ Там же, с. 396—400.

лст, невинное смирение, Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движение, Нога любви, жемчужный ряд
зубов...» (IV, 137).

Понятно, что противоречащий догмату церкви о Благовещении сюжет мог принадлежать лишь еретикам, каковыми в Армении, затем в Византии и Европе на протяжении средних веков являлись павликиане. Именно они, по утверждению знаменитого греческого обличителя павликиан конца IX в. Петра Сицилийского, «прославленную и присно девственную богородицу не называют даже в числе простых добрых людей. Они говорят, что не от нее родился Господь, а свое тело он принес с неба и что после рождения Господа она родила и других сынов от Иосифа»⁷⁴. Отказ от признания Марии божьей матерью и отношение к ней как к простой женщине со всеми ее слабостями, легшие в основу «Гавриилиады», могли зародиться и бытовать лишь в павликианской среде, и хотя созданная ими литература была уничтожена церковью, однако отдельные сведения о ней сохранились в полемической и исторической литературе. Знать их мог человек, получивший солидное богословское образование, читавший сочинения «отцов» армянской церкви.

Таковым в дни пребывания Пушкина в Кишиневе был Г. Захарян, окончивший духовную семинарию, имевший возможность ознакомиться с древними армянскими рукописями, хранившимися в Эчмиадзине, изучивший историю армянского народа и армянской церкви.

Однако как совместить богохульный сюжет с высоким священническим саном Г. Захаряна?

Многое выясняется из воспоминаний П. В. Дыдыцкой: «Бывало, в большие праздники, после богослужения, все идет к Дмитрию (Сулиме — русскому митрополиту. — К. А.) на закуску, и Инзов, и Пушкин, и высшие там советники, и другие светские, кто повыше. Перед закуской пили настойку — трофимовскую... Припоминается мне по поводу этих закусок у Дмитрия один смешной случай, о котором долго рассказывали в городе. В Кишиневе жил армянский архиерей, большой шутник... Он дружил с Дмитрием и другими нашими духовными. Вот приехал в Кишинев один греческий архимандрит, не знавший ни слова на русском языке. Обращается он к тому армянскому архиерею и просит научить его. Тот с удовольствием согласился — говорит: «Я научу тебя хорошо сказать приветствие». И стал его учить. Тот все

⁷⁴ Полезная история Петра Сицилийского — осуждение и опровержение ереси манихеев, называемых также павликианами, начертанная для архиепископа Болгарии. — В кн.: Бартикян Р. М. Источники для изучения павликианского движения. Ереван, 1961, с. 124.

к нему ездил. Наконец в какой-то большой праздник, после богослужения, все пошли из церкви к Дмитрию; пошел и тот архимандрит. Когда настала пора, он подходит ближе к Дмитрию, чтобы сказать свое приветствие. Все обратили на него внимание, желая услышать его слова. И что же он сказал? Он сказал: «Ваше высокопреосвященство! Пора водку пить!». Все страшно смеялись. Но Дмитрий отнесся к этому спокойно, как будто ничего странного не произошло. Только заметил как-то мимоходом, как будто вскользь: «Да там кажется уже приготовили»⁷⁵.

Эта черта характера Г. Захаряна — его любовь к шуткам, даже над такими высокопоставленными иерархами православной церкви, как греческий архимандрит и сам русский митрополит, дает возможность понять ту почву, на которой произошло сближение с ним Пушкина, по П. В. Дыдыцкой, тоже «большого шутника», делает еще более вероятным, что именно он — Г. Захарян был источником сюжета «Гавриилиады» Пушкина.

3

Другим кишиневским знакомцем-армянином Пушкина был **Артемий Макарович Худобашев** (ок. 1770 — не ранее 1839). Он служил в Одессе почтмейстером, из-за инцидента в театре с семьей новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона вынужден был перейти коллежским советником в Бессарабскую контору иностранных поселенцев, в которой в том же чине состоял и Пушкин, приходился родным братом уже упоминавшемуся Александру Худобашеву, чем очень гордился, и, заметим, по праву.

Знакомство с ним Пушкина относится к первым дням его приезда в Кишинев, что подтверждается сохранившимся среди бумаг поэта рисунком сложной композиции, сделанным его рукой. На нем группа людей в церкви, внизу надпись чернилами: «12 апреля (3 день пасхи)»; он датируется по положению в тетради 1821 годом⁷⁶. Среди изображенных слева направо первый с бородой — русский обыватель, второй по одежде и типу — болгарин, третий — Артемий Худобашев, четвертый — вице-губернатор Матвей Егорович Крупенский (1775—сентябрь 1855), член Бессарабского верховного суда, пятый — монах в клобуке, шестой — подросток с кадиллом, седьмой — Тодор (Тодораки)

⁷⁵ Воспоминания П. В. Дыдыцкой приводятся в статье П. Мацевича «Кишиневские предания о Пушкине». — В кн.: **Яковлев В. А.** Отзвы о Пушкине с юга России. В воспоминание пятидесятилетия со дня смерти поэта. 29 января 1887 г. Одесса, 1887, с. 73. Далее: **Мацевич П.**

⁷⁶ **Эфрос А.** Рисунки поэта. «Academia», 1934, рис. 17.

Балш, молдавский боярин, спатар (приближенный господаря)⁷⁷. В пушкинских портретах схвачено самое характерное. В Артемии Худобашеве Пушкин выпячивает его маленький рост и большой нос. Это не злая насмешка, а дружеский шарж. Тот же М. Е. Крупенский, в семье которого Пушкин часто бывал и которому посвятил несколько стихотворений, нарисован с не меньших размеров носом, чем А. Худобашев, на губах его язвительная улыбка, показывающая его ироническое отношение к монаху и согнувшемуся с кадиллом подростку. Или Тодор Балш — его фигура выражает надменность и самодовольство, а лицо — тупость; в жену его Пушкин позднее влюбился, из-за чего у него произошла ссора с мужем, описанная в стихотворении «Мой друг, уже три дня...» (март 1822 г., II, 136), где поэт называл его «известным нам болваном».

Другое изображение А. Худобашева, набросанное рукою Пушкина, — два профиля на черновых набросках «Бахчисарайского фонтана», относящихся ко второй половине 1829 г.⁷⁸. Сперва поэт нарисовал профиль, но ошибся формой носа, менее выгнутого и менее нависающего; оставив этот рисунок, перенес его выше и на свободном месте изобразил старика-армянина с изборожденным глубокими морщинами лицом и тщательно выделенным большим носом; повисшим в виде клюва над сухими губами и острым подбородком. По их поводу А. Эфрос, автор работы «Пушкин портретист», замечает, что «это человек, которого Пушкин часто и близко наблюдал и который давал пищу его склонности к врожденному уродству человеческого лица»⁷⁹.

Биографы Пушкина, говоря о его связях с А. Худобашевым, основываются обычно на показаниях И. П. Липранди, доверяя буквально каждому его слову и не видя их субъективности. Между тем это личность сложная и неоднозначная, не раскрытая и по сегодняшний день, что во многом искажает картину его взаимоотношений с Пушкиным.

Иван Петрович Липранди (1790—1880) был участником Отечественной войны 1812 г., после разгрома Наполеона находился в составе русского корпуса во Франции. Здесь с ним произошло событие, оставившее на нем темное пятно: на просьбу парижского префекта полиции Видока русскому командованию оказать содействие в борьбе с антиправительственными заговорами ему в помощь был направлен Липранди, и в результате его совместных действий с Видоком удалось захватить бунтовщиков. Позднее, оправдываясь против обвинения в неразборчи-

⁷⁷ См.: **Богач Г.** Групповой портрет. — Вечерн. Кишинев, 1987, 29 авг.

⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 832.

⁷⁹ **Эфрос А.** Пушкин портретист. М., 1946, с. 103.

ности знакомств и близости с первым сыщиком Франции, Липранди ссылался на свою любознательность⁸⁰, что навряд ли могло быть ему оправданием. В Кишиневе, где Липранди в чине подполковника служил в частях дивизии М. Ф. Орлова, Пушкин с ним сблизился, брал у него книги из библиотеки и разъезжал с ним по краю. При этом обычно указывается, что Пушкин почитал Липранди за истинную ученость, сочетавшуюся в нем с достоинствами военного человека, хотя высказывалось мнение и о том, что поэт видел в нем политического агента и во второй программе записок (Болдино, 1833) рядом с «Липранди» поставил «генегат». Правда, данному факту дается и иное толкование с целью снять подозрения с Липранди⁸¹, однако обстоятельства его дальнейшей деятельности, напротив, свидетельствуют о противном.

В 1822 г. Липранди вышел в отставку, поступил на гражданскую службу, состоял чиновником по особым поручениям при новороссийском генерал-губернаторе и полномочном наместнике Бессарабии графе М. С. Воронцове. В русско-турецкую войну 1828—1829 гг. в качестве разведчика был направлен в Закавказье, но с Пушкиным там не встречался. В 1832 г. он получил звание генерал-майора, с 1840 г. в должности чиновника особых поручений служил в Министерстве внутренних дел и «приобрел зловещую всероссийскую известность организацией сыска против общества петрашевцев»⁸², т. е. выступал на этом процессе в качестве тайного агента правительства.

Мы еще вернемся к некоторым странностям взаимоотношений Пушкина с Липранди, а здесь обратим внимание еще на одну особенность воспоминаний последнего: его резко отрицательную оценку кишиневских знакомых Пушкина из числа чиновников, так называемых «шпаков», которые обрисованы как какие-то монстры. Так, о статском советнике И. И. Комнено Липранди рассказывает, что это был «маленький, худенький, с натянутой кожей на лице (с преглупым выражением) старичок», который женился на молоденькой 20-летней девушке, уехавшей к матери и прижившей там еще двух сыновей; при разводе жена «предъявила виновность мужа и в исчислении этом включила также и то, что муж спит в фланелевых подштанниках», и тому подобные сплетни. По Липранди, Пушкин потешался над стари-

⁸⁰ См.: Эйдельман Э. Пушкин и декабристы. М., 1979, с. 17—18. Автор склонен считать этот эпизод биографии Липранди случайностью.

⁸¹ См.: Садиков П. А. Липранди в Бессарабии. — Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, т. 7, с. 266—295.

⁸² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 1, с. 500—501.

ком: на людях он делал вид, что серьезно интересуется делом Комнено, чему тот верил и добродушно обо всем рассказывал, затем, отвернувшись, «разражался хохотом, который слушателями продолжался во все время их разговора»⁸³. Или о другом чиновнике, надворном советнике К. П. Литке, служившем в канцелярии Инзова, Липранди пишет, что «это также был маленький человек, лет под сорок, с лицом, часто нарумяненным, напмаженный, вялый в разговоре, но не лишенный остроумия и большой виртуоз на фортепиано». Он преподавал музыку дочери бесарабского помещика Ралли, у которого жил во флигеле с его сыновьями. «Пушкин очень часто заходил к ним и умел обратить Литку более чем в шута; он обличал его в разных грехах; сцены бывали тут уморительные, ибо когда Александр Сергеевич развертывался, то не было уже пределов его шуткам, и, если он замечал только, что Литка начинает сердиться, примирение следовало такое же, как и с Худобашевым, а иногда еще и скандальнее»⁸⁴.

Согласно мемуаристу, А. Худобашев «был человек лет за пятьдесят, чрезвычайно маленького роста, как-то переломленный набор, с необыкновенно огромным носом, гнусивший и бесщадно ломавший любимый им французский язык, страстный охотник шутить и с большой претензией на остроу и любезность»⁸⁵.

Во внешнем портрете А. Худобашева Липранди выпячивает его физические недостатки, выводя из них его душевный, интеллектуальный уровень. Предметом злословия для француза Липранди служит стремление Худобашева изъясняться по-французски⁸⁶, а также и то, что он всерьез принял шутку Пушкина о его тождестве с армянином из стихотворения «Черная шаль», отбившим у поэта гречанку. Однако сам же Липранди сообщает о

⁸³ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 1, с. 287.

⁸⁴ Там же, с. 289.

⁸⁵ Там же, с. 288.

⁸⁶ По этому поводу Липранди приводит эпизод с приездом в Кишинев из Баварии «армянина Агуба, женатого на младшей сестре жены Лазарева, дочери Манук-бея, который занимал должность гофрата» (придворного советника короля) в Баварии. «Худобашев очень тщеславился его знакомством и, говоря о нем по-французски, называл его «conseiller de cour de Bavars». Пушкину достаточно было, чтобы всегда начинать в обществе с Худобашевым разговор об Агубе и утверждать, что русский не иначе должен говорить потому, что королевство это по-русски называется не Бавиерия <Baviere>, а Бавария, и утвердил это мнение в Худобашеве» (Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 288). Ирония Липранди направлена не только против Худобашева, а и на «армянина» Агуба, чью фамилию он не называет.

том, что Худобашев был «страстным охотником шутить», что его ссоры и неудовольствия с Пушкиным всегда кончались примирением; даже такой штрих, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом, отнюдь не выглядит как унижение последнего, ибо, по словам Липранди, это была одна из любимых манер поэта, которую он применял к близким. Тот же Липранди пишет, что «Александр Сергеевич при каждой встрече обнимался с ним (Худобашевым.—К. А.) и говорил, что, когда бывает грустен, то ищет встретиться с Худобашевым, который всегда «отводит его душу»⁸⁷.

Конечно, в юноше-Пушкине кипела его «африканская кровь», он любил шутить, иногда выходя за пределы дозволенного, часто ссорился и вызывал на дуэль по незначительным поводам; но в нем было сильно развито не только чувство собственного достоинства, а и уважения к другим, по своей натуре он не мог смеяться над чужим горем, физическими недостатками людей. Да и по взыскательности Пушкина к своему окружению вряд ли он стал бы поддерживать отношения и встречаться с глупыми чванливыми людьми. Именно таким предстает Пушкин в бесхитростных впечатлениях П. В. Дыдыцкой, простой, не обремененной аристократическими предрассудками женщины: «Был он добрый, хороших правил, а только шутник. Я, бывало, говорю ему: «Вы настоящее дитя». А он называл меня розою в шиповнике»⁸³.

Годы спустя в письме к Н. С. Алексею от 26 декабря 1830 г. Пушкин писал с теплотой о Кишиневе, тамошних красавицах, «вероятно, состарившихся ... о Худобашеве, об Инзове, об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию, женщинах и мужчинах, живых и мертвых. Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто» (X, 327). Поставив Худобашева в ряд с людьми, с которыми он систематически встречался и к которым относился с уважением, Пушкин тем самым опровергает тенденциозный рассказ о нем Липранди⁸⁹.

⁸⁷ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 288.

⁸⁸ Мацевич П., с. 72.

⁸⁹ Примером тенденциозности воспоминаний Липранди является его рассказ о встрече Пушкина с Пестелем в Кишиневе: «... когда Пушкин в первый раз увидел Пестеля, то, рассказывая о нем, говорил, что он ему не нравится и, несмотря на его ум, который он искал выказывать философическими сентенциями, никогда бы с ним не мог сблизиться. Однажды за столом у Михаила Федоровича Орлова Пушкин, как бы не зная, что этот Пестель сын иркутского губернатора, спросил: «Не родня ли он Сибирскому злодею?» — Орлов,

Сошлемся также на замечательного русского писателя В. В. Вересаева, который, расценивая взаимоотношения Пушкина с Худобашевым, определил их как шутливо-дружеские, подчеркивая их частые встречи, уважение друг к другу⁹⁰.

Но контакты Пушкина с армянами не ограничиваются названными людьми и лишь в пределах Кишинева. Некоторые биографы Пушкина, отмечая его службу в Комитете по делам переселенцев, представляют дело так, будто, пользуясь покровительством начальства, он не занимался ничем, а лишь беседовал с друзьями, посещал дома молдавских бояр, волочился за местными красавицами, дрался на дуэлях, писал свои произведения.

Все это имело место, но было и другое. К сожалению, Пушкин сжег свои «Ежедневные записки», о которых он позднее писал:⁹¹ «В 1821 г. начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв» (VIII, 76).

Однако даже то, что сохранилось, — письма поэта, отрывки из «Кишиневского дневника», воспоминания современников — позволяет утверждать, что Пушкин в своих поездках по краю выполнял и какие-то поручения Инзова, знакомился с положением «иностранных поселенцев», обстоятельно изучал историю появления их колоний, их занятия, нужды, быт и нравы.

«Историческая любознательность Пушкина,—пишет Л. Гроссман, — питалась и его разъездами по древним урочищам Бессарабии. Судьба занесла поэта в область, богатую историческими преданиями. Здесь между Пругом, Днестром и Дунаем обитали скифы и даки, процветали гетуэзские и греческие колонии, подолгу стояли римские легионы и сохранились пять турецких крепостей, из которых Аккерманская была построена римлянами. Стены, башни и бойницы замков напоминали и о позднейших событиях и обращали к образам XVIII века»⁹². Автор называет места, мимо которых не могло пройти внимание поэта: Бендеры, где бывали Карл XII и Мазепа, Каушаны — бывшую столицу буджацких ханов, устье Дуная, где, по всей вероятности, провел дни своей ссылки Овидий, знаменитый штурмом Измаил⁹³.

Известно, что Пушкин часто виделся с офицерами 16-й дивизии В. П. Горчаковым, опубликовавшим в 1850—1858 гг. свой

улыбнувшись, погрозил ему пальцем» (Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний, с. 301).

⁹⁰ Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1937, т. 1, с. 288—290.

⁹¹ Рукопись без заглавия, датируемая 30-ми гг.

⁹² Гроссман Л. Пушкин. М., 1958, с. 190.

⁹³ Там же, с. 191.

дневник о кишиневском периоде жизни поэта, А. А. Полторацким, переведенным сюда после восстания Семеновского полка, его братом Михаилом, М. Л. Фантон де Веррайоном, А. Ф. Вельтманом. Все они занимались картографической съемкой Бессарабской области, изучили ее, что называется, вдоль и поперек и, надо полагать, послужили источником сведений об этом крае, в том числе и его армянских поселениях.

Мы знаем также, что с этим краем исторически с древнейших времен был связан и армянский народ, что во многих упомянутых Л. Гроссманом местах имелись поселения армян, существовал город Григориополь и села, построенные и населенные ими, состоящие под опекой Комитета по делам переселенцев. Разъезжая по Бессарабии и по делам службы и ради своего удовольствия, Пушкин имел встречи и знакомства также с армянами.

Спустя 150 лет после пребывания Пушкина в этом крае его впервые посетила известная в будущем советская писательница Мариэтта Шагинян, отец которой Сергей (Саркис) Давыдович Шагинян происходил из Григориополя. В автобиографической книге «Человек и время» она описывает некоторые пушкинские места в Бессарабии в начале XX в., в частности город Григориополь, который строили и армяне-переселенцы из Измаила, ушедшие из крепости под предводительством «врачевателя Макария Шагинянца»⁹⁴. Повидать эту прародину предков М. Шагинян удалось лишь в 1970 г., что привело ей на память властителя ее дум еще с детских лет — Пушкина.

«...Пушкин побывал в Измаиле, когда каменные остатки крепости после штурма еще не были стерты с лица земли. Незримым спутником Пушкина в его поездке была тень опального Овидия Назона. Незримым спутником моей поездки стала тень опального Пушкина, очертившего в десять дней могучий ромб по земле тогдашней Бессарабии. Он проехал в молдавской повозке, «каруце»: Кишинев—Каушаны—Аккерман—Татар-Бунар—Измаил; и оттуда: Измаил—Кагул—Фалчи—Леово—Кишинев. Наши маршруты кое-где совпали: мне удалось даже перещеголять его — попасть в одно место, куда он страстно хотел попасть, но не смог. Правда, я ездила не в каруце, а в машине, но время, потраченное на обе поездки, оказалось одинаковым» (с. 56).

Обращаясь к «Дневникам и воспоминаниям» И. П. Липранди, М. Шагинян выделяет его поездку в первой половине декабря (14 или 15) 1821 г. в Аккерман и Измаил для расследования каких-то «происшествий» в расквартированных там 31-м и 32-м егерских полках. К нему в попутчики напросился Пушкин, и,

⁹⁴ Шагинян М. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. с. 55. Далее ссылки в тексте.

как отмечает М. Шагинян, в первый же день их совместного пути выяснились резкие различия между ними: «Один твердо ведет свою служебную линию, время у него строго рассчитано, ему надо «вести следствие»; другой рвется увидеть, пережить, узнать, побыть подольше, свернуть в сторону» (с. 57). Первая же станция — Бендеры — так заинтересовала Пушкина, что он хотел остаться и подробнее все рассмотреть, но Липранди не согласился — не только потому, что торопился, — ему не было интересно. Это же повторилось в Каушанах, столице буджацких ханов до 1806 г., и во все время совместного путешествия. Начиная с Аккермана, Пушкин, пользуясь каждой минутой, убегал от Липранди, чтобы «узнавать, осматривать, выспрашивать. И люди ему нравились по главному признаку — когда они удовлетворяли его «бесчисленным вопросам» (там же).

Это очень важное наблюдение М. Шагинян. Оно верно подчеркивает характерную для Пушкина исключительную любознательность (что дает ей основание для вывода об интересе поэта к жившим здесь армянам), а также резкие различия между ним и Липранди. Последнее наиболее очевидно сказалось в Измаиле, где Пушкин буквально убегал от Липранди и с местными старожилками — семьей Славича и С. А. Тучковым — облезил весь город, не миновав и армянскую церковь и армянское кладбище. И хотя, кроме Григора Захаряна и Артемия Худобашева, не осталось других имен армян, с которыми Пушкин встречался в кишиневский период, М. Шагинян справедливо утверждает, что «поэт имел много случаев общаться с измайльскими армянами» (с. 62).

* * *

В Кишиневе Пушкин вновь возвратился к поэме о Бове. Около 30 июня 1822 г. он сделал ее конспект по «Истории итальянской литературы» Женгене, по его словам, самой древней из романтических поэм о Бове из Антоны, в «которой говорится о великих сражениях и деяниях, им совершенных, а также о его смерти и пр., в рифмованных октавах, 1489, Венеция» (IV, 575, пер. — 591).

Ее содержание послужило основой русской сказки, услышанной Пушкиным в детстве, однако с тем различием, что в поэме события привязаны к определенным странам, а Бова поставлен в родственные отношения, конечно мнимые, с реальными историческими лицами. Любопытная деталь, отмеченная в конспекте Пушкина, — врагом армянского царя, при дворе которого от преследований отчима Дудона спасается Бова, является сын ту-

рецкого султана. Бова побеждает его, возвращает из плена армянского царя и, не имея возможности жениться на его дочери Друзиане, бежит с ней из Армении. После ряда приключений она рождает двух близнецов и следует за мужем и т. д. (IV, 575—576, пер. —591—592).

Остались наброски начала поэмы:

1

Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевея,
Поля и села сожжены...

2

(В Армению, в палаты Зензевея)
Съезжаются могучие цари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянский царь, их ласково встречая,
Готовит пир-столы свои,
И с ними добрый Зензевей
Пирует ровно сорок дней.

3

Себе ты выбрал, Зензевей,
Кого союзником и другом?
Кто будет щастливым супругом
Царевны, дочери твоей?
Она мила, как (ландыш) мая,
Резва, как лань Кавказских гор...
(Невинна, как ...) ⁹⁵

* * *

В июне 1823 г. Пушкин из Кишинева выехал на место новой службы в Одессу. Здесь также проживало значительное число армян, главным образом ремесленников, перебравшихся из Бессарабии. К сожалению, история армянской колонии в Одессе не изучена, отсутствуют и сведения о контактах поэта с местными армянами, хотя они более чем вероятны.

Подтверждение тому — строфа из незаконченной десятой главы «Евгения Онегина», дошедшей до нас в форме отрывков и недоработанных черновиков. В ней, по словам А. И. Тургенева

⁹⁵ Пушкин А. С. Собр. соч. // Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: изд. Брокгауза—Ефрона, 1908, т. 2, с. 154.

к брату Николаю Ивановичу от 11 августа 1832 г., Пушкин «описывает путешествие его по России». Сам поэт озаглавил ее «Путешествие Онегина», набросав и картины его пребывания в Одессе, в одной из которых сказано:

.
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянец,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

(V, 204)

В Одессе Пушкин оставался недолго — 31 июля 1824 г. из-за конфликта с новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронцовым (кстати, покровителем И. П. Липранди, состоявшего к этому времени при нем чиновником по особым поручениям) он был выслан в имение отца Михайловское. Так завершилась южная ссылка поэта, обогатившая и дополнившая также и его знания о судьбах той части армянского народа, которая нашла прибежище на юге России, сблизила его с некоторыми его представителями, а общение с членами тайных обществ, восстание гетеристов помогли в выработке его взглядов на национально-освободительное движение поработенных восточными деспотиями народов, роль в этом России.

Глава четвертая

«...ДРУЗЬЯ, БРАТЬЯ, ТОВАРИЩИ»

(Декабристы в Армении)

1

По приезде в Михайловское Пушкин был вызван к псковскому гражданскому губернатору, который взял с него подписку жить безотлучно в отцовском поместье. Власти пытались сломить поэта, но это им не удалось. В Михайловском он много и плодотворно работает. Как справедливо отмечает известный пушкинист Д. Д. Благой, «дело не только в количественном размахе и даже не только в идейном богатстве и разнообразии пушкинского творчества михайловского периода. Особенно важно, что именно в Михайловском оно окончательно приобретает некое новое качество, которое поднимает его на новую и исключительно важную ступень — качество подлинной народности»¹.

Пушкин ведет обширную переписку, посылая и получая письма с оказией или в двойных конвертах — на адрес соседей с последующей передачей ему. До него доходят почти все издаваемые литературные альманахи, поэтические сборники, многие петербургские газеты и журналы, новые книги, в том числе последние два тома «Истории» Карамзина, посвященные эпохе царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова. Он ходит по деревням, беседует с крестьянами, наблюдает их труд и быт, посещает ярмарки, слушает и записывает народные песни, пословицы, сказки.

В центре внимания Пушкина — не только поэзия, а и общественно-политические события современности. Его волнует голод, охвативший некоторые губернии, наводнение в Петербурге 7 ноября 1824 г., по поводу чего предлагает Льву Сергеевичу помочь несчастным из «Онегинских денег» — печатавшейся первой главы романа (X, 113—114). И хотя в переписке тех лет — 1824—

¹ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. (1813—1826). М.; Л., 1950, с. 381.

1825 гг. — ни слова не содержится о деятельности тайных обществ, они по-прежнему продолжают больше всего занимать его.

11 января 1825 г. в Михайловское приезжает И. И. Пущин, с которым Пушкин не виделся 5 лет. До этого лицейский товарищ и ближайший друг поэта скрывал от него свою принадлежность к Союзу благоденствия; теперь же, по словам Пущина, в разговорах они «незаметно коснулись ... подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать»². Пущин не имел права входить в подробности, однако обещал заранее дать знать о восстании, чтобы Пушкин мог быть вместе с ним. Пущин торопился, они молча расцеловались и расстались, на этот раз — навсегда.

Поэт так и не стал членом тайного общества, но по-прежнему разделял многие его взгляды. Об этой близости свидетельствует и письмо К. Ф. Рыльева, которое привез с собою поэту Пущин: обращаясь на «ты» к Пушкину, Рылеев считал, что имеет на это право не только «по душе», но и «по мысли». Спустя же два месяца Рылеев писал Пушкину: «Мы с Бестужевым³ намереваемся летом проведать тебя: будет ли это кстати?»⁴. Однако встреча не состоялась: после восстания 14 декабря 1825 г. Рылеев был арестован и 13 июля 1826 г. казнен, а А. Бестужев-Марлинский заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, осужден по I разряду на 20 лет каторжных работ.

В период михайловской ссылки в России произошли два крупных исторических события: открытое выступление русских дворянских революционеров 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади против самодержавия и начавшаяся в июле 1826 г. русско-персидская война, завершившаяся добровольным вхождением Восточной Армении в состав России.

Не будем напоминать обстоятельства восстания декабристов и причины его поражения — они широко известны. Отметим лишь то, что имеет отношение к Закавказью, а значит, и к Армении,

² Пущин И. И. Записки о Пушкине. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 1, с. 108.

³ Александр Александрович Бестужев (псевд. Марлинский, 1797—1837) — писатель, литературный критик, издатель (совместно с К. Ф. Рылевым) альманахов «Полярная звезда» и «Звездочка», член Северного общества с 1824 г., в 1825 г. вступил в «верхний круг, т. е. разряд убежденных» (см.: Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 34).

⁴ См.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина, с. 377.

прямо или косвенно — по принципу сопричастности — затрагивает армянские взаимосвязи Пушкина.

Николай I подозревал существование заговора в Кавказском корпусе, считал его организатором генерала Ермолова, которого он ненавидел и настолько боялся, что после 14 декабря в придворных «верхах» распространился слух, будто Ермолов во главе своего Корпуса перешел Кавказский хребет и идет на Москву и Петербург свергать династию Романовых; такого рода разговоры шли и среди членов Южного общества еще в 1824 г., однако они не имели почвы.

В первые же дни следствия к делу декабристов был привлечен А. С. Грибоедов, который представляет для нас особый интерес не только потому, что его жизнь и деятельность тесно переплелись с освобождением Восточной Армении от персидского ига, но и потому, что он явился одним из источников знаний Пушкина об армянском народе. Николай I дал приказ о немедленном «взятии» Грибоедова «со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени истребить их, и прислать как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург, прямо к его императорскому величеству». Был отправлен фельдъегерь в крепость Грозный, где при Ермолове находился Грибоедов. Получив предписание царя, Ермолов несколько задержал у себя разговорами фельдъегеря, предупредив тем временем Грибоедова сжечь все компрометирующие его бумаги, что тот и сделал. Кроме того, в донесении в Петербург Ермолов писал, что при «взятии» Грибоедова он «не мог истребить всех находившихся у него бумаг, но таковых у него не найдено, кроме весьма немногих...», а также, что во время своей службы на Кавказе он «как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет многие весьма хорошие качества»⁵.

Еще в петербургские годы Грибоедов вступил в масонскую ложу «Соединенных друзей», на Кавказе в 1821—1829 гг. он тесно сблизился с В. К. Кюхельбекером; встречался с многими личностями к тайным обществам лицами, то же и в приезд в Петербург в 1824—1825 гг. и проездом через Киев в июле 1825 г. Однако вопрос об организационной принадлежности Грибоедова к декабристским обществам в современной исторической науке до конца не решен. Акад. М. В. Нечкина, специально изучавшая этот вопрос, пришла к заключению, что, не желая подвергать «опасности такой талант», К. Ф. Рылеев, которому было поручено заниматься делом приема Грибоедова в члены Северного общест-

⁵ См.: Орлов Вл. Грибоедов. Очерк жизни и творчества. М., 1954, с. 35—36.

ва, ограничился его зачислением лишь в «условной форме». Это дало ему возможность заявить на следствии о своей полной непричастности к декабристам и избежать наказания⁶.

С Грибоедовым Пушкин познакомился летом 1817 г. в Петербурге и встречался в кругу общих друзей и по службе в Коллегии иностранных дел. По рассказу современника, «Пушкин с первой встречи с Грибоедовым по достоинству оценил его светлый ум и дарования». После назначения Грибоедова секретарем новообразованной русской миссии при дворе шаха Персии и его отъезда в августе 1818 г. в Закавказье их общение временно прекратилось, однако Пушкин продолжал интересоваться Грибоедовым, спрашивая о нем в письмах брата Льва, П. А. Вяземского, А. А. Бестужева. В Михайловском он читал список «Горя от ума», привезенный ему 11 января 1825 г. И. И. Пущиным, и, по словам последнего, «был очень доволен» комедией⁷, хотя в письмах к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 г. (X, 120—121) и А. А. Бестужеву конца января того же года (X, 121—122) высказал ряд критических замечаний⁸.

После следствия по делу декабристов под судом оказался 121 человек — в большинстве военные, многие из них — участники Отечественной войны, «дети 1812 года». Пятерых из них, которых Пушкин близко знал, приговорили к повешению: П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского. 31 человек осужден по I разряду к смерти с отсечением головы, замененной вечной каторгой, а часть — около 70 офицеров — лишены званий, разжалованы в солдаты и направлены в Отдельный Кавказский корпус, в так называемую «теплую Сибирь».

После казни пяти декабристов 13 июля 1826 г. на рукописи V главы «Евгения Онегина» появляется рисунок с пятью повешенными и надпись: «И я бы мог как...»⁹. В письме П. А. Вяземскому от 24 августа 1826 г. он пишет: «Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (X, 211).

Мысль о сосланных не дает покоя Пушкину все последующие годы его жизни; он их поддерживает морально, призывая «во глубине сибирских руд» хранить «гордое терпенье», выражает

⁶ См.: **Нечкина М. В.** А. С. Грибоедов и декабристы. 2-е изд. М., 1951.

⁷ **Пущин И. И.** Записки о Пушкине, с. 109.

⁸ См.: **Гукасова А. Г.** Пушкин и Грибоедов: (К вопросу об оценке комедии «Горе от ума»). — В кн.: Пушкин в школе. М., 1951, с. 112—141; **Горюцкий Б. Н.** К оценке Пушкиным комедии Грибоедова «Горе от ума». — Рус. лит., 1970, № 3, с. 21—36.

⁹ См.: **Невелев Г. А.** «Истина сильнее царя...» (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985, с. 25.

уверенность, что наступит час их освобождения, «и братья меч» им «отдадут». Даже больше — он предпринимает попытку примириться с царем все с той же надеждой, что ему удастся чем-то помочь сосланным декабристам. 15 мая 1826 г. он обращается с письмом к Николаю I, в котором дает «честное слово» «не противуречить моими мнениями общепринятому порядку» и просит разрешения поехать для лечения в Москву или Петербург или в чужие края (X, 209—210). Письмо не содержало просьбы о помиловании и обычного выражения верноподданнических чувств монарху¹⁰; оно проникнуто глубоким осознанием собственного предназначения как выразителя общественного мнения, «гласа народа», Пророка, который, «обходя моря и земли», глаголом жжет «сердца людей». Пушкин понимает, что Россию представляют не царь и преданные ему высокопоставленные сановники, не генералитет, а сосланные декабристы, и он — поэт — является продолжателем их дела. Именно это определяет идейное содержание его дальнейшего творчества, его взаимоотношения с окружающими, с тем же Николаем I, его поведение в целом. Один из вариантов стихотворения «Пророк» содержит четыре строки, прямо направленные против нового царя:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облеклись,
Иди, и с вервием на шее
К у[бийце] г[нусному] явись!¹¹.

«Гнусный убийца» — Николай I по совету шефа жандармов Бенкендорфа, мнившего, что удастся поставить перо Пушкина на службу самодержавию, счел выгодным простить поэта. 3 сентября в Михайловское явился за Пушкиным фельдъегерь и через пять дней — 8 сентября доставил прямо с дороги небритого, покрытого пылью в Кремль, в кабинет царя в Чудовом дворце. «Было холодно. Поэт говорил с царем, стоя спиной к камину. Обогреть замерзшие ноги, он незаметно для себя прислонился к столу и почти сел на него. Николай I отвернулся и потом говорил: «С поэтом нельзя быть милостивым!».

Аудиенция длилась более двух часов. Пушкин держал себя с царем смело. В передаче современницы поэта, со слов самого Пушкина, Николай I спросил его:

¹⁰ На это обратил внимание П. А. Вяземский, отметивший отсутствие в письме надлежащего тона обращения к монарху, на что Пушкин ответил: «Ты находишь письмо мое холодным и сухим. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы» (X, 211).

¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч. «Academia», 1939, т. 1, с. 428.

— Пушкин, принял ли бы ты участие 14 декабря, если б был в Петербурге?

— Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня... — ответил Пушкин.

— Довольно ты подурачился, — возразил император, — надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором»¹².

Пушкин по своей чистосердечности поверил было умевшему прикидываться добрым (и тем обманувшему многих декабристов), но по натуре жестокому и мстительному Николаю I (собственноручно составившему обряд, по которому должна была быть произведена казнь и экзекуция пяти повешенных). Однако Пушкин быстро разгадал истинную сущность царя и предоставленных ему «свобод»: вскоре он получил от Бенкендорфа ряд строгих предписаний и язвительных внушений о том, как себя вести и о чем писать. Но и Николай I спустя некоторое время убедился в том, что ему не удастся сломить и подчинить себе вольнолюбивого поэта. Так началась необъявленная война между царем и поэтом, закончившаяся трагической гибелью Пушкина.

С середины 1826 г. началось следствие по поводу стихотворения «Андрей Шенье», после которого за Пушкиным с 28 июня 1828 г. был учинен секретный надзор. С обвинением Пушкина в богохульстве выступила церковь в лице петербургского митрополита Серафима, до которого дошел список «Гавриилиады» — «армянское преданье» о том, как

Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей...

(IV, 138)

На допросе Пушкин отказался от авторства: он знал, что за оскорбление церкви он мог быть сослан в Сибирь, и признал лишь, что имел переписанный им список поэмы. Следствие продолжалось, и Пушкин вынужден был написать письмо царю. Николай I, проявив свое обычное лицемерие, приказал прекратить дело о «Гавриилиаде», однако одновременно скрепил своей подписью представление Государственного совета об отдаче Пушкина под надзор полиции.

Очевидно, что Пушкин ни за что не назвал бы имени Гри-

¹² Гессен А. Жизнь поэта. М., 1972, с. 237—238. См. также: Бродский Н. Л. Пушкин. Биография. М., 1937, с. 413—414.

гора Захаряна — источника сюжета «Гавриилиады» тем более, что есть основания полагать, что они встретились в Москве в дни коронации Николая I, на которой армянский архиепископ присутствовал в составе делегации армянского духовенства. К этому времени Г. Захарян страдал тяжелым недугом, в Москве он обращался к видным врачам и в начале 1827 г. выехал в Венгрию на лечение, где скончался и был похоронен в монастыре Хадмикадар близ г. Сучава. В Москве Пушкин встретился также с проживавшим здесь Иваном Екимовичем Лазаревым и приехавшим из Петербурга на торжества Христофором Лазаревым.

* * *

В дни торжеств в Москву дошли вести о вторжении персидских войск в русские владения в Закавказье. Шах, узнав в январе 1826 г. о междуцарствии в России и восстании декабристов, посчитал, что настал удобный случай для войны с русскими, и приступил к лихорадочной ее подготовке. Русские агенты в Персии незамедлительно поставили в известность Ермолова, а тот в свою очередь — Петербург. Русский поверенный в делах С. Н. Мазарович, сообщая об этом, добавлял, что персидские войска уже не те, что были при Котляревском; под руководством англичан они превратились в настоящее европейское войско, снабженное превосходной артиллерией, что во главе ее будут стоять английские офицеры¹³.

Царское правительство, не отказываясь от планов по присоединению к России Эриванского и Нахичеванского ханств, тем не менее желало избежать войны с Персией. В феврале 1826 г. в Тегеран был направлен специальный посол кн. Меншиков с поручением известить шаха о восшествии на престол Николая I, заверить в дружелюбии нового царя и в знак этого даже уступить Персии часть Талышского ханства, отошедшую к России. Попутно Николай I вменил Меншикову в обязанность разузнать о Ермолове — его отношении к восстанию декабристов. К чести Меншикова, он написал Николаю I успокоительное письмо, что вольнодумства не заметил и признаков тайного общества на Кавказе не обнаружил. Ермолов же из того, что его обошли с посольством в Персию, из расспросов Меншикова понял, что его политическая карьера скоро должна кончиться.

В конце апреля Меншиков прибыл в Персию. Уже в Тавризе он убедился в открытых приготовлениях к войне, о чем пытал-

¹³ **Потто В.** Кавказская война... М., 1887, т. 3, ч. 1, с. 28. Далее ссылки в тексте.

ся сообщить Ермолову, однако всех его гонцов персы задерживали. Меньшиков узнал также, что Аббас-Мирза нанял «человека для убийства» «проконсула Кавказа», которого он боялся, как черт ладана.

Шах подчеркнуто холодно принял русского посла, не взял из его рук послания Николая I, велел положить его на подушку. До этого к шаху приезжал мусульманский первосвященник, потребовавший объявления войны России. К посольству был приставлен караул, и оно оказалось по существу в плену. Лишь после долгих проволочек Меньшиков был отправлен в Эривань, но местный сардар решил уничтожить посольство, устроив на него нападение в пути, свалив это на курдов. Через лазутчика-армянина Меньшиков успел предупредить Ермолова, и когда посольство прибыло в Эчмиадзин, оно неожиданно для персов поскакало в сторону Джалал-Оглы (ныне Степанаван), где ему на выручку пришел русский отряд.

Война была уже в полном разгаре.

16 июля 1826 г. войска эриванского сардара вероломно вторглись в северные районы Восточной Армении — Шурагель и Памбак. Им противостояли разбросанные по ряду пунктов два батальона русских войск под начальством командира Тифлисского полка полковника Леонтия Яковлевича Северсамидзе¹⁴. Главные же персидские силы — 60 тыс. войска при 30 орудиях во главе с Аббас-Мирзой — 19 июля вошли в Карабах, где стоял лишь 42-й егерский полк в составе 2700 штыков, 6 орудий и 420 казаков.

Внезапность позволила эриванскому сардару сломить сопротивление малочисленных русских войск и групп самообороны из армянских крестьян. Так, в Караклисе, где находился казачий пост и проживало 70 армянских семей, после ожесточенной схватки, в которой участвовали даже женщины, персы истребили весь казачий отряд, а оставшихся в живых жителей угнали в плен. Путь персов был обозначен горами развалин и пожарищами, полным опустошением и обезлюдиванием местности.

Не везде персам удавалось действовать безнаказанно. Показателен в этом плане случай, происшедший в деревне Харум в 20 верстах от Гумри: ее старшина, юзбаши Дела Казар, буду-

¹⁴ Родился в Моздоке в бедной грузинской семье, службу начал рядовым, участвовал в походах на Эривань Цицианова и Гудовича, при штурме крепости получил 5 ранений, за храбрость и мужество награжден многими знаками отличия, дослужился до чина полковника и был назначен начальником пограничной линии в русской части Восточной Армении. Знал местные языки, пользовался любовью и уважением населения. Эриванский сардар несколько раз подсылал к нему убийц, но, как пишет В. Потто, его «берегла любовь народа, и покушения не имели успеха» (с. 33).

чи во владениях сардара, увидел подготовленные к вторжению войска. Его хотели задержать как шпиона, однако он вскочил на коня, спасся от преследователей и, прибыв в Гумри, сообщил коменданту о готовящемся нападении; тот сперва не поверил и приказал посадить доносителя в яму. Но Казар убедил его в правдивости своих показаний, что дало возможность гарнизону подготовиться к встрече противника, отбить атаки персов, а позднее отойти к Джалал-Оглы. Казар же, взяв в подмогу 10 солдат, отправился в свою деревню, собрал ее жителей и успешно отбил несколько налётов персидской конницы. Отправившись в разведку, юзбаши Казар встретил отряд Л. Я. Северсамидзе, вывел его из разгромленного персами Караклиса. После окончания русско-персидской войны деревня, защищенная Казаром, была переименована в честь героя в Казарапат и носит это название по сегодняшний день (с. 39—42).

Русские войска, воевавшие в северных районах Армении, оказались в тяжелом положении и по приказу Ермолова отошли за Безобдальский перевал, сконцентрировавшись у укреплений Гергеры и Джалал-Оглы. Армянское население, еще остававшееся в Памбаке, покинув скот и имущество на разграбление персам, ушло вместе с русским войском, а часть — в Турцию (с. 36).

Тем временем в Закавказье в распоряжение командующего Кавказским корпусом стали прибывать первые группы ссыльных декабристов, которых распределили по различным воинским частям, в том числе в 42-й егерский полк под командованием полковника И. А. Руета, ветерана Кавказской войны, прославившегося исключительным владнокровием и мужеством. Его полк был рассредоточен по Карабаху, сам же он с небольшим гарнизоном находился в крепости Шуша. Сюда в его распоряжение прибыл ряд лиц, причастных к тайным обществам:

Александр Михайлович Миклашевский (1796—1831) — участник Отечественной войны 1812 г., по окончании — подполковник 22-го егерского полка, состоял членом тайного общества Измайловского полка, в феврале 1821 г. вступил в Союз благоденствия, после чего в апреле того же года перешел «в другое тайное общество, имевшее целью распространение просвещения вообще и в особенности между низшими классами народа, дабы тем самым довести его до того состояния, в котором он мог бы пользоваться свободой»¹⁵. После ареста в январе 1826 г. в Чернигове и шестимесячного заключения в Петропавловской крепости Миклашевского перевели с сохранением чина подполковника в Кавказский корпус с приказом ежемесячно докладывать о его поведении.

¹⁵ Восстание декабристов, т. 8, с. 124 и 351.

Кроме него из декабристов в его роте состояли разжалованные в рядовые:

Николай Иванович Акулов (Окулов) — лейтенант гвардейского полка, за выступление на Сенатской площади разжалован в рядовые, из Сибири переведен на Кавказ в 42-й егерский полк¹⁶. Его нравственный облик с большой теплотой рисует в своих воспоминаниях декабрист Петр Бестужев, несколько позднее переведенный из Сибири в Кавказский корпус и принявший участие в боевых действиях (о нем мы скажем дальше): «Много природного ума, прочные и строгие правила, благородный образ мыслей, добрейшая душа, чувствительное сердце, характер твердый, героический, скромность похвальная»¹⁷;

Алексей Васильевич Веденяпин (1803—1847) — прапорщик 9-й артиллерийской бригады, член Общества соединенных славян. Разжалован в рядовые, с января 1827 г. в составе 42-го егерского полка¹⁸. К этой официальной справке добавим слова о нем П. Бестужева: «Чувствительная душа, характер довольно твердый и благородные правила, к тому же любивший писать стихи»¹⁹;

Василий Яковлевич Зубов — юнкер Иркутского гусарского полка, арестован «за написание в 1826 г. стихов, наполненных злобой противу правительства», разжалован в солдаты и переведен в 42-й егерский полк «с установлением над ним строжайшего надзора»²⁰. Укажем также, что в крепости Шуша находился временно исполнявший должность окружного начальника подполковник Гвоздев (ум. в 1828 г.), служивший до того по квартирмейстерской части в Генеральном штабе, осужденный по делу декабристов и переведенный в 42-й егерский полк.

В середине июля Аббас-Мирза неожиданно перешел Аракс, вторгся в Карабах. Здесь, соединившись с местными мусульманскими ханами, изменившими русской присяге и предательски уничтожившими казачий отряд подполковника Назимки, двинулся маршем к крепости Шуша и осадил ее. В ночь на 27 июля вооруженная толпа фанатиков-мусульман устроила резню в Елисаветполе и захватила город.

Наследный принц предъявил начальнику гарнизона Шуши полковнику Реуту ультиматум сдать крепость, угрожая в против-

¹⁶ Там же, с. 22 и 268.

¹⁷ **Бестужев П. А.** Памятные записки 1828 и 1829 годов. — В кн.: Воспоминания Бестужевых / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1951, с. 368. Далее: **Бестужев П. А.**

¹⁸ Восстание декабристов, т. 8, с. 58 и 293.

¹⁹ **Бестужев П. А.**, с. 359.

²⁰ **Нерсисян М. Г.** Декабристы в Армении. Ереван, 1975, с. 68. Далее: **Нерсисян М. Г.**

ном случае снести ее с лица земли. Реут и его соратники отвергли требование Аббас-Мирзы. В одном из официальных документов того времени говорится: «Дух гарнизона был превосходный, но шесть слабых рот были недостаточны для обороны такой обширной крепости. К счастью, на помощь нам явились армяне из числа шушинских жителей, и 1500 человек их, вооруженных солдатскими ружьями, стали на стены, значительно усилив собою оборону. Начальником над ними Реут назначил старосту Агабек Калантарова... Отдельные армяне помогали нам чем могли. Некто Барутча Погос, зная, что в крепости нет пороха, вызвался безвозмездно готовить его в количестве от 20 до 30 фунтов в день; другие готовили картечь или переливали старые ядра, сельчане отдали весь свой скот — от пяти до шести сот голов — на общее пропитание... По ночам армяне нередко под огнем персидской батареи перемалывали наше зерно. Аббас-Мирза неоднократно пытался взять ненавистное ущелье, но все его усилия разбивались о стойкость армян, которые под предводительством своих старшин Сафара и Ростом Тархановых не только отражали врагов, но время от времени и сами тревожили персиян своими набегами. Даже женщины этой деревни явились героинями. И одну из них, по имени Хатан, знал в то время весь Карабаг»²¹.

Аббас-Мирза вступил в новые переговоры, заявив прибывшему офицеру, что он пришел не только за Шушой; по его словам, в Петербурге междоусобица, Ермолов уехал из Грузии, а Тифлис покинут русскими, и он согласится заключить мир лишь на берегу Москвы-реки. Офицер передал сказанное Реуту, тот категорически отказался сдать крепость, последовали новые бомбардировки и штурмы, не давшие результата. Аббас-Мирза в третий раз вызвал парламентаря и обещал пропустить русского гонца к Ермолову за приказом о сдаче крепости, взяв в качестве заложника коменданта крепости Б. Г. Чилыева²² (с которым Пушкин встретился летом 1829 г. на пути из Владикавказа в Тифлис и ночевал в Квешети). Помимо посланного через офицера донесения Ермолову Реут отправил и лазутчика-армянина А. Алтуняна; тот вернулся и доставил приказ главнокомандующего держаться до последнего.

Из Горячих Вод был срочно отозван находившийся там на лечении начальник войск Карабаха генерал-майор В. Г. Мадатов. Прибыв в Тифлис, он по приказу Ермолова во главе отряда 1 августа 1826 г. двинулся в Казах, чтобы удержать его жителей от

²¹ Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1906, т. 4, ч. 1, с. 97—99.

²² Его отпустили лишь после заключения мира между Россией и Персией.

возмущения, к которому их склоняли персы. Одно лишь его при-
бытие на место не только принесло успокоение, а повлекло орга-
низацию местной милиции, использованной в дальнейших воен-
ных действиях.

20 августа Мадатову сообщили, что персы заняли Шамхор-
ские горы с целью пройти в г. Нуху. Взяв 2 батареи при 6 ору-
диях и совершив бросок в 30 верст, он разогнал полчища врага.
28 августа он получил письмо от Ермолова: «Нам надобен вер-
ный успех, и таковой приобретешь ты со всеми твоими войсками
без сомнения... не дожидайся каджаров²³, но и самих их отыскать
возможно. Суворов не употреблял слова ретирада²⁴, а называл
оную прогулкой. И вы, любезный князь, прогуливайтесь во вре-
мя, когда будет не под силу: стыда нимало в том нет»²⁵.

1 сентября Мадатов с отрядом двинулся навстречу персам;
неприятель, узнав, кто командует отрядом, оставил позиции и от-
ступил; 3 сентября, пройдя 17 верст к Шамхору, отряд Мадато-
ва встретил 10-тысячный корпус под командованием принца Ма-
меда-Мирзы, при котором ментором являлся один из лучших
персидских полководцев Амир-хан Сардар.

Противников разделяла речка Шамхор, перед ней находил-
ся отряд Мадатова, за ней — персидский лагерь.

Расположив войско в трех небольших колоннах с кавалерией
на флангах, Мадатов повел его за собой. Персы открыли огонь.
«Твердо, под мерный грохот барабанов, шли два батальона (гру-
зинцы и егеря), без выстрела, с ружьями наперевес; за ними в
резерве двигались херсонцы; впереди колонн верхом на золотис-
том карабахском коне, сыпаемый градом неприятельских пуль,
ехал Мадатов; поодаль от него несколько сзади, держалась его
немногочисленная свита. Напрасно уговаривали Мадатова отъ-
ехать в сторону.

— Вас видят, в вас метят, — кричали ему офицеры.

— Тем лучше, что меня видят, — скорее убегут, — отвечал
генерал и приказывал прибавить шаг» (с. 143).

Персы открыли пушечный огонь, им стала отвечать русская ар-
тиллерия. «А батальоны шли, перешли вброд Шамхорку, стали под-
ниматься на высоту. Мадатов вынул саблю, сделал полуоборот,
крикнул: «Ура!»—и отозвались громовым эхом батальоны, ринулись
на вражеские батареи, кавалерия понеслась на фланги» (с. 144).

Враг дрогнул. А тут вдаль показался громадный столб пы-

²³ Каджары — правящая династия в Персии, в данном случае — войска
наследного принца Аббас-Мирзы.

²⁴ Ретирада — отступление.

²⁵ Коцебу М. Е., Хомяков А. С. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мада-
това. 2-е изд. СПб., 1863, с. 104—105.

ли — то был русский обоз, отставший от отряда и вскачь догнавший своих. Персы приняли его за подходивший резерв и бросились в бегство, и в первую очередь персидский принц. Вся дорога на протяжении 30 верст была завалена вражескими трупами.

Продолжая преследование, Мадатов захватил два брошенных неприятельских лагеря, а утром 4 сентября с ходу вступил в Елисаветполь, где его встречало все христианское население вместе с духовенством, с хоругвями и крестами.

В донесении Ермолову он писал, что враг бежал столь поспешно, что «не успел истребить собранные там запасы и довершить тиранства над христианскими жителями. Неприятель оставил на произвол победителей одно из главнейших в Персии духовных лиц, имама Гуссейна, известного фанатика, кой поддерживал дух персиан, что по его молитве ядра и картечь из русских пушек не могли им вредить» (там же).

5 сентября до Мадатова дошла весть, что Аббас-Мирза, сняв осаду крепости Шуша, идет со всей персидской армией на него, что нашло подтверждение на следующий день. 7 сентября Мадатов вместе с полковниками — командиром Херсонского полка Поповым и командиром Грузинского полка И. О. Симоничем (с которым Пушкин встречался летом 1829 г.) выехали на рекогносцировку для выбора места сражения. Вернувшись, Мадатов узнал от карабахских армян, что из Тифлиса в Акстафу прибыли новые русские войска во главе с генералом, которого они не знают, но фамилия его Паскевич. Действительно, 9 сентября Мадатов получил от генерал-лейтенанта Паскевича записку, что он прибудет 10-го утром в Елисаветполь, а если не успеет, то приказывает отступить, не принимая сражения. Мадатов получил письмо и от Ермолова о назначении Паскевича командующим действующим Кавказским корпусом, хотя и под его главным начальством.

2

Новый командующий **Иван Федорович Паскевич** (1782—1856) по общему признанию был баловнем судьбы. По словам В. Потто, вся его жизнь представляла какое-то странное сочетание несомненных талантов со счастливыми случайностями (с. 178). Обладая импозантной внешностью: большими светло-голубыми глазами, сверкавшими решимостью, красивой головой, обрамленной роскошными темными кудрями, строгим надменным лицом, — он производил исключительно сильное впечатление на окружающих. Происходил он из древнего рода, воспитывался в пажеском корпусе, после чего был назначен поручиком в Преоб-

раженский полк. Как-то, находясь с товарищем на дежурстве, он попался на глаза императору Павлу. Тот подошел к ним и сделал строгий выговор за то, что одеты не по форме. Юноши, зная сумасбродный нрав Павла, испугались, однако оказалось, что император шутит, имея в виду отсутствие на них офицерских регалий.

— Бегите и приходите ко мне, — сказал Павел.

Однако, когда они предстали перед Павлом, он вновь усмотрел нарушение формы — отсутствие аксельбантов. Вернувшись через час, они стали флигель-адъютантами императора (там же).

В русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Паскевич выполнял боевые и дипломатические поручения, отличился при штурме Браилова, сражениях при Варне и Батине, был награжден, в 1809 г. получил чин полковника, в 1812 г. — генерал-майора, стал командиром бригады и шефом Орловского полка. В Отечественную войну воевал в составе 2-й Западной армии, участвовал в битвах под Смоленском, на Бородинском поле и других, а после ее окончания служил в Митаве командиром 1-го пехотного корпуса. В дни восстания декабристов прибыл в Петербург, был председателем суда над «злоумышленниками», вошел в доверие к Николаю I, чем и пользовался для достижения своих целей, используя при этом «осторожную интригу».

Но это, так сказать, внешняя канва служебной карьеры, а что касается его личных качеств, то даже дореволюционная «Военная энциклопедия» так характеризовала его: «Обращал мало внимания на обстановку и недостаточно с ней соотносывался, редко проявляя решительность и часто выказывая избыток осторожности; хотя в тактике и стратегии имел здравые взгляды, однако действия его не отличались блеском, ничего самостоятельного не заключали, были заурядны; в общем его нельзя считать даровитым полководцем, внесшим что-либо плодотворного в военное искусство»²⁶.

Николай I направил Паскевича в Отдельный Кавказский корпус для наблюдения за Ермоловым и его окружением, намереваясь в дальнейшем заменить «неблагонадежного» «проконсула Кавказа» своим любимцем и взять под жесткий контроль сосланных декабристов.

17 августа в Тифлис прибыл сформированный из числа «прощенных» участников восстания 14 декабря Сводный гвардейский полк в составе двух батальонов — по одному из л.-гв. Московского и л.-гв. Гренадерского полков. По списку в нем на 19 июля 1826 г. числилось 1376 чел., из них штаб-офицеров 4, оберофицеров 30, унтер-офицеров 72, музыкантов 35, рядовых 1177,

²⁶ ВЭ. СПб., 1914, т. 17, с. 316.

нестроевых 128; кроме того, еще 18 чел. оставались в Петербурге «под арестом»²⁷.

Сводным полком командовал полковник **Иван Павлович Шипов** (1793—1845), участник Отечественной войны, состоял членом Союза благоденствия, «был членом Коренного совета и находился на совещании Коренной думы (в 1820 г.), происходившем в квартире Глинки²⁸, где держал сторону республиканского правления». Он не подвергся наказанию, однако был переведен с должности командира л.-гв. Преображенского полка в Сводный полк и удален из Петербурга. Современники отзывались о нем как о в высшей степени гуманном и просвещенном человеке, который хотя и требовал неуклонного исполнения службы, но с редкостной заботливостью относился к солдатам, отмечали, что за три года командования им Сводным полком почти не было случаев принятых тогда в армии наказаний розгами или шпицрутенами²⁹. Пушкин был знаком с женой брата И. П. Шипова — Сергеем Павловичем — Анной Евграфовной, урожд. графиней Комаровской, бывал у нее дома и вписал в ее альбом стихотворение «Муза» (ок. 1828 г.).

К тайным обществам были причастны и офицеры Сводного гвардейского полка:

подпоручик л.-гв. Московского полка князь **Михаил Федорович Кудашев** (1805—1847), выступивший 14 декабря на Сенатской площади, арестованный и вышедший после следствия с «очистительным аттестатом», но с отправлением в Закавказье³⁰;

прапорщик л.-гв. Гренадерского полка **Григорий Григорьевич Лелякин** (1803—1876), арестованный в связи с восстанием декабристов, также сосланный на Кавказ³¹;

подпоручик л.-гв. Преображенского полка **Николай Васильевич Шереметев** (1800—1849), член Северного общества, после ареста и заключения в Кронштадтской крепости был переведен в 43-й егерский полк, стоявший в Карабахе, а в мае 1827 г. — в Сводный гвардейский полк³².

После кратковременного отдыха уже в начале сентября 1826 г.

²⁷ См.: Кавказский сборник. Тифлис, 1908, т. 27, с. 115.

²⁸ **Федор Иванович Глинка** (1786—1880) — участник Отечественной войны, гв. полковник, служил при петербургском генерал-губернаторе чиновником по особым поручениям; был членом общества «Зеленая лампа», Союза спасения и Союза благоденствия, видный деятель умеренного декабризма (Восстание декабристов, т. 8, с. 63—64 и 303—304).

²⁹ Восстание декабристов, т. 8, с. 208—209 и 424.

³⁰ Там же, с. 105—106 и 336.

³¹ Там же, с. 112 и 341—342.

³² Там же, с. 207—208 и 423—425.

Сводный гвардейский полк в составе отряда под командованием Ермолова выступил в Казахскую и Шамшадинскую дистанции, где отогнал войска эриванского сардара, занятые грабежом населения, а в октябре—ноябре участвовал в экспедиции в Ширванскую, Шекинскую и Кубинскую провинции с целью замирения местных ханов.

Но кроме «прощенных» солдат Московского и Гренадерского полков, составивших Сводный гвардейский полк, из названных частей и Гвардейского экипажа были выделены наиболее активные из «мятежников». Они были взяты под арест и заключены в Выборгскую и Кексгольмскую крепости. В начале марта 1826 г. 685 чел. из них были определены для службы в Отдельном Кавказском корпусе под командованием подполковника Мохова, в сопровождении конвоя, двумя отрядами отправлены в Астрахань. Согласно донесению Мохова, его отряды состояли из «государственных преступников в следующем количестве: из Выборгской крепости 16 унтер-офицеров, 7 музыкантов и 262 рядовых; из Кексгольмской крепости — 27 унтер-офицеров, 3 музыканта и 352 рядовых; всего 43 унтер-офицера, 10 музыкантов и 614 рядовых. Конвой, сопровождавший отряды, состоял из следующих лиц: офицер — 1, обер-офицеров — 8, унтер-офицеров — 7, рядовых — 68, лекарь — 1, фельдшеров — 2, денщиков — 11». Высочайше предписывалось принять меры к тому, чтобы отряд Мохова не встретился со Сводным гвардейским полком. Однако из-за недостатка в войсках, действующих против персов, отряд Мохова был переброшен в Тифлис и распределен по отдельным полкам: 41-му и 42-му егерским, Ширванскому, Тифлисскому, Нашебургскому, Козловскому, Кабардинскому и в 8-й пионерный батальон, в составе которых он участвовал в походах и сражениях 1826—1827 гг.³³. Разбросанность по отдельным частям солдат-декабристов из отряда Мохова затрудняет установить их боевую деятельность и требует специальных изысканий, что за пределами настоящей работы; известно лишь, что они воевали достойно и храбро.

В сентябре—октябре 1826 г. в Тифлис прибыли шесть рот, сформированных из участников восстания Черниговского полка на Украине, — всего 795 чел. под командованием майора Броссе. Помимо них из черниговцев небольшими группами сюда же были посланы 128 чел. Все их распределили по разным частям Кавказского корпуса, в основном в те, на которые легла главная тяжесть войны. В действующую армию были сосланы и «мятежники» из стоявших на Украине 8-й артиллерийской бригады и 8-й пехотной дивизии, среди которых было немало и «семеновцев»,

³³ Кавказский сборник, т. 27, с. 166.

рядовые из Саратовского и Троицкого полков, а в апреле 1828 г.— матросы Гвардейского экипажа³⁴.

Таким образом, в течение 1826 г. в Кавказский корпус было около 3000 рядовых декабристов, многие из них — участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., накопившие большой опыт за долгие годы службы в армии. Они составили костяк Кавказского корпуса, на них легла вся тяжесть войны, и, как мы убедимся дальше, им в наибольшей мере принадлежала заслуга в достижении победы.

Но вернемся к военным действиям.

10 сентября утром Паскевич с начальником штаба корпуса генералом Вельяминовым (к которому он относился предвзято) в сопровождении знаменитого Нижегородского полка прибыл в Елисаветполь. Мадатов выстроил все войска, по словам В. Потто, — «отборнейший цвет боевого Кавказского корпуса» (с. 155). Однако Паскевич всем был недоволен, особенно обмундированием и выправкой, повсюду находил беспорядок. Он с гневом, не стесняясь в выражениях, обрушился на офицеров, Мадатова. В личном письме Николаю I, отправленном в тот же день, писал: «Нельзя представить себе, до какой степени они мало выучены. Боже сохрани с такими войсками быть первый раз в деле; многие из них не умеют построить каре или колонну — и это все, что я от них требую... Слепое повиновение им не нравится — они к этому непривычны; но я заставляю их делать по-своему» (с. 156).

Как метко замечает В. Потто, хитрый царедворец Паскевич намеревался при неудаче возложить ответственность на других, а в случае успеха приписать его лишь себе.

11 и 12 сентября Паскевич устроил учения, вконец замучив солдат и офицеров. Он намеревался встретить персов в узких улицах города, часть населения которого была враждебно настроена к русским, хотя против этого энергично возражали Мадатов и Вельяминов.

В ночь на 13 сентября к Мадатову явились армяне-лазутчики, бежавшие из персидского лагеря, в их числе и брат служащего русской миссии Беглярва, сообщившие о том, что Аббас-Мирза хотел атаковать русских (по примеру Котляревского под Асландузом) ночью, но его отговорили, и он решил дать бой утром. Мадатов и Симонич, разбудив Паскевича, поставили его в известность о приближении Аббас-Мирзы; в это время прибыл подосланный персами гонец с вестью, что эриванский сардар заходит в тыл русским войскам с целью внести в их ряды панику. Паскевич заколебался, спросил Мадатова и Симонича: «Что нам делать?», на что последний ответил: «Побьем Аббас-Мирзу, тогда уйдет и сардар». Уговорив с трудом Паскевича принять

³⁴ См.: Нерсисян М. Г., с. 134—140.

бой (В. Потто пишет — «заставив»), командиры вывели из города свои части и расположились по указанию Вельяминова.

Не станем описывать подробности сражения: 60-тысячная армия Аббас-Мирзы включая 24 батальона регулярной пехоты при 26 орудиях, руководимая английскими офицерами, отборная куртинская конница были разбиты и в беспорядке бежали. Потери персов составили более 2 тыс. убитых и тысячу пленных, не считая обозов и других трофеев, а у русских — 295 рядовых и 120 офицеров.

Среди отличившихся полков находились: 41-й егерский под командованием полковника **Александра Александровича Авенариуса** (ум. 1828). Его подозревали в принадлежности к тайным обществам (он являлся членом Союза благоденствия, но после 21 г. отклонился и в нем не участвовал). На запрос военного министра Ермолов 14 марта 1826 г. отвечал, что хорошо знает Авенариуса, считает его офицером усердным, исполнительным, что «не в его свойствах быть членом какого-либо вредного общества»; однако тайный надзор за ним был установлен³⁵.

В полку Авенариуса кроме роты подполковника Миклашевского и упоминавшихся в ней декабристов сражались: поручик л.-гв. Финляндского полка, член Южного общества Александр Александрович Добринский (ум. 1860), находившийся под арестом вместе с Грибоедовым, высланный на Кавказ с тем же чином³⁶; подпоручик л.-гв. Измайловского полка, член Северного общества Александр Александрович Фок (ум. 1854), лишенный чинов и званий, разжалованный в солдаты³⁷.

Из других декабристов, проявивших себя в Елисаветпольском сражении, укажем: корнета кавалергардского полка, члена Южного общества Николая Николаевича Депрерадовича (1802—1884), переведенного в Нижегородский драгунский полк³⁸; поручика гвардейского Генерального штаба, члена Северного общества Демьяна Александровича Искрицкого (1803—1831); зачисленного с сохранением чина в 42-й егерский полк³⁹; подпоручика л.-гв. Финляндского полка, члена Северного общества, бывшего на Сенатской площади «в толпе мятежников» Николая Романовича Цебрикова (ок. 1802—1876), которого после следствия лишили дворянства, написали в рядовые и отправили в Ширванский пехотный полк⁴⁰; корнета л.-гв. Конного полка, члена Северного об-

³⁵ Кавказский сборник, т. 27, с. 62—63.

³⁶ Восстание декабристов, т. 8, с. 78 и 314.

³⁷ Там же, с. 194 и 410.

³⁸ Там же, с. 77 и 313.

³⁹ Там же, с. 89 и 321.

⁴⁰ Там же, с. 201 и 415—416.

щества Александра Ефимовича Рынкевича (1802—1829), после двухмесячного заключения в Петропавловской крепости в том же чине направленного в Бакинский гарнизонный батальон, затем в Ширванский пехотный полк⁴¹.

Все названные лица явились деятельными участниками последующих военных действий в Закавказье, о чем мы скажем дальше, а здесь отметим, что, хотя армия Аббас-Мирзы была разбита под Елисаветполем и в панике бежала, Паскевич, опасаясь того, что она может остановиться и вновь атаковать, запретил ее преследовать. Однако наступательный порыв русских невозможно было удержать. Аббас-Мирза, чтобы еще больше ускорить бегство, приказал посадить на каждого коня по два человека. 15 сентября наследный принц был за Араксом, а 17-го — и его разгромленная армия. Как замечает В. Потто, во время сражения Паскевич вел себя достойно, хотя в донесениях царю, содержащих «надменную несправедливость и неблагодарность», приписал главную заслугу в победе себе. Паскевичу пришлось назвать и других, в частности Мадатова, подлинного героя Елисаветпольского сражения, которому было присвоено звание генерал-лейтенанта, и он награжден второй бриллиантовой саблей с надписью «За храбрость»⁴².

Оставим Карабахский фронт и обратимся к действиям против эриванского сардара в северных районах Восточной Армении, где, как мы видели, для русских войск в марте—августе 1826 г. сложилась тяжелая обстановка.

В августе 1826 г. в распоряжение А. П. Ермолова был направлен его двоюродный брат, прославленный партизан Отечественной войны, генерал-майор, поэт и военный писатель **Денис Васильевич Давыдов** (1784—1839). С ним Пушкин познакомился в Петербурге в декабре 1818—январе 1819 г. в литературном обществе «Арзамас»⁴³; оно продолжалось в Киеве в январе—феврале 1821 г. и в приезде в Москву, где Давыдов жил с 1823 г. Пушкин с уважением относился к «певцу-гусару», посвятил ему стихотворения «Наездники» (1816) и «Недавно я в часы свободы» (1822), набросал его портрет в начале 1825 г. на полях рукописи «Евгения Онегина».

⁴¹ Там же. с. 164 и 387. Его «Воспоминания. Заметки и письма» опубликованы Герценом в «Полярной звезде» (1861, кн. 10), перепечатаны в кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Под ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова. М., 1931, с. 192—255.

⁴² Потто В. Кавказская война... СПб., 1887, т. 3, ч. 2, с. 179. Далее ссылки в тексте.

⁴³ Кстати, в «Арзамасе» прозвище Д. Давыдова было «армянин» (см.: Соч. Д. В. Давыдова. М., 1860, ч. 2, с. 107).

Прибыв в Тифлис в начале сентября 1826 г., Давыдов сразу же был назначен А. П. Ермоловым командиром отряда, действовавшего против эриванского сардара, с задачей изгнать противника из Лори—Памбака и Ширака, отбросить его главные силы, стоявшие на северном побережье озера Севан⁴⁴. 15 сентября Давыдов уже находился в укреплении Джалал-Оглы, принял начальство над отрядом, а 19 сентября с частью отряда выступил в поход. Перейдя Безобдальский перевал, Давыдов 20 сентября вытеснил войска брата эриванского сардара Гасан-хана из д. Амамы, а 21 сентября у села Мирак, расположенного на восточном склоне Арагаца, разбил 4-тысячную конницу противника. В донесении Ермолову Давыдов писал: «...21-го при уроч<ище> Мирак с чувствительным весьма для неприятеля уроном рассеял его и преследовал в персидские пределы... в двух небольших маршах от Эриванской крепости. Он⁴⁵ нашел всюду селения, оставленные жителями, спасавшимися бегством. Атаку сию я приказал произвести, когда сам я вступил в Шамшадинскую дистанцию, где была уже конница Сардара Эриванского и сам он находился недалеко в горах, но он бежал и, не подав помощи атакованному брату своему, заперся в Эриванской крепости. Ген-майор Давыдов, очистив Памбакскую округу, должен возвратиться на урочище Джалал-Оглы, где строится укрепление недалеко от разоренной кр. Лори»⁴⁶. Давыдов представил к награждению наиболее отличившихся в походе штаб- и обер-офицеров, всего 24 человека, с краткими характеристиками; среди них — начальник грузинского ополчения Давид Тарханов, переводчик Бастам Бастамов, князь Арсений Бебутов и князь Иван Меликов. О них в донесении сказано, о первом: «Сам отправился от меня в наездники и вел себя весьма храбро»; о двух последних: «Вел себя чрезвычайно храбро против куртинских наездников»⁴⁷.

Успех в Миракском сражении разрядил опасную обстановку, сложившуюся в северных районах Армении, создав предпосылки для взятия Эривани. С этой целью Давыдов в конце сентября двинулся в Арагатскую долину. Как пишет он в автобиографии,

⁴⁴ Излагаю по работам: **Нерсисян М. Г.** 1) Новые материалы о пребывании Дениса Давыдова в Армении. — В кн.: Из истории русско-армянских отношений Ереван, 1961, кн. 2, с. 7—30; 2) Денис Давыдов в Армении. — В кн.: Страницы из новой истории армянского народа. Ереван, 1982, с. 106—112.

⁴⁵ Давыдов пишет о себе в третьем лице.

⁴⁶ **Давыдов Д.** Полн. собр. стихотворений. Л., 1933, с. 108—109.

⁴⁷ См.: **Нерсисян М. Г.** Новые материалы о пребывании Дениса Давыдова в Армении, с. 16—17. Как отмечает автор, из взятых под Ширакком трофеев Д. Давыдов спустя годы подарил Вальтеру Скотту курдскую пику и персидский кинжал.

«тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, со своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого»: Однако тут же получил предписание Ермолова вернуться обратно, так как поход на Эривань откладывался на весну 1827 г. А. П. Ермолов, в частности, писал: «Доволен тем, что ты сумел воспользоваться обстоятельствами, ничего не делая наудачу. Похваляю весьма скромность твою в донесениях, которая не омрачена наглою хвастливостью, и сужу об успехах твоих действий по месту, из которого ты пишешь. Имей терпение, не ропщи на бездействие, которое я налагаю на тебя: оно по общей связи дел необходимо»⁴⁸.

Сподвижником Д. Давыдова был упоминавшийся нами член посольства Ермолова в Персию **Николай Николаевич Муравьев**, назначенный по возвращении обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса; в 1819 г. Ермолов отправил его в Среднюю Азию для разведки путей в Хиву и Бухару, для установления дипломатических и торговых сношений⁴⁹, о чем он позднее написал книгу в 2-х частях «Путешествие в Туркмению и Хиву» (М., 1822, переведенную на английский, французский и немецкий языки); он был произведен в полковники и назначен командиром 7-го карабинерного полка, вошедшего в первой половине 1827 г. в состав отряда Д. Давыдова⁵⁰.

В Джалал-Оглы Давыдов остался до конца ноября 1826 г., занявшись завершением здесь строительства военного укрепления, обеспечением войск провиантом, военной разведкой и т. п. Являясь фактически военным и гражданским начальником этой части Армении, Давыдов обустривал армянских беженцев, спасшихся от погромов персов, разбирал просьбы и жалобы местного населения. По сообщению Н. Н. Муравьева, «местные армяне, старые и малые, участвовали в возведении крепостных укреплений у Джалал-Оглы и оказании помощи войскам продовольствием и фуражом»⁵¹.

23 ноября 1826 г. Д. Давыдов покинул Армению, на этот раз навсегда, запечатлев ее в своих произведениях, автобиографии и в письмах. Так, в стихотворении «Полусолдат», опубликованном впервые в «Московском вестнике» (1827, № 7), Давыдов упоминает о своем участии в боевых действиях в Армении:

⁴⁸ См.: **Нерсисян М. Г.** Денис Давыдов в Армении, с. 117.

⁴⁹ Заметим, что его сопровождали переводчики-армяне, посещавшие Среднюю Азию и знавшие местные языки. См.: **Муравьев Н. Н.** Записки. — Рус. архив, 1887, № 9, с. 5—46; № 10, с. 145—176.

⁵⁰ ВЭ, Пб., 1914, т. 15, с. 326.

⁵¹ **Муравьев Н. Н.** Записки. — Рус. архив, 1899, № 4, с. 601.

Вы видели, я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца,
Лечу стремглав, не дую в ус,
На нож и шашку кабардинца...

И далее:

Аракс шумит, Аракс шумит
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагяз, нахмураясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный,
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом⁵².

В декабре Давыдов, как пишет он в автобиографии, «во время бездействия... получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успевает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за Кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлогодного, на этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к Кавказским минеральным водам, где, тщетно ожидая облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию»⁵³.

После вынужденной отставки Д. Давыдов поселился в Москве. Надо полагать, что Пушкин знал о назначении Давыдова в Кавказский корпус и о его успехах в войне с персами из публикаций в газетах и журналах⁵⁴. Давыдов стал одним из живых источников сведений Пушкина о Закавказье и Армении тем более, что «певец-гусар» собирался написать книгу о Ермолове, отметив и действия «вверенного ему отряда». В этом плане отнюдь не случайно посещение Пушкиным Давыдова в апреле 1829 г. — перед отъездом в Закавказье, видимо с целью порасспросить о крае, где тот воевал.

Так, благодаря успешным действиям Мадатова и Давыдова, положение на обоих фронтах осенью 1826 г. стабилизировалось, и обе стороны стали готовиться к новым решающим схваткам. До этого в конце лета 1826 г. в Кавказский корпус были направлены близкие друзья Пушкина — Н. Н. Раевский-младший и В. Д. Вольховский. Первый из них после поездки на Сев.

⁵² Давыдов Д. Полн. собр. стихотворений, с. 115—116.

⁵³ Там же, с. 110.

⁵⁴ О военной деятельности Давыдова в Армении сообщали «Московские ведомости» (1826, № 90), «Journal des Debates» (1826, 22 нояб.) и др.

Кавказ и по Крыму в 1820 г. встречался с Пушкиным в январе—феврале 1824 г. в Одессе, находился с ним в постоянной переписке. В декабре 1823 г. Раевский получил чин полковника и был назначен командиром Харьковского драгунского полка; после подавления восстания декабристов он и его брат Александр были арестованы и привлечены к следствию и хотя оправданы с «очистительным аттестатом», однако Николай переведен в распоряжение Ермолова и все время службы оставался «в замечании», а Александр выслан в Полтаву без права проживания в столицах. 16 сентября Ермолов назначил Н. Н. Раевского командиром Нижегородского полка⁵⁵.

Владимир Дмитриевич Вольховский (Вальховский, 1798—1841) — один из близких друзей Пушкина в лицее, за твердость и упорство характера имел прозвища «Суворочка» и «Спартанец», по окончании был награжден золотой медалью, а его имя занесено на мраморную доску; в 1814—1817 гг. состоял в первом преддекабристском кружке «Священная артель». После окончания лицея зачислен прапорщиком гв. Генерального штаба, с 1825 г. — капитан; был членом Союза спасения и Союза благоденствия, но с 1820 г., по материалам следствия, свое участие «в оной совершенно прекратил, хотя по показаниям других связи с тайными обществами продолжал. Оставлен без последствий, в чем сыграл роль его начальник — генерал-квартирмейстер гв. Генерального штаба граф П. П. Сухтелен, по ходатайству которого в сентябре 1826 г. отправлен в Кавказский корпус и определен офицером по квартирмейстерской части в штабе Паскевича⁵⁶.

В Кавказском корпусе Раевский и Вольховский продолжали дружеские отношения с сосланными декабристами, стремились всячески облегчить их положение и, по словам современников, являлись своеобразными их «ангелами-хранителями». Как мы увидим, оба они возбудили гнев Паскевича и подверглись его преследованиям.

3

Наступил 1827 год. В письме А. А. Дельвигу от 2 марта из Москвы Пушкин пишет: «Лев был здесь — малый проворный, да жаль что пьет... Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую ду-

⁵⁵ **Потто В.** История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя-наследника цесаревича полка, СПб., 1895, т. 3, с. 30.

⁵⁶ Сведения о нем излагаем по: **Шадури В. С.** Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Тбилиси, 1979, а также: Восстание декабристов, т. 8, с. 50—51 и 292.

шу» (X, 226). Это первое нейтральное упоминание Грузии скрывает за собой назначение Н. Н. Раевского командиром Нижегородского полка, зачисление в него брата, уже длящуюся около года русско-персидскую войну, участием в которой Лев Сергеевич, сильно запутавшийся в жизни и делах, надеется поправить свое положение.

Проходит лишь месяц, и Пушкин с П. А. Вяземским подают прошение на имя царя с просьбой отправить их в действующую русскую армию. На это последовал высочайший ответ (20 апреля), что «все места заняты», хотя очевидно, что истинные причины отказа крылись в другом. На одну из них указал великий князь Константин Павлович в письме от 17 апреля на имя А. Х. Бенкендорфа: «Неужели вы думаете, что Пушкин и князь Вяземский действительно руководствовались желанием служить его величеству как верные подданные, когда они просили позволения следовать за императорской главной квартирой? Нет, не было ничего подобного; они уже так заявили себя и так нравственно испорчены, что не могли питать столь благородного чувства. Поверьте мне, что в своей просьбе они не имели другой цели, как найти новое поприще для распространения с бóльшим успехом и с бóльшими удобствами своих безнравственных принципов, которые доставили бы им в скором времени множество последователей среди молодых офицеров»⁵⁷.

Великий князь, которого Пушкин встречал в лице и видел в нем «много романтизма», «бурную его молодость, походы с Суворовым», «вражду с немцем Барклаем», которого считал «умным человеком» и возлагал на него до восстания декабристов какие-то надежды (X, 193), резко отрицательно относился к поэту. Тем не менее в своих предположениях он был недалек от истины: учитывая популярность поэта среди наиболее образованной части тогдашнего общества — офицерства, он справедливо опасался распространения идей свободы и равенства людей, т. е. того, чего более всего боялось самодержавие.

Отказ не расколодил Пушкина, о чем свидетельствует его письмо к брату от 18 мая 1827 г. из Москвы в Тифлис: «Что ты мне не пишешь, и что не пишет ко мне твой командир? Завтра еду в Петербург увидаться с дражайшими родителями, сомне оп dit (как говорится. — К. А.), и устроить свои денежные дела. Из Петербурга поеду или в чужие края, т. е. в Европу, или восвоюси, т. е. во Псков, но вероятнее в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского» (X, 228).

Основываясь на последней фразе письма Пушкина, Е. Г. Вей-

⁵⁷ Карнович Е. П. Цесаревич Константин Павлович. СПб., 1899. Цит. по: Бродский Н. Л. Пушкин. Биография, с. 556—557.

денбаум, Ю. Н. Тынянов, Л. Гроссман и некоторые другие пушкинисты утверждают, что настроение безразличия поэта, его желание куда-либо уехать объясняются теми неприятностями, которые возникли у него в связи с распространением стихотворения «Андрей Шенье» и расследованием «по высочайшему повелению» списка поэмы «Гавриилиада». Ко всему этому присовокупляют и его неудачное сватовство к Н. Н. Гончаровой⁵⁸. По Ю. Н. Тынянову, здесь отразилось стремление поэта выйти «на вольный простор иных стран, иных политических порядков» и входит в обычный ряд «его неосуществленных побегов»⁵⁹. В свете этого упоминание в письме Грузии, т. е. Закавказья, и предпринятая Пушкиным летом 1829 г. поездка в этот край выглядит как нечто случайное, предпринятое не сознательно и намеренно, а импульсивно, неожиданно. Упускается из виду, что помимо тяжелых обстоятельств личной жизни, действительно имевших место, более существенными, определяющими для поэта явились события политической жизни России — восстание декабристов и расправа с ними, их участие в русско-персидской войне и сама эта война как таковая. Слова Пушкина о намерении поехать в «чужие края» — в Европу или возвратиться «восвояси» в Псков говорят о том, что эта альтернатива встала перед ним лишь после отрицательного ответа на просьбу о зачислении в действующую армию⁶⁰; слова же «вероятнее в Грузию» свидетельствуют о том, что дилемма — «или служба или вон из России» (выражение Ю. Н. Тынянова) по-прежнему глубоко занимала Пушкина и, как мы увидим дальше, решила в конце концов в пользу Закавказья.

Для человека, которому все равно, куда ехать, — лишь бы вырваться из России, должно быть безразлично и то, что творится вокруг него, между тем Пушкина занимает Ермолов, его волнует война в Закавказье и, выражаясь современным языком, тот микроклимат, который создал новый главнокомандующий в Кавказском корпусе, как это отзовется на его подчиненных, в первую очередь на ссыльных декабристах. Нетерпение в ожидании вестей сказывается в упреке Пушкина брату и Н. Н. Раевскому, что они мало пишут, по внутреннему напряжению оно на-

⁵⁸ См.: **Вейденбаум Е. Г.** Кавказская поминка о Пушкине. Тифлис, 1899, с. 110; **Тынянов Ю. Н.** О «Путешествии в Арзрум». — В кн.: **Тынянов Ю. Н.** Пушкин и его современники. М., 1969, с. 192; **Гроссман Л.** Пушкин. М., 1958, с. 328.

⁵⁹ **Тынянов Ю. Н.** О «Путешествии в Арзрум», с. 193.

⁶⁰ Этим было вызвано и поданное на следующий же день после отказа прошение Пушкина об отпуске на 6—7 месяцев в Париж, также отклоненное Николаем I.

поминает то, которым были наполнены письма из Михайловского в дни восстания декабристов. Пушкиным движет и желание собрать документальный материал, который должен был лечь в основу задуманного им романа о декабристах, увидеть войну воочию, чтобы составить представление о ней не по чужим описаниям, а на собственном опыте.

Ю. Н. Тынянов тонко подметил, что, несмотря на то, что Пушкин и Вяземский вместе подали прошение о направлении их в действующую армию, — их отношение к войнам России с Персией, затем с Турцией существенно различалось: последний находил, что они — «дело не отечественное, не русская брань»; первый же придерживался противоположного мнения. Тынянов справедливо указывает, что Пушкин был «не согласен не столько с войною, сколько с теми, кто ее вел, и с тем, как ее вели»⁶¹.

Тыняновское «с теми» означает множественность, между тем Пушкин имеет в виду конкретное лицо, о чем говорят заключительные строки его письма к брату: «Кончилась ли у вас война? видел ли ты Ермолова, и каково вам после его?» (X, 229). Пушкин имеет в виду именно Паскевича, что еще раз подтвердит в «Путешествии в Арзрум», а что касается войн в Закавказье, то он считал их справедливыми и необходимыми не только с точки зрения интересов России, а и самих поработенных Персией и Турцией народов. И это также являлось одним из побудительных стимулов для поездки поэта в Закавказье, определяло его повышенное внимание к происходившим там событиям и действующим в них лицам.

Пушкину не удалось стать участником русско-персидской войны. Но само его желание — убедительное доказательство того, что он широко и разносторонне был осведомлен о ней. Об этом свидетельствует и его вопрос о Ермолове и каково им — его друзьям, братьям, товарищам — при Паскевиче.

После назначения последнего командиром Кавказского корпуса наступило некоторое двоевластие: Ермолов номинально числился главноначальствующим Грузии, но все понимали, что дни его сочтены.

Характерный эпизод: в феврале 1827 г. из Сибири прибыли в Тифлис разжалованные в рядовые декабристы М. И. Пущин и П. П. Коновницын, из которых первый сыграл особо выдающуюся роль в русско-персидской войне.

Михаил Иванович Пущин (1800—1869) — окончил кадетский корпус, в 1816—1818 гг. являлся офицером 1-го пионерного (саперного) батальона, с 1821 г. — капитан л.-гв. военно-пионерного эскадрона; член «Священной артели» (1814—1817), участник

⁶¹ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум», с. 193.

восстания 14 декабря, арестованный на следующий день за то, что, зная о подготовлявшемся восстании, не донес об этом правительству; его приговорили к лишению чинов и дворянства, отдаче в солдаты до выслуги и отправили на службу сперва в Сибирь, затем в начале 1827 г. — в Закавказье⁶². С ним Пушкин общался в лицейские годы и в Петербурге до южной ссылки, затем летом 1829 г. при поездке в Арзрум и по возвращении из него — во Владикавказе и совместной поездке на Минеральные Воды.

Петр Петрович Коновницын (1802—1830) — подпоручик Генерального штаба, член Северного общества, 14 декабря находился на Сенатской площади; после следствия и суда лишен чинов и дворянства, осужден к «написанию в рядовые с определением в дальние гарнизоны», был направлен в Семипалатинск, в августе 1826 г. перемещен в Кавказский корпус «до отличной выслуги»⁶³. Пушкин с ним общался летом 1829 г. и упоминает в «Путешествии в Арзрум».

В Тифлисе Пушин и Коновницын остановились у В. Д. Вольховского, который повез их на представление Паскевичу. По воспоминаниям Пушина, «Паскевич принял нас очень холодно, окружающим своим сказал, указав на меня: «Вот он совсем не виноват»; обращая свою речь ко мне, прибавил: «Ведь ты знаешь, что я судил тебя? — Знаю, ваше превосходительство, и всегда буду помнить правосудие ваше»⁶⁴.

Коновницын попросил направить его в 41-й егерский полк, где служил его товарищ Фок, но Паскевич отказал, согласившись лишь отправить его с Пушиным в саперный батальон.

От Паскевича Пушин и Коновницын направились к Ермолову, который тотчас же принял их в своем кабинете, где вместе с ним находились Н. Н. Раевский и А. А. Суворов. Как вспоминал Пушин, «Раевский, с которым я был знаком еще в Могилеве, бросился обнимать; Суворов просил его познакомить с ним, и знакомство наше, тут начавшееся, обратилось в душевную дружбу во все времена пребывания А. А. Суворова на Кавказе»⁶⁵.

Александр Аркадьевич Суворов (1804—1882) — внук А. В. Суворова, граф, князь Италийский, служил корнетом л.-гв. конного полка; был замешан в деле декабристов, но ввиду отсутствия явных доказательств сослан в Закавказье в распоряжение Ермолова, зачислен на службу и активно участвовал в русско-персидской войне.

«Тогда и Ермолов, — продолжает Пушин, — вставая сказал:

⁶² Восстание декабристов, т. 8, с. 158 и 381—382.

⁶³ Там же, с. 98 и 328.

⁶⁴ Пушин М. И. Записки. — Рус. архив, 1908, № 11, с. 463.

⁶⁵ Там же.

«Позвольте же и мне вас обнять и поздравить с благополучным возвращением из Сибири, что явно доказывает, что государь, возвращая вас к полезной деятельности, дает вам случай к отличию, а наше дело вам в этом помогать». Сопоставляя ласковый прием, оказанный им Ермоловым, с долгим ожиданием у Паскевича, его сухостью и чопорностью, Пущин пишет: «Час этот, проведенный у Ермолова, поднял меня в собственных глазах моих и, выходя от него, я уже с некоторой гордостью смотрел на свою солдатскую шинель»⁶⁶.

Хотя Ермолов и предугадывал предстоящее смещение, он тем не менее составил план кампании 1827 г., по которому главные русские силы до наступления летней жары должны были овладеть Нахичеванским ханством, затем, объединившись с русским отрядом из Карабаха, отрезать войска эриванского сардара от Персии, создать угрозу Тавризу, что заставило бы шаха сосредоточиться на обороне этого города; тем временем тяжелая артиллерия и соответствующие войска, подтягиваясь к крепости Эривань, после бомбардировки штурмом должны были овладеть ею. Ермолов наметил направить в сторону Эривани авангардный отряд генерала Бенкендорфа с заданием не дать возможности сардару усилить гарнизон и оборонительные средства лежащих на пути крепостей, угнать жителей и уничтожить находящиеся в окрестностях запасы, овладеть же Эчмиадзином, превратив его в опорный пункт, и оборудовать там госпиталь⁶⁷.

Что касается Карабаха и действий против Аббас-Мирзы, то Ермолов поручил Мадатову перейти р. Аракс, разбить разбойничьи шайки, нарушавшие границу, а в случае успехов идти на Тавриз. Этой экспедиции Ермолов придавал большое значение, так как в результате ее вбивался клин между войсками эриванского сардара и Аббас-Мирзы; он просил в письме Мадатову обговорить все с Паскевичем, «чтобы не раздражать могущественного», тем более что последний успел донести царю, что Ермолов заменил его Мадатовым (с. 246).

Превосходно представляя будущий театр военных действий, глубоко изучивший в свою поездку в Персию состояние войск эриванского сардара и наследного принца Аббас-Мирзы, их взаимоотношения и личные качества, Ермолов, казалось, учел все, за исключением злобного и мстительного нрава царя: накануне начала военных действий в апреле Николай I снял его с должности, передав всю полноту власти Паскевичу.

Первое, что сделал новый главнокомандующий, — удалил из

⁶⁶ Там же, с. 464.

⁶⁷ См.: Григорян З. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. М., 1959, с. 105. Далее: Григорян З. Т.

корпуса Д. Давыдова — не только из зависти к его славе, а из-за отсутствия в нем «слепого повиновения», требуемого им от своих подчиненных.

Впал в немилость и Мадатов. Выполняя данное ему еще Ермоловым предписание, отряд Мадатова 18 апреля 1827 г. начал переправу через Аракс «почти на виду у персов». В своем донесении Мадатов особо отмечает роту подполковника А. М. Миклашевского, которая, заняв позицию на берегу р. Аракс, на протяжении дня отбивалась от двух батальонов сарбазов и конницы, защищавших башню на берегу, а затем, бросившись в штыки, истребила бóльшую часть противника, заставив бежать остальных. Мадатов выделяет и разжалованных в рядовые декабристов: Н. И. Акулова, А. В. Веденяпина, В. Я. Зубова, Рудницкого, Лешковского, Титова, Фитиолина, которые «стали впереди охотников, штурмовавших башню, и своей грудью проложили дорогу к победе» (с. 251).

Из перечисленных лиц первых трех мы выше уже упоминали, а фамилии остальных четырех в «Алфавите декабристов» отсутствуют и сведений о них у нас нет. Как замечает М. В. Нечкина, самодержавие считало Закавказье подходящим местом для наказания «злоумышленников», и в те годы сюда были сосланы участники «бунта» Семеновского полка, польские повстанцы и другие «государственные преступники»⁶⁸. Видимо, к этой категории принадлежали и названные В. Потто солдаты.

В отряд Мадатова входил и Нижегородский полк, из офицеров которого отметим ротмистра Ахтырского полка, члена Южного общества, арестованного в начале 1826 г. и после заключения на 6 месяцев в Петропавловскую крепость переведенного в Кавказский корпус в чине капитана, **Николая Николаевича Семичева** (1792—не позже 1830). Он был участником Отечественной войны и заграничных походов русской армии, служил под начальством Мадатова, который в одном из донесений так писал о Семичеве: «... по вступлении в пределы Франции находился в авангарде под командой генерал-майора князя Мадатова до крепости Мец, под которой содержали аванпосты, и был посылаем всякий день бессменно для разведования неприятеля»⁶⁹. Пушкин общался с Семичевым летом 1829 г.

В составе же Нижегородского полка в сражении участвовал **Николай Николаевич Оржицкий** (1796—1861), отставной штабс-капитан Ахтырского полка, член Северного общества, отнесенный к IX разряду государственных преступников за то, что, зная

⁶⁸ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955, т. 2, с. 429.

⁶⁹ Архив Раевских. СПб., 1908, т. 2, с. 18.

о существовании заговора, не сообщил о том властям; был приговорен к лишению дворянства и определен в солдаты; за храбрость в кампании 1827 г. произведен в унтер-офицеры⁷⁰. Он был соседом Пушкина по Михайловскому (его имение находилось в Порховском уезде Псковской губернии), они встречались в поезде летом 1829 г. в Закавказье.

Блестящие действия Мадатова против персов открывали путь к Тавризу. Однако 20 апреля поступил приказ Паскевича — сдать отряд и отбыть в Тифлис. Паскевич полностью отстранил Мадатова от дел — явно потому, что не мог простить ему побед под Шамхором и особенно под Елисаветполем, где сам показал себя отнюдь не с лучшей стороны. Видимо, не последнюю роль в отставке Мадатова сыграла его благожелательность к сосланным декабристам (он отмечал в своих донесениях их подвиги, что, очевидно, не могло понравиться ни Николаю I, ни Паскевичу). Им больше по душе пришелся заменивший Мадатова генерал Панкратов, о котором В. Потто приводит отзыв Д. Давыдова, что «тот не был военачальником и сам сознавал это, давно просясь в обер-полицмейстеры» (с. 391). Приняв отряд, Панкратов тут же отменил распоряжение своего предшественника, отвел войска с берега Аракса, что вызвало недоумение даже у персов.

Была ли известна Пушкину выдающаяся деятельность в Закавказье соратника Ермолова Мадатова?

Укажем, что Мадатова близко знали Грибоедов, Д. В. Давыдов и многие другие из окружения Пушкина. К последним принадлежал и декабрист **Петр Александрович Муханов** (1799—1854) — журналист, переводчик, хорошо известный в литературных кругах Москвы и Петербурга, находилась в близких отношениях с Пушкиным, Грибоедовым, П. Вяземским, А. Бестужевым (Марлинским), К. Ф. Рылевым и др. Его родная тетя С. А. Саблукова была женой Мадатова; он приезжал в 1825 г. в Тифлис и Карабах, провел в семье Мадатовых несколько месяцев; в «Московском телеграфе» (1825, № 5 и 6) опубликовал отрывки из путевого дневника — «Поездка в Грузию и Карабах», в том же журнале (1826, № 8) — «Елисаветпольская долина» и другие, задумал написать книгу очерков о своей поездке, но не осуществил этого. Службу Муханов проходил в Измайловском полку в чине поручика, затем адъютантом Н. Н. Раевского-старшего (1823), штабс-капитаном того же полка с оставлением и адъютантом, вступил в члены Союза благоденствия; после событий 14 декабря присутствовал на собрании общества в Москве, был арестован, присужден к лишению чинов и дворянства, отправлен на каторжные работы спер-

⁷⁰ Восстание декабристов, т. 8, с. 142 и 368—369.

ва на 12, потом на 8 лет, отбывал их в Нерчинском руднике, с 1831 г. обращен на поселение⁷¹.

С Мухановым Пушкин познакомился в конце 1823—начале 1824 г. в Одессе. Поэт читал ему первые две главы «Евгения Онегина», передал начало поэмы «Братья разбойники» и первую часть песни «Вадим»; он упоминается в письмах Пушкина в 1825 г.; поэт причисляет его к своим друзьям⁷².

При Паскевиче резко ухудшилось положение ссыльных декабристов и причастных к ним лиц: он отменил все послабления, сделанные им Ермоловым, в строгом соответствии с инструкцией царя установил за ними неусыпный надзор, давал им такого рода поручения, которые возможно было выполнить лишь ценой их крови и жизни. Об этом, не скрывая, Паскевич писал в письме начальнику Главного штаба И. И. Дибичу 13 июля 1828 г.: «Вообще разжалованных во всех сражениях употреблял я в первых рядах или в стрелках, и всегда там, где представлялось наиболее опасным»⁷³.

* * *

Начиная кампанию 1827 г., Паскевич пороха не выдумал и по существу руководствовался планом своего предшественника. 2 апреля он дал приказ о выступлении авангардного отряда, поставив перед ним задачу, намеченную еще Ермоловым: занять Эчмиадзин, укрепить его, создать здесь госпиталь, защитить жителей от персов, собрать продовольствие. Командовал отрядом генерал-адъютант **К. Х. Бенкендорф** (брат шефа жандармов), человек вполне достойный, когда-то намеревавшийся заняться дипломатической деятельностью и поступивший на военную службу по совету Кутузова; он партизанил во время войн с Наполеоном, а осенью 1826 г. по собственному желанию был направлен в Отдельный Кавказский корпус, где сблизился с Ермоловым, Мадатовым и другими «кавказцами»; когда же Ермолова сняли, он защищал его в письмах к брату, смело указывал на просчеты и ошибки Паскевича. В отряд Бенкендорфа входили 2 батальона Ширванского и Грузинского полков, батальон карабинеров, 70 саперов во главе с Пущиным.

Отряд сопровождал и выдающийся деятель армянской епархии в Грузии архиепископ **Нерсес Аштаракец** (1770—1857). Ему

⁷¹ Там же, с. 134 и 360—361; Салынка В. А. К вопросу о литературном наследии декабриста П. А. Муханова. — Рус. лит., 1969, № 1.

⁷² Черейский Л. А., с. 262.

⁷³ Рус. старина, 1903, т. 114, с. 486. Цит. по: Нерсисян М. Г., с. 5.

принадлежала заслуга основания в Тифлисе в 1824 г. школы, превратившейся затем в семинарию, носившую его имя. В. Потто так характеризует его: «Личность Нерсеса весьма замечательна. Во время персидской войны ему насчитывалось уже 66 лет, но годы не охладили энергии и бодрости святителя, готового пожертвовать всем, чтобы только увидеть освобождение отчизны» (с. 296).

Нерсес Аштаракецки был последовательным сторонником русской ориентации, он приложил значительные усилия для формирования армянских добровольческих дружин, организации помощи русским войскам; писал прокламации с призывами к армянскому народу выступать против персов. Об этом В. Потто писал: «Присутствие при русских войсках Нерсеса одушевляло армянский народ, доводило в нем чувство патриотизма до полного горения и самопожертвования, которым удивился сам неприятель» (там же). После окончания войны Нерсес Аштаракецки был награжден знаками Андрея Первозванного, высшего российского ордена, и в специальном рескрипте на его имя по этому случаю говорилось: «Преосвященный Нерсес, архиепископ армянский, с давнего времени и при многих случаях вы оказывали великую привязанность вашу к России, в особенности же в нынешнюю войну с персианами» (там же).

Весть о вступлении русских войск в Восточную Армению быстро распространилась среди местного населения и достигла Персии. Русские лазутчики армяне сообщали: «Почти вся Персия в большом волнении: всюду, где можно, набираются люди, и составляется в виде общего вооружения земское ополчение... Всех подозреваемых людей и сопричастных в сообществе с русскими приказано не щадить. Когда же начнутся военные действия, тогда преследования будут ужаснее, ибо персиане к сему приобвыкли, яко к ремеслу своему. По многим примерам прежних времен персиане знают и удостоверены, что без содействия и без пособия армянского народа, обитающего в сих странах, русские успеть много не могут, а потому и предполагают употребить против оного разные средства насилия»⁷⁴.

Действительно, подготовку к отпору русской армии персы начали с насильственного угона на правый берег Аракса десятков тысяч армян, обезлюдив Араратскую долину; эриванский сардар разместил в Эчмиадзине более 3 тыс. сарбазов, довел гарнизоны Эривани и Сардарабада до 2 тыс. пехотинцев и 8 тыс. конницы, собрал в них огромный запас боеприпасов, провианта и фуража, загнав в них в качестве заложников множество армян. Но, несмотря на все крутые меры, армяне создавали доброволь-

⁷⁴ Григорян З. Т., с. 107, со ссылкой: Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее: ЦГВИА), ф. ВУА, д. 4338.

ческие отряды в помощь русской армии, информировали русское командование о дислокации и численности войск противника, его передвижениях, военных сооружениях и т. п.⁷⁵.

15 апреля отряд Бенкендорфа, преодолев сопротивление персов занял Эчмиадзин. Далее Бенкендорф занялся более трудной задачей — поисками продовольствия в опустошенном персами крае, для чего совершил рекогносцировку к крепости Сардарабад. Здесь произошел бой с отборной куртинской конницей, во время которого особенно успешно действовали казачьи полки: они нанесли тяжелое поражение противнику и захватили его предводителя Измаил-хана. В Петербург с донесением был послан один из наиболее отличившихся князь **Меликов**, который был императором лично награжден орденом Владимира с бантом и произведен в поручики гвардейского полка (с. 304).

Оставив Сардарабад, 24 апреля Бенкендорф подошел к Эривани, в штыковом бою выбил персов из ближайших к городу садов, взяв укрепленные холмы с северо-востока. 25 апреля Ширванский батальон занял Ираклиевский холм на западной стороне города. В результате упорных боев 26 и 27 апреля крепость была обложена со всех сторон.

Армяне, служившие у персов, стали переходить на сторону русских. С 8 по 11 мая из крепости бежало 150 армян, а впоследствии их число стало резко увеличиваться, что заставило эриванского сардара просить у шаха подкрепления и отослать армян в глубь Персии на тяжелые работы⁷⁶. В действиях авангардного отряда отличились декабристы:

Федор Гаврилович Вишневецкий (?—1865), лейтенант Гвардейского экипажа, под командой адмирала Лазарева с 1822 по октябрь 1825 г. совершил кругосветное путешествие, был награжден орденом Владимира 4-й ст. Член Северного общества, в день восстания 14 декабря «приказывал фельдфебелю брать боевые патроны, которых, однако, рота его на площади не имела». Осужден к лишению чинов и «написанию в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны без лишения дворянства». В феврале 1827 г. переведен в Кавказский корпус и зачислен в Ширванский полк⁷⁷. Согласно его формулярному списку 14 апреля он находился «в деле противу персидской конницы... 16 — в перестрелке с куртинской конницей под монастырем Эчмиадзинским, того же числа при канонаде противу конницы, предводимой Гасан-ханом... и части гарнизона Эриванского под пушечными выстрелами сей крепости при занятии Ираклиевой горы, 26—

⁷⁵ Там же, с. 107—108, со ссылкой: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4312.

⁷⁶ Там же, с. 130, со ссылкой: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4338.

⁷⁷ Восстание декабристов, т. 8, с. 54—55 и 295.

северного Эриванского форштадта; с того же времени по 15 июня при блокаде крепости Эривани»⁷⁸;

Петр Александрович Бестужев (? — 1840) — один из пятерых братьев. Он воспитывался в Морском корпусе, после чего служил мичманом в 27-м флотском экипаже, являлся членом Северного общества, «знал цель оногo — введение конституции. Сам принял одного члена. Поутру 14 декабря был послан в Гвардейский экипаж, с которым вышел на площадь (Сенатскую.— К. А.) и кричал «ура!». В июле 1826 г. решением Верховного суда был приговорен к лишению чинов, «написанию в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны»⁷⁹ и отправлен в Кизильский гарнизонный батальон, в августе 1826 г. переведен в Ширванский пехотный полк, который входил в состав отряда Бенкендорфа. При штурме крепости Ахалцых в войну 1828—1829 г. был ранен, затем уволен в отставку и отдан на попечение матери Прасковьи Михайловны; захворав «расстройством рассудка», помещен в больницу, где и скончался⁸⁰.

Из «злоумышленников», привлеченных к ответственности следственной комиссией при л.-гв. Московском полку, назван прикомандированный штабс-капитан карабинерного полка **Лашкевич** (без указания имени-отчества и других данных о нем), который по установлении его виновности отослан в свою часть с сохранением чина⁸¹. Основываясь на документе, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Грузии⁸², М. Г. Нерсиян сообщает, что Лашкевич был отправлен на Кавказ — сперва в Бакинский гарнизон, затем в Ширванский полк⁸³.

В стычках под Эчмиадзином, Сардарабадом и в блокаде Эривани отличился и уже упоминавшийся декабрист Александр Ефимович Рынкевич, рядовой Ширванского полка, который, по донесению Бенкендорфа, «показывал примерное хладнокровие противу неприятеля»⁸⁴.

Самое деятельное участие в действиях отряда Бенкендорфа с апреля по июнь принимал и М. И. Пущин, который занимался изучением местности, снял план крепости, переодевшись в персидскую одежду, ходил в город.

Осада крепости продолжалась, дни проходили в перестрел-

⁷⁸ Центральный государственный исторический архив в Москве (далее: ЦГИАМ), ф. 109, д. 61, ч. 128. См. о нем: **Бестужев П. А.**, с. 361.

⁷⁹ Восстание декабристов, т. 8, с. 35.

⁸⁰ Там же, с. 281.

⁸¹ Восстание декабристов, т. 8, с. 261.

⁸² ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77.

⁸³ **Нерсиян М. Г.**, с. 46.

⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77.

жах и стычках. Началась нехватка продовольствия, наступала жара. Паскевич же лишь 12 мая, окруженный блестящим конвоем из 50 человек грузинских и армянских князей, покинул Тифлис. По примеру Ермолова он представил Николаю I соображения о создании национальных войсковых частей из армян и грузин. В начале июля 1827 г. последовало разрешение «лишь только на нынешнее военное время», а «для образования постоянной армянской стражи будет сделано особое распоряжение»⁸⁵. Однако уже до этого, 15 мая, стал формироваться особый армянский полк, который присягнул на верность Российской державе и получил свое знамя с изображением Арарата. По данным А. Гизетти, «первая армянская дружина (рота)... 15 мая выступила к Эчмиадзину ... под командою подпоручика Херсонского гренадерского полка Сумбатова, а затем дружиною до ее роспуска командовал капитан 41-го егерского полка Лазарев». По пути к ней присоединились новые добровольцы, и численность отряда выросла до 1000 чел.

5 июня выступила из Тифлиса 2-я армянская дружина под командою Херсонского гренадерского полка подпоручика Акимова в числе 86 чел. 2 июля выступила из Тифлиса 1-я грузинская дружина под командою подпоручика 7-го карабинерного полка князя Туманова в числе 100 человек. «Все эти дружины по прибытии в Эчмиадзин поступили под главное заведование командовавшего л.-гв. Сводным полком полковника Шипова»⁸⁶.

Обратим внимание, что армяно-грузинские дружины были приданы наиболее боеспособной части, составленной, напомним, из числа сосланных солдат-декабристов. «Новое сие войско, — писал Н. Н. Муравьев, — подавало самые лучшие надежды к устройению со временем значительного корпуса местных войск, которые могли бы заменить здесь русских, погибающих от климата Грузии»⁸⁷.

Лишь 13 мая главные силы под командованием Паскевича двинулись вперед и за три дня прошли всего 30 верст. В их составе находились и сосланные декабристы, прибывшие в Тифлис летом—осенью 1826 г. и в начале 1827 г., среди них:

Иван Григорьевич Бурцов (1794—1829), участник Отечественной войны, за отличия в кампании 1813—1814 гг. переведен в гв. Ген. штаб, в 1819 г., будучи капитаном л.-гв. Московского полка, назначен адъютантом начальника штаба 2-й армии в

⁸⁵ ЦГИАГ, ф. 10, д. 3544. Цит. по: Ениколопов И. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954, с. 63.

⁸⁶ Гизетти А. Л. Хроника кавказских войск: В 2-х ч. Тифлис, 1896. Цит. по: Нерсисян М. Г., с. 255.

⁸⁷ Муравьев Н. Н. Записки. — Рус. архив, 1899, № 11, с. 287.

Тульчине, с 1822 г. получил чин полковника, стал командиром Украинского пехотного полка, являлся членом «Священной артилии», Союза благоденствия и Южного общества. После ареста и полугодичного заключения сперва в Петропавловской, затем в Бобруйской крепости в январе 1827 г. переведен в Закавказье командиром Тифлисского, затем Мингрельского полков⁸⁸. Пушкин общался с Бурцовым в 1814—1817 гг. в Петербурге. Их общими знакомыми являлись А. А. Дельвиг, В. Д. Вольховский, И. И. Пушкин и другие, а также летом 1829 г. в Западной Армении; ему уделено много места в «Путешествии в Арзрум»⁸⁹;

полковник Пермского пехотного полка **Павел Михайлович Леман** (1797—1860), участник Отечественной войны, в 1825 г. вступил в Южное общество. «Ему объявлено было только то, что по принятии большого числа членов Общество намеревалось требовать от сената конституции», отрывки из которой ему трижды читал Пестель. Арестован и привезен из Тульчина 14 I 1826 в Петербург, после месячного заключения переведен сперва в Томский пехотный полк (7 VII 1826), затем — в Кавказский корпус командиром Мингрельского пехотного полка с 27 I 1827⁹⁰, проявил неустранимость и отвагу в сражениях с персами, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. — в осаде и взятии крепости Карс в июне 1828 г., а с января 1829 г. в качестве командира прославленного 41-го егерского полка — в движении на Арзрум и последовавших боях, за что был награжден орденом Георгия 4-й ст. Сведения о встречах Пушкина с ним отсутствуют, хотя действиям руководимых Леманом егерей на высотах Саганлуга, при Каинлы и Миллидюзе поэт был свидетелем;

Василий Дмитриевич Сухоруков (1796—1841) — историк, журналист и издатель; воспитывался в Харьковском университете, по окончании курса в 1815 г. был зачислен в Донскую войсковую канцелярию, в 1816 г. произведен в хорунжие и до 1821 г. служил в разных войсковых учреждениях, затем состоял при А. И. Чернышеве, председателе Комитета об устройстве Войска Донского и собирал материалы по его истории; в январе 1822 г. служил в Петербурге в канцелярии того же А. И. Чернышева, зачислен корнетом в Казачий полк, в 1823 г. произведен в поручики, совместно с декабристом А. О. Корниловичем издал в 1824 г. исторический альманах «Русская старина», но, разойдясь с начальством, уехал на Дон и взят под тайный надзор за причастность к тайным обществам; в мае 1827 г. отправлен в Кавказский корпус в Казачий полк полковника Карпова, затем приписан к шта-

⁸⁸ Восстание декабристов, т. 8, с. 45—46 и 290.

⁸⁹ Черейский Л. А., с. 51.

⁹⁰ Восстание декабристов, т. 8, с. 112—113 и 342.

бу и по поручению Паскевича занялся сбором статистических и других материалов для истории русско-турецкой войны 1828—1829 гг.⁹¹ Пушкин с ним общался летом 1829 г. и писал о нем в «Путешествии в Арзрум».

Из других декабристов, о знакомстве с которыми Пушкина данных у нас нет, однако, памятуя направленный к ним интерес поэта, можно полагать его осведомленность о их судьбах, в главном корпусе служили:

Михаил Петрович Малютин (ум. не ранее 1849) — подпоручик л.-гв. Измайловского полка, племянник К. Ф. Рылеева; он призывал солдат не присягать цесаревичу Николаю Павловичу и, как «прикосновенный» к делу декабристов, был по высочайшему приказу 7 июля 1826 г. переведен в Закавказье в Севастопольский пехотный полк тем же чином⁹²;

уже упоминавшийся нами во второй главе **Евдоким Емельянович Лачинов**. Вернувшись из поездки в составе посольства Ермолова в 1818 г. в Москву, он находился при муравьевском Училище колонновожатых, был произведен в прапорщики, переведен на должность старшего адъютанта по Ген. штабу при главной квартире 2-й армии в Тульчине и «за отличия» получил чин подпоручика (ноябрь 1823 г.), вступил в 1825 г. в члены Южного общества, после суда лишен чинов, ордена, дворянского звания, разжалован в рядовые и выслан в Кавказский корпус; в январе 1827 г. он прибыл в Тифлис и определен в 39-й егерский полк 20-й дивизии, в составе которого и выступил в персидский поход⁹³;

Нил Павлович Кожевников (ок. 1766—1837) — подпоручик л.-гв. Измайловского полка, член Северного общества, заключенный после ареста в Петропавловскую крепость и осужденный по X разряду к лишению чинов и дворянства; в июле 1826 г. отправлен рядовым в Оренбургский гарнизонный, в январе 1827 г. переведен в Тифлисский пехотный полк⁹⁴;

поручик л.-гв. Московского полка **Алексей Александрович Брок** (1802—1871) членом тайного общества не был, однако, увлекаемый Щепиным-Ростовским⁹⁵ и А. Бестужевым, «ходил по ротам и возбуждал солдат держаться прежней присяги и не смотреть на генерала своего и полковника, называя их немцами, из-

⁹¹ Там же, с. 182 и 400.

⁹² Там же, с. 129 и 349.

⁹³ Там же, с. 110—111 и 340.

⁹⁴ Там же, с. 94 и 326.

⁹⁵ Д. А. Щепин-Ростовский (1798—1859), штабс-капитан л.-гв. Московского полка, член Северного общества, приговорен к каторжным работам навечно, замененным 20-ю годами (Восстание декабристов, т. 8, с. 212).

менниками», на площади не присутствовал, «во время смятения ни в чем предосудительном не замечен». Арестован и приказом от 28 мая 1826 г. переведен в Мингрельский полк в том же чине⁹⁶;

капитан конно-кавалерийской № 5 роты **Матвей Иванович Пыхачев** (1791—?) арестован за связь с Бестужевым-Рюминым. А. Бестужевым и др.; содержался в Петропавловской крепости с 18 января 1826 г., после двухмесячного с 15 июня заключения переведен в том же чине в Кавказский корпус в конно-артиллерийскую роту № 13⁹⁷;

поручик л.-гв. Измайловского полка **Иван Павлович Гудим** (ум. 1831) членом тайного общества не состоял, арестован 23 февраля и тем же чином переведен в Кавказский корпус⁹⁸;

подпоручик Черниговского пехотного полка **Антон Станиславович Войнилович** (1801—1845) арестован «за исполнение противозаконных приказаний Муравьева-Апостола», лишен чинов и дворянства, «написан в рядовые», отправлен в Сибирь, затем переведен в Кавказский корпус⁹⁹;

лейтенант Гвардейского экипажа **Борис Андреевич Бодиско 1-й** (1800—1828) «за участие в возмущении 14 XII 1825 был арестован... осужден по VIII разряду... лишен прав и записан в матросы; отправлен 25 VII 1826 во Владикавказ и... определен рядовым в Тифлисский пехотный полк»¹⁰⁰;

прапорщик Вятского пехотного полка граф **Нестор Корнилович Ледуховский (Ледоховский)** «после арестования Пестеля... явился к полковому командиру, объявив, что он виновен противу правительства». Арестован в Каменец-Подольске и доставлен 24 I 1826 в Петербург, заключен в Петропавловскую крепость, по болезни отправлен в госпиталь. Переведен с 4 VII 1826 в Куринский, а затем в Мингрельский полк¹⁰¹;

лейтенант Гвардейского экипажа **Епафродит Степанович Мусин-Пушкин** (1791—1831), член масонской ложи «Российский орел» в Петербурге, «внушал роте своей соблюдать верность» присяге Константину Павловичу; осужден по XI разряду и приговорен к лишению чинов с оставлением дворянства, определен рядовым в Кавказский корпус¹⁰²;

⁹⁶ Там же, с. 42—43 и 288.

⁹⁷ Там же, с. 158 и 382.

⁹⁸ Там же, с. 75 и 310.

⁹⁹ Там же, с. 56 и 296.

¹⁰⁰ Там же, с. 39 и 284.

¹⁰¹ Там же, с. 111—112 и 341.

¹⁰² Там же, с. 133—134 и 360.

Матвей Демьянович Лаппа (ум. 1841), подпоручик л.-гв. Измайловского полка, член Южного общества; по приговору Верховного уголовного суда осужден по XI разряду к разжалованию в рядовые без лишения дворянства, в марте 1827 г. переведен в Тифлисский пехотный полк¹⁰³;

Николай Александрович Васильчиков (1799—1864), корнет Кавалергардского полка, член Северного общества, после ареста и месячного заключения в Петропавловской крепости переведен с тем же чином в июле 1826 г. в Закавказье в Тверской драгунский полк¹⁰⁴;

Владимир Федорович Волков, штабс-капитан л.-гв. Московского полка, после следствия в полку переведен с сохранением чина в Закавказье в Тенгинский полк, заболел в кампанию 1827 г. и умер в январе 1828 г.^{105—106}

Павел Александрович Бестужев (1808—1846), младший из пяти братьев, юнкер артиллерийского училища, в тайных обществах не состоял и не находился среди восставших 14 декабря, однако был арестован, ему приписывалось «развратное и распутное поведение», которое, по мнению его современника Я. И. Костенецкого, заключалось в сочинении антиправительственных стихов¹⁰⁷. После следствия и заключения в Бобруйской крепости в ноябре 1826 г. отправлен в Кавказский корпус в 13-ю артиллерийскую бригаду;

Иван Петрович Коновницын (1806—1867?—1871?), поручик конно-артиллерийской роты № 9, хотя и не являлся членом тайного общества, но знал о его целях и был в числе отказавшихся от присяги, при аресте, «растворя дверь насильственным образом, вышли оттол и кричали, в том числе и Коновницын: «Ребята, измена! Вас обманывают, Константин Павлович не отказывается; ура, Константин!». Когда же хотели их схватить, они разбежались, а Коновницын, обскакав верхом большую часть города, возбуждал к неповиновению бывших в карауле на арсенальной гауптвахте солдат Саперного батальона, а равно и шедших за знаменами нижних чинов Преображенского полка, и с тем же намере-

¹⁰³ Там же, с. 62 и 340.

¹⁰⁴ Там же, с. 52 и 292—293. М. Г. Нерсисян (с. 45) со ссылкой на ЦГИАМ (ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61) сообщает о зачислении его в Серпуховской уланский полк, в апреле 1828 г. — в Харьковский уланский полк.

^{105—106} Восстание декабристов, т. 8, с. 266 и 297.

¹⁰⁷ Рус. старина, 1903, июнь, т. 114, с. 104.

нием был на придворном конюшенном дворе и л.-гв. в гренадерском полку». Указом от 7 мая 1827 г. переведен в конно-артиллерийскую роту № 13 Кавказского корпуса¹⁰⁸.

4

Но вернемся к движению корпуса Паскевича. Не торопясь, с остановками, дойдя до Гергер лишь 3 июня, командуящий, оставив войска следовать за ним, взял с собой Сводный гвардейский полк, полк донских казаков, армянские сотни и 26 орудий, направился к Эчмиадзину, куда прибыл 8 июня. При Паскевиче в качестве заведующего дипломатическими сношениями с Персией и Турцией находился Грибоедов. В своих путевых заметках («Эриванский поход») он подробно описал дороги, местность, по которой двигалась русская армия, и события, происшедшие с ними с 12 мая по 1 июля 1827 г. Так, 7 июня по прибытии в с. Аштарак Грибоедов записывает: «До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий... Артемий Араратский»¹⁰⁹. Упоминание имени последнего свидетельствует о встрече с ним Грибоедова, подтверждая предположение, что автор книги «Жизнь Артемия Араратского» в эти дни переехал из Петербурга в Эчмиадзин и, может быть, выполнял какие-то поручения русского правительства. Продолжая запись, Грибоедов пишет: «Ночью головы сняты с двух людей, солдат[а] и маркитанта»¹¹⁰.

«8 <июня>. Приезд в Эчмиадзин. Клир, духовное торжество. Главкомандующий встречен с колокольным звоном».

«9 <июня>. Четверг. Поездка в лагерь под Эривань. После обеда генерал (Паскевич. — К. А.) ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и палят... В четверг известие о замысле Гасан-хана с 3000 кутали и карапапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вольховский с колокольни видит пыль вдаль»¹¹¹.

Называя «гвардию», Грибоедов имеет в виду Сводный полк, а «мслодежь» — ссыльных декабристов, для которых экспедиция против Гасан-хана открывает возможность проявить себя.

9 июня Паскевич прибыл в лагерь под Эриванью. Верный своей натуре, он выразил неудовлетворенность действиями Бенкендорфа и слил его отряд с главными силами. Отказавшись от

¹⁰⁸ Восстание декабристов, т. 8, с. 98—99 и 328.

¹⁰⁹ Грибоедов А. С. Соч. М., 1953, с. 446.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, с. 446—447.

намерения взять приступом крепость, Паскевич был вынужден признать правоту того же Бенкендорфа, что без тяжелых осадных орудий успех безнадежен. Главная же причина крылась в другом, и ее точно определил в письме на имя отца декабрист В. Д. Вольховский от 11 июня: «Покуда неприятельские крепости имеют против нас ничтожные силы — говорят, что не находится охотников ополчаться — наши главные неприятели: климат и трудность продовольствия... Жители все уведены за Аракс, в горы, богатейшие жатвы погибают без поливки, здесь необходимой... Жители, несмотря на величайшую опасность, прокрадываются в свои деревни, чтобы сколько-нибудь запасти хлеб... Если бы жители не были выведены, то мы были бы в изобилии, а теперь имеем только то, что с собою привезли»¹¹².

Грибоедов 13 июня записывает в своем дневнике: «С этого дня жары от 43 до 45°; в тени 37°. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи»¹¹³.

Эти трудности в свое время привели к неудаче походов Цицианова и Гудовича. Именно потому Ермолов поставил взятие Эривани в зависимость не только от изоляции войск сардара от персидской армии, быстроты и решительности действий с целью помешать угону местного населения, но главным образом от окончания кампании до наступления летнего зноя, непривычного для русских солдат, приводящего к их массовым болезням.

Проведя по существу десять дней в бездействии, свалив неудачу за осаду Эривани на Бенкендорфа и оставив командиром блокадного отряда генерала Красовского, Паскевич 19 июня назначил поход на Нахичеван. Его краткое и выразительное описание оставил Грибоедов. «19 <июня>... Переправа через Зангу¹¹⁴. Обед у Красовского. Спор генералов о брешах... Каменисто, скверно, вечером ужасные ветер и пыль. Лагерь на Гарнычае¹¹⁵, тону в реке. Ночлег у Раевского. André Chénier¹¹⁶.

20 <июня>. Днёвка... Степь ожила при свете огней. Месяц. Арарат. Ущелье Гарнычая.

21 <июня>... Обработанный край: куда ни кинешь глазом,

¹¹² Исторический музей ГССР. Арх В. Вольховского. Цит. по: Ениколов И. Грибоедов и Восток, с. 72—73. Выделено мной — К. А.

¹¹³ Грибоедов А. С. Соч., с. 447.

¹¹⁴ Занга — ныне Раздан.

¹¹⁵ Гарнычай — ныне р. Азат.

¹¹⁶ Стихотворение Пушкина «Андрей Шенье», посвященное Н. Н. Раевскому, было запрещено цензурой и распространялось в списках с произвольным названием «На 14 декабря». Видимо, Раевский читал Грибоедову это стихотворение или они обсуждали его.

все деревни; яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата... Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22 <июня>. Идем чрез Девалу¹¹⁷. Два аиста на мечети стерегут **опустелую деревню**. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды...

23 <июня>. Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садов; **хлеба поспели, некому снимать**. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре, — всё сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае.

24 <июня>. Днѣвка. Термометр до 47°... Ночью не сплю. Рано, в 3 часа, поднимаемся.

25 <июня>. День хорошо начат, **избавляем деревенских жителей от утеснения**. Им платят на привале по 6-ти реалов¹¹⁸ лишних на быка; они благословляют неприятеля. **Вообще, война самая человеколюбивая...**

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. **Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны**; вид недавнего бегства...

26 <июня>. Рано поднимаемся; жар ужасный... 8 верст от Нахичевани пригорок. Отсюда пространный вид к Аббас-Абаду и за Аракс. Вид Нахичеванской долины, к с[еверо]-в[остоку] Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания. Эйлан-дак и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к з[ападу] Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван... Неприятель оставил город **накануне**¹¹⁹.

Дневник Грибоедова заканчивается сообщениями за 30 июня и 1 июля о поездке в лагерь к Н. Н. Раевскому и перенесении лагеря русских войск к крепости Аббас-Абад. Из записей Грибоедова видно, что движение главных сил не встречало препятствий за исключением незначительных происшествий. Нахичеванское ханство, заселенное армянами и азербайджанцами, также было опустошено персами; жители угнаны за Аракс, а часть неоседлого мусульманского населения, обманутая персами, образовала конные шайки, которые совершали нападения на русские обозы и на небольшие разъезды.

Но занятие Нахичевана еще не означало решения вопроса: коммуникация русских войск постоянно подвергалась нападениям

¹¹⁷ Девалу — ныне город Арарат в АрмССР.

¹¹⁸ Реал — персидская мелкая денежная единица.

¹¹⁹ Грибоедов А. С. Соч., с. 447—449. Выделено мной. — К. А.

враждебных мусульманских племен, кочевавших по Араксу; в 5—6 верстах от Нахичевана возле армянского монастыря Баншарванк (Красный монастырь) стояла крепость, названная в честь Аббас-Мирзы Аббас-Абад, построенная англичанами по европейским образцам. Гарнизон ее составлял около 4 тыс. сарбазов, 500 конных, 26 орудий, обеспеченных боеприпасами и продовольствием. За Араксом находилась 40-тысячная персидская армия, возглавляемая тем же Аббас-Мирзой, за ним — огромные полчища шаха.

Паскевич сосредоточил главные силы для взятия Аббас-Абада. Для выбора места расположения батарей он послал в разведку с инженер-полковником Лютовым Пущина. Каждый из них представил свой проект: «батарея, предложенная Пушиным, — отмечает В. Потто, — громила бы крепость свободно, а орудия, поставленные Лютовым, не могли бы действовать, потому что стали бы стрелять по своим батареям, расположенным на левом фланге осады». Паскевич, любивший позировать перед другими, заявил Лютову: «Я мог бы тебя сделать солдатом, но не хочу, а его (он указал на Пущина) я хотел бы произвести в полковники, но не могу. А вот что я могу: от сего числа не ты у меня начальник инженеров, а он, и все его распоряжения должны исполняться беспрекословно» (с. 347).

С этого времени Паскевич посылал Пущина (как и остальных декабристов) на самые опасные участки боевых действий, давал ему наиболее трудноисполнимые поручения.

20 июня в результате операции авангардного отряда Бенкендорфа был очищен правый берег Аракса, обложена крепость Аббас-Абад. При занятии монастыря Баншарванк монахов в нем не оказалось, и солдаты обнаружили в тайнике серебряную утварь, затем ее передали в Эчмиадзин, что, по словам В. Потто, «остаётся памятью благочестивого смирения русского воинства перед святынею» (с. 348). Эта деталь, показывающая уважительное отношение к реликвиям армянского народа, является нормой поведения всей русской армии — от генерала до рядовых солдат, что резко отличало ее от грабительских войск персов и турок.

В ночь на 4 июля стало известно о приближении главных сил Аббас-Мирзы с целью заставить русских отойти от крепости, отвлечь их на свой лагерь и ударить им в тыл конницей Гасанхана. Паскевич заколебался, не зная, что предпринять. Он созвал военный совет, решивший оставить под Аббас-Абадом для прикрытия осадных работ, охраны складов и транспорта три батальона с 28 орудиями, а основным силам атаковать наследного принца. Пушин, собрав в окрестности бурдюки и надув их кузнечными мехами, подвязал к ним бревна, и к утру 5 июля переправа была готова. В 6 утра показались персы, первый удар приняли на

себя донские казаки; на помощь подошли черноморцы, спешившись, построились в каре и стали отбивать атаки противника.

Началось Джеванбулакское сражение. Оно происходило в холмистой местности на различных участках, так что все поле боя сразу не обозревалось. Генерал Бенкендорф, командовавший конницей, двинул Нижегородский драгунский полк Раевского, который, отбросив массу персидской конницы, начал ее преследование. «Предводимые двумя храбрейшими штаб-офицерами, — пишет В. Потто, — полковником Раевским и кн. Андронниковым, 3-й эскадрон капитана Семичева и 4-й штабс-капитана Эссена понеслись прямо туда, где развевалось знамя персидского наследного принца. У подножья высокого холма, занятого блестящей свитой, драгуны моментально спешили и бросились вперед. Поручик Левкович, под которым была убита лошадь, изрубил байрактара¹²⁰ и вырвал из рук его знамя, на котором красовалась надпись «победное». Все это произошло так быстро, что Аббас-Мирза сам очутился лицом к лицу с драгунами; он почти в упор выстрелил в них из ружья и едва-едва успел ускакать; но ружье, еще дымящееся выстрелом, и оруженосец, возвышавший его за наследником, остались в руках победителей» (с. 356). Отличился и декабрист Н. Н. Депрерадович, награжденный орденом Анны 4-й ст., и Лев Сергеевич Пушкин, в формуляре которого записано: «...с 12 мая по 8 июня находился в походе Отдельного Кавказского корпуса от селения Шулавер к монастырю Эчмиадзин. С 15 по 20 июня был в походе от Эчмиадзина... к крепости Аббас-Абад. С 1 июля по 8 июля принимал участие в осаде означенной крепости до ее сдачи. 5 июля отличился в сражении против персиан, коими командовал принц Аббас-Мирза, и награжден чином прапорщика»¹²¹. Он дружил со многими ссыльными декабристами и по воспоминаниям одного из них — Н. И. Лорера был человеком «с отличным сердцем и высокого благородства; много написал он хороших стихотворений, но из скромности ничего не печатает, не дерзая стоять на лестнице поэтов ниже своего брата... Память имеет необыкновенную и читает стихи вообще и своего брата в особенности»¹²².

7 июля была взята крепость Аббас-Абад. При ее осаде и штурме большую роль сыграл И. Г. Бурцов, который, согласно донесению, вел себя «отлично хорошо, выполняя службу с особенным усердием и расторопностью». Из войсковых частей отличился

120 Байрактар — знаменосец.

121 Майков Л. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 37.

122 Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931, с. 197.

Сводный гвардейский полк, вступивший в крепость с развернутыми знаменами и музыкой.

Однако и после этих блестящих побед Паскевич не решился развить успех и довершить разгром армии Аббас-Мирзы; он вступил в переговоры с наследным принцем о заключении мира, поставив условием переход к России Эриванской и Нахичеванской областей, выплату определенной контрибуции. После отнявшей несколько дней переписки 19 июля для переговоров с Аббас-Мирзой в его лагерь был послан Грибоедов в сопровождении главного переводчика, азербайджанского поэта и просветителя **Аббас-Кули-ага Бакиханова** (1794—1847). Заметим, что Пушкин познакомился с Бакихановым летом 1829 г., и, как писала мать поэта 25 мая 1834 г. дочери из Петербурга, он обедал у них 23 мая вместе с Л. С. Пушкиным, Соболевским и др.¹²³

Не вдаваясь в подробности переговоров, отметим, что Грибоедов быстро разобрался в двойственном поведении Аббас-Мирзы — стремлении выиграть время для приведения в порядок своей потрепанной армии и затянуть переговоры, о чем предупредил Паскевича. Но тот не внял предостережениям Грибоедова и продолжал излюбленную им тактику выжидания¹²⁴.

Вступил в действие решающий фактор русско-персидской войны — губительный климат, особенно тяжелый для вновь пришедших из России войск. Росло число больных, лечение которых, по мнению врачей, потребовало бы нескольких месяцев; увеличился падеж скота. Русская армия оказалась перед опасностью остаться без людей и без продовольствия. Оставив небольшой гарнизон в крепости Аббас-Абад, Паскевич принял решение отвести главные силы на склоны горного хребта Кара-Баба, где они оставались до конца августа, выбыв фактически почти на 50 дней из боевых действий.

По этой же причине Красовский 21 июня снял блокаду Эривани: немилосердно жгло солнце, 2 месяца не было ни капли дождя; земля растрескалась, и при ветре, начинавшемся в 4 ч. дня, поднималась известковая пыль, выжигавшая глаза. Оставив батальоны Севастопольского полка при 5 орудиях и армянскую конную сотню в Эчмиадзине, 1 июля Красовский отошел на урочище Баш-Абаран. Чтобы взять Эривань, у него не было достаточного количества войска, отсутствовали осадные орудия, которые все еще шли из Тифлиса.

В итоге русский корпус оказался раздробленным на небольшие отряды, разбросанные по всей территории Закавказья и Сев. Кавказа, а потому — уязвимым для противника. И в этом слу-

¹²³ Лит. наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 788.

¹²⁴ Грибоедов А. С. Соч., с. 575.

чае Паскевич не проявил необходимой осторожности и, поведя переговоры с Аббас-Мирзой, не установил наблюдения за его армией, чем тот незамедлительно воспользовался. Наследного принца подстрекнуло и письмо от эриванского сардара, написанное с обычным для персов восточным хвостовством: «Эривань освобождена от блокады; русские отброшены в горы; отряд их малочислен, расстроен, и нет ничего легче, как овладеть теперь Эчмиадзином, отбить осадную артиллерию, двигающуюся еще в Безобдальских горах, и, истребив Красовского, открыть дорогу в Грузию» (с. 456). Сардар пытался сам взять Эчмиадзин: подойдя 4 июля с 4 тыс. конницы, 2 батальонами сарбазов и 2 пушками, послал гарнизону требование сдаться и выдать ему архиепископа Нерсеса, но несколько залпов русских батарей заставили его немедленно отступить от стен монастыря.

В Аббас-Мирзе вновь вспыхнули угасшие мечты изгнать русских из Закавказья и вернуть его Персии. Он перешел на левый берег Аракса и направился в Араратскую долину. 1 августа 3-тысячный отряд персов напал на русский транспорт, но батальон Крымского полка — 470 чел., сопровождавший его, отбил атаку. 4 августа 30-тысячная персидская армия оказалась в Араратской долине. 6 августа заняла деревню Аштарак, чтобы преградить путь Красовскому, 15-го осадила Эчмиадзин. Между тем Паскевич из Кара-Бабы извещал Красовского о том, что в армии Аббас-Мирзы произошел бунт, что наследный принц арестован и его богатства разграблены. Как позднее писал в своих «Записках» Красовский, «такое сведение, во всех отношениях противное истине, служило для меня ясным доказательством, что в корпусной квартире вовсе не знали, что Аббас-Мирза со всеми своими силами стоит против меня в Эриванской провинции, и я должен был убедиться, что ни в коем случае не могу ожидать подкрепления» (с. 457).

Скажем несколько слов об **Афанасии Ивановиче Красовском** (1780—1849), одном из подлинных героев освобождения Восточной Армении от персидского ига, которого В. Потто справедливо называет смелым, отважным вождем и неустрашимым солдатом. Он являлся участником рейда русских войск против Наполеона в Италию в 1804—1805 гг., воевал в Черногории и Герцоговине (1807), затем в составе Молдавской армии генерала Прозоровского против турок, штурмовал крепости Браилов и Руцук, прошел Отечественную войну 1812 г. и заграничные походы, был несколько раз ранен, награжден многими орденами, достиг чина генерал-майора, в 1826 г. ему было присвоено звание генерал-лейтенанта с назначением командиром 20-й пехотной дивизии, шедшей в Грузию. Паскевич предложил Красовскому должность начальника штаба корпуса, однако с первых же дней между ними на-

чались разногласия из-за того, как отмечал Красовский, что главнокомандующий не терпел самостоятельных мнений и обычно на все откликался любимым «Вздор!». Прибыв в Эчмиадзин, Красовский отказался от поста начальника штаба, передал дела Н. Н. Муравьеву, а сам вновь вступил в командование 20-й пехотной дивизией.

10 августа главные персидские силы — густая масса конницы — показались перед русским лагерем в Баш-Абаране. 13 августа персы предприняли было наступление, но при первом появлении казаков тут же отошли на исходные позиции. Видя, что лагерь Красовского взять ему не удастся, Аббас-Мирза оставил часть войск у с. Ошакан, двинув остальные на Эчмиадзин; он рассчитывал на то, что грозящая монастырю опасность заставит Красовского спуститься с гор. Он направил архиепископу Нерсесу ультиматум: «Если ты добровольно не отворишь ворота, то я окружу монастырь всею артиллериею, пушками, мортирами — и разорю его до основания. Тогда, Нерсес, грех будет на твоей душе». На это Нерсес ответил: «Обитель сильна защитою Бога. Попробуйте взять ее...» (с. 462).

Персы предприняли ожесточенную бомбардировку монастыря, но русский гарнизон и население стойко защищались. Лазутчиков, которых посылали из монастыря к Красовскому и из лагеря в монастырь, персы ловили и казнили: выкалывали глаза, отрезали им уши, нос, конечности. Лишь из Эривани от жившего в нем армянского старшины Исак-Мелика пришло Красовскому известие о том, что Аббас-Мирза замыслил запереть его в горах, разорить Эчмиадзин, спуститься через Памбак и Безобдал в Грузию, оттуда — в Карабах, что он мог легко осуществить, ибо перед ним находился лишь батальон Севастопольского полка, а главные силы стояли в Кара-Бабе.

16 августа в русском лагере стала слышна канонада, доносившаяся из Эчмиадзина, а Красовскому на словах передали просьбу архиепископа Нерсеса о немедленной помощи. В 5 час. пополудни отряд в составе 1800 чел. пехоты, 500 чел. казаков, конников и пешей армяно-грузинской дружины стал спускаться с гор к Эчмиадзину. Предстояло пройти 35 верст сквозь войска вдесятеро превосходящего неприятеля, сохранив при этом и сопровождающий огромный транспорт.

Проведя ночь у д. Сагну-Саванга, 17 августа отряд продолжил путь. Пробивались сквозь живую стену персов, схватки происходили почти повсеместно. Красовский появлялся в тех местах, где гибель казалась неминуемой. Под ним убило двух лошадей, его ранили в руку, раздроблена правая ключица, он не мог сидеть без посторонней помощи на коне.

Декабрист Е. Е. Лачинов, участник этого сражения, записал

в своем дневнике: «Сильно действовала артиллерия неприятельская, но битва сия и по всем отношениям может быть причислена к битвам жестоким, особенно взявши во внимание несоразмерность сражающихся сил и положение наше. В один этот день мне удалось видеть все ужасы браней: огнестрельные орудия всякого рода, даже не употребляемые в Европе, были обращены на нас, но истребление, ими производимое, не могло сравниться с тем, когда на изнуренных воинов наших бросились свежие толпы наездников, когда в ручной вступили бой и засверкали в глазах наших кинжалы их и засвистели над головами сабли»¹²⁵.

Жители окрестных армянских деревень, пренебрегая опасностью, пробирались к изнемогавшим русским солдатам, доставляли им воду и пищу, перевязывали раненых, утаскивали и прятали убитых, чтобы персы не отрезали им головы. Примечателен подвиг крестьянина Акопа Арутюняна, являвшегося пушкарем в персидском войске: в разгар сражения он обратил огонь своего орудия в сторону персов и стал расстреливать их; он бежал, но был схвачен ими, ему выкололи глаза, отрубили нос, уши, губы и пятки¹²⁶.

Пять часов продолжалось кровопролитие, однако наиболее ужасными оказались 4 версты, остававшиеся до Эчмиадзина, где на равнине отряд столкнулся с главными силами персов. Потеряв 24 офицера, 1130 нижних чинов, весь транспорт, оставшиеся в живых, израненные, вошли в Эчмиадзин и тем самым спасли монастырь от уничтожения. Их встретил архиепископ Нерсес, который, обращаясь к русским чудо-богатырям, сказал: «Горсть русских братьев пробилась к нам сквозь 30-тысячную армию разъяренных врагов. Эта горсть стяжала себе бессмертную славу, и имя генерала Красовского останется навеки незабвенным в летописях Эчмиадзина» (с. 479).

Сам Красовский в «Записках» писал: «В сражении сем войска наши, невзирая на усталость от зноя и не имея от самого лагеря ни капли воды, оказали твердость и непоколебимую храбрость, каждый из офицеров и солдат, разделяя со мной труды и опасность, наносил величайший вред неприятелю»¹²⁷.

Помимо Лачинова в этом сражении участвовал декабрист М. П. Малютин. В память о героизме русских солдат и офицеров в 1833 г. в 4 верстах от Эчмиадзина по пути в д. Ошакан на месте сражения был поставлен обелиск, на медных досках которого, врезанных в пьедестал, названы имена войсковых частей, участво-

¹²⁵ Исторический музей СССР, РО, д. 372. Дневник Лачинова. Цит. по: Нерсисян М. Г., с. 19.

¹²⁶ Григорян З. Т., с. 131, со ссылкой: ЦГИАГ, ф. 8, д. 1902.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4318.

вавших в сражении, и погибших офицеров. Ежегодно 17 августа армянская церковь устраивала крестный ход и служила панихиду по убиенным.

Значительные потери понесли и персы: около 5500 убитых, еще большее число раненых, Аббас-Мирза снял осаду Эчмиадзина, ушел за Аракс, потеряв навсегда надежду отторгнуть Закавказье от России.

По справедливому определению В. Потто, аштаракский бой явился одним из самых ярких триумфов русской армии, оказавшим решающее воздействие на дальнейший ход русско-персидской войны. Получив 27 августа донесение Красовского, Паскевич вынужденно изменил свой план и выступил с главными силами на Эривань. 6 сентября он был в Эчмиадзине, где, как говорится, с ходу сделал выговор Красовскому за данное им сражение: по мнению главнокомандующего, следовало, не принимая боя, отдать персам на разгром Эчмиадзин. Обидел он и архиепископа Нерсеса за вмешательство в военные дела. Но тут же Паскевич проявил максимум вежливости к арестованному курьеру Аббас-Мирзы, прибывшему к нему в качестве шпиона, чтобы разведать дальнейшие намерения русских. «Передайте от меня наследному принцу поклон и скажите, что я удивлен, что его высочество, имея в своей земле множество способов разведать через лазутчиков о движениях наших войск, признал нужным еще отрядить шпионов ко мне под видом курьеров... Прошу извинения у принца, что так поступлено с его курьером, но теперь они отпускаются...» (с. 493).

Позерство было свойственно Паскевичу.

5

9 сентября русская армия выступила двумя колоннами из Эчмиадзина: главные силы под командованием Паскевича направились к крепости Сардарабад, другая — недавно прибывшего из Петербурга начальника штаба корпуса генерала Сухтелева — на Аракс; последняя, как замечает В. Потто, неизвестно куда и зачем, пробыв 3 дня в походе, 12 сентября вернулась к Сардарабаду. В этот день фельдъегерь из столицы привез Паскевичу орден св. Владимира 1-й ст. «за покорение Аббас-Абада».

13 сентября Красовский, назначенный начальником осады Сардарабада, доставил к крепости тяжелые осадные орудия. Эта крепость была построена эриванским сардаром лет 10—15 назад на обширной равнине от Эчмиадзина в сторону Гумри. Ее гарнизон возглавлял внук брата эриванского сардара Гусейн-хана, который вскоре и сам явился в крепость.

В ночь на 15-е на разведывание крепости Паскевич послал трех рядовых — М. И. Пушина, П. П. Коновницына и Р. И. Дорохова (1801—1853). Последний к декабристам не принадлежал и был известен своим неукротимым нравом и буйными выходками, за что неоднократно подвергался наказаниям вплоть до разжалования в солдаты. Знакомство Пушкина с Дороховым относится к 1818—1820 гг. в Петербурге, они встречались, как мы увидим, после возвращения из Арзрума на Кавказских минеральных водах.

Подобравшись на близкое расстояние к крепости, разведчики высмотрели место для размещения орудий, где на другой день была возведена брешь-батарея. Тем временем сардарабадские армяне снеслись с Паскевичем, сообщив о том, в какой части крепости засели персы и куда следует направлять выстрелы. Персы отстреливались, но их ядра, за неимением хороших артиллеристов, а также потому, что к пушкам приставлены были армяне, либо не долетали до русских, либо же попадали в своих. В результате бомбардировки русской артиллерии рухнула южная сторона крепости; брат эриванского сардара Гасан-хан запросил на три дня перемирия, но, получив отказ, в ночь на 20 сентября бежал. Кто-то, видимо житель-армянин, крикнул со стен крепости: «Солдат, иди! Сардар бежал!». В погоню был пущен Нижегородский полк во главе с Раевским, однако поймать Гасан-хана не удалось: он успел пробраться в Эривань.

Гарнизон крепости решил биться до конца; был предпринят штурм, в котором участвовал Сводный гвардейский полк и почти все ссыльные декабристы, собранные в траншеях. 20 сентября русское войско, радостно встреченное армянским населением, вступило в крепость. Были спасены захваченные в плен персами и томившиеся в застенках русские, армяне и немецкие колонисты из числа проживавших в Грузии.

Наступила очередь Эривани, необходимость взятия которой диктовалась вероятностью войны с Турцией. Ее правитель сардар, узнав о падении Сардарабада, срочно скрылся. За ним вдогонку был послан Н. Н. Раевский, который 21 сентября донес Паскевичу, что сардар со своим небольшим отрядом бежал в пределы Турции.

В сентябре прибыло затребованное Паскевичем подкрепление, в том числе и Кабардинский пехотный полк. В его составе находился и ссыльный декабрист **Александр Семенович Гангблов** (1801—не ранее 1886), сын генерал-майора С. Е. Гангблова, женатого на княжне Е. С. Манвеловой, армянке по национальности; он учился в Пажеском корпусе, был выпущен в 1821 г. прапорщиком в л.-гв. Измайловский полк, стал членом Северного общества, арестован 23 декабря 1825 г., содержался 4 месяца

в Петропавловской крепости и с тем же чином в июле 1826 г. переведен во Владикавказский гарнизонный полк, отсюда — в Кавказский корпус «для употребления противу персиян»¹²⁸.

Осада Эривани началась 23 сентября. Работы должен был вести инженер-техник и теоретик генерал Трузсон, который затребовал на их окончание согласно инструкции более месяца времени. Паскевич раздраженно оборвал его, вызвал Пущина и спросил, как долго может продолжаться осада? Тот ответил, что в Покров день, т. е. 1 октября, «покроем крепость» (с. 510). По воспоминаниям А. С. Гангблова, Пущин «руководил и мелкими и крупными работами — от вязания фашин¹²⁹ и туров¹³⁰, от работ киркой и лопатой до устройства переправ и мостов, до трассирования и возведения укреплений, до ведения апрошей¹³¹—и, кроме того, исполнял множество важных поручений. Он же в той же солдатской шинели присутствовал на военных советах у главнокомандующего, где его мнение почти всегда одерживало верх»¹³².

25 сентября осадная артиллерия начала бомбардировку крепости. 4 тыс. сарбазов и 26 орудий персов, ведшие беспорядочный огонь, хотя и наносили немалый вред русским, однако не могли повлиять на их наступательный порыв. Наибольшей опасности подвергались ссыльные декабристы, отправленные без смены в передовые траншеи.

В результате интенсивного обстрела были разрушены внешние и внутренние стены крепости, в городе бушевали пожары. Брат сардара Гасан-хан, руководивший обороной Эривани, пытался было бежать, но затем спрятался в подвале в надежде спастись в суматохе после взятия русскими Эривани. 30 сентября для штурма крепости понадобилось завершить за ночь короновать гласис, что Трузсон посчитал невозможным. Паскевич вызвал Пущина и в присутствии всех спросил: «Можно ли сегодня ночью короновать гласис?» — «Почему же нельзя, если вы желаете; стоит только дать приказание», — ответил Пущин. Трузсон на это возразил: «Я любопытен знать, как вы это приведете

¹²⁸ Восстание декабристов, т. 8, с. 62 и 302—303.

¹²⁹ Фашина — пучок хвороста, камыша, перевязанный прутьями или скрученный проволокой (применяется для укрепления насыпей, плотин, дорог и т. п.). Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1984, т. 4, с. 556.

¹³⁰ Тур — плетеная корзина без дна, наполненная землей и служащая для устройства укрытий от пуль и снарядов (обычно на стенах крепостей). Там же, с. 427.

¹³¹ Апрош (франц.) — устарелое название ходов сообщения, отрываемых для скрытого и безопасного подступа к осажденной крепости. Словарь иностранных слов. М., 1983, с. 49.

¹³² Гангблов А. С. Воспоминания декабриста. М., 1888, с. 141.

в исполнение?» — «Он вам покажет, как!» — сказал Паскевич и приказал Пушину сделать все приготовления» (с. 510).

Но эти слова Паскевича опять-таки являлись позой, рассчитанной на внешний эффект: на деле он своими противоречивыми и непродуманными распоряжениями поставил было на грань провала осаду крепости. Паскевич приказал командиру Сводного гвардейского полка полковнику Шипову, обеспечивавшему безопасность работ Пушина, оставить траншеи, в результате чего, как пишет Пушин, «нам бы пришлось потом от Эривани отступить или еще долго возиться с осадой»¹³³. Пушин вынужден был отправиться к Паскевичу, убедить его отменить отбой и восстановить охрану рабочих.

За ночь Пушин с 2 тыс. саперов завершил строительство гласиса, и рано утром 1 октября в проломы юго-восточных стен крепости ворвались 6 рот Сводного гвардейского полка, к северным воротам города подошли части отряда генерала Красовского. Бывший с ними А. С. Гангеблов рассказывает: «Я присоединился к свите Красовского, в то время как он давал приказание аудитору Белову, знавшему местный язык, чтобы он подошел к самым воротам и сказал им, что ежели они заставят самих нас разбить ворота, то им пощады не будет. С Беловым пошел я и еще какой-то офицер в качестве ассистентов. Полы ворот не вплоть были притворены. Едва Белов приложил лоб к этой щели и произнес два-три слова, как оттуда раздался выстрел, и Белов повалился, брызнув мне в лицо своим мозгом. «Что там такое?» — тревожно спросил генерал, когда мы, ассистенты, к нему выбежали. Когда я сказал, что Белов убит, поставлено было оружие, чтобы разбить ворота; но прежде чем выстрел последовал, ворота растворились. Красовский, окидывая нас взглядом, у меня спросил: «Вы здесь зачем?». Я объяснил, что прислан от начальника траншей. «Кстати, — сказал он, — вот вам два телохранителя, идите в ворота и продолжайте идти, а за вами пойдем и мы». С двумя гренадерами, «ружья наперевес», мы очутились среди невообразимого смятения: оглушительный вопль, шальная беготня, драка между собою, визг женщин... Когда мы отошли от ворот шагов на полтора, из ворот показался Красовский с отрядом. Таким образом Эривань была взята с этой стороны»¹³⁴.

Озлобленный Гасан-хан хотел взорвать пороховой склад, в котором находилось более двух тысяч пудов пороха, чтобы похоронить под его обломками ворвавшихся в крепость русских. Бесстрашие и стойкость проявил подпоручик Сводного гвардейского полка

¹³³ Пушин М. И. Записки. — Рус. архив, 1908, № 12, с. 517.

¹³⁴ Гангеблов А. С. Воспоминания декабриста, с. 144—146.

Г. Г. Лелякин, который бросился в погреб и, рискуя жизнью, потушил фитиль, предотвратив катастрофу.

Гасан-хан с более чем 1200 сарбазов заперся в мечети, однако Красовский с двумя ротами Сводного полка окружил его и предъявил требование о немедленной сдаче. Неукротимой и бешенный Гасан-хан, наводивший страх на незащищенных горожан и крестьян, покорно сдал оружие Красовскому (хотя это было приписано графу Сухтелену). Гасан-хан сокрушался лишь о том, что при попытке бегства он потерял меч, подаренный ему шахом, который принадлежал Тамерлану. Красовский отыскал этот меч, осыпанный драгоценными камнями, и послал в дар Николаю I¹³⁵. В Эривани было взято в плен около 4 тыс. сарбазов, 6 персидских ханов, 49 орудий, 50 фальконетов, 4 знамени, большое количество оружия и провианта.

Жители города — армяне и азербайджанцы с ликованием и радостью встретили долгожданных своих освободителей. Хачатур Абовян так описал этот великий день в жизни армянского народа: «Солдаты стали входить в крепость, — а в тысяче мест, в тысяче окон люди не в силах были рот открыть, — так душили их слезы. Но у кого было в груди сердце, тот ясно видел, что эти руки, эти застывшие, окаменевшие, устремленные в небо глаза говорят без слов, что и разрушение ада не имело бы для грешников той цены, как взятие Ереванской крепости для армян... С тех пор, как Армения потеряла свою славу, с тех пор, как армяне вместо меча подставляли врагу свою голову, не видели они такого дня, не испытывали подобной радости»¹³⁶.

В словах Х. Абовяна нет ни грана преувеличения. Они подтверждаются и скупым описанием этого факта декабристом Е. Лачиновым: «Трогательные картины радости, с которою встречали нас армянские семейства, когда мы занимали оную (т. е. Эривань. — К. А.), неопишутемы. Не говоря о том, что они предвидели счастливую будущность, освободившись от тягостного ига персиян, блаженствовать под правлением России, достаточно представить бедственное положение их во время осады, чтобы верить искренности восторгов, ими изъясняемых»¹³⁷.

Заметим, что, по свидетельству Пущина, главнокомандующий очень поздно узнал о взятии Эривани: посланный Красовским гонец упал, сильно ушибся и до Паскевича не доехал.

В сражениях с персами геройски проявили себя:

полковник И. Г. Бурцов, о котором Паскевич в рапорте ца-

¹³⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4318.

¹³⁶ Абовян Х. Раны Армении. Ереван, 1971, с. 265.

¹³⁷ Лачинов Е. Е. Дневники и записки. — В кн.: Нерсисян М. Г. Декабристы об Армении и Закавказье. Ереван, 1985, с. 12.

рю от 30 ноября 1827 г. пишет, что «службу исполняет с усердием..., в делах против неприятеля оказал себя неустрашимым»¹³⁸, а в другом документе, — что он в «персидскую войну 1827 г. был употребляем в самых важных местах»¹³⁹;

то же о В. Д. Вольховском, что на протяжении всей кампании 1827 г. он выполнял ответственные задания командования, лично участвовал в боевых действиях, при осаде Сардарабада «неоднократно употребляем был в траншеях, где исполнял все поручения с отличным рвением и храбростью»¹⁴⁰, за что был представлен к ордену Анны 2-й ст., однако удостоился лишь «высочайшего благоволения»;

полковник А. М. Миклашевский, что он «в делах против неприятеля оказал себя неустрашимым»¹⁴¹;

майор Н. Н. Семичев, в формулярном списке которого записано, что он с 14 сентября 1827 г. находился в «следовании до крепости Сардарабад и обложении оной с того же числа по 20-е при действительной осаде, взятии и при следовании гарнизона сей крепости, 22-го по подходе к Эривани, с 24 сентября по 1 октября при действительной осаде и покорении сей важной крепости со всем находившимся в ней гарнизоном, причем взят в плен Гасан-хан сардар и многие другие чины и чиновники, и за оказанные при осаде оной отличия получил высочайшее благоволение»¹⁴²;

поручик Н. Н. Депрерадович, о котором командир его полка Н. Н. Раевский писал: «При осаде крепостей Сардарабада и Эривани во всех случаях вел себя с отличною храбростью»¹⁴³; даже Паскевич в рапорте на имя Николая I вынужден был писать, что «поручик Депрерадович в делах против неприятеля показал себя неустрашимым»¹⁴⁴;

рядовой Д. А. Искрицкий, прикомандированный к штабу корпуса; о нем в официальном донесении сообщается, что «в течение всей войны персидской... находился везде, где дела службы требовали»¹⁴⁵;

рядовой Ф. Г. Вишнеvский, участвовавший в осаде, взятии и преследовании гарнизона крепости Сардарабад, «за отличие в

¹³⁸ Нерсисян М. Г., с. 97 со ссылкой: ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, д. 22. Далее ссылки лишь на источники по этой книге.

¹³⁹ Архив Раевских, т. 1, с. 405—406.

¹⁴⁰ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 48.

¹⁴¹ Там же, оп. 1, д. 77.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, д. 22.

¹⁴⁵ ЦГИАМ, ф. 109, д. 61, ч. 170.

сем сражении награжден знаком отличия военного ордена св. Георгия»¹⁴⁶, а при штурме Эривани, когда был захвачен в плен Гасан-хан, «по высочайшему повелению произведен в унтер-офицеры»¹⁴⁷.

Доказательством решающей роли ссыльных декабристов в русско-персидской войне явилось производство ряда разжалованных в рядовые в первый офицерский чин и награждение некоторых из них орденами. Один из главных героев войны М. И. Пушкин был произведен в унтер-офицеры, то же П. П. Коновницын, Павел Бестужев, Н. Н. Оржицкий, Б. А. Бодиско 1-й, М. Д. Лаппа, А. А. Фок, Н. П. Кожевников; к Анне 5-й ст. представлен рядовой А. А. Молчанов, а Н. Р. Цебриков — к Георгиевскому кресту, корнет А. А. Суворов награжден орденом Владимира 4-й ст. с бантом, золотой шпагой и произведен в поручики, в этот же чин — Н. В. Шереметев, в подпоручики — М. П. Малютин, А. Е. Рынкевич. Что касается остальных декабристов — А. В. Веденяпина, Н. И. Акулова, А. А. Добринского, М. И. Пыхачева, А. С. Войниловича, И. П. Гудима, Н. К. Ледуховского, бывших также активными участниками сражений, то их имена были обойдены «высочайшим вниманием». Распоряжением царя всем военачальникам предписывалось лишь в самых исключительных случаях и с его разрешения представлять «злоумышленников» к повышению и наградам, даже предоставлять им отпуска для лечения. Декабрист Н. И. Лорер¹⁴⁸, на себе испытавший всю тяжесть царской злобы, писал: «Ближайшим нашим начальникам не позволялось таксировать наших заслуг и представлялось только прописать «на всемилостивейшее воззрение». Каждый из нас мог снять звезду с неба, и это не дало бы ему права получить награду, ежели бы случилось, что царское зрение в недобрую минуту упало бы на эту строчку»¹⁴⁹.

Николай I осыпал милостями Паскевича, который в своих донесениях (и в походном журнале также), как обычно, приписал взятие Эривани своему умелому руководству войсками, при-

¹⁴⁶ Там же, ч. 128.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ **Николай Иванович Лорер** (1795—1873) — штабс-капитан л.-гв. Московского полка, затем майор Вятского пехотного полка (1825); член Северного и Южного обществ, арестован в Тульчине, заключен в Петропавловскую крепость, приговорен к 12 годам каторги, с марта 1827 г. поступил в Нерчинские рудники, с ноября 1832 г. обращен на поселение, в июне 1837 г. назначен в Кавказский корпус рядовым, служил до 1842 г. и уволен в чине прапорщика (Восстание декабристов, т. 8, с. 116 и 345). Был близок с Л. С. Пушкиным, написал о нем воспоминания (**Лорер Н. И.** Записки декабриста, с. 197).

¹⁴⁹ **Лорер Н. И.** Записки декабриста, с. 217.

уменьшив, тоже как обычно, заслуги других. Паскевич был награжден орденом Георгия 2-й ст., ему присвоен титул «граф Эриванский». Награды получили недавно прибывший в действующую армию генерал Сухтелен — Георгия 3-й ст., бездарный Трузсон, ничем не проявивший себя генерал Унклин, зато подполковники Шипов, Гурко и Долгово-Сабуров — Георгия 4-й ст., а Красовский — лишь бриллиантовыми знаками к Анне 1-й ст.

В осаде и взятии Сардарабада и Эривани участвовал и А. С. Грибоедов. Им был написан приказ русским войскам перед штурмом крепости, в конце которого говорилось: «Россия будет вам признательна, что поддержали ее величие и мужество». Он был награжден медалью «За взятие Эривани».

Отметим боевую деятельность Льва Сергеевича Пушкина, в формуляре которого сообщается, что «с 14 сентября по 20-е принимал участие в движении к крепости Сардарабад, осаде и взятии ее. 22-го принимал участие в походе к Эривани. С 24 сентября по 1 октября был при осаде и покорении сей крепости со всем ее гарнизоном»¹⁵⁰.

Из знакомых Пушкина назовем и **Алексея Илларионовича Философова** (1800—1874), воспитанника Пажеского корпуса, адъютанта вел. князя Михаила Павловича, полковника, переведенного в действующую армию на должность командира артиллерийской части. Он участвовал в кампании 1827 г., после взятия Эривани был оставлен здесь для ремонта орудий, стал частым посетителем кружка, собиравшегося у коменданта города, полковника И. И. Кошкарева (причастного к бунту в Семеновском полку), в который входили П. П. Коновницын, А. А. Авенариус, А. С. Гангелов. По воспоминаниям последнего, «не было недостатка в эстетических развлечениях: между прочим, Кошкарев прекрасно пел и играл на употребительном у военных того времени инструменте — гитаре. Я и Коновницын рисовали, сняли несколько видов с Арарата, который, верстах в пятидесяти от нас, возносил к небесам две свои белые головы. Заглядывали и в литературу: так, однажды вечером, по общему желанию нашего кружка, мною и Философовым было прочтено «Горе от ума» по копии, снятой мною еще в Петербурге»¹⁵¹.

Философов был сокурсником Гангелова и хотя не состоял в тайных обществах, однако дружил со многими из декабристов. В русско-турецкую войну 1828—1829 гг. он буквально спас от смерти тяжело раненного под Ахалцыхом М. И. Пущина, признанного врачами безнадежным, приведя к нему своего доктора Барта-

¹⁵⁰ Майков Л. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки, с. 38.

¹⁵¹ Гангелов А. С. Воспоминания декабриста, с. 171—172.

шевича¹⁵²; через В. Д. Вольховского он помог сосланному на Кавказ за стихи на смерть Пушкина М. Ю. Лермонтову¹⁵³; он находился в близких отношениях с редактором «Тифлиских ведомостей» П. С. Санковским (о нем мы скажем в следующей главе), который в письмах от 14 ноября и 25 декабря 1829 г. просил его повидать Пушкина и напомнить об обещании послать для публикации стихотворение «Калмычка» и «что-нибудь о Грузии»¹⁵⁴. По письмам его сестры Екатерины Илларионовны видно, что Пушкин в 1832 г. посещал их дом в Петербурге, встречался с А. И. Философовым¹⁵⁵.

Мы указали лишь на некоторые из связей Философова, но они несомненно были намного обширнее и представляли не исключение, а общее правило. Дворянство, особенно жившее в столицах — Петербурге и Москве, находилось в тесных переплетениях родственных, служебных, просто дружеских и иных отношений, которые приобретали характер братства и товарищества, без различия чинов и званий в условиях войны, когда все знали все обо всех. были знакомы если не прямо, то косвенно друг с другом.

К этому сообществу принадлежал и Пушкин, который по перипетиям личной судьбы, забрасывавшей его в города и веси необъятной Российской империи, по присущей ему любознательности и общительности, по интересу и тяге к нему как гениально одаренной личности оказывался в окружении множества людей, не только дворян, а всех сословий, не только русских, а всех национальностей. Не случайно, что их круг, отмеченный в пушкинистике, постоянно пополняется и будет закономерно пополняться дальнейшими изысканиями.

Но это означает также, что к Пушкину стекалась исключительно богатая, говоря по-современному, информация, закрепляющаяся в его поистине феноменальной памяти и отразившаяся в его произведениях, рисунках, письмах, и по сегодняшний день ожидающих своей расшифровки. Конкретно по отношению к русско-персидской войне 1826—1828 гг. мы вправе утверждать, что он полностью был осведомлен о ее событиях и действующих в ней лицах и, оставаясь жив, отразил бы все это в замысленном им романе о декабристах.

В освобожденной Эривани офицеры 7-го Карабинерного полка, переименованного в Эриванский, имея рукописный экземпляр

¹⁵² Пушин М. И. Записки. — Рус. архив, 1908, № 12, с. 521.

¹⁵³ См.: Шадури В. С. 1) Покровитель сосланных на Кавказ декабристов..., с. 42—43; 2) Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958.

¹⁵⁴ Лит. наследство, т. 58, с. 92, 106.

¹⁵⁵ Там же, с. 108, 110.

«Горя от ума», решили сыграть на сцене эту пьесу. По свидетельству современника, дело обстояло так: «В 1827 г. в Эривани офицеры-любители в присутствии Грибоедова исполняли отрывки из «Горя от ума», обратив в импровизированный театр старый дворец персидских сардаров; но автор, конечно, не мог удовлетвориться этим дружеским сюрпризом своих почитателей, и робкая попытка интеллигентного офицерства только усугубила нравственные мучения Грибоедова»¹⁵⁶.

Здание дворца не сохранилось, на его месте построен завод, на стене которого укреплена мемориальная доска с надписью: «Здесь в 1827 г. в присутствии автора впервые была представлена бессмертная комедия великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума»»¹⁵⁷.

Взятие Эривани было торжественно отмечено в обеих столицах — Петербурге и Москве, указом Николая I была образована «Армянская область» в составе быв. Эриванского и Нахичеванского ханств, 6 октября учреждено временное ее правление в составе командующего расположенными здесь войсками генерала Красовского, архиепископа Нерсеса Аштаракеци и коменданта Эриванской крепости подполковника Бородина. Началась новая эра в истории армянского народа, навсегда связавшего свою историческую судьбу с судьбой великого русского народа и вновь вставшего на путь экономического и культурного развития.

* * *

Взятием Эривани война не закончилась — оставались армия Аббас-Мирзы и разбойничьи группы кочевников, совершавших нападения на население занятых русскими войсками территорий. Оставленный в Нахичеване отряд под командованием князя Эристову при начальнике штаба Н. Н. Муравьеве, преследуя в конце сентября шайку бывшего нахичеванского владетеля Керим-хана, углубился в Персию по дороге, ведущей в Тавриз. 11 октября отряд находился в 40 верстах от города, а кн. Эристов не догадывался, насколько далеко они зашли. Как писал Н. Н. Муравьев отцу, об этом Эристову сказал он, и тот, опасаясь гнева Паскевича, стал колебаться — продолжать движение или вернуться обратно. Однако Н. Н. Муравьев настоял на своем, и 13 октября, почти не встретив сопротивления, с музыкой и барабанным боем русские войска вступили в Тавриз. 6 тыс. сарбазов, оставленных

¹⁵⁶ Ениколопов И. Грибоедов и Восток, с. 104.

¹⁵⁷ См. там же, с. 105.

Аббас-Мирзой для защиты города, узнав о приближении русских, в панике разбежались.

На главной квартире не знали о действиях Эристова, и Паскевич прибыл в Тавриз лишь 17 октября; его торжественно встретило христианское и магометанское духовенство, азербайджанское и армянское население. Это несколько смягчило гнев главнокомандующего на Эристова, по словам В. Потто, чуть ли не единственного человека, сумевшего до конца поддерживать дружеские отношения с Паскевичем. Выслушав молча упреки, мало касавшиеся похода, Эристов поздравил Паскевича с взятием Тавриза, тот обнял его и исходатайствовал ему орден Александра Невского; иначе обошелся Паскевич с Муравьевым, заподозрив его в подстрекательстве и своими придирками заставив его в конце концов уехать из Закавказья.

Занятие Тавриза привело к переходу на сторону русских целых персидских провинций, полной деморализации персидской армии. В этих условиях вместо того, чтобы двинуться на Тегеран и принудить шаха к безоговорочной капитуляции, Паскевич не нашел ничего лучшего, как вступить в переговоры с Аббас-Мирзой; по его разумению, следовало воздержаться от возбуждения населения против Каджаров, чтобы было с кем заключить мирный договор. Паскевич убедил в этом министра иностранных дел К. В. Нессельроде, а тот — Николая I, что привело к новой зажке войны.

Переговоры начались в ноябре, к ним были привлечены в разной степени Н. Н. Раевский-младший, кн. Д. И. Долгоруков, граф Толстой, от Коллегии иностранных дел Обресков, Влангали, Грибоедов — все известные Пушкину. Возглавлял русскую делегацию Паскевич, персидскую — Аббас-Мирза, который тянул переговоры, выдвигая различные требования. 21 декабря конференция прервала работу. 11 января 1828 г. волей сложившихся обстоятельств и вопреки собственным предположениям Паскевич вынужден был дать приказ о движении на Тегеран. В суровую и снежную зиму 1828 г. при совершенном бездорожье русские войска двинулись вперед, заняли провинции Марагу, Хой, Урмию, Салмаст и Ардебиль. В последней удалось сделать ценное приобретение: купить за большую цену редкие восточные манускрипты, которые под охраной двух рот пехоты были отправлены в Тифлис¹⁵⁸.

Русские войска подошли к Уджанскому замку Аббас-Мирзы, где в поездку в Персию побывал Ермолов, описавший висевшие там полотна с изображением «побед» персидского наследного принца над русскими. По иронии судьбы русские стояли в Уджане,

¹⁵⁸ См. там же, с. 107—109.

Аббас-Мирза, растерявший свою армию, бежал в Тегеран. На помощь персам пришли англичане, уполномоченный их правительства Макдональд, который от имени шаха передал его согласие заключить мир на условиях, предложенных Россией. В небольшой деревне Туркманчай 16 февраля был подписан мирный договор, составленный при непосредственном участии Грибоедова и им же отредактированный. Шахское правительство признало присоединение к России Эриванской и Нахичеванской провинций, Ордубадского округа, исключительное право ее держать военный флот на Каспийском море; Персия обязалась выплатить 10 куруров (20 млн. р. серебром) на покрытие военных издержек и нечинить препятствий переселению угнанного ею населения, в основном армян, «из персидских областей в российские».

Эта война, как и любая другая, складывалась из крупных и мелких эпизодов, где решающая роль принадлежит отдельным лицам и группам, которые своим примером воодушевляют, ведут за собой остальных, определяя тем самым конечный успех или неудачу. Такими катализаторами, если можно так выразиться, являлись ссыльные декабристы, ставшие наиболее опытной и закаленной в боях частью действующей против персов русской армии.

Особо следует выделить составленный из солдат-декабристов Сводный гвардейский полк, насчитывавший более 3000 штыков и, как мы убедились, ставший ударной силой русского корпуса. Это вопреки всем запретам принужден был признать и Паскевич, который в рапорте на имя начальника Генерального штаба И. Дибича сообщал: «В многотрудной войне сей лейб-гвардии Сводный полк оказал столько усердия и твердости, сколько можно было ожидать оных от людей, искренне желавших искупить ненамеренную вину свою пожертвованием себя... **Я употребил его исключительно там, где предвиделось наиболее опасностей**, и во всех сих случаях он являл постоянно мужество, непоколебимое усердие и самую строгую воинскую подчиненность»¹⁵⁹.

Указом царя весь личный состав полка был награжден серебряной медалью, наиболее отличившиеся солдаты и офицеры — орденами. Вместе с участниками бунта Семеновского полка они получили «прошение» и были возвращены в Петербург.

Прославились Ширванский пехотный полк, в котором, как отмечалось, воевали ссыльные декабристы — рядовые Ф. Г. Вишнеvский, А. Е. Рынкевич, Петр Бестужев и др. Спустя три года, в 1830 г. Пушкин в ранней редакции поэмы «Домик в Коломне» за третьей строфой писал:

¹⁵⁹ Кавказский сборник, т. 27, с. 221. (Выделено мной — К. А.).

У нас война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны (но хрип ваш приумолк),
Сломали ль вы походы боевые?
Бидали ль в Персии Ширванский полк?
Уж люди! мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них, что в стаде волк.
Все с ревом так и лезут в бой кровавый.
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

(IV, 525)

Этот отклик на русско-персидскую войну 1826—1827 гг. в основной текст поэмы не вошел, однако он примечателен как еще одно свидетельство того, что Пушкин был глубоко осведомлен о событиях, которые привели к вхождению Восточной Армении в состав России. Истинными героями этой войны, кому армянский народ обязан своим освобождением, был не царский любимчик Паскевич, а передовые люди России — «друзья, братья, товарищи», те, с кем были мысли и чувства Пушкина, за судьбой которых с волнением и тревогой он следил издалека и к которым рвался всей душой.

Глава пятая

ПОЕЗДКА В АРМЕНИЮ

(май—август 1829)

1

После безуспешных попыток получить разрешение на выезд в действующую против персов русскую армию Пушкин тем не менее от своего намерения не отказывается. Он делится этой мыслью с ближайшими друзьями, о чем свидетельствует и фраза из письма П. А. Вяземского жене от 7 мая 1828 г.: «Пушкин едет на Кавказ и далее, если удастся».

На языке того времени «на Кавказ» означало — в Грузию, в Тифлис. Что касается «и далее», то Ю. Н. Тынянов в соответствии со своей концепцией о неосуществленных замыслах Пушкина «о побеге» видит в этих словах еще одну подобную попытку вырваться в «чужие края», т. е. в Европу¹. Между тем речь идет об Армении, точнее — ее западной части, где шла война с Турцией, и это служит еще одним подтверждением стремления Пушкина во что бы то ни стало попасть в действующую русскую армию с целями, о которых уже говорилось. Это желание не ослабевало, а, напротив, продолжало нарастать, толкнув его через год на самовольный отъезд. Примечательна в этом плане встреча с А. С. Грибоедовым, приехавшим 14 марта 1828 г. в Петербург с Туркманчайским мирным договором с Персией. Он поселился в гостинице Демута, в которой в это время жил и Пушкин. Имеются свидетельства современников о частых свиданиях Пушкина с Грибоедовым у различных лиц, в частности у П. П. Свинына² 25 марта «на пасхе». Здесь Грибоедов читал отрывок из своей трагедии

¹ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум». — В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969, с. 193.

² Павел Петрович Свинын (1787—1839) — писатель, историк, путешественник, собиратель древностей, издатель журнала «Отечественные записки» в 1818—1830 гг.

«Грузинская ночь», а 16 мая у Лавалей³ он слушал «Бориса Годунова» в чтении Пушкина. Оба они 25 марта совершили поездку в Кронштадт, а в конце мая побывали дома у П. А. Вяземского. 25 апреля 1828 г. Грибоедов вопреки его желанию был назначен полномочным министром и чрезвычайным послом России в Персии. Грибоедова томили предчувствия, и в письме С. Н. Бегичеву он писал: «Предчувствую, что живой из Персии не возвращусь». Об этом вспоминает и Пушкин в «Путешествии в Арзрум», встретив близ Гергер тело убитого в Тегеране Грибоедова, которое везли в Тифлис: «Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: “Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu’il faudra jouer des couteaux”⁴. Он полагал, что причину кровопролития будет смерть шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею» (VI, 666—667).

Грибоедов произвел на Пушкина неизгладимое впечатление. «Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — пишет Пушкин, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям; долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан... Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном» (VI, 667). Как отмечает Ю. П. Фесенко, Грибоедов явился одним из центральных героев «Путешествия в Арзрум»: его, как никого иного, Пушкин удостоил «подробной характеристики и высокой оценки, из которых вырастает обобщенный образ прогрессивно настроенного современника...»⁵.

Мы не знаем всего содержания бесед Пушкина и Грибоедова — ни тот, ни другой не оставили об этом своих записей. Однако,

³ Лаваль Иван Степанович, граф, французский эмигрант на русской службе.

⁴ «Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей» (франц.).

⁵ Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов (два эпизода творческих взаимоотношений). — Временник Пушкинской комиссии. Л., 1980, с. 108.

судя по воспоминаниям Пушкина, Грибоедов рассказывал о Персии, о царящих там порядках; были затронуты темы, занимавшие их обоих: о сосланных в Закавказье декабристах, и не вообще, а о конкретных лицах, степени их участия в войне, о таких военачальниках, как Красовский, Бенкендорф, Муравьев, и, конечно, о Паскевиче, о близком им обоим Раевском, Вольховском и других общих знакомых. По свидетельству М. И. Пущина, когда часть русских войск в конце 1827—начале 1828 г. зимовала в Тавризе, он вместе с братьями Петром и Иваном Коновницыными, А. Рынкевичем, Д. Молчановым, Л. С. Пушкиным «находили хороший обед у Грибоедова»⁶. Пушкину были известны и некоторые эпизоды, приключившиеся с Грибоедовым на войне, которые вызвали недоброжелательные толки, на что он замечает: «...даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении» (там же). Грибоедов поделился и своими планами по хозяйственному и культурному подъему Грузии и Армении, позднее изложенными в «Записке об учреждении Российской закавказской компании», составленной совместно с П. Д. Завелейским.

Встречи с Грибоедовым укрепили Пушкина в мысли ехать в действующую против турок русскую армию, пополнили также его знания о русско-персидской войне, о Закавказье и об Армении.

* * *

Русско-турецкая война вспыхнула вопреки желанию русского правительства. Ее причиной явилось обострение «восточного вопроса» в связи с национально-освободительными движениями в Греции, на Балканах и в Закавказье. Стремясь подавить их, Турция встала на путь нарушения Бухарестского договора 1812 г., пыталась запереть Россию в Черном море, подорвать ее влияние на славянские народы, удерживать в своих руках ряд крепостей на черноморском побережье Кавказа, угрожая захватить те области Грузии, Армении и Азербайджана, которые вошли в состав России. Агрессивность Турции не охладила и разгром ее флота соединенной эскадрой России, Англии и Франции в Наваринском сражении в октябре 1827 г. В декабре того же года турецкий султан объявил о расторжении заключенных с Россией договоров и призвал к «священной войне» против нее.

Военные действия начались на Балканах в апреле 1828 г. Расположенная здесь 2-я русская армия перешла Дунай и приступила к осаде крепостей Шумла, Варна и Силистрия, однако по

⁶ Пущин М. И. Записки. — Рус. архив, 1908, № 11, с. 519.

причине слабой подготовки войск и недостаточного их материального обеспечения это не принесло особых успехов: лишь 12 июня 1828 г. ценой героических усилий русской армии и флота была взята крепость Анапа, а в сентябре — Шумла. В составе Дунайской армии сражался участвовавший в восстании Южного общества Черниговский пехотный полк, а также ряд декабристов — полковник И. А. Долгоруков, поручики П. П. Каверин и П. П. Титов, лейтенант морского флота В. П. Романов, штабс-капитан А. А. Корнилов, П. Ф. Миллер и др.

Нас занимают события в Закавказье, где Турция имела сильные позиции: в ее руках находился ряд крепостей, и пока Россия вела войну с Персией, султанское правительство предприняло боевые приготовления в приграничных провинциях — пашалыках — Ахалцыхском, Карсском, Баязетском и в находящихся за ними — Арзрумском, Ванском и Мушском, которые в прошлом составляли историческую Западную Армению. Они наряду с Трапезондским, Диарбекирским, Сивасским, Такатским и Моссульским пашалыками, образующими область Анатолия, подчинялись сержанту Арзрума, наделенному всей полнотой власти: он ведал войсками и администрацией края, учреждал налоги и подати, утверждал назначения начальников и смертные приговоры⁷. К моменту войны с Россией командующим турецкими войсками был назначен трехбунчужный Галиб-паша, до этого посланник Турции во Франции при Наполеоне, участник заключения в Бухаресте мирного договора с Россией, бывший некоторое время великим визирем (с. 7). Он содействовал султану Махмуду II (1808—1839) ликвидировать корпус янычаров, реорганизовать армию и рядом проектов в сфере общественного устройства, финансов и других приостановить распад Османской империи. Но, как замечает В. Потто, обладая дипломатическими и государственными способностями, Галиб-паша «не обнаруживал военных дарований» и не имел «даже военной опытности». Поэтому ему в помощь султан назначил Киос-Магомет-пашу, когда-то сражавшегося в Египте против Наполеона, в русско-турецкой войне 1806—1812 гг., в подавлении восстания сербов и греков (с. 8).

В качестве превентивной меры турецкое правительство согнало все население приграничных районов, в первую очередь армянское, на 100 верст в глубь страны, отобрав у него оружие; в крепостях собраны запасы продовольствия и боеприпасов, усилены их гарнизоны; в Северный Дагестан, Чечню и мусульманские области Закавказья посланы эмиссары, чтобы поднять мя-

⁷ Потто В. Кавказская война... Тифлис, 1887, т. 4, ч. 1, с. 6. Далее ссылки в тексте.

тежи в русских владениях. Турки, исходя из того, что основные силы Кавказского корпуса находятся в Персии, рассчитывали с ходу взять Гумри, где стояли две роты русской пехоты, затем захватить Тифлис, Эривань, все важнейшие пункты Грузии и Армении, вбить клин между Дунайской армией и Кавказским корпусом. Простирающаяся на 500 верст русская граница от гурийских берегов Черного моря до Талыша и от окраин Эриванского ханства до Арарата оказалась открытой перед неприятелем.

Депеша о войне застала Паскевича 20 марта на первом ночлеге за Эриванью. Баловню счастья повезло и на этот раз — турки замешкались с приготовлениями, между тем как спешным маршем подошли войска из Персии. Из Петербурга Паскевичу поступил план, «начертанный государем», согласно которому перед Кавказским корпусом ставились две задачи: отвлечь турецкие силы от Дуная и обеспечить безопасность русских границ, овладеть Карским и Ахалцыхским пашалыками и взять крепости Поти и Анапу (с. 12).

Оставляя в стороне чехарду с переброской войск из Закавказья в Россию и обратно, затеянную Николаем I, отметим, что главным пунктом, на который должна была опираться действующая армия в движении на Карс и где сосредоточились все продовольственные и боевые припасы, стал Гумри. Сюда из Тифлиса через горные хребты, покрытые снегами, по которым едва пролегла вьючная тропа, через болота в низинах три батальона русских солдат проложили за месяц дорогу, устроили мосты и отводные каналы, а два батальона за это же время — от Гумри до Эривани. В мае и начале июня в Гумри стали подходить один за другим полки, а утром 14 июня перешли границу — р. Арпачай и направились к Карсу. Общая численность войск доходила до 5 тыс. пехоты, 2400 чел. кавалерии.

В составе войск находились ссыльные декабристы, участники русско-персидской войны И. Г. Бурцов, П. М. Леман, А. М. Миклашевский, М. И. Пущин, А. С. Гангеблов, Е. Е. Лачинов, Н. Н. Семичев, Ф. Г. Вишневский, А. А. Добринский, Д. А. Искрицкий, Н. В. Шереметев, Н. Н. Депрерадович, А. В. Веденяпин, Н. Н. Оржицкий, А. А. Фок, Н. Р. Цебриков, В. Д. Сухоруков, Н. А. Васильчиков, братья Петр и Павел Бестужевы, Петр и Иван Коновницыны, А. С. Войнилович. К ним прибавился еще ряд лиц, переведенных в основном из Сибири в Кавказский корпус с той же формулировкой «кровью искупить вину», но о них мы скажем дальше. Из декабристов-солдат, оставшихся в разных частях Кавказского корпуса, был сформирован **Сводный уланский полк** — 675 всадников — под командованием Романа Романовича Анрепа (ум. весной 1830). Пушкин встречался с ним в лицейские годы, затем летом 1829 г. и упоминает в «Путешествии в Арзрум».

Отметим и Льва Сергеевича Пушкина, состоявшего адъютантом командира Нижегородского драгунского полка Н. Н. Раневского.

Пройдя 65 верст за три дня, русская армия 17 июня оказалась вблизи Карса, 18 июня перекрыла дорогу на Арзрум, чтобы отрезать оттуда всякую помощь осажденным. Еще до этого карский Эмин-паша, узнав о приближении русских, отправил гонцов к главнокомандующему Киос-Магомет-паше с просьбой о помощи, на что тот ответил: «Воины твои храбры, крепость неодолима, русские малочисленны. Умей одушевить гарнизон. Мужайся, доколе я прибуду».

19 апреля произошла первая крупная стычка—конница Раевского разбила 4—5-тысячный турецкий отряд, сделавший вылазку, причем отличились уланы Сводного полка, а 20 апреля русская армия обложила крепость.

Карс в армянских источниках впервые упоминается в IX в. В 888 г. князь области Вананд Саак Млех, восставший против царя Ашота I Багратуни (885—890), объявляет Карс центром своего княжества; в 963 г. образуется армянское Карсское государство с главным городом Карсом. В XI в. городом попеременно овладевают византийцы и сельджуки, а в 1206 г. армяно-грузинские войска, руководимые Закарэ и Иванэ Закаряннами, освободили Карс и присоединили к грузино-армянскому царству. В 1236 г. Карс был захвачен монголами, но уже в 1284 г. город переходит к армянскому княжескому роду Арцруни и до середины XVI в. остается в их владении, становясь крупным центром ремесла и торговли. На некоторое время Карсом овладел и разрушил его Ленк-Тимур (1394), но город был вновь восстановлен. В 1548 г. Карс захватили турки, превратив его в оборонную крепость против Ирана, а во время русско-турецких войн — против России.

В дни этой войны Карс представлял неприступную для тогдашнего артиллерийского и ружейного огня крепость, построенную на изгибе правого берега р. Карс. Она имела форму неправильного четырехугольника, окруженного двумя рядами стен, выполненных из крупных, необработанных каменных глыб; внутри стен находились башни, приспособленные для размещения пушек дальнобойного обстрела. В северо-восточном углу крепости на скалах располагалась цитадель, состоявшая из трех совершенно отдельных частей, спускавшихся тремя уступами к городу, унизанная в три яруса пушками; все строения в цитадели были каменные, с земляными накатами. Приступить к крепости можно было лишь из самого города, и только с востока и юга, а с севера и запада скалистый берег реки устранял самую мысль о подъеме. Один из подземных ходов в 300 ступеней вел из крепости к р. Карс и был настолько узок, что в нем не могли разойтись и два чело-

века; кроме того, сверху он запирался подъемной железной дверью, ключи от которой хранились у коменданта. Вне города у крепостных стен имелись три поселения, также защищенные крепостными стенами, заранее построенными окопами. Как отмечает В. Потто, «все эти укрепления, в их общей связи, представляли для нападающих невероятные трудности» (с. 38).

Лишь русские войска подошли к Карсу, армянское население ближайших деревень, угнанное в горы турками, прислало просьбу русскому командованию принять его под покровительство России и дозволить переселиться на ее территорию.

Ночью 20 июня Муравьев с ротой Эриванского полка штыковой атакой захватил окопы. Тем временем М. Пущин выбрал место для установки батарей и за ночь возвел их. 22 июня Пущин с 10 солдатами скрытно пробрался под береговыми утесами реки, отогнал турецкий пикет, осмотрел место для второй батареи и даже разметил его колышками. Н. Н. Муравьев, свидетель этого подвига, представил Пущина к ордену Георгия 4-й ст., однако этот крест он получил спустя 30 лет.

Три дня продолжалась бомбардировка крепости. Наступило 23 июня, русские войска стояли на своих позициях у батарей на левом и правом берегах р. Карс. Ничто не предвещало штурма крепости. Рота 39-го егерского полка под командой поручика Лабинцева двинулась вперед, чтобы выбить противника с кладбища, расположенного у стен крепости; произошла рукопашная схватка, которую заметили три роты 42-го егерского полка во главе с подполковником Миклашевским. Выбив турок с кладбища и преследуя бегущих, солдаты бросились вверх по горе к укрепленному лагерю турок и взяли внешние укрепления крепости. Как рассказывал Н. Н. Муравьев, «до двух тысяч турок с холодным оружием в руках и с страшным криком неслись на Миклашевского», однако на выручку ему бросились батальон полковника Реута — знаменитого защитника Шуши, отряд под командой генерала Вадбольского и полковника Бурцова. «Я был свидетелем боя, — продолжает Муравьев, — уже давно вышедшего из обыкновения в войсках: люди смешались толпами, как рисуют их на картинах; солдаты кололи штыками, турки рубили саблями»⁸.

Встревоженный канонадой и начавшимся без его указаний боем, Паскевич, окруженный свитой, прискакал к Муравьеву. По описанию последнего, главнокомандующий «оставался на поло-

⁸ Муравьев Н. Н. Первое взятие русскими войсками города Карса (июнь 1828 г.). — Рус. архив, 1877, № 3, с. 341. Подробное описание осады и взятия Карса оставили в своих записках декабрист Е. Е. Лачинов, состоявший в 39-м егерском полку (см.: Кавказский сборник, 1876, т. 1, с. 132—175), М. И. Пущин (Рус. архив, 1908, № 12) и др.

жени человека, изумленного нечаянностью, не знающего, что предпринять, ожидающего чьего бы то ни было совета или предложения». Муравьев подошел к нему, однако тот вместо благодарности вспылил и разразился резкими и незаслуженными упреками, говорил о каких-то интригах, грозил предать виновных суду. Положение русских войск становилось все более опасным, ибо поражение левого фланга, где шел бой, могло стать губительным для всего малочисленного корпуса. Тогда командир Грузинского полка граф Симонич попросил у Паскевича разрешения с частью своего полка идти на подмогу Вадбольскому. Муравьев его поддержал. «Хорошо, — сказал Паскевич, — но вы отвечаете за все головою»⁹.

Предместья были взяты, город в трех местах горел, артиллерия обстреливала цитадель. Войска, находившиеся на расстоянии, не видя друг друга, не ожидая команды, пошли на приступ. Один из солдат, первым вскочивший на стену, был пронзен смертельной пулей, падая, крикнул: «Прощайте, братьцы! Да только город возьмите!» (с. 63).

Большое содействие штурмующим оказало армянское население. Как пишет В. Потто, «повсюду, как оказалось после, повторялись одни и те же сцены. Армяне помогали русским солдатам взбираться на стены; солдаты поодиночке спрыгивали вниз и бежали отворять ворота. Это был ряд подвигов истинного героизма, — и не один десяток отважных заплатил за них своею жизнью» (с. 63—64). Подробности об этом сообщала и газета «Тифлисские ведомости», которую, как мы убедимся дальше, читали в Петербурге и Москве, в том числе и друзья Пушкина. «Армяне, показавшиеся на стенах, подали грузинским гренадерам средства к перелазиванию через стену: несколько гренадер взобрались наверх, отошедши с внутренней стороны к воротам, несколько отвалили камни, кони ворота были завалены, и открыли оные столько, что по одному человеку могли проходить в город»¹⁰.

Крепость была взята, турецкая конница бежала; осталась цитадель, где заперся паша с большей частью гарнизона. Но вскоре на ее стенах появились два белых знамени — крепость сдавалась на милость победителя. Паша направил депутацию к Паскевичу с просьбой дать два дня отсрочки, которая возвратилась в сопровождении полковников П. М. Лемана и Лазаря Екимовича Лазарева с требованием немедленной капитуляции.

После недолгих колебаний паша сдался, и в 10 ч. утра 23 июня русские войска вошли в цитадель.

⁹ Муравьев Н. Н. Первое взятие русскими войсками города Карса (июнь 1828 г.), с. 342.

¹⁰ Тифлиссские ведомости, 1828, 28 июня.

Из декабристов особо отличились: М. И. Пущин, обеспечивший вместе с саперами 8-го пионерного батальона выполнение всех осадных работ¹¹; Д. А. Искрицкий, который «в сражении с неприятелем 19 и 22 числа минувшего июня при взятии города и крепости Карса оказал себя отлично храбрым»¹²; Ф. Г. Вишневецкий, находившийся «с 14 июня при взятии неприятельских шанцев, 20-го при осаде Карса, с 21 по 23 июня при взятии штурмом оной крепости»¹³. Свою первую награду получил и Л. С. Пушкин, который согласно формуляру «с 14 по 21 июня принимал участие в действиях армии... противу крепости Карс, окончившихся 23 июня взятием этой крепости штурмом, ...награжден орденом Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость»»¹⁴.

В тот же день 23 июня Паскевич отправил с курьером донесение в Петербург Николаю I: «Знамена вашего императорского величества развеваются на стенах Карса, взятого штурмом сего числа в 8 часов поутру».

Лаконизм Паскевича объяснялся тем, что он по существу не только стоял в стороне от боевых действий войск, но и мешал им. Как писал В. Погго, «день 23 июня 1828 г. занимает в истории русских подвигов совершенно особое место, выходящее из ряда даже необыкновенного и приближающееся к невероятному. Перед малочисленною армиею, почти не руководимой определенными приказаниями вождя, а ведомой лишь исключительно той силой духа, перед которой нет недостижимого, — пала неприступная крепость, видевшая много раз грозных завоевателей у стен своих, но никогда в стенах» (с. 51). Как пишет военный писатель и историк, свидетель событий русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Н. И. Ушаков, «карские армяне... с полнейшим восторгом принимали наших солдат и, будучи признательны за доброе отношение к ним, образовали по распоряжению графа Эриванского конную и пешую милицию, которая достигала нескольких сотен и обыкновенно несла службу на сторожевых постах пашалыка»¹⁵.

¹¹ Рус. архив, 1908, № 12, с. 532.

¹² **Нерсисян М. Г.** Декабристы в Армении. Ереван, 1975, с. 62 со ссылкой: ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77. Далее ссылка только на фонды.

¹³ ЦГИАМ, ф. 109, д. 61, ч. 128.

¹⁴ **Майков Л.** Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 38.

¹⁵ **Ушаков Н. И.** История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. СПб., 1836, ч. 1, с. 74. **Николай Иванович Ушаков** (1802—1861) встречался с Пушкиным летом 1829 г., подарил ему свою двухтомную «Историю» с дарственной надписью и датой «1 мая 1836. Санкт-Петербург»; в ответном письме около 14 июня 1836 г. поэт писал: «Возвратясь из Москвы, имел я честь получить Вашу книгу — и с жадностию ее прочел. Не берусь судить

Узнав о капитуляции карсского паши, Киос-Магомет-паша отступил к Ардагану и стал ждать дальнейшего развития событий. В лагере же русских войск появилась чума: до этого она свирепствовала в турецкой армии и некоторых местах Арзрумского пашалыка, объявилась и в Карсе, однако вскоре затухла. Первый русский солдат заболел 27 июня, затем случаи участились, хотя не приняли больших размеров: через подвижный карантин прошло 293 чел., из которых большинство умерли, — и чума утихомирилась.

* * *

Русские войска готовились к новому походу — на крепость Ахалцых. 12 июля они вышли из Карса и 23 июля, перевалив через Чалдырский хребет, дошли до стоявшей у подножья гор на остром мысу крепости Ахалкалаки. После двух дней упорного сражения более чем с тысячью турок, решивших драться насмерть, крепость была взята. На расстоянии 25 верст находилась крепость Хартвис, которая сдалась русским 26 июля без особого сопротивления.

В три дня без отдыха русские войска прошли более 60 верст, и «3 августа в лучах уже заходившего солнца перед ними открылся Ахалцых, подобный орлиному гнезду, висевшему на неприступных утесах» (с. 125). Ночью явился Бегляр и сообщил, что Киос-Магомет-паша прошел Ардаган и утром 4 августа должен быть в Ахалцыхе.

Крепость стояла на высоком утесистом берегу р. Ахалцыхчай и была центром одноименного пашалыка, впятеро превышавшего Карсский по числу жителей и по территории. Ее В. Потто справедливо определяет как «вечную угрозу Грузии», ибо отсюда совершались постоянные разбойничьи нападения турок. Мусульманское население Ахалцыха султан освободил от налогов, взамен чего оно обязано было иметь вооружение и являться на службу по первому требованию; сюда бежали все те, кто отказывался подчиняться не только русским законам, но и турецким — те же янычары, которых в Ахалцыхе не трогали. Гарнизон крепости настолько чувствовал себя автономным и самостоятельным, что вы-

о ней как о произведении ученого военного человека, но восхищаюсь ясным, красноречивым и живописным изложением. Отныне имя покорителя Эривани, Арзрума и Варшавы соединено будет с именем его блестящего историка. С изумлением увидел я, что Вы и мне даровали бессмертие — одною чертою Вашего пера. Вы впустили меня в храм славы, как некогда граф Эриванский позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум» (X, 587).

гнал правителя города, не обладавшего, по его мнению, воинскими способностями, а при известии о подходе Киос-Магомет-паши послал к нему гонца с отказом от его помощи.

Русский корпус насчитывал не более 8 тыс. штыков; правда, из Грузии ожидалось подкрепление — 1800 чел., но оно могло подойти лишь через несколько дней.

4 августа русские подошли к крепости; батальон егерей Миклашевского, перейдя р. Куру, заложил на одной из высот редут. 5 августа под его прикрытием на левый берег переправились остальные полки, а в 4 ч. пополудни пехота заняла лежащий от города на расстоянии пушечного выстрела высокий холм Таушан-тепу, где расположился русский лагерь и куда перевезли вагенбург¹⁶. Для заложения нового редута были посланы батальон Миклашевского и кавалерийский полк под командой Раевского. Осадными работами в сложных и трудных условиях руководил М. И. Пущин со своим 8-м пионерным батальоном.

В 6 ч. вечера 4 тыс. турецкой конницы напали на правый фланг, но были отогнаны; жаркое дело завязалось на левом фланге, где Миклашевскому пришлось бросить работу, сомкнуться в каре и отбить несколько атак, и, если бы не помощь Эриванского полка, они могли быть раздавлены. В бой вступили Сводный уланский и Нижегородский драгунский полки. Эскадрон последнего во главе с майором Казасси, бросившись вместе с уланами, смял противника, но, увлеченный погоней, занесся далеко и попал в окружение тысячной толпы турок; драгуны спешили, сомкнулись в круг и, держа на поводу лошадей, стали медленно отодвигаться назад. Ряды их редели, минута колебаний — и гибель казалась неизбежной. На помощь подоспели батальон Миклашевского и 3-й эскадрон нижегородцев; сев на коней, эскадрон Казасси вместе с ними ринулся на турецкую конницу (с. 126—128). С **Иваном Антоновичем Казасси** (ум. 1837) Пушкин общался летом 1829 г., а в письме П. С. Санковскому — редактору «Тифлиских ведомостей» 3 января 1833 г. писал (по-франц.): «Г-н Казасси доставил мне очень любезное письмо от вас» (X, 425, пер. — 844).

Сражение продолжалось. Прапорщики Петренко и кн. Яков Чавчавадзе, увлекая за собой эскадрон драгун, пробившись к турецким знаменам; видя, что на Петренко навалилась толпа конных врагов, рядовой Макаров, из разжалованных, бросился к нему, зарубил несколько турок, и хотя не спас своего командира, но вынес его тело. И таких подвигов самопожертвования, когда

¹⁶ Вагенбург — построение военного обоза в форме четырехугольника, круга или полукруга, внутри которого находились люди и лошади. При длительном стоянии окружался рвом и другими препятствиями.

один спасал другого, в этой неравной сече было не перечить. Даже скупой на похвалы Паскевич в донесении царю писал, что кавалерийский бой 5 августа есть один из тех редких случаев в военных событиях, который обращает на себя особое внимание и дает настоящую меру для определения превосходной храбрости полков Нижегородского драгунского и Сводного уланского.

Тем не менее положение русского корпуса оставалось трудным и ненадежным; он находился между двух огней: с одной стороны — крепость с ее 10-тысячным гарнизоном, с другой — подошедшая 30-тысячная армия Киос-Магомет-паши. Паскевич собрал военный совет. На нем первым как младший выступил М. Пущин, предложивший той же ночью (8 августа) «внезапно напасть на турок в их собственном лагере, разбить их и тем освободиться от блокады, в которой они держат наши войска»¹⁷. Мнение Пущина было принято, и начались приготовления к бою. Однако сражение началось в 6 ч. утра 9 августа атакой турецких войск, которая была отбита; в 7 ч. Киос-Магомет-паша под прикрытием огня артиллерии ввел в действие основные силы, но и они также были отброшены; около 8 ч. турки стали готовиться к третьей атаке, на что Паскевич решил ответить контрударом, в результате чего русские понесли тяжелые утраты.

Положение русских становилось все более угрожающим, особенно в овраге, куда они спустились с высот. По рассказу Пущина, Паскевич находился в столь мрачном настроении, что никто не осмеливался подходить к нему за советом или приказанием. Турки перешли в четвертый раз в наступление. Пущин, желая чем-то помочь делу, сел на коня и поехал вдоль оврага. Обзор местности навел его на счастливую мысль, он тут же возвратился к Паскевичу и сказал: «Взять и удержать за собой овраг невозможно. Все дело в сильном люнете¹⁸, который мы миновали ночью и который стоит у самого устья оврага. Возьмете его и тогда и овраг и лагерь (турецкие. — К. А.) будут ваши»¹⁹. Паскевич после краткого раздумья спросил: «А кого я пошлю штурмовать?». Пущин указал на Ширванский полк с тем, чтобы подбросить к нему и другие части, вызвавшись уведомить об этом их командиров. С целью отвлечения турок от люнета были посланы Нижегородский полк Раевского и Сводный уланский полк, которые, выманив турецкую конницу из оврага, разбили ее. Участвовал в этих схватках и Л. С. Пушкин, о чем записано в его формуляре.

Ход сражения сразу же изменился: один за другим были

¹⁷ Пущин М. И. Записки. — Рус. архив, 1886, № 4, с. 528.

¹⁸ Люнет (франц.) — открытое с тыла полевое укрепление из валов (брустверов) с рвом внутри.

¹⁹ Пущин М. И. Записки, с. 529.

взяты все четыре лагеря противника, вся 30-тысячная армия Кюс-Магомет-паши рассеялась, и турки, пробираясь по лесным тропам, в одиночку бежали к Ардагану.

Наступила очередь Ахалцыха. В ночь с 10 на 11 августа осадные работы были продолжены. 11-го началась бомбардировка крепости. На повторное предложение сдаться турецкий гарнизон ответил восточной фразой: «Одна сабля разделяет нас». Русское командование возлагало надежды на грузин и армян, проживавших в городе, однако они заранее были обезоружены. Те немногие из них, кому удавалось пробираться к русским, лишь подтверждали решимость турок биться до последнего.

С утра 15 августа русские войска приступили к штурму Ахалцыха. Первыми впереди Ширванского полка шли 200 чел. охотников, набранных из разных частей, главным образом из декабристов. Так, унтер-офицер Водницкий из разжалованных декабристов²⁰ вырвал из рук турок поручика Дика и вынес его на своих плечах из боя. Когда ширванцы остановились перед ограждением, М. Пущин возглавил своих пионеров, прорубил для них в палисадах²¹ проход, поднял и увлек за собой наступающих²². Появился И. Г. Бурцов во главе роты саперов и под непрерывным огнем неприятельских ядер расширил проход, в который на руках перетаскивали орудия. Войска ворвались в город, был убит командир ширванцев, его заменил Бурцов, отражая атаки турок.

Паскевич в это время находился на высокой горе, вдали от боя, дожидаясь донесений. Очевидцы рассказывали, что, увидев пробегавшего мимо с каким-то поручением солдата Ширванского полка (они отличались формой одежды), Паскевич спросил его: «— Откуда? — Из крепости, ваше сиятельство! — бойко отвечал запыхавшийся ширванец. — Ну что, какво там? — Жарко, ваше сиятельство. — А что турки? — Да трудно с ними справиться, упрямятся, ваше сиятельство. — Знаю, они молодцы, не поддавайтесь, ребята. — Молодцы-то молодцы, ваше сиятельство, да чего они бьются-то? Ведь знают, что мы назад не попятим» (с. 164—165).

К вечеру русские войска заняли часть города. После небольшой передышки турки вновь двинулись на ширванцев, и командир одного из его батальонов — подполковник Юдин оказался в

²⁰ Его имя отсутствует в «Алфавите декабристов». Видимо, он был из числа рядовых, заслуживших производство в унтер-офицеры за личную храбрость.

²¹ Палисад — оборонительное сооружение в виде частокола из толстых бревен, досок, заостренных сверху.

²² Пущин М. Записки, с. 532.

толпе врагов; к нему на выручку бросился унтер-офицер из разжалованных декабристов Анисимов²³, вырвал его из рук турок, получив при этом три тяжелых раны. Подобных эпизодов насчитывались десятки на протяжении всей битвы, длившейся почти всю ночь.

Наступило утро 16 августа. Ахалцых горел; повсюду лежали обгорелые трупы его защитников; и, как всегда, проявилось обычное добродушие русских солдат: они помогали вытаскивать из горевших домов имущество жителей, делились с ними своим скудным пайком, перевязывали их раны.

Занятые русским войском позиции в городе и на окрестных высотах давали ему возможность огнем артиллерии уничтожить и крепость, и цитадель, где засели турки; от них прибыл гонец с просьбой о перемирии на пять дней; русское командование дало пять часов гарнизону на размышления о сдаче. Турки колебались. На переговоры в цитадель направились Остен-Сакен, Муравьев и Бурцов; турки сперва заговорили высокомерным тоном, однако спокойствие парламентаров, грозный вид полков, готовых к штурму, заставили турок принять и подписать условия капитуляции. В 8 ч. утра Грузинский гренадерский полк с музыкой вступил в цитадель, и его георгиевское знамя поднялось над крепостью, знаменуя конец 20-летнего господства турок.

В разгроме войск Киос-Магомет-паши и взятии Ахалцыха из декабристов и причастных к ним лиц помимо названных выказали мужество и отвагу: А. С. Гангеблов, обративший «на себя внимание начальства храбростью, распорядительностью и особым усердием к службе»²⁴; В. Д. Сухоруков, ведший себя «отлично, храбро»²⁵; А. А. Добринский, который «5 и 9 августа, находясь с батальоном 41-го егерского полка (Миклашевского. — К. А.) в действительных сражениях, оказал примерную храбрость и был ранен пулею в ногу с повреждением кости»²⁶; Н. Н. Семичев, оказавший в продолжение осады Ахалцыха «примерное усердие к службе и храбрость»²⁷; Ф. Г. Вишневский, находившийся с «1 по 5 августа при рекогносцировке крепости Ахалцых, ... 9 августа при поражении неприятельского 30 000-ного корпуса... при завладении четырьмя неприятельскими лагерями и контрапрошными укреплениями, с 9 по 15 при осаде крепости Ахалцых, 15-го при взятии

²³ В «Алфавите декабристов» не указан; видимо, из числа декабристов — солдат Черниговского полка, дослужившийся до первого офицерского чина.

²⁴ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГИАМ, ф. 111, д. 61, ч. 247.

²⁷ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77.

штурмом этой крепости»²⁸. Из разжалованных в рядовые, но не декабриста, укажем юнкера Иркутского гусарского полка В. Я. Зубова, «за отличия в сражении при взятии Ахалцыха, где и ранен, и по засвидетельствованию начальства об усердной его службе и поведении» произведенного в унтер-офицеры²⁹.

Отличился и Л. С. Пушкин, который «с 1 по 5 августа был в походе к крепости Ахалцых; 5 августа принял участие в рекогносцировке этой крепости и разбитии неприятельской кавалерии, за что награжден орденом св. Владимира 4-й ст. с бантом»³⁰.

К Георгию 3-й ст. были представлены Н. Н. Раевский и И. Г. Бурцов, однако Николай I заменил им награду производством в генерал-майоры. Зато Паскевичу Николай I пожаловал высший орден Российской империи — Андрея Первозванного, повелел, чтобы наиболее отличившийся в штурме Ахалцыха Ширванский полк, к действиям которого командир Кавказского корпуса не имел отношения, именовался полком графа Паскевича-Эриванского.

По взятии Ахалцыха было образовано областное правление, начальником которого стал произведенный в генерал-майоры уже упоминавшийся Василий Осипович Бебутов. После Отечественной войны и поездки с Ермоловым в Персию проявил себя в военных действиях на Сев. Кавказе в 1817—1821 гг., в 1821 г. был назначен командиром Мингрельского полка и главноначальствующим Имеретией, участвовал в военных действиях против турок, способствовал поражению корпуса Киос-Магомет-паши и явился одним из главных героев взятия Ахалцыха, за что награжден золотой шпалгой³¹.

* * *

Эхо Ахалцыха откликнулось и в Карсе: турецкие войска, разбитые 9 августа, при отступлении в сторону Арзрума согнали по пути население армянских деревень, угоняя его дальше от русских пределов. Его сторожил сам мушский паша, имевший в распоряжении тысячу отборных курдов и до трех тысяч турецкой конницы; нескольким смельчакам из переселенцев удалось бежать, чтобы предупредить русских о своем гибельном положении. Они встретили отряд полковника Ф. А. Бековича-Черкасского в соста-

²⁸ ЦГИАМ, ф. 109, д. 61, ч. 128.

²⁹ ЦГВИА, ф. 395, д. 58, л. 2—4.

³⁰ Майков Л. Пушкин, с. 39.

³¹ ВЭ. Пб., 1914, т. 4, с. 437.

ве двух батальонов егерей с 40 орудиями и конной армянской дружиной, посланной из Карса для защиты местных жителей.

17 августа отряд Бековича форсированным маршем дошел до турецкого лагеря, стоявшего недалеко от крепости Ардаган. Бросив угнанных армян, турки поспешно отступили под стены крепости. Полагая, что противник скоро опомнится, Бекович пропустил обоз армян вперед, прикрыв его конницей и сделав засаду на дороге пехотой и артиллерией.

Турки опомнились, и их отборная кавалерия бросилась за русскими. Удар приняла на себя конная армянская дружина, ей на подмогу подоспела казачья сотня, однако были опрокинуты; турки захватили задние повозки, их жертвами стали два старика и женщина. Егеря бросились к переселенцам. «Не бойтесь, не бойтесь! — кричали... солдаты и бежали навстречу неприятелю. В душе каждого зарождалось особое чувство сострадания к беспомощным, готовность безрасчетно пожертвовать за них даже самую жизнь»³².

Турки понесли значительные потери — лишь курдских старшин погибло 16 чел., был убит сын мушского паши и вместе с ним его знаменитый конь, не уступавший по знаменитости своему хозяину. Урон русских составил 15 чел. армян и 40 чел. казаков убитых и раненных. Было спасено население 23 армянских деревень, вернувшихся к своим очагам и под охраной русских штыков убравших созревшие в их отсутствие поля.

Следствием падения Ахалцыха явилось взятие русскими войсками 17 августа крепости Ацхур, запиравшей вход в Боржомское ущелье, в чем большая заслуга принадлежала князю Мануку Орбелиани, сумевшему убедить гарнизон к сдаче без выстрела. Таким же способом русские войска овладели крепостью Ардаган.

Другим — завоевание примыкавшего к Армянской области Баязетского пашалыка. Его паша Белюль после поражения Персии обратился к архиепископу Нерсесу Аштаракети и к начальнику Армянской области А. Г. Чавчавадзе, заменившему Красовского, с просьбой помочь ему войти в переговоры с Паскевичем о переходе в русское подданство. Последний по свойственной ему подозрительности не поверил Белюлю и оставил его письма без ответа. По этой и другим причинам баязетский паша переменял свои намерения и сообщил, что будет защищаться от русских до крайности. После же Ахалцыха Паскевич изменил свое решение и предписал кн. Чавчавадзе овладеть Баязетом.

Кн. Александр Гарсеванович Чавчавадзе (1786—1846), из

³² **Потто В.** Кавказская война... Тифлис, 1888, т. 4, ч. 2, с. 15. Далее ссылки в тексте.

вестный грузинский поэт, был сыном посла грузинского царя Ираклия II при дворе Екатерины II. Он закончил кадетский корпус, зачислен в л.-гв. гусарский полк, в 1811 г. назначен адъютантом главноначальствующего Грузии Паулуччи, участвовал в заграничных походах русской армии в 1812—1814 гг., в 1817 г. в чине полковника переведен в Нижегородский драгунский полк, возглавил грузинскую милицию в русско-персидской войне и был произведен в генерал-майоры.

Баязетский пашалык имел до 20 тыс. человек населения, из них — 18 тыс. армян, которые, по словам В. Потто, «несмотря на пятивековое рабство, сохранили за собою некоторое духовное преобладание в крае и составляли силу, на которую русские, в случае надобности, легко могли опереться» (с. 26).

25 августа небольшой русский отряд перешел пограничный хребет Агри-даг; через два дня произошла стычка с неприятельской конницей, быстро отступившей, и утром 28-го отряд подошел к Баязету. Опасаясь восстания армян, Белюль-паша пребывал в нерешительности, но лишь раздались залпы русских пушек, защитники города бросились бежать. В час пополудни русское войско встретила духовная процессия армян с хоругвями и иконами. Вслед за Баязетом противник оставил Диадин и Хамур, в которых число армян в несколько раз превышало турок и курдов. Оставался Алашкертский пашалык с его сильной крепостью Топрах-кале, где крепко засели турки и куда арзрумский сераскир отправил значительный отряд на помощь с приказанием опустошить край и угнать все армянское население в глубь Анатолии.

Узнав об этом и не дождавшись разрешения Паскевича, Чавчавадзе 9 сентября выступил с Нашебургским полком и 4 ротами севастопольцев на выручку армянам. Пройдя за двое суток форсированным маршем 150 верст, а последнюю часть пути — с одной кавалерией, тремя легкими пушками и 3000 чел. пехоты, кн. Чавчавадзе 12 сентября был в 2 верстах от Топрах-кале; поднялась суматоха, турецкая конница, а за ней и пехота срочно покинули крепость, за ними погналась сотня казаков и присоединившиеся к ней армяне и азербайджанцы; часть турецкой пехоты была взята в плен.

Русская армия стояла на берегах Евфрата. Солдаты говорили: «У нас Чавчавадзе молодец; пусти его, так он с одним полком дойдет до Арзрума. Легко ли дело? С тысячью нас завоевал два пашалыка» (с. 42).

В этом походе участвовали прибывшие с началом турецкой войны ссыльные декабристы: **Дмитрий Александрович Арцыбашев** (ум. 1831), корнет Кавалергардского полка, член Северного общества, после ареста и содержания в Петропавловской крепости переведенный в Таманский полк, с 1828 г. — прапорщик в Наше-

бургском полку, в 1830 г. там же подпоручик³³, и Александр Федорович Вадковский (1801—?), подпрапорщик л.-гв. Семеновского полка, после его раскассирования зачисленный в том же чине в Кременчугский полк, член Северного общества, был арестован и доставлен в Петропавловскую крепость; после отбытия 4-месячного заключения отправлен в Моздокский гарнизон, оттуда — в Таманский гарнизонный полк, с которым находился при взятии Анапы, после чего переведен в Севастопольский пехотный полк³⁴.

Заметим, что в поездку летом 1829 г. Пушкин побывал в ряде пунктов Баязетского пашалыка, описал их в «Путешествии в Арзрум» и откликнулся на некоторые события, имевшие место в Мушском пашалыке. Кроме того, как установили грузинские литературоведы, Пушкин в бытность в Тифлисе встречался с А. Г. Чавчавадзе.

Не успел Чавчавадзе вернуться в Баязет, как пришли известия о выступлении мушского паши с 5—6 тыс. конницы и пехоты. Во главе небольшого отряда он направился к крепости Милизгерд; с 15 по 22 октября имели место несколько жарких схваток, но многократное превосходство противника принудило Чавчавадзе отойти и закрепиться в крепости Караклиса. Вместе с русскими сотни армянских семейств переселились в Карсскую область. Однако и турки приостановили наступление: рейд русских из Карса в сторону Арзрума заставил мушского пашу отказаться от мысли отбить Баязет и поскорее убраться в свой пашалык.

11 ноября Чавчавадзе сдал командование Пазметатову и вернулся в Эривань к исполнению своих обязанностей. И хотя его действия в Баязете не ознаменовались крупными сражениями и громкими победами, но имели то значение, что помимо приобретения некоторой территории они укрепили положение русских войск, ведущих войну с Турцией, обеспечили большую безопасность русских владений в Закавказье, спасли несколько тысяч армянских семей от грозивших им опасностей и физического уничтожения.

Завоеванием Баязетского пашалыка закончилась кампания 1828 г. в Азиатской Турции и началась подготовка к военным действиям на будущий год. Распоряжением Николая I в Дунайскую армию из Кавказского корпуса было переведено до 4 тыс. солдат, взамен направлялось столько же новобранцев, которые могли идти в Тифлис не раньше июня месяца.

После убийства в январе 1829 г. Грибоедова и опасности новой русско-персидской войны Паскевич решил вновь прибегнуть к формированию милиции из местных жителей. Однако из-за ка-

³³ Восстание декабристов. Л., 1925, т. 8, с. 27 и 272.

³⁴ Там же, с. 50 и 291.

зенного формализма, с которым он взялся за дело, была разработана инструкция, стремившаяся все определить и предусмотреть, не принимавшая во внимание ни духа, ни исторической жизни народов Закавказья; с педантичной точностью определялись рост и сложение милиционера, перечислялись все недостатки, препятствующие зачислению в ополчение, пунктуально указывались чуть ли не в вершках размеры предметов походного снаряжения и оружия, обычно предъявляемые к рекрутским наборам. Помимо того милицейские части были объявлены не конными, а пешими, в итоге чего все обернулось той же солдатской службой со всеми ее трудностями и тяготами. Естественно, это вызвало сперва криволотки, а затем, главным образом в Грузии, волнения и беспорядки. Многие из окружения Паскевича — Вольховский, Пущин, Муравьев, Раевский и другие, зная бездумную решительность главнокомандующего, опасались, что он прибегнет к картечи и штыкам. Но хитроумный царедворец нашел иной выход — всю вину он возложил на грузин, отчасти на армян, хотя факты, приведенные в нашей работе и с которыми мы встретимся дальше, свидетельствуют о вековой доблести и преданности народов Закавказья России. Паскевич допустил просчет и в своих переговорах с проживавшими в Турции курдами об оказании ими помощи русским в кампанию 1829 г., а также о переходе под опеку России владетеля Аджарии, которые, несмотря на свои обещания, остались на стороне Турции.

Свои меры принял и турецкий султан: он сменил арзрумского сераскира и командующего войсками, приказав им вооружить мусульманское население прифронтовых пашалыков, собрать к весне 1829 г. 80 тыс. при 66 орудиях и расположить их от Арзума до Карса, отправить 50 тыс. мушских и ванских курдов при 50 орудиях для взятия Баязета, а 80 тыс. аджарцев при 30 орудиях — на Ахалцых и Гурию. Общая численность турецких войск должна была составить свыше 200 тыс. пеших и конных при 156 орудиях.

Пытаясь упредить русских, по наущению султана аджарский Ахмет-бек вместе с турками перевалили через заснеженные горы, 17 февраля оказались в 15 верстах от Ахалцыха и заняли ближние деревни, окружив их густой цепью, чтобы никто не мог оттуда выбраться. Начались грабежи и резня христиан. Лишь на следующую день Бебутов узнал о случившемся от перебежчика-армянина, чудом выскользнувшего из рук турок. Сообщение об этом послал Паскевичу комендант Хертвисской крепости майор Педиш, известный странной манерой писать так, что только немногие могли читать и понимать смысл его рапортов. Первое, бросившееся в глаза Паскевичу, — «Ахалцых взят турками...», так его поразило, что он скомкал бумагу и бросил ее на пол. Вопреки его убеждению, что зимой турки воевать не станут, а ограничатся на-

летами на беззащитные пограничные селения, они захватили Ахалцых. Все успехи кампании 1828 г. сведены на нет, и надо думать не о новых походах, а о возвращении потерянного, т. е. начать войну сначала.

Срочно были вызваны обер-квартирмейстер корпуса Вольховский и начальник штаба Остен-Сакен. Когда они вошли, Паскевич воскликнул: «Все пропало — Ахалцыха нет!». Вольховский поднял бумагу с пола и, внимательно вчитавшись в письмо Педиша, увидел, что за словами «Ахалцых взят турками» следует — «в блокаду». Было решено в помощь малочисленному гарнизону Ахалцыха направить Херсонский полк Бурцова и сильный Сводный отряд под командованием Муравьева.

Тем временем Ахалцых защищался. Из-за тесноты в крепости лишь 70 армянских и еврейских семей нашли убежище, основная же масса их осталась в городе; 20 февраля противник с разных сторон ворвался в город, где на его сторону перешло большинство мусульманского населения. Начались убийства армян, часть их заперлась в караван-сараях, выстрелами встретила врагов, но не выдержала натиска и была полностью вырезана; несколько сот армян, захваченных у стен крепости, были выведены на плоские крыши домов и для устрашения гарнизона на его глазах медленно заколоты кинжалами.

12 дней и ночей длился штурм крепости. Погода стояла ненастная, шел мокрый снег, перемежающийся с дождем; окопавшиеся, утомленные непрерывной бомбардировкой и приступами неприятеля, русские солдаты и офицеры ежедневно, ежеминутно проявляли чудеса самопожертвования. И Ахалцых выстоял. 3 марта Бурцов, разбив крупный отряд аджарцев, стал продвигаться к крепости. Тем временем ширванцы сделали вылазку, за несколько часов выбив противника из города, и соединились с Херсонским полком. Город был пуст — из многочисленных его жителей остались лишь те 70 семейств, которые находились в крепости.

Финал был обычным: враг, опасаясь возмездия за свои зверства, бежал неудержимо, и лишь небольшое его количество было взято в плен. Оценивая защиту Ахалцыха, В. Потто считает, что она «бесспорно составляет по своему внутреннему смыслу один из высоких военных подвигов. И на Кавказе многие дивились тому, что князь Бебутов не получил Георгиевского креста на шею, а был награжден анненскою лентою» (с. 137). Орден Георгия 4-й ст. был дан лишь одному офицеру:

Отметим также участие в боевых действиях ссыльного декабриста **Александра Карловича Берстеля** (1788—1830) — подполковника, члена «Общества соединенных славян», осужденного по VII разряду и приговоренного по конфирмации к крепостным работам на 2 года; в августе 1827 г. он был определен рядовым в 45-й егер-

ский полк, с октября 1828 г. — в 41-й егерский полк, убит в сражении с джарскими лезгинами в ноябре 1830 г.³⁵.

Вторичное поражение под Ахалцыхом не угомонило турецкое командование. В апреле начались новые нападения. Несмотря на значительное превосходство над русскими, противника постигла та же участь — он был разбит и отброшен. Активными действиями отличились ширванцы во главе с Бебутовым и Херсонский полк Бурцова. В начале мая обстановка несколько разрядилась, но это спокойствие было обманчивым — открывалась кампания 1829 г.

2

4 марта 1829 г. петербургский почт-директор К. Я. Булгаков, знакомый Пушкину, подписал по его просьбе подорожную³⁶ «от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно»³⁷. Поэт знал, что нарушает предписание царя испрашивать у него разрешение на поездки, тем более столь дальнюю и длительную. Но он сознавал, что царь, жандармерия, вся самодержавная власть хотя и могут причинить ему зло, но бессильны перед ним, опасаются его, поэт осознавал свое место в России.

Приехав в Москву, Пушкин 20 марта посетил дом брата К. Я. Булгакова, чиновника по особым поручениям при местном генерал-губернаторе, Александра Яковлевича Булгакова, с которым до этого часто встречался. Дочь Булгакова, узнав о его отъезде в Закавказье, воскликнула:

«— Ах, не ездите! Там убили Грибоедова...

— Будьте покойны, сударыня, — ответил Пушкин, — неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичей? Будет и одного!»³⁸.

Пушкин не скрывал своих планов, и его намерение вскоре стало известно многим, дошло и до Петербурга. Получив об этом сообщение, Бенкендорф распорядился об установлении слежки за поэтом³⁹.

Это была превентивная мера: видимо, Бенкендорф не предпо-

³⁵ Там же, с. 32—33 и 279.

³⁶ Подорожная — письменное свидетельство для поездки куда-либо, удостоверяющее право пользоваться определенным количеством почтовых лошадей (Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1983, т. 3, с. 207).

³⁷ Лит. архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938, с. 5.

³⁸ Рус. архив, 1901, № 11, с. 298—299.

³⁹ Дела III Отделения об А. С. Пушкине. М., 1906, с. 91.

лагал, что Пушкин осмелится самовольно предпринять столь далекое путешествие; не исключено, что шеф жандармов лелеял надежду, что результатом поездки явится поэма, подобная «Полтаве», в которой поэт воспоем Николая I и победы русского оружия на Востоке. Но так или иначе, Бенкендорф не принял никаких мер, чтобы помешать Пушкину осуществить его давнее желание.

Весть о предполагавшейся поездке Пушкина и возможных ее трудностях дошла до Тифлиса. Газета «Тифлиссские ведомости» 26 апреля напечатала следующую заметку: «Мы ожидали давно сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей Кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России». Кстати, эта заметка свидетельствует также о достаточно интенсивной переписке между столицами и Тифлисом, взаимном обмене новостями.

Результатом поездки Пушкина в Закавказье явились очерки «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», увидевшие свет в 1836 г. На истории их публикации, придерживаясь хронологии жизни и творчества Пушкина, мы остановимся в следующей главе, а здесь отметим, что это его единственное произведение, носящее автобиографический характер, своеобразный дневник, по которому устанавливаются конкретные факты его жизни, его непосредственные, прямые отклики на события и лица. В пушкинистике, кроме статей главным образом о творческой истории этих очерков, нет, насколько нам известно, ни одной обобщающей работы; обойдена и их армянская тематика — в лучшем случае упоминаются те пункты на территории Армении, которые посетил поэт.

Это определяет и наш подход к «Путешествию» — и в плане биографии Пушкина, где любая деталь значима сама по себе, и в плане его армянских взаимосвязей.

Из Москвы Пушкин выехал 1 мая. С собой он взял специальную тетрадь, чтобы записывать увиденное и пережитое, ныне она хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за № 841 и получила название «Арзрумской». Как верно замечает Я. Л. Левкович, осознавая, что ему предстоят встречи с людьми, которые вошли в историю и вновь участвуют в исторических событиях, Пушкин решил собрать сведения о их деятельности⁴⁰. Однако делать ежедневные записи в дорожных условиях Пушкину не удалось, наряду с краткими путевыми заметками в «Арзрумскую тетрадь» внесены ва-

⁴⁰ Левкович Я. Л. Кавказский дневник Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983, т. 11, с. 7. См. также: Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум». — Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936, т. 2, с. 57—73.

рианты стихотворений, черновики писем, различные пометы, требующие расшифровки, и т. п. К тому же записи сделаны не от начала к концу тетради, а вразброд, иногда по уже написанному тексту, в ней вырван ряд листов. Все это сделало «Арзрумскую тетрадь» предметом специального изучения в пушкинистике, для нас же она представляет интерес в той степени, в какой дополняет очерки «Путешествия в Арзрум».

Согласно «Путешествию в Арзрум», в первый же день Пушкин отклонился от дороги, ведущей в Тифлис через Курск и Харьков, и направился на Калугу, Белев и Орел, сделав крюк в 200 верст, чтобы повидаться с опальным А. П. Ермоловым, жившим в своей деревне близ Орла. Поэт пошел на этот явно рискованный шаг не только для того, чтобы познакомиться наконец с человеком, поразившим его воображение уже с юношеских лет и занимавшим его все последующие годы, а и потому, что собирался писать его биографию, имея творческие замыслы относительно войн в Закавказье.

Пушкин приехал к Ермолову в 8 ч. утра 3 мая и не застал его дома. От извозчика он узнал, что генерал «ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен» (VI, 641). Через час они встретились, и Ермолов принял его «с обыкновенной своей любезностью». Он произвел сильное впечатление на Пушкина, который не нашел «в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем», и сам несколькими словами описал его колоритную внешность: «Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что не естественна. Когда же он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе» (VI, 641—642).

Впечатление от встречи с Ермоловым, по словам поэта, «замечательным из наших государственных деятелей», было сильное; сама его внешность говорит о том, что это человек необыкновенный, титан, смиривший Кавказ, что проявляется и в его одежде, и в обстановке его комнаты. Но поэт не слепо поклоняется Ермолову, а отмечает его неприятную улыбку, некоторое лукавство и притворство, видимо, ту позу, которую он принимал при встрече с незнакомыми людьми и которая проходила, стоило ему лишь забыться. Тем не менее личность Ермолова явилась Пушкину противоречивой (в нем Грибоедов видел «сфинкса новейших времен»), и это шло не столько от этой их встречи, сколько от распространившегося среди части декабристов мнения, что Ермолов

обманул их ожидания, не двинулся на Петербург, чем мог предупредить аресты, казни и ссылку декабристов⁴¹. И. Фейнберг усматривает противоречивость написанного Пушкиным портрета Ермолова в том, что, с одной стороны, он герой 1812 г., а с другой — усмиритель Кавказа, известный своей жестокостью⁴².

Но, во-первых, политических деятелей судят не по тому, что они могли сделать, а по тому, что они сделали, — и с этой точки зрения обвинения, предъявляемые Ермолову, несостоятельны; во-вторых, Пушкин не только в юношеском возрасте — в «Кавказском пленнике», а и в зрелом — в «Путешествии в Арзрум», отвергая жесткую политику Ермолова, вместе с тем видит и утверждает историческую необходимость присоединения Кавказа (и Закавказья) к России, благотворное, прогрессивное значение этого исторического акта для народов региона.

По общему для обоих — Пушкина и Ермолова — интересу они уделили много внимания недавно закончившейся русско-персидской войне: «Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, перед которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским. «Пускай нападет он, — говорил Ермолов, — на пашу не умного, не искусного только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал» (VI, 642). На это Пушкин передал Ермолову слова графа Толстого⁴³, что «Паскевич так хорошо действовал в персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от него» (там же).

Реплика Пушкина явно свидетельствует не только о его интересе к лицам и событиям войны, проходившей в далекой Армении, а и о том, что все это служило предметом настолько широкого обсуждения, что занимало даже бретера и карточного игрока, каким был Ф. И. Толстой. С мнением последнего Ермолов не согласился и как военный специалист дал объективную и точную оценку действий Паскевича: «Можно было бы сберечь людей и издержки» (там же).

Заметим, эту оценку разделял и Пушкин не только по отношению к русско-персидской, а и русско-турецкой войне, она легла в основу характеристики Паскевича в дореволюционной «Во-

⁴¹ См.: Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985, с. 320—321.

⁴² Там же, с. 321.

⁴³ Федор Иванович Толстой (1782—1846), по прозвищу «американец», в 1828—1829 гг. Пушкин был в близких отношениях с ним и через него сделал предложение Наталье Гончаровой.

енной энциклопедии», которую мы приводили в предыдущей главе. Представляется странным, что в иных работах даже советских историков роковые просчеты Паскевича почему-то обходятся и успех в обеих войнах незаслуженно приписывается ему.

Из разговоров о русско-персидской войне Пушкин вывел заключение, что Ермолов «пишет или хочет писать свои записки» (там же). Спустя 36 лет — в 1865 г. в Москве вышли в свет «Записки Алексея Петровича Ермолова с приложениями», в 2-х частях, но они охватили период 1801—1817 гг.

В беседе были затронуты и другие темы: Ермолов выразил недовольство тем, что Карамзин не довел свою «Историю» России до Петра, когда русский народ совершил переход «из ничтожества к славе и могуществу». О записках князя Курбского Ермолов сказал, что читал их с увлечением; он язвительно отозвался о находившихся на русской службе немцах: «Лет через 50, — сказал он, — подумают, что в нынешнем походе была вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствованная такими-то немецкими генералами», несколько раз касался литературы, а о стихах Грибоедова заявил, что «от их чтения — скулы болят» (там же). Пушкин подчеркивает, что «о правительстве и политике не было ни слова» (там же), хотя, судя по критике деятельности Паскевича, навряд ли можно было миновать Николая I и того вопроса, который Пушкин задал еще в письме к брату 18 мая 1827 г. — «каково вам», в том числе и ссыльным декабристам, при новом главнокомандующем. Не случайно, что, когда позднее М. П. Погодин стал расспрашивать Ермолова о предметах его разговоров с Пушкиным, он категорически отказался говорить об этом⁴⁴.

Два часа пробыл Пушкин у Ермолова, и конечно не все то, что было переговорено между ними, он мог воспроизвести в своих очерках. Опала Ермолова распространялась и на все связанное с ним, и Пушкин, печатая «Путешествие в Арзрум», сделал цензурные сокращения, опустил описание своего свидания с Ермоловым, обозначив пропуски многоточием. В свою очередь и Ермолова очаровал гений поэта. Тогда же он писал Денису Давыдову о посещении поэта: «Был у меня Пушкин. Я в первый раз видел его и, как можешь себе вообразить, смотрел на него с живейшим любопытством. В первый раз не знакомятся коротко, но какая власть высокого таланта! Я нашел в себе чувство, кроме невольного уважения»⁴⁵. Много лет спустя побывавший у Ермолова пушки-

⁴⁴ А. П. Ермолов. Материалы для его биографии, собранные М. Погодиным. М., 1864, с. 413.

⁴⁵ Изв. Отд-ния лит. и яз., 1960, т. 19, вып. 2, с. 144—148.

нист П. И. Бартенев писал: «Как хорош был среброволосый герой Кавказа, когда он говорил, что поэты суть гордость нации...»⁴⁶.

Из Орла Пушкин своротил на Елец; в Новочеркасске поэт неожиданно встретился с декабристом, сыном известного собирателя автографов, открывшего «Слово о полку Игореве», графа А. И. Мусина-Пушкина — В. А. Мусиным-Пушкиным, который также ехал в Тифлис, и они «согласились ехать вместе» (там же).

Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798—1854) — капитан л.-гв. Измайловского полка, адъютант главнокомандующего 1-й армии, являлся членом Северного общества, был арестован в Могилеве и доставлен 6 января 1826 г. в Петербург, помещен в Петропавловскую крепость и по высочайшему повелению после месячного заключения тем же чином отправлен 7 июля 1826 г. в Петровский пехотный полк⁴⁷, а оттуда — в Тифлисский пехотный полк. Пушкин был знаком с ним еще до ссылки на юг и сердечно обрадовался встрече.

16 мая они приехали в Екатеринодар (Краснодар), где к ним присоединился Н. Б. Потокский, автор воспоминаний о поэте⁴⁸, которые хоть и страдают многими неточностями⁴⁹, тем не менее содержат и некоторые достоверные сведения.

По Военно-Грузинской дороге Пушкин и его спутники 18 мая двинулись во Владикавказ, прежнее Кап-Кае.

Наблюдательному поэту бросилась в глаза бедность населения, разорение, царящее вокруг, явившееся следствием кровопролитной войны. Еще с давних времен между горскими народами и Россией существовали братские, добрососедские отношения, русские князья брали в жены горянок и отдавали своих дочерей замуж за горцев. Пушкин замечает: «Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов **Корана**, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ против русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре» (VI, 648). Поэт ясно осознает, что борьба против русских отвечает не исконным интересам горцев, а Турции; Пушкин замечает: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным

⁴⁶ **Бартенев П. И.** Разговор с А. П. Ермоловым. — Рус. архив, 1863, вып. 5—6, с. 440—441.

⁴⁷ Восстание декабристов, т. 8, с. 134 и 360.

⁴⁸ **Потокский Н. Б.** Встречи с Александром Сергеевичем Пушкиным в 1829 г. — Рус. старина, 1880, № 7, с. 375—389.

⁴⁹ **Вейденбаум Е.** Кавказские этюды. Тифлис, 1901, с. 237—239.

нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия» (там же).

Выражаясь современным языком, слова Пушкина означают, что зависимость в экономике горских народов от Турции определяет их привязанности и в политике и в идеологии; разрушив эту основу и завязав с горскими народами экономические и другие связи, Россия сблизит их с собой, тем более что в своем развитии во всех областях она превосходит Турцию.

И это объективная истина, которую пора усвоить и не представлять вхождение народов Кавказа в качестве насильственного завоевания. Пушкин и в данном случае не против той войны, которую вела Россия на Кавказе, он против того, **как она велась**. Он не приемлет ее жестокостей, с какой бы стороны они ни допускались — черкесов или русских. Он пишет: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» (VI, 647) и тут же: «Здесь сторона полна молвой о их (черкесах. — К. А.) злодействах... У них убийство — простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их зарубить своими детскими шашками» (VI, 647—648). Жестоким методам войны Пушкин противопоставляет «самовар», т. е. подъем благосостояния горских народов, Евангелие, т. е. просвещение, и приобщение к мировым ценностям культуры, литературы и искусства.

Это пушкинское понимание целей и задач войны на Кавказе (и в Закавказье) оказалось оправданным исторически, явившись еще одним свидетельством его гениальной прозорливости.

Во Владикавказе к Пушкину и Мусину-Пушкину присоединился граф **Эмилий Карлович Шернваль фон Валлен** (1806—1890), подпоручик Тифлисского полка, причастный к декабристам. В сопровождении конвоя из пехоты и казаков они въехали в Дарьяльское ущелье. Опустим впечатления Пушкина от суровой величавой природы, развалин крепости и монастыря, вызвавшие к жизни такие шедевры, как «Обвал», «Кавказ» и другие, его встречу с отцом классика грузинской литературы Александра Казбеги — князем **Михаилом Габриэловичем Казбеги** (1805—1876) — генерал-майором русской службы. Отметим здесь лишь моменты, имеющие в той или иной степени касательство к нашей теме.

Поражает осведомленность Пушкина в истории, географии и преданиях, связанных с Дарьяльским ущельем, — от свидетельств Плиния до «Путешествия графа И. Потоцкого». Его внимание привлекают турецкие солдаты, надо полагать, взятые в плен в

кампанию 1828 г., занятые на дорожных работах, недовольные русским черным хлебом; это не только не вызывает сочувствия в поэте, а напоминает ему о жалобе одного из приятелей: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; черного хлеба не допросишься!» (VI, 651).

В пути Пушкин познакомился с придворным персидским поэтом Фазиль-Ханом Шейдой, сопровождавшим наследника персидского престола Хосров-Мирзу, ехавшего в Петербург для объяснений по поводу событий в Тегеране, во время которых были убиты Грибоедов и сотрудники русского посольства. Не желая осложнений с Персией, русское правительство всячески избегало этой темы⁵⁰, и Пушкин, отмечая встречу с персидским поэтом, а затем и с кортежем персидского принца, напоминает читателю не только о гибели Грибоедова, но и о преступном безразличии самодержавия к его памяти. На размышление наводило и сопоставление картины едущего в коляске Хосров-Мирзы, предводительствуемого русским офицером, с той сценкой встречи через несколько дней с телом Грибоедова на арбе, запряженной быками, и с возничими, не знавшими, кого они везут.

Современникам было известно, что царь, получив от шаха в подарок драгоценный камень, как бы символизирующий «цену пролитой крови» Грибоедова, посчитал инцидент исчерпанным, еще раз продемонстрировав свою тупую ненависть к лучшим людям России⁵¹.

В этом плане глубокий смысл приобретает стихотворение Пушкина «Благословен твой подвиг новый» (III, 145), в первом черновом варианте: «Благословен и день и час, Когда.. в горах Кавказа Судьба соединила нас», посвященное Фазиль-Хану, с пометой «25 мая. Коби».

Как устанавливается по «Арзрумской тетради», Пушкин прибыл в Коби 25 мая. Переночевав здесь, у самого подножья Крестовой горы, Пушкин и его спутники на другой день «увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили легкую венскую коляску приятеля моего О***» (VI, 654)⁵². То был уже известный нам Николай Николаевич Оржицкий, произведенный в марте 1828 г. в прапорщики и возвращавшийся из отпуска в свою

⁵⁰ Фомичев С. А. Личность Грибоедова. — В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 6—8.

⁵¹ См.: Фесенко Ю. П. Пушкин и Грибоедов..., с. 107—108.

⁵² Здесь и далее в первом издании «Путешествия в Арзрум», называя тех, с кем из декабристов или причастных к ним лиц он встречался, Пушкин обозначает их фамилии лишь первой и последней буквами. Мы их приводим полностью, как это принято в последующих изданиях сочинений поэта.

часть в Нижегородский драгунский полк; позднее Пушкин встречался с ним в палатке Н. Н. Раевского-младшего.

Отослав свою тяжелую петербургскую карету во Владикавказ, Пушкин решил продолжать путь до Тифлиса верхом. Он расстался с В. А. Мусиным-Пушкиным и вместе с подполковником Николаем Гавриловичем Огаревым, командиром роты саперов, двинулся вперед. Поэт видел следы обвала, случившегося в июне 1827 г., засыпавшего тогда ущелье и запрудившего Терек, стал свидетелем малого обвала, услышал рассказы о различного рода происшествиях. На вершине горы стоял гранитный крест, сооруженный в 1817 г. начальником горских народов полковником Канановым в честь Ермолова. Спустившись в Кайшаурскую долину, Пушкин остановился на берегу Арагвы в доме правителя горских народов по Военно-Грузинской дороге Б. Г. Чилиева, участника, как упоминалось, героической защиты крепости Шуша при Цицианове, проводшего несколько месяцев в плену у персов в качестве заложника; у него гостили проезжавшие в Тифлис и обратно путешественники, в их числе и Грибоедов. Пушкин беседовал с «любезным хозяином», видимо, от него узнал о начале военной кампании 1829 г., первых успехах русских войск, о выступлении главных сил под Карс⁵³.

Лишь 26 мая поздно вечером Пушкин доехал до Тифлиса и остановился в гостинице Матиаса в центре города на Эриванской площади (ныне пл. Ленина). За две недели до его приезда начальник штаба Кавказского корпуса Д. Е. Остен-Сакен дал предписание тифлисскому военному губернатору С. С. Стрекалову установить надлежащий надзор за Пушкиным по прибытии его в Грузию и доносить о его поведении ему⁵⁴.

* * *

Тем временем, пока Пушкин находился в пути, турки открыли военные действия, поставив своей задачей овладеть Карсом и Ахалцыхом. В Ахалцых на помощь Бебутову была направлена колонна Бурцова, в резерве находился отряд Муравьева. В составе войск, защищавших Ахалцых, были и четыре полка, образован-

⁵³ В своих воспоминаниях Н. Б. Потокский сообщает о встрече Пушкина в долине р. Арагвы с адъютантом Паскевича И. Е. Фелькерзамом, ехавшим с донесением к Николаю I о победах над турками в Ахалцыхе, и описывает сцену радости по этому поводу с криками «ура» и т. п., однако его рассказ не достоверен по той причине, что упомянутое событие имело место 2 июня.

⁵⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878, т. 7, с. 954.

ных по территориальному принципу: первый — из карабахцев, второй — из жителей Ширванской и Шекинской провинций, третий — из районов Грузии, четвертый — из Нахичеванской области. Четвертый состоял из армян, прежде служивших у персов сарбазами и носивших полуармянскую—полуперсидскую одежду. Командовали полками русские офицеры, сотнями — беки и почетные агалары — титулы, которые носили как азербайджанцы, так и армяне. Были и 12 курдов из Баязета, старшины перешедших под власть России племен, значение которых В. Потто справедливо видел в том, что вокруг них соберутся «мусульмане вновь покоренных турецких земель»⁵⁵.

15-тысячный корпус под командованием Кягья-бека (по турецки кягья — начальник штаба), присоединив войска аджарцев, 19 мая появился у Ардагана. Навстречу им вышел Муравьев, но противник уклонился от боя и ушел в аджарские горы. Паскевич, находившийся в Ахалкалаки, не разрешил Муравьеву преследовать турок, назвав причиной плохие дороги, по которым они отступали. Кягья-бек шел к Ахалцыху, другой отряд под командованием Осман-паши, перейдя Саганлугские горы, стал приближаться к Карсу, а ванский паша — стягивать войска к Баязету.

30 мая Бурцов по совету Бебутова предпринял экспедицию для успокоения возмущившихся при слухах о подходе турок мусульманских деревень и тем самым разминулс с шедшим к нему на соединение Муравьевым, отряд которого оказался под угрозой остаться один на один с турецким корпусом. Посланные Муравьевым гонцы разыскали Бурцова; он выделил три роты и двести казаков при четырех орудиях — большую часть своей колонны — под командой полковника Гофмана, послав их к д. Дигур, а сам решил направиться в Ахалцых за подмогой.

1 июня в 10 ч. утра Гофман подошел к месту назначения. По памятникам старины — церквам, монастырю — можно было понять, что когда-то здесь проживало христианское население. Вдали стояла деревня Чаборио. От Муравьева не было никаких известий, между тем неприятель заметил Гофмана. В 12 ч. турки повели атаку. Три часа «держалась горсть русских под напором шеститысячной конницы, как порыв урагана, она налетала на русские каре и, с размаху ударившись о стену склоненных штыков, с минуту кружилась на месте и, обессиленная, отступала с тем, чтобы повторить удар» (с. 192). В четвертом часу прибыл Бурцов с двумя батальонами и с ходу вступил в бой. На них обрушился почти весь турецкий корпус; выдержав натиск, батальоны Бурцова стали продвигаться вперед. К вечеру появился отряд Му-

⁵⁵ Потто В. Кавказская война... Тифлис, 1883, т. 4, ч. 3, с. 203 (пагинация страниц продолжает 2-ю часть). Далее ссылки в тексте.

равьева, русские бросились в решительную атаку и захватили лагерь противника. Разгром был полный — весь турецкий корпус рассеялся, сам Кягья-бек еле успел бежать в Аджарию. В его палатке нашли его донесение арзрумскому сераскиру, начинавшееся словами: «В то время, как я пишу, русские разбиты наголову, бегут...». На этих словах письмо обрывалось: Кягья-бек не успел его дописать. Говоря о победах при Дигуре и Чаборио, В. Потто отмечает, что Паскевич, получив донесение Муравьева, разразился гневом на Остен-Сакена и Вольховского за то, что они, якобы, удержали его в Карсе и украли у него из рук победу, а когда Муравьев возвратился, вместо благодарности критиковал его за потери, которые на деле были ничтожны (с. 196).

Поражение Кягья-бека разрядило обстановку на правом фланге русских войск. 9 июня главные силы Кавказского корпуса выступили из Карса и расположились в 21 версте от него в селении Катанлы. Здесь собрались 12 300 штыков, 5785 конников, 70 пеших и конных орудий.

* * *

Но вернемся к Пушкину в Тифлис. Подорожная его утратила силу, и по ней продолжать путь было невозможно. Поэт «решился просить у графа Паскевича позволения приехать в армию» (VI, 661). В ожидании ответа Пушкин на другой день отправился в «славные тифлиссские бани». Город показался ему многолюдным, его восточные строения и базар напомнили ему Кишинев. «По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегораживали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах» (VI, 659).

Баня произвела на Пушкина неотразимое впечатление; терщик вызвал такой восторг, что он отметил нотабене: «...шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты в русской бане: знатоки будут благодарны за такое нововведение» (V, 661).

Из лиц, с которыми Пушкин встречался в Тифлисе, он называет редактора «Тифлиссских ведомостей» П. С. Санковского и тифлиссского военного губернатора С. С. Стрекалова. Кроме того, он упоминает умершего в октябре 1828 г. бывшего тифлиссского военного губернатора Н. М. Сипягина⁵⁶.

⁵⁶ Николай Мартемьянович Сипягин (1785—1828), участник Отечественной войны 1812 г., начальник Ген. штаба гвардейского корпуса в 1814—1819 гг., на-

Павел Степанович Санковский (ок. 1793—1832) состоял чиновником особых поручений при Паскевиче и редактировал первую русскую газету в Закавказье «Тифлиссские ведомости», издававшуюся с 1828 г. дважды в неделю на русском, грузинском и персидском (фарси) языках; его заместителем был известный грузинский литературный деятель Соломон Дадашвили (1805—1836), учившийся в петербургском университете, близкий к декабристам, арестованный в 1832 г. и после полуторагодового заключения сосланный в Вятку; в ней сотрудничали А. А. Бестужев-Марлинский, И. Г. Бурцов, В. Д. Сухоруков, Е. Е. Лачинов, Х. Абовян, Аббас-Кули-ага Бакиханов и др. Газета стала одним из культурных центров, группировавших вокруг себя русскую, грузинскую, армянскую и азербайджанскую интеллигенцию не только Тифлиса, а и всего Закавказья, она пользовалась популярностью и в России, ее выписывали и в Петербурге и в Москве, чему свидетельство — письмо Е. Баратынского П. Вяземскому после отъезда Пушкина в мае: «О Пушкине нет ни слуху ни духу, я ничего бы о нем не знал, ежели не прочел в Тифлиссской газете о его приезде в Грузию».

Степан Степанович Стрекалов (1792—1856), генерал-майор, был, что называется, «военная косточка» и верный слуга царя и отечества. Это он 24 октября 1829 г. после отъезда поэта в Россию сообщал шефу жандармов: «Я лично обращал на образ его жизни надлежащее внимание»⁵⁷. Вероятно, с той же целью военный губернатор пригласил Пушкина на обед, что поэт отметил в «Путешествии в Арзрум»: «Генерал Стрекалов, известный гастронном, позвал однажды меня отобедать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлиссского гастронома!» (VI, 664).

О Санковском Пушкин пишет, что он рассказывал ему «много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность» (VI, 661). Кратко изложив историю вхождения Грузии в состав России, Пушкин пишет: «Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают большей образован-

чальник 8-й пехотной дивизии, с марта 1827 г. — тифлиссский военный губернатор, состоял членом ранней декабристской организации «Общество военных людей», основатель газеты «Тифлиссские ведомости». Пушкин встречался с ним в петербургском обществе, написал эпиграмму на его женитьбу (**Черейский Л. А.**, с. 378).

⁵⁷ **Лернер Н. О.** Труды и дни Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910, с. 198.

ности. Они вообще нрава веселого и общежительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчишки поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку» (там же). Отметив, что «голос песен грузинских приятен», приводит несколько их образцов, стихотворение грузинского поэта-романтика Дмитрия Туманова (ум. 1821), говорит о грузинском вине, основываясь на книге Гольденштедта «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа» и собственных наблюдениях, сообщает о месторасположении Тифлиса, его названии, строениях, базаре, изготовляемом оружии (шашках), которое «дорого ценится на всем Востоке», о климате, болезнях, способах лечения больных. Пушкин замечает, что «в Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне: в 1825 году было из здесь до 2500 семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось. Грузинских семейств считается до 1500» (VI, 663).

Для современного читателя последнее требует некоторых пояснений. По грузинскому преданию, записанному автором IX в. Леонтием Мровели и внесенному в книгу «Картлис Цховреба» («Царская книга»), праотцы армян Гайк и грузин Картлос, как и шести других кавказских народов — Бардос, Мовкан, Лекан, Герос, Ковкас, Егрес — были родными братьями; их отец Торгом из рода Ноя разделил свою страну, находящуюся под игом Небровта, между восьмью сыновьями, которые после Вавилонского столпотворения стали говорить на разных языках⁵⁸. Здесь явно прослеживается общность и близость исторических судеб армянского и грузинского народов, уходящая в глубокую древность. Оба народа почти одновременно признали в начале IV в. христианство в качестве государственной религии и до разделения церквей являлись единоверцами-монофизитами. С принятием грузинами в VII в. решений Халкидонского собора и гонениями армянской церкви против собственных диофизитов они стали переселяться в Грузию, где, по словам Н. Я. Марра, даже будучи более грамотными в армянском, чем в грузинском, считались грузинами⁵⁹. Живя рядом друг с другом, армяне и грузины плечом к плечу боролись против агрессии сасанидского Ирана и Рима, Византии и Арабского халифата, монголов и сельджуков, Персии и Турции. И в тех случаях, когда армянам становилось невмоготу на их земле из-за насилия и гнета захватчиков, они уходили в Грузию, обретая в ней свою вторую родину. Так было на протя-

⁵⁸ См.: **Налбандян В. С.** Тбилиси в армянских литературных памятниках древних и средних веков. Ереван, 1961, с. 9.

⁵⁹ **Марр Н. Я.** Аркауи. Монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкидонитах. — Византийский временник, СПб., 1905, т. 12, с. 21.

жении тысячелетий их совместной истории. Грузины и армяне, независимо от их этнической принадлежности и вероисповедания, вместе защищались от вражеских нападений, вместе разделяли радости и страдания. Армяне служили в войсках грузинских царей, в их административном аппарате, возводились в дворянство, наделялись поместьями. Основная масса переселенцев — крестьяне и ремесленники, в какой-то части и торговцы — встречала радужный прием; первые образовывали отдельные деревни, вторые и третьи размещались по роду их занятий в городах. Это привело к скоплению в них армян, в том числе и в Тифлисе. К тому же в результате персидского нашествия летом 1826 г. на северные районы Армении столица Грузии приняла еще одну волну армянских переселенцев. Этим объясняется преобладание числа армян в Тифлисе ко времени приезда сюда Пушкина.

Но существеннее другое — царившая в Тифлисе, ставшем средоточием общественной и культурной жизни народов Закавказья, атмосфера братского единения и дружбы. Ее живым воплощением явилось творчество великого ашуга Саят-Новы — Арутюняна Саядяна (1712/1722—1795), создававшего свои произведения на трех языках — армянском, грузинском и азербайджанском. Вхождение же в состав России Закавказья и появление здесь русских укрепило и углубило этот дух интернационализма, который проник даже в святое святых, оберегаемое церковью и государством, — в семейные отношения. Ограничимся одним примером — семьей Ахвердовых, глава которой Федор Исаевич был армянином, его жена Прасковья Николаевна, урожденная Арсеньева⁶⁰, — русской, их дочь Софья стала женой Н. Н. Муравьева, а воспитывавшаяся в их семье Нина Чавчавадзе, дочь А. Г. Чавчавадзе, грузинка, вышла замуж за Грибоедова. Смешанные же браки в среде грузин и армян имели древнюю традицию, не прекращавшуюся на протяжении веков. Если давали себя знать проявления великодержавного шовинизма или националистических предрассудков, то крайне редко и со стороны самодержавия и реакционеров. Лишь позднее, с появлением местной буржуазии, ее идеологи стали подогрывать и раздувать межнациональные трения, которые, однако, всегда встречали отпор передовой русской и национальной интеллигенции.

Только имея в виду все это, можно понять тот горячий прием, который оказали Пушкину в Тифлисе, и наметить круг лиц, с которыми он встречался.

Пушкин с кем-то съездил в одну из немецких колоний, расположенных недалеко от Тифлиса; их основала Екатерина II из числа переселенцев прибалтийских областей, и они являли своего

⁶⁰ Она была троюродной теткой М. Ю. Лермонтова по матери.

рода достопримечательность края своей образцовой организацией хозяйства, хотя обед и местное пиво Пушкину не понравились. По словам поэта, он «познакомился с тамошним обществом», однако, как мы видели, назвал лишь Санковского и Стрекалова. Эту скудость имен, вероятно, следует объяснить нежеланием Пушкина привлекать к ним внимание тайной полиции, тем паче, что ему кто-то из друзей сообщил об установлении надзора за ним. Пушкин писал родителям, А. А. Дельвигу, П. А. Плетневу, однако сохранился лишь черновик письма Ф. И. Толстому конца мая — начала июня 1829 г. из Тифлиса в Москву, в котором поэт выражает опасение, что попасть ему в действующую армию будет нелегко и нескоро, еще раз возвращается к характеристике Ермолова, сетует на плохие дороги на Кавказе и заканчивает словами: «Теперь прею в Тифлисе, ожидая разрешения графа Паскевича» (X, 260). Крайне мало что можно извлечь из «Семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине» (М., 1890) Льва Николаевича Павлищева — сына сестры поэта Ольги Сергеевны и Николая Ивановича Павлищева: она является компиляцией увидевших свет работ о поэте, хотя и содержит частичные выдержки из неопубликованной семейной переписки; однако в них нет упоминаний конкретных имен.

Некоторые сведения на этот счет имеются в воспоминаниях современников Пушкина. Об одном мы уже говорили — это мало достоверные показания Н. Б. Потокского, которые скорее соответствуют шаблонному обывательскому представлению о несдержанном, экспрессивно бурном поэте, чем реальности. Вымыслом является и свидетельство есаула конной донской артиллерии Петра Григорьевича Ханжонкова (ум. не ранее 1848), записанное с его слов В. Пашковым и опубликованное в газете «Кавказ» (1848, № 182); в частности, о поездке Пушкина в период с 31 мая по 9 июня в Кахетию, в Кар-гач, для свидания с Н. Н. Раевским, пирушках с офицерами Нижегородского полка, между тем достоверно известно, что и полк и его командир уже находились в Карсе.

Доверия заслуживает сообщение **Дарьи Федоровны Харламовой** (1817—1906), падчерицы упоминавшейся Прасковьи Николаевны Ахвердовой от первого брака ее мужа Федора Исаевича Ахвердова. Перечисляя тех, кто бывал у них в доме, она отмечает А. С. Грибоедова, Ал. Ар. Суворова, Н. А. Самойлова, В. К. Кюхельбекера, декабристов Рынкевича и Искрицкого и других; о Пушкине же пишет, что он обедал у них, «хотя это было в смутное для нас время, после смерти Грибоедова»⁶¹.

Таковы и воспоминания **Константина Ивановича Савостьяно-**

⁶¹ Цит. по: Шумит Арагва предо мною... / Сост. В. Шадури; Ред. Т. Буачидзе. Тбилиси, 1974, с. 22 со ссылкой на публикацию И. Л. Андроникова.

ва (1805—1871), воспитанника Московского университета, служившего в Тифлисе коллежским ассессором. С ним Пушкин встречался и позднее — в 1834 г., он переписывался с поэтом, доставляя ему некоторые материалы о Пугачеве. По рассказу К. И. Савостьянова, «общество молодых людей, бывших на службе, было весьма образованное и обратило на себя особенное внимание Пушкина, который встретил в среде его некоторых из своих лицейских товарищей». Правда, несколько преувеличено «особенное внимание» поэта к чиновничьей молодежи, о которой он сам в «Путешествии в Арзрум» пишет так: «Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином ассессорским, толико возжеленным» (VI, 663); однако то, что в Тифлисе Пушкина «приветствовали с восторгом», что «всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник, обед, вечер или завтрак и конечно всякий жаждал беседы с ним»⁶², — учитывая всеобщую популярность поэта, его признание и почитание, любовь к нему и его личное обаяние, более соответствует действительности.

Бесспорным представляется описанный Савостьяновым праздник в «европейско-восточном вкусе», данный местным обществом в честь Пушкина в одном из загородных садов за рекой Курой. «Тут собрани были: разная музыка, песенники, танцовщицы, баядерки, трубадуры всех азиатских народов, бывших тогда в Грузии. Весь сад был освещен разноцветными фонарями и восковыми свечами на листьях деревьев, а в середине сада возвышался вензель с именем виновника праздника. Более 30 единокровных хозяев праздника заранее столпились у входа сада, чтобы восторженно встретить своего дорогого гостя... Тут были и зурна, и тамаша, и лезгинка, и заунывная персидская песня, и Ахало, и Алаверды, и Якшиол, и Байрон был на сцене — все европейское, западное смешалось с восточно-азиатским разнообразием»⁶³.

По словам Савостьянова, Пушкин был «в апотезе душевного веселья», с интересом смотрел танцы, слушал музыку и песни. Затем состоялся ужин, «торжественно провозглашен был тост в честь» поэта, крики «ура!», музыка, пенье, чоканье бокалов, звуки дружеских поцелуев. Поэта посадили «на возвышение, украшенное цветами и растениями, и всякий из нас подходил к нему с заздравным бокалом и выражал ему, как кто умел, свои чувства, свою радость видеть его, благодаря его от лица просвещенных современников и будущего потомства за бессмертные творения, которыми он украсил русскую литературу.

На все эти приветы Пушкин молчал до времени, и одни теп-

⁶² Пушкин и его современники. М.; Л., 1928, вып. 37, с. 144—151. Цит. по: Шумит Арагва предо мною..., с. 18.

⁶³ Там же, с. 18—19.

лые слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он был тогда проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голосов восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодарил нас за то торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым»⁶⁴.

Из рассказа автора можно заключить: что встреча с поэтом была многолюдной, одних «хозяев» насчитывалось 30 человек; что среди них находились не только служившие здесь русские чиновники и военные, а и представители местных национальностей, чем и был вызван «европейско-восточный вкус» праздника; что эти последние или подавляющее большинство их принадлежали к числу тех, кто приобщился к русской литературе и владел русским языком. Поэтому имеются основания утверждать, что организатором праздника в честь Пушкина наряду с русской интеллигенцией явилась также грузинская, армянская и азербайджанская. К сожалению, сегодня мы не располагаем документальными сведениями на этот счет, однако их вероятность исключить нельзя. Так, при интересе поэта к истории Востока можно полагать, что он посетил семинарию Нерсисян, познакомился с ее ректором писателем Арутюном Аламдаряном, профессором Шаган-Джрпетоном и др.

9 июня Пушкин вместо разрешения Паскевича получил записку, видимо с нарочным или оказией, от Раевского: «Он писал мне, чтобы я спешил к Карсу, потому что через несколько дней войско должно было идти далее. Я выехал на другой же день» (VI, 664). Сам Раевский не имел права решить вопрос о приезде Пушкина и получил на то санкцию Паскевича, хотя тот, во избежание неприятностей, сообщил Пушкину о возможности его приезда в действующую армию не самолично, а через Раевского.

3

Пушкин выехал из Тифлиса 10 июня. Сохранился маршрут его пути, написанный рукою Дельвига до его смерти в 1830 г. после возвращения Пушкина из Арзрума. В нем — до Гумри включительно — указаны казачьи посты, где происходила смена лошадей, а от Гумри до Арзрума — населенные пункты, пройденные действующей русской армией; везде обозначено расстояние в верстах между ними. Этот маршрут в писарской копии был включен Пушкиным в состав «Примечаний» к «Путешествию в Арзрум». Однако в нем отмечены не все места, в которых побывал Пушкин;

⁶⁴ Там же, с. 20—21.

они дополняются его очерком, показаниями военных историков, описавших кампанию 1829 г.

Пушкин ехал верхом в сопровождении проводника с вьючными лошадьми. Он был одет в бурку, на голове картуз, завязанный башлыком. Первую остановку он сделал в Телети — в 14 верстах от Тифлиса. В нем проживало 39 армянских и 15 грузинских семейств, имелась армянская церковь из гладкотесанных камней. Затем проехал деревню Коди в 11 верстах от Телети. Ночь он провел на казачьем посту в д. Большие Шулаверы, в его времена входившей в состав Тифлисской губернии, Борчалинского уезда. В ней было 800 домов армян, две церкви, приходская школа, баня. Жители занимались земледелием и садоводством.

На рассвете, переменяв лошадей, Пушкин с проводником проехал пост Самиси (ныне Ак-Корпа) — армянскую деревню в 20 верстах от Б. Шулавер, расположенную на р. Болнис, на северной стороне горы Лалвар, в лесистой местности, славившейся холодной родниковой водой, в которой имелась каменная армянская церковь. Следуя по направлению течения р. Шулавер, Пушкин доехал до так называемого Бабьего моста, откуда начинался труднейший подъем на перевал через гору Лалвар. Туда вела вьючная тропа, служившая для перегона скота на летние пастбища Лори, по которой, кстати, в те времена двигались и путешественники (ныне она заброшена). В середине дня 11 июня, поднявшись на гору, Пушкин вступил на территорию Армении.

«Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении... На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границе Грузии» (там же).

Безобдал Пушкин назвал ошибочно, что давно замечено его комментаторами. Гора, через которую он перевалил, была Акзибеюк, в переводе с тюркского «Большая пасть», по-русски — «Волчьи Ворота», а по имени главной вершины — Лалварский перевал. Отсюда начинается спуск к Лорийской равнине, и по маршрутной карте после Самиси в 19^{1/2} верстах следует казачий пост Акзибеюк, ныне с. Привольное Калининского р-на Армянской ССР, входившее до революции в Борчалинский уезд Тифлисской губернии. Во времена Пушкина там было несколько десятков армянских жителей, сохранились армянские церкви V—VIII вв., свидетельствующие о том, что в средние века на этом месте находилась крепость.

Но если Пушкин допустил неточность в географии, то он точно уловил особенности ландшафта и климата Армении.

«...подо мною расстилались злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлого-

му склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был другой» (VI, 666). Пушкин въехал в Лори — северные ворота Армении. Перед ним лежали развалины города, основанного царем Давидом I Безземельным (правил в 989—1048 гг.) из армянской династии Кюрикидов. Расположен на высоком треугольном плато, защищенном с двух сторон ущельями, с третьей — системой крепостных стен. С 1065 г. Лори — столица армянского Ташир-Дзорагетского царства, возникшего во второй половине X в. В 1188 г. грузинский царь Давид Строитель (правил в 1089—1125 гг.) присоединил Лори к Грузии, и он стал центром зависимого княжества Захарянов. В конце XIV в. разрушен Тамерланом, затем восстановлен и в 1441 г. вошел в состав Картли, в начале XIX в. — в состав России. И поныне сохранились остатки крепостных стен, сторожевых башен, мостов, культовых и гражданских сооружений.

С Лалварского перевала по широкой, осененной деревьями дороге, которая извивалась по горе, Пушкин спустился в Лалварскую долину. Проводник с вьючными лошадьми от него отстал.

«Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами. В рассеянности проехал я мимо поста, где должен был переменить лошадей. Прошло более шести часов, и я начал удивляться пространству перехода» (там же).

Безлюдье объяснялось нашествием персидских полчищ (в июле 1826 г.), угнавших население в Персию и предавших разрушению и пожарам армянские деревни. Более шести часов Пушкин ехал один, не встречая никого, наконец увидел в стороне груды камней, похожие на дома, и отправился к ним.

«В самом деле я приехал в армянскую деревню. Несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли. Я изъяснился кое-как. Одна из них сошла в саклю и вынесла мне сыру и молока» (там же).

Жилища лорийских крестьян представляли полуземлянки, состоявшие из передней, главной (по-армянски «глхатун»), небольшой средней комнаты и кладовой — одной или двух. Имелась входная дверь, всегда выходившая на восток, окно прорубалось в плоской крыше. Вне жилого дома, впритык к нему, находился тондыр, где пекли лаваш. Хлев располагался отдельно, недалеко от дома: местность была лесистой, топили дровами, и отпала необходимость греться за счет тепла животных. Около дома же стояло гумно, стога сена или травы, недалеко — место сбора навоза, который шел на удобрение.

Немного отдохнув, Пушкин пустился далее. И, как пишет он, «на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я

переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое сопровождали в Тифлис» (там же).

Названные Пушкиным приметы подходят скорее к Джалал-Оглы (ныне Степанаван), где сливаются три речки — Дзорает (Каменка, или Черная река), Спитак (Чубухлинка) и Харам джур (в переводе «Поганая вода»), особенно бурные весной и ранним летом. Джалал-Оглы в те времена представлял крепость и по местоположению более походит на описанный Пушкиным «высокий берег». В маршруте так и отмечено — укрепление Джалал-Оглы в 19^{1/2} верстах от Акзибеюка, затем Гергерский пост в 13 верстах от Джалал-Оглы. Помимо этого, Пушкин, продолжая описание своего пути, вновь называет Гергеры, что, как мы видим, полностью соответствует его маршруту. Следовательно, местом встречи Пушкина с телом Грибоедова нужно считать Джалал-Оглы перед въездом в крепость. Напомним, что в персидскую кампанию 1826 г. Джалал-Оглы стал центром обороны русских войск в северной Армении и здесь служили Денис Давыдов, Н. Н. Муравьев и другие знакомые Пушкина.

Следующим пунктом был Гергерский пост в одноименной армянской деревне, в которой в 1831 г. проживало 158 семей. Здесь Пушкин неожиданно встретил графа **Николая Александровича Бутурлина** (1801—1867), ротмистра л.-гв. Уланского полка, адъютанта военного министра А. И. Чернышева. Он направлялся в действующую армию, путешествуя «со всевозможными прихотями». Пушкин отобедал у него, «как в Петербурге», и хотя они положили продолжить путешествие вместе, однако, по словам поэта, «демон нетерпения опять мною овладел»: он пустился «один даже без проводника», ибо «дорога всё была одна и совершенно безопасна» (VI, 668—669).

Но причина отказа Пушкина крылась в другом: видимо, в разговоре Бутурлин проговорился о цели своей поездки в армию — проследить за исполнением приказа Николая I о полной изоляции декабристов.

Из крепости Гергеры путь Пушкина лежал к лесистому подножью горы Безобдал, откуда начинался подъем к перевалу того же наименования, столь памятного русским войскам, проходившим через него в походах на Эривань. Прежняя выючная тропа была превращена в шоссейную дорогу. На спуске с горы Безобдал Пушкин и увидел минеральный ключ. Здесь, недалеко от д. Кшлах, отмеченной в его маршруте как «Кишлекский пост» на расстоянии 19 верст от Гергер, произошла встреча с армянским попом. Между ними произошел любопытный диалог:

«Что нового в Эривани?» — спросил я его. — «В Эривани чума, — отвечал он; — а что слыхать об Ахалцыхе?» — «В Ахалцыхе чума», — отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались» (VI, 669).

Горы остались позади. Перед Пушкиным открылась равнина. «Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу» (там же). Замечание Пушкина о Ширакской равнине свидетельствует о глубоком знании литературы об Армении: среди других армянских областей Ширак славится плодородной землей и умеренным климатом.

Из Кшлаха Пушкин ехал по дороге, на которой находился разрушенный персами два года назад памятник на братской могиле майора Монтрезора и воинов его отряда. Он заехал в армянскую деревню Амамлы (ныне Спитак) на крутом берегу р. Памбак на высоте 1515 м над уровнем моря, где стоял казачий пост. Во времена Пушкина в ней проживало несколько армянских семейств, спасшихся от персидского погрома весной 1826 г. За ней в 15 верстах в маршруте указан пост Бекант, от которого до Гумри 27 верст; в «Путешествии» же промежуточным пунктом между Амамлы и Гумри Пушкин называет Пернике (по-армянски Парни) — большую армянскую деревню, имевшую в 1831 г. 505 жителей, также отстоявшую от Гумри на 27 верст. Однако путаницы здесь нет: в маршруте приведено турецкое название «Бейкант» (правильнее Бекянд), у Пушкина — армянское Парни⁶⁵. В Пернике Пушкин приехал к вечеру. Урядник предупредил его о возможной буре и посоветовал остаться ночевать, но поэт спешил во что бы то ни стало добраться до Гумри.

«Мне предстоял переход через невысокие горы, естественную границу Карского пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надеялся, что ветер, который час от часу усиливался, их разгонит. Но дождь стал накрапывать и шел все крупнее и чаще... Я затянул ремни моей бурки и поручил себя провидению» (там же).

Более двух часов Пушкин в сопровождении казака-проводника ехал под проливным дождем. «Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки и с башлыка, напитанного дождем. Наконец холодная струя начала пробираться мне за галстук, и вскоре дождь меня промочил до последней нитки. Ночь была темная; казак ехал впереди, указывая дорогу» (VI, 669—670).

Дождь перестал, ветер дул с такой силой, что Пушкин быстро просох, хотя «не думал избежать горячки». Лишь в полночь он

⁶⁵ См.: Словарь топонимов Армении и прилегающих областей. Ереван, 1986, т. 1, с. 680. На арм. яз.

достиг Гумри и переночевал в палатке у казаков. «Тут нашел я двенадцать казаков, спящих один возле другого. Мне дали место; я повалился на бурку, не чувствуя сам себя от усталости. В этот день я проехал 75 верст. Я заснул как убитый» (VI, 670).

Проснувшись на заре и выйдя из палатки, Пушкин увидел «снеговую, двуглавую» гору. ««Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...» (там же). Здесь еще одна ошибка памяти Пушкина: из Гумри (Ленинакана) горы Большой и Малый Арарат не видны (их вершины можно наблюдать лишь по дороге из Гумри в Карс в очень ясную погоду). Перед ним возвышалась гора Алагез (Арагац), имеющая четыре главы, из которых со стороны Гумри видны лишь две. Обратим также внимание на приводимую Пушкиным библейскую легенду о Ноевом ковчеге и его слова о вране и голубице — «символах казни и примирения», в которых явно содержится намек на судьбу его друзей-декабристов.

Утром 12 июня Пушкин, торопившийся в лагерь русских войск, стоявший, по его сведениям, в Карсе, выехал из Гумри. «Солнце сияло. Мы ехали по широкому лугу, по густой зеленой траве, орошенной росой и каплями вчерашнего дождя. Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. «Вот и Арпачай»⁶⁶, — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное... Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России» (VI, 670—671).

В описании маршрута, составленном Пушкиным, после Гумри отмечены следующие пункты с постами для смены лошадей: с. Джамумлы — 28 верст, с. Халив-Оглы — 18½ верст, Карс — 21 верста — всего 67—68 верст. Заметим, что исконными жителями этого края являлись армяне, а потому названия населенных пунктов, гор, рек и т. п. были армянскими. За века турецкого владычества топонимика Западной Армении была отуречена, хотя в ряде случаев сохранились ее армянские корни. У Пушкина она дана то в армянском, то в турецком вариантах.

На половине дороги в армянской деревне, выстроенной в го-

⁶⁶ Арпачай — ныне Ахурян, левый приток р. Аракс. Верхнее течение в АрмССР, среднее и нижнее — по границе с Турцией. Переправа по направлению к Карсу находится у нынешнего села Ахурян близ г. Ленинакана.

рах на берегу реки, Пушкин вместо обеда съел «чюрек, армянский хлеб, выпеченный в виде лепешки пополам с золою», который ему не понравился. По пути к нему присоединился молодой турок, «ужасный говорун». Хотя Пушкин не понимал, о чем говорит его спутник, но догадывался, что, приняв его по платью за иностранца, «побранивал русских». Навстречу им попался русский офицер и объявил, что «армия уже выступила из-под Карса» (VI, 671).

Это сообщение вызвало у Пушкина отчаяние: «...мысль, что мне должно будет возвратиться в Тифлис, измучась понапрасну в пустынной Армении, совершенно убивала меня» (там же). Надо полагать, что Паскевич разрешил Пушкину лишь посещение Карса с условием быстрого возвращения обратно, чем следует объяснить столь бурную реакцию поэта на известие, полученное от офицера.

К вечеру Пушкин приехал в турецкую деревню, находящуюся в 20 верстах от Карса. «Соскочив с лошади, я хотел войти в первую саклю, но в дверях показался хозяин и оттолкнул меня с бранью. Я отвечал на его приветствие нагайкою. Турок раскричался; народ собрался. Проводник мой, кажется, за меня заступился. Мне указали караван-сарай; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; не было места, где бы я мог разостлать бурку» (VI, 672). Отказавшись от ночлега и решив продолжать путь, Пушкин потребовал лошадь. Здесь у него возник небольшой инцидент с турецким старшиной, но, показав деньги, он тотчас получил и лошадь, и проводника.

«Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющийся на одной из них. Турок мой указывал мне на него, повторяя: **Карс! Карс!**». Подъезжая к городу, Пушкин мучился беспокойством: «...участь моя должна была решиться в Карсе. Здесь должен я был узнать, где находится наш лагерь и будет ли еще мне возможность догнать армию» (там же).

Под проливным дождем Пушкин подъехал к воротам Карса и услышал русский барабан, бьющий зорю. Часовой принял от него билет и отправился к коменданту, который, продержав Пушкина около получаса под дождем, наконец разрешил пропустить его в город. Въехав в город, Пушкин велел проводнику вести себя прямо в бани, но бани были закрыты. «Дождь ливмя лил на меня. Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговорив с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке. Он повел меня по узкой лестнице во второе жильё своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. Сын велел ей разложить

огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати. Оба брата бывали в Тифлисе и жилали в нем по нескольку месяцев. Они сказали мне, что войска наши выступили накануне и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся против угасающего камина и заснул в приятной надежде увидеть на другой день графа Паскевича» (VI, 673).

Теплое гостеприимство армянской семьи особенно контрастно бросается в глаза после враждебной встречи Пушкина в турецкой деревне. Не только в Карсе, но и в дороге до и после Гумри и в дальнейшем путешествии в Арзрум Пушкин постоянно отмечает дружеское, можно сказать, братское отношение армян к русским, их радость по поводу избавления от турецкого ига и активную помощь русской армии.

Путру Пушкин вместе с младшим из хозяев дома, где он ночевал, пошел знакомиться с городом.

«Осматривая укрепления и цитадель, выстроенную на неприступной скале, я не понимал, каким образом мы могли овладеть Карсом» (VI, 673—674).

Юноша-армянин, сопровождавший Пушкина, рассказывал как умел о военных действиях русской армии, которым он был свидетелем. Заметив в юноше охоту к войне, Пушкин предложил ему ехать вместе в русскую армию. Тот сразу же согласился. Собираясь выехать из Карса, Пушкин послал юношу за лошадьми, однако с ним явился офицер, потребовавший письменного предписания. Такового у Пушкина не было, но он не растерялся. «Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» (VI, 674)⁶⁷.

Через полчаса Пушкин и Артемий (так звался юноша-армянин) выехали из Карса. Артемий скакал возле поэта на жеребце «с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и сражениях» (там же).

Пушкин отмечает, что война оставила тяжелые следы: засеянные хлебом поля были пусты, жителей окрестных деревень угнали турки. Внимательный взор поэта замечает, что «дорога была прекрасна и в топких местах вымощена — через ручьи выстро-

⁶⁷ Этот комический эпизод был опущен в печатном тексте.

эны были каменные мосты. Земля приметно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древнего Тавра) начинали появляться» (там же). Спустя два часа Пушкин увидел с холма русский лагерь, широко раскинувшийся на зеленой равнине р. Карсчай близ деревни Котанлы в 21 версте от Карса. Вскоре Пушкин был уже в палатке Н. Н. Раевского.

* * *

Пушкин приехал вовремя: в этот день, 13 июня, войскам был дан приказ выступить.

«Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждавших о движении, им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как всё прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю» (VI, 675).

Под «молодыми генералами» Пушкин разумеет И. Г. Бурцова и Н. Н. Муравьева, недавно произведенных в генерал-майоры. Споры же касались плана кампании, намеченного Паскевичем. Суть их состояла в том, что путь русского корпуса на Арзрум мог быть осуществлен по двум разветвляющимся от д. Котанлы дорогам — левой и правой, прорезающим Саганлугский хребет, находящимся одна от другой на расстоянии от 2 до 12 верст и вновь соединяющимся после спуска с гор у моста на р. Арак близ д. Кеприкёв. Обе они отмечены в маршруте Пушкина. Движение по левой дороге, называвшейся Минджегертской, было сопряжено с необходимостью подняться на довольно высокий Саганлугский хребет, покрытый густым лесом, где и в июне местами лежал снег, преодолеть множество глубоких и крутых оврагов, что давало возможность туркам устраивать засады. К тому же лагерь турок располагался на ровной вершине хребта, где под началом Гагки-паши находилось 4 тыс. регулярной и 6 тыс. нерегулярной пехоты, 7 тыс. конницы, 17 полевых орудий. Удобное расположение турецких войск давало возможность действовать против русской армии и с флангов и с тыла. Правую дорогу, называемую Зивинской, прикрывал сераскир Арзрума Салех-паша с 30 тыс. войска.

Замысел Паскевича состоял в том, чтобы послать Бурцова по длинной левой, сильно укрепленной и опасной Минджегертской дороге, устроить фальшивую демонстрацию, а самому с главными силами двинуться по правой короткой Зивинской дороге. Очевидно, что это был в высшей степени рискованный шаг, который ставил под угрозу не только отряд Бурцова, но и весь русский корпус; именно этот стратегический план Паскевича и стал предметом обсуждения «молодых генералов» в па-

латке Раевского. Оценивая его, даже осторожный В. Потто пишет: «План был смелый и при неудаче мог поставить Паскевича в безвыходное положение — но другого пути к победе не было» (с. 206).

Спорящим были известны и результаты разведки, произведенной по замыслу Паскевича в ночь на 12-е по Зивинской дороге генералом Ф. А. Бековичем-Черкасским, который, дойдя до подножья хребта, послал влево к лагерю Гагки-паши казачий полк П. Т. Басова (с которым вскоре Пушкин познакомился и в чьем полку провел больше месяца), а вправо — на Зивинскую дорогу — М. И. Пушина. Первый, показавшись на виду у турок и сделав вид, что рекогносцирует местность, как бы нечаянно приблизился к их аванпостам и при стрельбе, поднятой противником, быстро отошел, создав впечатление, что русские нападут с этой стороны. Второй, пользуясь темнотой, прсбрался оврагами вдоль Зивинской дороги вплоть до подошвы Саганлугских высот, не обнаружив никаких турецких разъездов. Это и определило решение Паскевича после нескольких дней бездействия предпринять поход.

В пятом часу пополудни 13 июня корпус выступил из лагеря. «Я ехал с Нижегородским драгунским полком, разговаривая с Раевским, с которым уже несколько лет не виделся. Настала ночь; мы остановились в долине, где все войско имело привал» (VI, 675). Сделав 5 верст, корпус остановился в глухой лошине. Произошло разделение сил: ночью Бурцов во главе Херсонского гренадерского полка, казачьей бригады и 10 орудий двинулся влево по Минджегертской дороге и остановился в 15 верстах от турецкого лагеря. Главные силы корпуса остались на месте. Ночью того же дня Пушкин посетил штаб И. Ф. Паскевича и был представлен главнокомандующему: «Я нашел графа дома перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозревал, что участь похода решалась в эту минуту» (там же).

Это была первая встреча Пушкина с Паскевичем, и поэт с первого взгляда распознал в нем не **полководца**, только что принявшего ответственное решение и озабоченного его осуществлением, а любезного **графа**, заведшего с ним светский разговор. Объектом иронии Пушкина явилось и то, что это был **новоиспеченный** граф, как подчеркивает Ю. Тынянов⁶⁸, незаслуженно присвоивший чужую воинскую славу.

«Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел

⁶⁸ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум», с. 201.

однако время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пушкина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменялись! как быстро уходит время!

Heu! fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni..."⁶⁹.

(VI, 675—676)

Не нужно особой проницательности, чтобы догадаться, кто были эти «старые приятели», окружившие Пушкина, от какого события протекло столь быстротечное время и в чем выразились происшедшие с ними перемены — не столько во внешнем их виде, сколько в общественном их положении. Современники поэта ясно понимали, что речь идет о прошедшем времени начиная с 14 декабря 1825 г., о ссыльных декабристах и об их участи. Нужно было обладать смелостью Пушкина, чтобы, несмотря на строжайший запрет даже упоминать имена «государственных преступников», выпячивать их решающую роль в войне.

О встрече с Пушкиным в своих воспоминаниях сообщает М. И. Пущин: «Однажды, уже в июне месяце, возвращаясь из разъезда, на этот раз очень удачного, до самого лагерного расположения турок на высоте Мелидюза, которое в подробности имел возможность рассмотреть, я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречей с неприятелем, встречей, которой все в отряде с нетерпением ждали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: «Ну, скажи, Пущин: где турки и увижу ли я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!» — «Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр; полагаю даже, что они сегодня вызовут нас из нашего бездействия; если же они не атакуют нас, то я с Бурцовым завтра непременно постараюсь заставить их бросить свою позицию, с фронта неприступную, движением обходным, план которого отсюда же понесу к Паскевичу, когда он проснется».

Живые разговоры с Пушкиным, Раевским и Сакеном (начальником штаба, вошедшим в палатку, когда узнал, что я возвратился), за стаканами чая, приготовили нас встретить турок

⁶⁹ Увы, о Постум, Постум, быстротечные мчатся годы... (лат.). Цитата из оды Горация (кн. 2, ода 14).

грудью. Пушкин радовался как ребенок тому ощущению, которое его ожидает»⁷⁰.

Некоторое расхождение М. Пушина с Пушкиным, что их встреча произошла не в штабе, а в палатке Раевского, отнюдь не снижает достоверности рассказа первого; скорее всего, Пушкин, избегая излишних нареканий на Раевского за то, что его палатка служила местом свиданий с ссыльными декабристами, «перенес» встречу с Пушиным и другими «старыми приятелями» в штаб корпуса. Не забудем, что «Путешествие в Арзрум» вышло в свет в 1836 г. — при жизни Николая I, а воспоминания Пушина, написанные по настоянию Л. Н. Толстого, познакомившегося с Пушиным в Швейцарии в 1857 г., — спустя два года после смерти царя, при Александре II. По всей вероятности, по вызову уже проснувшегося Паскевича в штаб отправились Остен-Сакен, Раевский, Пушин и другие, вместе с ними и Пушкин. По свидетельству М. Пушина, Паскевич не хотел отпускать от себя Пушкина «не только во время сражения», но на привалах, в лагере, и вообще всегда, на всех *gêros*», чтобы затруднить его встречи с ссыльными декабристами⁷¹.

Ночь с 13 на 14 июня Пушкин провел в палатке Раевского. «Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что неприятель сделал нечаянное нападение. Раевский послал узнать причину тревоги: несколько татарских лошадей, сорвавшихся с привязи, бегали по лагерю, и мусульмане (так зовутся татары, служащие в нашей войске) их ловили» (VI, 676).

Пока совершались эти происшествия, отряд Бурцова, расположившийся на ночлег, с целью демонстрации развел огромные костры. Вперед был послан казачий полк, который скрытно пробрался к самым позициям турок. Турецкая конница — почти 5 тыс. всадников — обрушилась на казаков; казаки стали отступать, потянув за собой противника. Отбиваясь то ружейным огнем, то пиками и саблями, казаки не давали туркам обойти себя. Грохот стрельбы, донесшийся до лагеря Бурцова, заставил его бросить в бой всю остальную кавалерию. Завязалась жаркая схватка...

Утром до восхода солнца 14 июня главные силы корпуса двинулись вперед по Зивинской дороге; в 12 верстах от подошвы Саганлугских гор у разоренной армянской деревни пехота сделала привал, а иррегулярная конница — полки, сформированные из местных национальностей, под начальством генерала Г. А. Сергеева, — отправилась дальше. С Г. А. Сергеевым Пушкин позна-

⁷⁰ Пушин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 90—91.

⁷¹ Там же, с. 91; *gêros* — стоянках.

комился на обеде в честь взятия Арзрума, а в архиве поэта сохранились копии донесений Паскевича Николаю I о военных действиях с Турцией с упоминанием Сергеева⁷².

Услышав сильную стрельбу со стороны Минджегертской долины, Сергеев дал знать Паскевичу. На помощь поскакал весь Нижегородский драгунский полк с 6 орудиями, который, соединившись с казаками, поднялся на гладкую безлесную вершину Саганлуга. До турецкого лагеря было 8 верст, и явственно доносился грохот ружейной перестрелки; по направлению выстрелов можно было заключить, что русские отступают. Вдруг турки обнаружили, что с правой стороны их лагеря появились новые русские войска. Потеряв голову, пехота бросилась к ружьям и, не зная, что делать, бесцельно металась взад и вперед; конница, сражавшаяся против отряда Бурцова, стала спешно отступать.

««Откуда взялось ваше войско? С неба оно упало или из земли выросло?» — с изумлением спрашивали пленные, захваченные в этот день казаками» (В. Потто, с. 209).

События этого дня Пушкин описал так: «На заре войско двинулось вперед. Мы подъехали к горам, поросшим лесом. Мы въехали в ущелие. Драгуны говорили между собою: «Смотри, брат, держись: как раз картечью хватят». В самом деле, местоположение благоприятствовало засадам; но турки, отвлеченные в другую сторону движением генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу в десяти верстах от неприятельского лагеря» (VI, 676).

Несколькими штрихами Пушкин набрасывает и картину местности. «Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах.

...nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes⁷³

(Там же)

Зная пылкость Пушкина и его желание во что бы то ни стало принять участие в сражении, его друзья приняли меры предосторожности: «Я просил его не отделяться от меня при встрече с неприятелем, обещал ему быть там, где более опасности, между тем как не желал бы его видеть ни раненым, ни убитым. Раевский не хотел его отпускать от себя, а сам на этот раз, по своему высокому положению, хотел держать себя как можно дальше»

⁷² Черейский Л. А., с. 376.

⁷³ «... и армянская земля, друг Вальгий, не круглый год покрыта неподвижным льдом...» (лат.).

от выстрела турецкого, особенно же от их сабли или курдинской пика, Пушкину же мое предложение более улыбалось. В это время вошел Семичев... и предложил Пушкину находиться при нем, когда он выедет вперед с фланкерами⁷⁴ полка. На чем Пушкин остановился — не знаю, потому что меня позвали к главнокомандующему, который вследствие моих донесений послал подкрепить аванпосты, приказав соблюдать величайшую бдительность; всему отряду приказано было готовиться к действию». Был полдень, и Раевский, Пушкин с братом Львом, Пушин и Семичев сели обедать. Их известили, что подошли турки. «Все мы бросились к лошадям, с утра оседланым. Не успел я выехать, как уже попал в схватку казаков с наездниками турецкими, и тут же встречаю Семичева, который спрашивает меня: не видал ли я Пушкина?»⁷⁵.

Как описывает Пушкин, он «поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину. Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь на седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. «Много ли турков?» — спросил Семичев. — «Свиньем валит, ваше благородие», — отвечал один из них. Проехав ущелье, вдруг увидели мы на склонении противоположенной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большею дерзостью, прицеливались шагах в 20 и, выстрелив, скакали назад. Их высокие чалмы, красивые долиманы и блестящий убор коней составляли резкую противоположность с синими мундирами и простою сбруей казаков» (VI, 677).

15 человек из Донского казачьего полка и его командир подполковник П. Т. Басов получили ранения. «Казаки было смешались. Но Басов опять сел на лошадь и остался при своей команде». Подоспело подкрепление, турки отступили, «оставя на горе голый труп казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсеченные головы отсылают в Константинополь, а кисти рук, обмакнув в крови, отпечатлевают на своих знаменах» (там же). Увиденные потом сцены кровавого боя вызвали к жизни стихотворение «Делибаш»⁷⁶, помеченное в рукописи «Саган-Лу», обработанное 7 сентября 1830 г.:⁷⁷

⁷⁴ Фланкеры (устар.) — дозорные в составе охранения кавалерии.

⁷⁵ Пушин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом, с. 91.

⁷⁶ Делибаш (тур.) — буквально: сорви-голова, смелый до отчаянности.

⁷⁷ Третья строфа в черновой рукописи читалась:

Ты, казак, за делибашем
Не гонися, погоди,
Вмиг мы саблями замашем,
Будешь, будешь впереди.

(III, 466)

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и паш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак, не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблю кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

(III, 140)

Пушкин описывает все эти события в качестве стороннего наблюдателя, а на деле 14 июня стало днем его первого боевого крещения. По свидетельству Н. И. Ушакова, «поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев пред собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке»⁷⁸.

Этот эпизод дополняет Пущин, который поскакал вместе с Семичевым на поиски Пушкина: они нашли поэта «отделившегося от фланкирующих драгун и скачущего, с саблюю наголо, против турок, на него летящих. Приближение наше, а за нами улан с Юзефовичем, скакавшим нас выручать, заставило турок в этом пункте удалиться, — и Пушкину не удалось попробовать

⁷⁸ Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. СПб., 1836, ч. 2, с. 305—306.

своей сабли над турецкою башкой, и он, хотя с неудовольствием, но нас более не покидал, тем более что нападение турок со всех сторон было отражено, и кавалерия наша, преследовав их до самого укрепленного их лагеря, возвратилась на прежнюю позицию до наступления ночи»⁷⁹.

В память о своем участии в этом сражении Пушкин, возвратившись из Арзрума, изображает себя на коне, с копьём в руках, в круглой шляпе и бурке в альбоме московской знакомой Елизаветы Николаевны Ушаковой (1810—1872).

14—18 июня Пушкин провел в палатке Раевского. «Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей и жители земель, недавно завоеванных» (VI, 678).

О национальных частях и их руководителях мы скажем дальше, а здесь отметим, что особое любопытство Пушкина вызвали курды-езиды (езиды, иезиды), которые, по его словам, на Востоке сльвут за дьяволопоклонников. Он приводит сведения об их местожительстве, одежде, обычаях и религии, шутивно выражая радость, что сатане езиды не поклоняются. К отдельному изданию «Путешествия в Арзрум» Пушкин подготовил «Заметку о секте езидов», принадлежавшую миссионеру Маурицио Гардзони в переводе известного французского ориенталиста Сильвестра де Саси, которая была приложена к книге Ж.-Ж. Руссо «Описание Багдатского пашалыка» (1809), откуда и заимствовал ее Пушкин.

16 июня прибыл вагенбург и вместе с ним сопровождавший Пушкина слуга. Поэт отмечает, что «...во все время похода ни одна арба из многочисленного нашего обоза не была захвачена неприятелем. Порядок, с каковым обоз следовал за войском, в самом деле удивителен» (VI, 679).

Несколько карсских армян, ездивших на разведку по Арзрумской дороге, обнаружили на ней присутствие войск Османа-паши. Против них был брошен Карабахский полк. «17 июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели Карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами: полковник Фридерикс имел дело с неприятелем, засевшим за камен-

⁷⁹ Пушин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом, с. 91—92. В примечании от составителей сборника «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» отмечается, что сабля в руках поэта появляется как ошибка памяти Пушина.

ными завалами, вытеснил его и прогнал; Осман-паша, начальствовавший конницей, едва успел спастись» (там же).

Для рекогносцировки Арзрумской дороги к замку Зивин выступил отряд Н. Н. Муравьева, установивший присутствие передовых войск арзрумского сераскира. В этом деле с отличием показал себя ссыльный декабрист Д. А. Искрицкий (В. Потто, с. 216).

* * *

18 июня Пушкин кратко отмечает: «...лагерь передвинулся на другое место» (VI, 679), хотя это был тяжелый день. Войска сераскира расположились на позициях, для взятия которых потребовалось бы много жертв. Чтобы избежать этого, русский корпус сделал обходное движение, пройдя на виду противника 10 верст. Дорога была так узка, что приходилось следовать повозка в повозку, и когда голова обоза достигла ночлега, хвост его лишь трогался с места.

19 июня, едва рассвело, корпус тронулся дальше и в полдень столкнулся с передовыми частями арзрумского сераскира. Колонны пехоты под командованием Муравьева и Бурцова, кавалерийская бригада Раевского (с которой находился Пушкин), казачий и два конных национальных полка первыми вступили в бой. Тяжелее всех пришлось Бурцову: он был отрезан от Муравьева, на него кроме густой толпы войск сераскира налетело 5—6 тыс. из лагеря Гагки-паши. Два батальона Бурцова противостояли 10—12 тыс. турок. Как вспоминал Пущин, «была минута, когда все подумали, что Бурцов пропал: цепь херсонцев была прорвана, за пылью и дымом неясно мелькала масса несущейся кавалерии, но когда дым рассеялся — каре херсонцев стояло, вражеская конница уносилась и скрывалась в ущелье». «Мы все, — пишет Пущин, — закричали «ура!»»⁸⁰.

Блестящую атаку провел Раевский: быстро развернув два дивизиона нижегородцев, две казачьи сотни и конно-мусульманский полк, он обошел левый фланг противника и ударил по нему; турки бросились бежать в д. Каинлы, Раевский их преследовал до подножья горы.

О том, как он провел этот день, Пушкин пишет: «19-го, едва пушка разбудила нас, всё в лагере пришло в движение. Генералы поехали к своим постам. Полки строились; офицеры становились у своих взводов. Я остался один, не зная, в которую сторону ехать, и пустил лошадь на волю божию. Я встретил ге-

⁸⁰ Пущин М. И. Записки. — Рус. архив, 1908, № 12, с. 541.

нерала Бурцова, который звал меня на левый фланг. Что такое левый фланг? подумал я и поехал далее. Я увидел генерала Муравьева, расставлявшего пушки. Вскоре показались делибаши и закружились в долине, перестреливаясь с нашими казаками. Между тем густая толпа их пехоты шла по ложине. Генерал Муравьев приказал стрелять. Картечьхватила в самую середину толпы. Турки повалили в сторону и скрылись за возвышением» (VI, 679—680).

И здесь, как и до этого и дальше, бросается в глаза то, что Ю. Тынянов определил как «объективность рассказа, нейтральность авторского лица», — как бы отказ Пушкина «судить о нерархии описываемых предметов и событий, о том, что важно и что не важно, в итоге чего получается искажение перспективы...». По Тынянову, герой «Путешествия в Арзрум», т. е. сам Пушкин, «никак не «поэт», а русский дворянин, путешествующий по архаическому праву «вольности дворянской» и вовсе не собирающийся «воспевать» чьи бы то ни было подвиги»⁸¹.

Объективность и нейтральность Пушкина имеет, на наш взгляд, другое объяснение: от него ждали прославления Паскевича, а через него — «высочайше направлявшего» из далекого Петербурга войну Николая I. Пушкин отказался от этой роли и вопреки запретам действительно объективно показал тех, кому была обязана Россия выигранными войнами. Именно поза объективности и нейтральности давала возможность Пушкину выполнить эти «сверхзадачи» — иронически, а значит, и реально изобразить Паскевича и стоявшего за ним царя и, ломая цензурные рогатки, изобразить «друзей, братьев, товарищей».

Из пушкинского рассказа о событиях боя складывается впечатление о его некоторой стихийности, отсутствии направляющей воли главнокомандующего, что каждый из военачальников, в меру своих сил и способностей, самостоятельно преодолевает возникающие перед ним трудности. Это подкрепляется тут же приведенным описанием Паскевича. «Я видел графа Паскевича, окруженного своим штабом. Турки обходили наше войско, отделенное от них глубоким оврагом. Граф послал Пушина осмотреть овраг. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп. Все засмеялись. Граф велел выставить пушки и палить. Неприятель рассыпался по горе и по ложине. На левом фланге, куда звал меня Бурцов, происходило жаркое дело. Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородский полк» (VI, 680).

Но это видимость, «кажимость» руководства, ибо не прика-

⁸¹ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум», с. 203.

зания Паскевича направляют ход сражения, а храбрость и отвага солдат и офицеров, решения, принимаемые командирами отдельных частей. Сама атмосфера вокруг Паскевича — шутки и смех, его приказание «выставить пушки и палить» — зачем и с какой целью, неизвестно, подчеркнуто-ироническое «граф» — все это служит развенчанию его как полководца.

* * *

День 19 июня еще не завершился, как от Симонича пришло сообщение, что главные силы сераскира стоят на Арзрумской дороге и заняты укреплением позиций, чтобы дать решительный бой русским, в тыл которых должен был ударить Гагки-паша.

Три колонны русских войск во главе с Муравьевым, Панкратовым и Раевским в 8 ч. вечера выдвинулись разом из лощины перед изумленным противником. Бурцов же своим отрядом запер Ханское ущелье, откуда мог подойти Гагки-паша. Раздалось несколько пушечных залпов из лагеря сераскира, турки, бросив окопы, стали отходить. На них пошла на рысях русская кавалерия, и отступление превратилось в паническое бегство до Зивина, где стояла 18-тысячная турецкая армия. Сам сераскир едва избежал плена, ускакав в сопровождении двух всадников. Цель была достигнута: ключ к укреплениям Гагки-паши находился в руках русских.

Эти события Пушкин описал так: «Около шестого часу войска опять получили приказ идти на неприятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли нас пушечными выстрелами и вскоре зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда Сводный уланский полк переехал бы через меня. Однако бог вынес. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, как вся наша конница поскакала во весь опор» (VI, 680—681).

Пушкин впервые отмечает Сводный уланский полк, составленный из солдат-декабристов, в названии которого в беловике и в печатном тексте по цензурным соображениям слово «Сводный» заменил***. В суматохе Пушкин как-то вырвался из-под надзора опекающих его, оказался в самой гуще сражения и каким-то чудом остался невредим.

Описывая, как «наши татарские полки», чьи лошади отличались «быстротой и силой», преследуют турок, поэт поскакал вместе с ними.

«Лошадь моя, закусив повод, от них не отставала; я насилу мог ее сдержать. Она остановилась перед трупом молодого

турка, лежавшим поперек дороги. Ему, казалось, было лет 18; бледное девическое лицо не было обезображено. Чалма его валялась в пыли; обритый затылок прострелен был пулею» (VI, 681).

Эта картина запечатлелась в памяти поэта и вызвала стихотворение, озаглавленное «Из Гафиза», с пометой «5 июля 1829. Лагерь при Ефрате»:

Не пленяйся бранной славой.
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

(III, 119)

Заголовок «Из Гафиза» — мнимый, в рукописи имеется название: «Шеер I. Фаргат-Беку». «Шеер» по-турецки означает полк, I — первый конно-мусульманский, образованный, напомним, из жителей Карабаха, о чем говорит и фраза «с карабахскою толпой»⁸².

Фаргат-Бек, которому посвящены стихи, — офицер этого полка, чей портрет в профиль, сделанный Пушкиным в альбоме Ел. Н. Ушаковой, им же подписан. Исходя из имени и места службы, некоторые пушкинисты считают Фаргат-Бека мусульманином. Однако наводит на размышление следующий факт: в письме начальника Карабахской области князя И. Н. Абхазова от 20 апреля 1829 г. на имя Н. Н. Раевского по поводу вербовки молодых людей из **бекских** фамилий в кавалерию говорится, что пока особого успеха добиться не удалось, ибо «умы людей встревожены. За всем тем **Мелика-Аслана сын Фороад-бек** обещался **мне записаться в ваш полк**, если только коварный родитель его не отговорит»⁸³. Меликами, как известно, титуловались лишь ар-

⁸² Напомним, что в первом конно-мусульманском полку находились и армяне-христиане; видимо, не случайно в первоначальном варианте этого стихотворения вместо «карабахскою толпой» было «христианскою толпой».

⁸³ Архив Раевских. СПб., 1908, с. 449. Курсив мой. — К. А.

мянские владетели Карабаха, а мусульманские — ханами и пашами; что касается звания «бек» (князь), то оно было распространённым на Востоке, встречалось часто и среди армянской знати того же Карабаха, например талантливый армянский полководец начала XVIII в. Давид-бек, о котором скажем в следующей главе. Можно полагать, что Фаргат-Бек был зачислен в Нижегородский драгунский полк, а в связи с образованием конномусульманских формирований переведен в Карабахский в качестве русского офицера; он бывал в палатке Раевского, где Пушкин общался с ним.

Пушкин продолжает описание событий 19 июня: «Я поехал шагом; вскоре нагнал меня Раевский». Чтобы уберечь поэта от опасности, Раевский написал карандашом на клочке бумаги донесение Паскевичу и отослал с ним Пушкина, который, однако, упрямо следовал за ним. «Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждом шагу». Встретив Полякова, начальника казачьей артиллерии, «игравшей в тот день важную роль», Пушкин вместе с ним прибыл в освобожденную от турок д. Каинлы. Заметим, что в архиве поэта сохранилась копия донесения Паскевича о военных действиях 16—28 июня, в которой упоминается и Поляков.

В деревне Пушкин застал «графа на кровле подземной сакли перед огнем». Он расспрашивал приводимых к нему пленных. «Тут находились и почти все начальники. Огонь освещал картину, достойную Сальватора-Розы... В это время донесли графу, что в деревне спрятаны пороховые запасы и что должно опасаться взрыва. Граф оставил саклю со всею своею свитою» (VI, 681—682). Через четверть часа раздался взрыв, и сакля взлетела на воздух, камнями были раздавлены несколько казаков.

«Вот всё, что в то время успел я увидеть. Вечером я узнал, что в сем сражении разбит сераскир арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-паше с 30 000 войска. Сераскир бежал к Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было рассеяно, артиллерия взята, и Гаки-паша один оставался у нас на руках» (VI, 682).

Скупой рассказ Пушкина охватывает главные эпизоды дня и вечера 19 июня и дает возможность составить представление о степени участия в них поэта. Волей случая или по хотению поэта он всякий раз оказывался в центре событий, там, где происходили наиболее решающие действия. Это подтверждается и свидетельством А. С. Гангелова: «Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы заметили скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове; осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шля-

пу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раевскому»⁸⁴.

В полночь Паскевич собрал генералов и назначил на утро атаку на лагерь Гагки-паши. На рассвете 20 июня русский корпус выступил, ему предстояло пройти 14 верст до лагеря противника у Миллидюза, укрепленного линиями окопов из камня и бревен, с 5 батареями орудий, направленных в сторону наступающих. Было видно, что турки полны решимости дать бой. Казаки перехватили турецкий пикет и из расспросов выяснили, что Гагки-паше ничего не известно о поражении и бегстве арзрумского сёраскира. С этим известием в лагерь турок отправили захваченных пленных. Их рассказ произвел необычайное волнение, и вскоре показался парламентар с белым платком на пике. Ему был заявлен категорический ультиматум: сложить оружие без всяких условий. Не дожидаясь возвращения парламентаря, турки открыли огонь из всех батарей, намереваясь под его прикрытием отступить.

Паскевич дал приказ штурмовать лагерь противника и сам с Эриванским полком пошел на окопы. То было его единственное личное участие в сражении, которое, подтвердив его смелость и храбрость, доказало и то, что весь дальнейший бой проходил без его руководства. Слева от Паскевича с колонной двинулся Панкратов — и объединенными усилиями полупустые неприятельские окопы были захвачены. Турки отступали, на них стала насаждать русская кавалерия — Сводный уланский, Нижегородский драгунский и конно-мусульманский полки под общим руководством Остен-Сакена, окончательно довершившие разгром противника; потери которого составили более 2 тыс. убитых и раненых, около 1200 чел. пленных; остатки 20-тысячной турецкой армии рассеялись по деревням и надолго выбыли из состава ее вооруженных сил. Было взято 16 знамен, среди пленных оказался и сам главнокомандующий — Гагки-паша. В донесении царя Паскевич писал: «Не много можно найти примеров столь полной и совершенной победы, какую войска В. И. В. одерживали в Азиатской Турции». Одновременно он добился снятия с должности начальника штаба корпуса Остен-Сакена, с которым долго враждовал, и сделал выговор Раевскому за то, что кавалерия действовала не столь быстро, как ему хотелось, хотя после бешеной скачки 19 июня кони второй день не были кормлены.

События 20 июня Пушкин изложил так: «На другой день в пятом часу лагерь проснулся и получил приказание выступить.

⁸⁴ Гангеблов А. С. Воспоминания декабриста. — Рус. архив, 1886, № 2, с. 187—188.

Вышел из палатки, встретил я графа Паскевича, вставшего прежде всех» (VI, 683). Он завел непринужденный разговор с Пушкиным по-французски о предстоящем штурме лагеря Гагки-паши как о легкой прогулке. Всем своим последующим рассказом Пушкин опровергает легковесное мнение графа. «Мы тронулись и к осьми часам пришли на возвышение, с которого лагерь Гакипаши виден был как на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всех своих батарей. Между тем в лагере их заметно было большое движение. Усталость и утренний жар заставили многих из нас слезть с лошадей и лечь на свежую траву. Я опутал поводья около руки и сладко заснул, в ожидании приказа идти вперед» (там же).

Выясняется любопытная подробность: ночь Пушкин, подобно всему корпусу, провел, лежа на земле, завернувшись в свою бурку. Из-за задержки обозов в ночь на 20 июня утомленные солдаты и офицеры остались без палаток, хлеба и чая; спали где кто мог на голой земле в своих потертых шинелях. Лишь один из батарейных командиров, возивший на запасном лафете походный шатер, чай, водку и топливо, развел огонь и грел воду. Неожиданно появился Паскевич и, как должно было ожидать, по приглашению занял палатку, лег на ковер и заснул. Даже в этом графу улыбнулась фортуна.

Проснувшись через некоторое время, Пушкин увидел, что корпус пришел в движение: «С одной стороны колонны шли на турецкий лагерь; с другой — конница готовилась преследовать неприятеля. Я поехал было за Нижегородским полком, но лошадь моя хромала. Я отстал. Мимо меня пронесся Уланский полк. Потом Вольховский проскакал с тремя пушками. Я очутился один в лесистых горах. Мне попался навстречу драгун, который объявил, что лес наполнен неприятелем. Я воротился. Я встретил генерала Муравьева с пехотным полком. Он отрядил одну роту в лес, дабы его очистить» (VI, 683—684).

Этот рассказ Пушкина — опровержение реляции Паскевича, посланной царю. На первом плане — Нижегородский драгунский и Сводный уланский полки, Вольховский, Муравьев, об атаке же, возглавленной Паскевичем, — ни слова, не потому, что Пушкин о ней не знал, а потому, что правильно расценил ее как второстепенный эпизод боя; к этому моменту началось бегство турок из лагеря, и главной задачей стало преследование и уничтожение противника.

Пушкин подъехал к лощине и увидел лежавшего под деревом одного из татарских беков, раненного смертельно. Пушкин не называет его имени, но это был знаменитый Умбай-бек, которого год назад за разбой на дорогах схватили и приговорили к виселице, но по прихоти Паскевича помиловали и зачислили в

конно-мусульманский полк, где он совершил ряд подвигов и заслужил прощение. О смерти Умбай-бека написал в «Северной пчеле» находившийся при корпусе военный писатель, ботаник, подполковник Илья Тимофеевич Радожицкий (1788—1861), с которым Пушкин встречался у Раевского и на обеде по случаю взятия Арзрума.

В долине было собрано 500 пленных турок, некоторые из них раненные, которые приняли одетого в штатское поэта за лекаря и просили у него помощи. Подошел тяжело раненный турок. Солдаты, видя его мучения, хотели его приколоть, но Пушкин заступился за него и привел к кучке его товарищей, которые почти все были молодые люди. При пленных находился командир Сводного уланского полка Р. Р. Анреп; он курил из трубки, взятой у турок, несмотря на слухи об открывшейся чуме. Называя Анрепа, Пушкин тем самым указывает на то, что пленные были взяты его полком. Отдохнув немного, Пушкин в чьем-то сопровождении, видимо из нижегородцев, поехал дальше: «По всей дороге валялись тела. Верстах в 15 нашел я Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посреди скал. Преследование продолжалось еще несколько часов. К вечеру пришли мы в долину, окруженную густым лесом, и наконец мог я выспаться вволю, проскакав в эти два дня более осьмидесяти верст» (VI, 684—685).

В день 20 июня Паскевич получил известие, о котором Пушкин, не признавая себя историком этой войны, умолчал. Речь идет о нападении на Баязет 15-тысячного войска ванского паши, что грозило осложнениями для русского корпуса. Об этом еще в марте, затем в апреле—мае Паскевичу сообщали армянские лазутчики. Однако Паскевич отнесся к ним с недоверием, и в результате 20 июня турки ворвались в город и захватили важнейшие пункты его обороны. Немногочисленному гарнизону — всего 1480 штыков — пришлось в течение 10 дней, неся большие потери, отбивать атаки противника. Порой судьба крепости висела на волоске, но благодаря самопожертвованию и героизму ее защитников Баязет удалось отстоять. Отличился армянский батальон, сформированный из местных жителей, заслуживший похвалу командующего русским отрядом генерал-майора Павла Васильевича Попова, по словам В. Потто, «офицера замечательной храбрости и энергии» (с. 300). На его донесение о героизме армян и их верной службе России Паскевич ответил: «...армянам не верьте — их преданность может быть признаком страха», на что Попов возразил: «Армяне столично показали приверженности к нам в опасное время, что я долгом поставляю себе ходатайствовать за них перед вашим сиятельством — они заслуживают доброго о них мнения». К сему В. Потто добавляет: «И Попову удалось поколебать недоверие Паскевича по крайней мере настолько, что в

своих позднейших инструкциях главнокомандующий выражается об армянах гораздо мягче» (с. 313).

Заметим, что мнение Паскевича об армянах разделяла наиболее реакционная часть правящей верхушки, лицемерно прикрывающая фразами об освобождении «христианских братьев» свой великодержавный шовинизм, хотя и она соблюдала некий внешний декорум, выражавшийся, к примеру, в почитании армянской церкви; что же касается передового офицерства и солдат, то они, на деле видевшие помощь и дружбу армян, ценили и уважали их.

Вторжение ванского паши в Баязет, представлявший главную опору русского корпуса на его левом фланге, является примером стратегического просчета Паскевича: имея возможность после разгрома армии Гагки-паши послать помощь защитникам Баязета, он из-за своей обычной нерешительности этого не сделал. Зато в тот же день, не откладывая в долгий ящик, Паскевич отправил со своим адъютантом И. Е. Фелькерзамом и штабс-капитаном князем А. Л. Дадзиановым (Дадзиани) донесение Николаю I об одержанных победах и взятых трофеях. Кстати, воспользовавшись этой оказией, Пушкин передал через них письма родным и знакомым, в частности П. В. Нащокину⁸⁵, в котором писал, что ему для услуг придан особый денщик, что солдаты, видя его, может быть, единственного в статском платье, считают его немецким попом⁸⁶.

21 июня Пушкин с любопытством осмотрел находившегося между пленниками гермафродита, отметив, что «сия болезнь, известная Ипократу, по свидетельству путешественников, встречается часто у кочующих татар и у турков. Хосс есть турецкое название сим мнимым гермафродитам» (VI, 685—686). Пушкин побывал также в палатке взятого в плен Гагки-паши. «Он сидел, поджав под себя ноги и куря трубку. Он казался лет сорока... Отдавшись в плен, он просил, чтобы ему дали чашку кофею и чтоб его избавили от вопросов» (VI, 686).

В тот же день русский корпус двинулся к Арзруму и 23 июня дошел до р. Аракс. О том, что он делал в эти дни, Пушкин не пишет, ограничившись кратким: «Мы стояли в долине. Снежные и лесистые горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли вперед, не встречая нигде неприятеля. Селения были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидели Аракс, быстро текущий в каменистых берегах своих» (там же).

⁸⁵ Павел Воинович Нащокин (1801—1854) — воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском лицее, учился в 1814—1815 гг. вместе с Л. С. Пушкиным, один из близких друзей Пушкина.

⁸⁶ Деятнадцатый век, кн. 1, с. 402.

Правда, за эти дни больших событий не произошло, но отряд Бурцова, отряженный на Зивинскую дорогу, взял крепость Ардост, а Бековича-Черкасского на Минджегертскую — город Хорбсан.

Наиболее примечательное, что привлекло внимание Пушкина, был перекинутый через Аракс мост, «прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах. Предание приписывает его построение разбогатевшему пастуху, умершему пустынноиком на высоте холма, где доньне показывают его могилу, осененную двумя пустынными соснами. Соседние поселения стекаются к ней на поклонение. Мост называется Чабан-Кэпри (мост пастуха). Дорога в Тебриз лежит через него» (там же).

Предание, упомянутое Пушкиным, — армянское, оно приведено у известного армянского историка и географа Г. Инчичяна: «Наши предки, — пишет он, — много раз пытались соорудить мост для обуздания Ерасха (Аракса), который, будучи слишком бурным и диким, разрушал все», но лишь некому пастуху, имевшему «дар соорудителя», удалось так искусно заложить первый камень, что с тех пор основа моста «осталась неколебимой навсегда»⁸⁷.

Эту легенду приводит и В. Потто почти в той же редакции, что у Пушкина, но с уточнением ряда данных, в частности названия деревни, находящейся у самого моста, — Кеприкёв, в месте соединения рек Мурец и Аракс (с. 261). Более пространная редакция предания о мосте пастуха с добавлением любовной истории записана у армянского собирателя устного творчества Е. Лалаяна⁸⁸, в кратком изложении — в книге акад. АН АрмССР А. Ганалаяна «Армянские предания»⁸⁹. Заинтересовался Пушкин и развалинами караван-сарая в нескольких шагах от моста: «Я не нашел в нем никого, кроме больного осла, вероятно брошенного здесь бегущими поселянами» (там же).

Во время ночевки русского корпуса у д. Кеприкёв в лагерь явилась группа армян-старшин, живущих в горах, прося защиты от турок, три дня назад отогнавших у них скот. Командир Сводного уланского полка полковник Р. Р. Анреп, не разобравшись в сути дела, поскакал с одним эскадроном в армянскую деревню и дал знать Раевскому, что в горах находятся 3000 турок. Пушкин, крайне утомленный длительными переходами, но считая себя «прикомандированным к Нижегородскому полку», отправился «на освобождение армян». Проехав верст 20, они въехали в деревню «и увидели несколько отставших уланов, которые спешась,

⁸⁷ Инчичян Г. География чегырех стран света. Венеция, 1806, т. 1, с. 90—91. На арм. яз.

⁸⁸ Нор-Дар (Новый век), 1893, № 3. На арм. яз.

⁸⁹ Ереван, 1969, с. 216. На арм. яз.

с обнаженными саблями, преследовали нескольких кур». Один из жителей деревни объяснил Раевскому, «что дело шло о 3000 волах, три дня назад отогнанных турками и которых весьма легко будет догнать дни через два» (VI, 687).

Несмотря на курьезность этого случая, по нему можно видеть, с какой готовностью русское командование помогало армянам, как и ту практику беззакония, насилия и грабежа, которым подвергалось население Западной Армении со стороны турецких захватчиков. На всем протяжении своего пути — начиная от Карса до Арзрума — Пушкин везде видел следы когда-то существовавшей здесь высокой культуры, пришедшей в запустение и разрушенной в результате не столько войны, сколько варварства турецких властей. Заодно Пушкин выставил в смешном виде и Анрепа, которого считали наушником Паскевича, к тому же страдавшего приступами сумасшествия.

От армянских же старшин стало известно, что в крепости Гасан-Кале, отстоявшей отсюда на 15 верст, при вести о приближении русского корпуса началась паника: ее гарнизон бежал, а сераскир, собрав из окрестным деревень арбы, пытается спасти хотя бы часть имевшихся там запасов. Отряд Бековича-Черкасского налегке двинулся вперед, и вскоре открылась широкая долина и рельефно вырисовывающиеся белые стены крепости. Турки ее покинули, и русские заняли ее без боя, найдя в ней 29 орудий, порох, снаряды и несколько хлебных складов.

О Гасан-Кале Пушкин записал, что он «почитается ключом Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью» (там же). Он посетил баню, «круглое каменное строение, в коем находится горячий железно-серный источник», с круглым бассейном «сажени три в диаметре». Войдя в бассейн, Пушкин вдруг почувствовал головокружение и тошноту и «едва имел силу выйти на каменный край источника». Поэт отмечает, что эти воды славятся на Востоке, однако, из-за отсутствия «порядочных лекарей, жители пользуются ими наобум и, вероятно, без большого успеха» (VI, 688). Он также сообщает, что под стенами Гасан-Кале течет речка Мурц, берега которой покрыты железными источниками, бьющими из-под камней и стекающими в речку. Из слов Пушкина о том, что минеральные воды Гасан-Кале «не столь приятны вкусу, как кавказский нарзан, и отзываются медью» (там же), следует, что он побывал на берегу Мурца и отведал воду источников.

В ночь на 25 июня турки устроили поджог здания, в котором хранился порох, грозивший страшным бедствием, но русские солдаты его потушили. В окрестностях города шныряли шайки отбившихся от войск турок, нападавшие под покровом темноты на русские разъезды. Все это Пушкин опустил, однако с той же

целью показать верноподаннические чувства Паскевича отметил устроенные им 25 июня утром молебствие и обед в честь дня рождения Николая I.

* * *

Со дня приезда Пушкин ночевал в палатке Раевского, куда обычно собирались его «старые приятели». Некоторый свет на то, как проходили эти вечера, проливают воспоминания штаб-ротмистра **Михаила Владимировича Юзефовича** (1802—1889). Он окончил в 1819 г. Благородный пансион при Московском университете, поступил в Чугуевский уланский полк, в котором служил и Л. С. Пушкин; затем перевелся в Кавказский корпус и стал адъютантом Н. Н. Раевского, вместе с ним прошел русско-персидскую и русско-турецкую войны; он встречался с Грибоедовым, Д. Давыдовым, П. Вяземским, Гоголем, состоял в переписке с О. Бальзаком, интересовался литературой.

Знакомство Юзефовича с Пушкиным, по словам мемуариста, произошло «довольно оригинально»: он лежал большой лихорадкой, как вдруг услышал, что «кто-то подошел к палатке и спрашивает: дома ли? На этот вопрос Василий, слуга Льва Пушкина, отвечает, открывая палатку: «Пожалуйста Александр Сергеевич». Юзефович сразу догадался, что приехал Пушкин, которого ждали. После взаимных извинений и любезностей они познакомились⁹⁰.

Юзефович набросал едва ли не лучший портрет Пушкина тех лет: «Как теперь вижу его, живого, простого в общении, хотуна, очень подвижного, даже вертлявого, с великолепными большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как уверяют некоторые, а был вполне белокож и с вьющимися волосами каштанового цвета. В детстве он был совсем белокур, каким остался брат его Лев. В его облике было что-то родное африканскому типу; но не было того, что оправдывало бы его стих о себе:

Потомок негров безобразный.

Напротив того, черты лица были у него приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренско-

⁹⁰ Юзефович М. В. Памяти Пушкина, — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 99—100.

го, похож безукоризненно. В одежде и во всей его наружности была заметна светская заботливость о себе. Носил он и у нас щегольской черный сюртук, с блестящим цилиндром на голове...»⁹¹.

О вечерах у Раевского Юзефович пишет, что они происходили «при условиях, очень благоприятных для сближения между людьми: на босских полях Малой Азии, в кругу близких ему и мне людей, под лагерную палаткой, где все живут нараспашку. Хотя время, проведенное мною с ним, было непродолжительное, всего пять-шесть недель, но зато все почти дни этих недель я с ним проводил неразлучно. Таким образом, я имел возможность узнать его хорошо и даже с ним сблизиться. Он жил с упомянутым выше Николаем Николаевичем Раевским, а я жил с братом его Львом, бок о бок с нашим двадцатисемилетним генералом (Раевским. — К. А.), моим одноклассником, при котором мы оба были адъютантами, но не в адъютантских, а дружеских отношениях, начавшихся еще в Персии»⁹². Продолжая, М. В. Юзефович пишет: «С Пушкиным был походный чемодан, дно которого было наполнено бумагами. Когда речь зашла о прочтении нам еще не напечатанных «Бориса Годунова» и последней песни «Онегина», он отдал брату Льву и мне этот чемодан, чтоб мы сами отыскали в нем то, чего нам хочется. Мы и нашли там тетрадь «Бориса Годунова» и отрывки «Онегина», на отдельных листиках. Но мы этим, разумеется, не удовольствовались, а пересмотрели все и отыскали, между прочим, прекрасный, чистый автограф «Кавказского пленника». Когда я показал Пушкину этот последний, говоря, что это драгоценность, он, смеясь, подарил его мне; но Раевский, попросив у меня посмотреть, объявил, что так как поэма посвящена ему, то ему принадлежит и чистый автограф ее, и Пушкин не имеет права дарить его другому. Можно себе представить мою досаду! Я бросился отнимать у Раевского, но должен был уступить его ломовой силе. После Раевский, взяв с меня честное слово возвратить, дал мне эту рукопись, чтоб выписать из нее места, пропущенные в печати»⁹³.

Из многих подробностей о Пушкине, приводимых Юзефовичем, заслуживает внимания его сообщение, что «...он объяснял нам довольно подробно все, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов»⁹⁴. На

⁹¹ Там же, с. 100.

⁹² Там же, с. 99.

⁹³ Там же, с. 106.

⁹⁴ Там же, с. 107.

это указывает и план «Онегина», содержащийся в следующих строках романа:

Рисуй и франтов городских,
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
И келью и харем⁹⁵.

Мысль о том, что Пушкин предполагал завершить путь своего героя среди ссыльных декабристов в Закавказье, высказывал и Б. М. Томашевский. «Вероятно, — писал он, — гибель на Кавказе не противопоставлялась декабризму Онегина, по-видимому, он попадает на Кавказ в результате участия в тайных обществах»⁹⁶. Это более чем вероятно, если иметь в виду то место, которое заняли в жизни Пушкина и декабристы и войны на Востоке.

Из тех, кто бывал в палатке Раевского и с кем Пушкин общался, Юзефович называет и графа **Захара Григорьевича Чернышева** (1796—1862; он являлся родственником поэта), ротмистра Кавалергардского полка, до этого учившегося в муравьевской школе колонновожатых; он был членом Южного общества, арестован и доставлен в Петропавловскую крепость, осужден по VII разряду на 2 года каторжных работ, срок сокращен до года, поступил в Нерчинские рудники и по отбытии срока в апреле 1827 г. обращен на поселение в г. Якутск, где жил некоторое время с А. Бестужевым-Марлинским, в апреле 1828 г. определен рядовым в Нижегородский драгунский полк⁹⁷.

Из Гасан-Кале русский корпус выступил к вечеру и 26 июня был уже в 5 верстах от Арзрума. Паскевич отправился осматривать местность: «Турецкие наездники, целый день кружившиеся перед нашими пикетами, начали по нем стрелять. Граф несколько раз погрозил им нагайкою, не переставая рассуждать с генералом Муравьевым» (VI, 688).

Стало известно, что население Арзрума требовало добровольной сдачи города. Пушкин отмечает, что прибежавший в город после своего поражения сераскир распустил слух о совершенном поражении русских, однако прибывшие вслед за ним отпущенные пленники доставили жителям воззвание графа Паскевича.

⁹⁵ См.: Герстман С. О предполагаемом плане окончания «Евгения Онегина». — Учен. зап. Казанск. гос. ун-та им. С. М. Кирова, Алма-Ата, 1969, т. 34, вып. 3.

⁹⁶ Томашевский Б. М. Десятая глава «Евгения Онегина». — Лит. наследство. М., 1934, т. 16—18, с. 387.

⁹⁷ Восстание декабристов, т. 8, с. 204 и 419—420.

«Беглецы уличили сераскира во лжи. Вскоре узнали о быстром приближении русских. Народ стал говорить о сдаче. Сераскир и войско думали защищаться. Произошел мятеж. Несколько франков были убиты озлобленной чернию» (VI, 688—689).

В Арзруме и в окружающих его деревнях проживало до 90 тыс. армян. Армянскую церковную епархию пашалыка возглавлял архиепископ **Карпет Багратуни** (1779—1856), которого В. Потто называет одной из «замечательных личностей» того времени, подкреплявшей народ «своим влиянием» и воодушевлявшей его «собственным самоотвержением» (с. 478). В «Армянской советской энциклопедии» общественная и культурная деятельность Карпета Багратуни справедливо расценена весьма положительно, и он причислен к ряду лиц, сыгравших выдающуюся роль в спасении населения Западной Армении от турецкого ятагана, в укреплении русско-армянской дружбы и братства^{9*}.

В. Потто приводит биографию Карпета Багратуни и связанные с нею народные сказания; о его тяжелом детстве, поступлении в монастырь, где он получил первоначальное образование, продолженное затем в Константинополе, рукоположении в вардапеты (архимандриты) в 1801 г. и в архиепископы в 1811 г., назначении тогда же предводителем арзрумской епархии. К этому времени все армянские монастыри были реквизированы турками за недоимки; Карпету удалось организовать сбор средств и выкупить их, сплотить армянскую общину и по мере сил противодействовать произволу и насилиям местных турецких властей; его не раз заключали в тюрьму и даже приговорили к повешению, но силой духа он побеждал турок.

Положение армян и Карпета особенно ухудшилось после начала русско-турецкой войны и взятия Ахалцыха. «Арзрумские турки, — пишет В. Потто, — по природной своей недоверчивости, стали искать различных суеверных причин, чтобы предать мечу всех христиан, опасаясь, чтобы они не перешли на сторону русских и еще более не ухудшили бы их положение» (с. 482). Карпета арестовали и доставили к сераскиру; его обвинили в том, что в субботний день армянские ремесленники и торговцы заперли свои лавки, в чем усмотрели попытку составить заговор против султанского правительства: архиепископа приговорили к смерти, за чем должны были последовать погром и резня армян. Спасла случайность — один из турецких сановников предложил послать армян во главе с Карпетом на сооружение окопов вокруг города. За 4 месяца — и в будни и в праздники — тысячи армян возвели громадные сооружения, причем средства на их прокормление были отнесены на счет армянской церкви.

^{9*} АСЭ. Ереван, 1979, т. 5, с. 305. На арм. яз.

Чем ближе подходил русский корпус к Арзруму, тем невыносимее становилось преследование армян: «...многие из них были убиты разъяренной чернью; многие дома и лавки разграблены» (В. Потто с. 486). Несмотря на террор и угрозу смерти, архиепископ Карапет отправил письмо Паскевичу, указав в нем слабые стороны городских укреплений, на которые могла быть произведена атака. «Это письмо, — отмечает В. Потто, — было первое, которое раскрыло перед Паскевичем картину внутреннего состояния города и много способствовало его настойчивости в ведении переговоров» (там же). Когда же русский корпус подошел к стенам Арзрума, армяне, пользуясь связями с турецкими старшинами, стали уговаривать их и самого сераскира мирно сдать город. Это привело к тем волнениям и убийствам, которые отметил Пушкин. Продолжая, он пишет, что 26 июня «явились депутаты от народа и сераскира; день прошел в переговорах; в пять часов вечера депутаты отправились в Арзрум, и с ними генерал князь Бекович, хорошо знающий азиатские языки и обычай» (VI, 689).

Опустим подробности поездки Бековича в город, попытки фанатиков убить его, подлость и коварство сераскира, отправившего из Арзрума все свои богатства и намеревавшегося спастись бегством, согласие последнего на капитуляцию, бунт гарнизона форта Топ-Даг, который русские войска взяли приступом.

День 27 июня довольно точно воспроизведен у Пушкина: «...утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-Даг был занят». Пушкин поехал туда с Юзефовичем. У оставленной батареи они нашли Паскевича с его свитой. «С высоты горы в долине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Граф был верхом. Перед ним на земле сидели турецкие депутаты, приехавшие с ключами города. Но в Арзруме заметно было волнение. Вдруг на городском валу мелькнул огонь, закурился дым, и ядра полетели к Топ-Дагу (там же).

Несколько ядер пролетело над головами стоявших на валу; Паскевич обратился к Пушкину по-французски: «Смотрите, какковы турки... никогда нельзя им доверяться». Прискакал Бекович и объявил, «что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводительством Топчи-паши овладели городскими батареями и бунтуют». Подъехали генералы, «прося позволения заставить замолчать турецкие батареи. Арзрумские сановники, сидевшие под огнем своих же пушек, повторили ту же просьбу». Паскевич, несколько помедлив,

«дал повеление, сказав: «Полно им дурачиться». Тотчас подвели пушки, стали стрелять, и неприятельская пальба мало-помалу утихла. Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя развилось над арзрумской цитаделью» (VI, 689—690).

По свидетельству очевидцев, в момент вручения Паскевичу ключей «из города показались еще какие-то два всадника: оба они были в монашеской одежде и один из них держал в руках серебряное распятие. Это был знаменитый армянский архиепископ Карапет. Как христианский пастырь, он не мог принять участие в общей депутации мусульманского города и ехал один, сопровождаемый только монастырским слугою. Поднявшись на Топ-даг, он с высоты холма благословил христианское войско и приблизился к Паскевичу. Главнокомандующий с благоговением приложился к святому кресту, обнял маститого архиепископа...» (В. Потто, с. 490).

Судя по тому, как описывает прибытие к русскому корпусу армянского архиепископа очевидец этого события Н. И. Ушаков, а также по отношению к нему В. Потто, он был известен и популярен среди русского офицерства, следовательно, о нем знал, а быть может, и встречался с ним и Пушкин. И это тем более, что архиепископ Карапет присутствовал на всех торжествах по случаю взятия Арзрума и на обеде, данном Паскевичем 7 июля 1829 г., на котором был и Пушкин.

Пушкин с Раевским поехали в город. «Турки с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Християн! Християн!..» (VI, 690). При въезде в крепость Пушкин с изумлением встретил «моего Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения» (там же).

Первые впечатления были таковы: «Улицы города тесны и кривы. Дома довольно высоки. Народу множество, — лавки были заперты» (там же). Вернувшись в Москву, Пушкин занес в альбом Ел. Н. Ушаковой рисунок Арзрума, совпадающий с его описанием в его очерке, и под ним подписал: «Арзрум, взятый помощью божьей и молитвами Екатерины Николаевны 27 июня 1827 года»^{99—100}. После слова «взятой» одной из сестер Ушаковых дополнено: «мною А. П.».

Пробыв два часа в городе, Пушкин возвратился в лагерь и узнал, что тут находятся сераскир и четверо пашей, взятые в плен. «Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун,

^{99—100} Здесь описка вместо: 1829.

«с живостью говорил нашим генералам». Увидев Пушкина во фраке, «спросил, кто я таков. Пушкин дал мне титул поэта. Цаша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика: «Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем, как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются» (VI, 690—691).

Пушкин пошел взглянуть на сераскира; у входа в палатку, он встретил «его любимого пажу, черноглазого мальчика лет четырнадцати, в богатой арнаутской одежде. Сераскир, седой старик, наружности самой обыкновенной, сидел в глубоком унынии» (VI, 691). Волей случая при выходе из палатки Пушкин увидел «молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиной в руке и с мехом (outré) за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был брат мой дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали» (там же).

4

Пушкин пробыл в Арзруме с 27 июня по 19 июля. Этим дням отведена последняя глава очерков, всего несколько страничек. Пушкин приводит краткую справку об Арзруме, который, по его словам, неправильно называют Арзерум, Эрзрум, Эрзрон, добавляя, что «никакого исторического воспоминания» с именем города не соединяется. «Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человеческих» (VI, 692)¹⁰¹. Основание города Пушкин относит к 415 г. и связывает это с византийским императором Феодосием II (408—450), именем которого и был назван Феодосиополь.

Арзрум являлся одним из крупных городов древней Армении. Еще в III в. до н. э. на Эрзрумском плато существовали армянские поселения с городом Карин в эпоху армянской династии Аршакидов (62—428 гг.), в их царство входила область Карин с одноименным центральным городом. С падением этой династии и разделом Армении в 387 г. Карин отошел к Римской империи, и в 421 г.

¹⁰¹ Речь о персонаже из английского романа Морьера «Приключения Гаджи-Баба Испаганского» (1824), переведенного в 1830 г. на русский О. Сенковским под заглавием «Гаджи-Баба из Испгани». Здесь рассказывается (III ч., 7 гл.), что персидский посол, бывший проездом в Арзруме, поймал обокравшего его скорохода и приказал отрезать ему уши, однако слуги обманули его, показав вместо ушей беглеца два кусочка козлятины (VI, 812).

Феодосий II, учитывая значение города на границе с Ираном, укрепил его стены, построил новую крепость и назвал его своим именем.

В V — первой половине VII в. Карин стал яблоком раздора между Византией и Ираном, попеременно переходя из рук в руки. В 647 г. город захватили арабы, переименовав его в Калакала. В 752 г. византийский император Константин V (741—775) отвоевал город у арабов, восстановил его прежнее наименование, переселил армян-ремесленников в Константинополь. С 885 г. Карин вновь вошел в состав армянского царства — им владела царская династия Багратидов до 949 г., когда им завладела Византия. В 1049 г. сельджуки разорили армянский город Ару, часть жителей которого переселилась в Карин. Они назвали город именем своего прежнего места жительства, добавив к нему «рум», т. е. находящийся на территории Византии — «ромеев» (по-арм. пром.). В дальнейшем Арзрум попадал под власть монголов (XIII в.), туркменских племен Кара-Коюнлу (XV в.), в 1514 г. — турок.

Но если о прошлой истории Арзрума Пушкин ограничился краткой справкой, то о современном состоянии города он приводит довольно много сведений. «Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты» (VI, 692).

Пушкин отмечает, что через Арзрум проходит главная сухопутная торговля между Европой и Востоком, хотя в самом городе товаров продается мало, и царит ужасающая бедность. «Климат арзрумский суров. Город выстроен в долине, возвышающейся над морем на 7000 футов¹⁰². Горы, окружающие его, покрыты снегом большую часть года. Земля безлесна, но плодородна. Она орошена множеством источников и отовсюду пересечена водопроводами. Арзрум славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от города. Но фонтанов везде множество. У каждого висит жестяной ковшик на цепи, и добрые мусульмане пьют и не нахвалятся. Лес доставляется из Саган-лу» (VI, 693).

Пушкин сообщает, что в арсенале найдено множество старинного оружия времен Крестовых походов, описывает мусульманское кладбище, находящееся за городом, его памятники в виде столбов, убранных каменными чалмами. «Гробницы двух или трех пашей отличаются большей затейливостью, но в них нет ничего изящного: никакого вкуса, никакой мысли...» (там же). Он замечает, что нововведения турецкого султана не дошли до

¹⁰² 2133,6 м.

Арзрума и что «между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвой». Пушкин приводит начало сатирической поэмы, якобы сочиненной янычаром Амином-Оглу, но на самом деле принадлежащей ему:

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованной пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут — и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил, —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

В нем веры чистый жар потух,
В нем жены по кладбищам ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум;
Не спим мы в роскоши позорной
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Святые воды нас поят;
Толпой бестрепетной и резвой
Джигиты наши в бой летят;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены там сидят.

(VI, 694—695)

В Арзруме Пушкин жил во дворце сераскира, в комнатах, где находился гарем. Здесь же помещался штаб Паскевича. «Целый день бродил я по бесчисленным переходам из комнаты в комнату, с кровли на кровлю, с лестницы на лестницу. Дворец казался разграбленным; сераскир, предполагая бежать, вывез из

него что только мог» (VI, 695). Днем он разгуливал по городу, а вечера проводил «с умным и любезным» Василием Дмитриевичем Сухоруковым: «...сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностью и удачей» (там же).

В штабе Паскевича Пушкин видел мушского пашу Ибрагимбека, который вел переговоры с Паскевичем о назначении его на место ушедшего с турками племянника; познакомился с «славным Бей-булатом, грозой Кавказа», возглавившим восстание горских племен на Сев. Кавказе и в 1829 г. перешедшим на сторону русских, чей приезд в Арзрум очень обрадовал Пушкина, усмотревшего в этом поруку «в безопасном переезде через горы и Кабарду» (VI, 696).

Однажды за обедом у Паскевича пошел разговор об удивительном порядке в городе, занятом 10 000 войска, «в котором ни один из жителей ни разу не пожаловался на насилие солдата». В этой связи Паскевич вспомнил об оставшемся в городе гареме отосланного в Тифлис Османа-паши. Он приказал «г. А.¹⁰³ съездить в дом паши и спросить у его жен, довольны ли они и не было ли им какой-нибудь обиды» (там же). Пушкин попросил позволения съездить и ему; с ними был переводчик, русский офицер, история которого весьма любопытна: 18-ти лет он попал в плен к персам, был оскоплен и более 20 лет прослужил евнухом в гареме одного из сыновей шаха. «Он рассказывал о своем несчастье, о пребывании в Персии с трогательным простодушием. В физиологическом отношении показания его были драгоценны» (VI, 696—697). Во дворце их приветливо встретил «старик с белой почтенной бородою, отец Османа-паши», который благодарил от имени жен Паскевича. Однако г. А. заявил, что послан к женам паши и от них ждет ответа. Это вызвало негодование старика, отказавшегося выполнить это требование, ибо, «если паша, по своем возвращении, проведает, что чужие мужчины видели его жен, то и ему старику и всем служителям харема велит отрубить голову» (VI, 697). Видимо, не без просьб Пушкина А. проявил настойчивость, и их привели к гарему. Пушкин был доволен: он увидел то, что «удавалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа» (VI, 698).

Все эти происшествия описаны Пушкиным без указания дат, однако по записям арзрумского дневника устанавливается, что они имели место до 12 июля. Первая в нем дата — 14 июля, когда он посетил народную баню «и не рад был жизни. Я прокли-

¹⁰³ Офицеров, фамилии которых начинались с этой буквы, при Паскевиче было несколько, и данных для установления, кого имел в виду Пушкин, нет.

нал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!» (VI, 698—699). Возвратившись во дворец, он узнал от стоявшего в карауле П. П. Ковновицына, что «в Арзруме открылась чума» (VI, 699); Пушкину представились «ужасы карантина», и он решил в тот же день оставить армию и возвратиться в Россию. Желая рассеять тяжелое настроение, поэт отправился погулять по базару и остановился перед лавкой оружейника; кто-то ударил его по плечу, обернувшись, он увидел нищего. «Он был бледен как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого и воротился домой очень недовольный своею прогулкою» (там же). Однако любопытство взяло верх, и на другой день Пушкин в сопровождении лекаря отправился в лагерь зачумленных. К нему из палатки вывели больного, чрезвычайно бледного и с трудом державшегося на ногах. Осмотрев чумного и пообещав ему скорое выздоровление, Пушкин увидел двух турок, которые держали его под руки, раздевали, щупали, «как будто чума была не что иное, как насморк. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости в присутствии такого равнодушия и поскорее возвратился в город» (там же).

Впечатления от посещения чумного лагеря отразились в стихотворении «Герой», посвященном Наполеону, написанном через год:

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней...

(III, 199)

Сообщая о своем пребывании в Арзруме, Пушкин будто нарочно обошел дальнейшие события войны, хотя его слова о грозящей русскому корпусу опасности свидетельствуют, что он был полностью о них осведомлен (в чем мы убедимся и из написанного им в 1835 г. «Предисловия»).

3 июля Паскевич направил в Байбурт, стоявший на рубеже Лазистана, населенного воинственным племенем лазов, из которых турки могли образовать ополчение против русских, отряд Бурцова. 5-тысячный турецкий гарнизон оставил город без боя, и депутация горожан, являвшихся в древности переселенцами из Грузии и говоривших по-грузински, преподнесла Бурцову ключи от крепости. 4 июля для оказания давления на мушского пашу выступил отряд полковника Лемана, который, также не встретив сопротивления, занял соседний санджак Хнус.

Паскевичу казалось, что он твердой ногою стоит в завоеван-

ном крае. Он решил проучить лазов и необдуманно приказал Бурцову предпринять рейд в глубь Лазистана. 19 июля русский отряд подошел к с. Харт, раскинутому на крутых высотах и охраняемому несколькими башнями, обнесенному бревенчатым забором и колючею засекой: углубленный же в землю лабиринт грузинских саклей, недоступных пожару, представлял такую твердыню, что небольшой отряд Бурцова мог в нем затеряться.

Царила мертвая тишина, но едва русская пехота бросилась на приступ, как была встречена метким ружейным огнем. Три русские роты не смогли сломить отчаянной защиты тысячного противника; к тому же в тылу русских появились новые толпы неприятеля. Бурцов с армянской сотней из 2-го конно-мусульманского полка пытался отбить их, однако был вынужден отступить.

Положение отряда Бурцова становилось критическим; и тут подоспели шедшие другой дорогой две роты Херсонского полка при 4 орудиях. Теперь уже лазы, оставив селение, уходили в дальние горные деревни. Во время преследования Бурцов получил смертельную рану, и русские остановились, затем медленно отошли к Байбурту. День 19 июля стоил русским одного генерала, 13 офицеров и более 300 солдат¹⁰⁴. Даже В. Потто, зачастую оправдывавший Паскевича, отнес за счет его пассивности гибель Бурцова и потери русских войск в сражении при Байбурте (как и до этого при защите Баязета).

Бурцова привезли в Байбурт, где он скончался. Тело его было отправлено в Гори, где жило его семейство. Его похоронили внутри православного собора, на могиле гранитная плита, рядом на мраморной доске надпись: «Господь спаситель мой — кого убоюсь?». Откликнулась и газета «Тифлиссские ведомости», поместившая 9 августа 1829 г. корреспонденцию с описанием сражения и последних дней Бурцова.

Пушкин сразу же понял значение происшедшего события и опять-таки, сохраняя позицию объективного наблюдателя, не вмешивающегося в военные дела, пишет, что, придя 19 июля проститься с Паскевичем, «нашел его в сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть губительно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю и окруженного неприятельными народами, готовыми восстать при слухе о первой неудаче. Итак, война возобновлялась!» (VI, 700).

Прощаясь с Пушкиным, Паскевич стал лицемерно уговари-

¹⁰⁴ Ушаков Н. И. История военных действий в Азиатской Турции..., ч. 2, с. 190—201.

вать его остаться и «быть свидетелем дальнейших предприятий. Но я спешил в Россию...» (там же). Однако есть свидетельства, что именно главнокомандующий потребовал незамедлительного отъезда поэта ввиду его встреч с ссыльными декабристами. При расставании Паскевич подарил ему турецкую саблю. «Она хранится у меня памятником моего странствования вослед блестящего героя по завоеванным пустыням Армении»¹⁰⁵ (там же).

Называя Паскевича «блестящим героем» в момент, когда был убит Бурцов и русская армия оказалась в тяжелом положении, Пушкин вложил в этот эпитет такой убийственный сарказм, который свел на нет все мнимые заслуги лицемерного царедворца.

21 июля Пушкин оставил Арзрум. «Я ехал обратно в Тифлис по дороге уже мне знакомой. Места, еще недавно оживленные присутствием 15 000 войска, были молчаливы и печальны. Я переехал Саган-лу и едва мог узнать место, где стоял наш лагерь» (там же).

Около Гумри Пушкин и его спутники, сопровождаемые конвоем возвращающихся на родину казаков, встретились с линейным полком, шедшим на смену. Этот эпизод описан в «Путевых записках», не вошедших в «Путешествие в Арзрум». Разговоры с казаками навели Пушкина на замысел поэмы «Встреча с казаками», программой которой он набросал в «Арзрумской тетради»¹⁰⁶. Откликом возвращения на родину казаков, принимавших участие в войне, явилось и стихотворение «Дон», впервые напечатанное в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» 17 октября 1831 г. (III, 124).

В Гумри Пушкин выдержал трехдневный карантин — из-за чумы в Арзруме. Он посетил находившиеся в 34 верстах от Гумри развалины г. Ани, одного из центров экономической, политической и культурной жизни древней Армении, расположенного на небольшом треугольном плато, ограниченном с трех сторон р. Ахурян и ее правым притоком Цахкадзор. На территории Ани уже в античную эпоху на скальном мысу был возведен Ахчикаберд (Девичья крепость) с оборонительными и культовыми сооружениями, в V—VII вв. Ани становится центром области Ширак, а с ее переходом к княжескому роду Багратуни в VIII в. — столицей Анийского царства. При них в X—XIII вв. Ани превращается в крупный город с внутренними и внешними оборонительными стенами, укреплениями Ахчикаберд и Цитадель, многими

¹⁰⁵ Ныне сабля находится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

¹⁰⁶ См.: Бонди С. Новые страницы Пушкина: Стихи, проза, письма. М., 1931.

дворцами, церквами, жилыми домами, школами, зданиями общественного и бытового назначения. Летописцы того времени называли Ани «вселенским городом». В 1045 г. Ани захватила Византия, в 1064 г. — сельджуки, сильно разрушившие город. В 1199 г. Ани вошел в состав армяно-грузинского царства и в конце XII—нач. XIII в. пережил новый расцвет. В 1236 г. Ани был взят монголами, разрушившими город, и с XIV в. после сокрушительного землетрясения в 1319 г. потерял свое значение. В XVI в. упоминается как деревня. В 1878 г. присоединен к России, после первой мировой войны отошел к Турции.

В Гумри Пушкин сделал автопортрет, авторскую монограмму «А. П.» и шутивную надпись: «Писанный им самим во время горестного его заключения в карантине Гумринском»¹⁰⁷. Как замечает А. Эфрос, «веселое настроение, в каком делался набросок, сказалось и на характере портрета, слегка карикатурном, с подчеркнутыми, чуть преувеличенными чертами лица. Рисунок крупен, отчетлив, прост. Любопытна в нем одна черта: она свидетельствует, что необычность обстановки вновь пробудила у Пушкина вкус к трансформациям; он вернулся к тому, чем увлекался в Михайловском, — на портрете опять видны усы, которыми он в последний раз щеголял в своем имени летом 1825 г.»¹⁰⁸.

Из Гумри Пушкин двинулся той же дорогой, по которой ехал из Тифлиса. «Опять увидел я Безобдал и оставил возвышенные равнины холодной Армении для знойной Грузии» (VI, 700).

Известно, что конец июля — самый жаркий месяц в Армении, где температура воздуха в долинах в июле поднимается выше 40°, а потому назвать ее равнины «холодными» по сравнению с «знойной Грузией» на первый взгляд может показаться странным. Но путь Пушкина лежал через высокогорную Ширакскую долину, Безобдальский перевал и Лори, расположенные на высоте от 1500 до 2000 и выше метров над уровнем моря и где максимум температуры воздуха в июле достигает 13—15° тепла.

1 августа Пушкин прибыл в Тифлис и остался на несколько дней. Еще во время нахождения в Арзуме газета «Тифлиссские ведомости» напечатала сообщение: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках, и 16 июня прибыл в лагерь при Исака-су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам Кавказского пленника, в Крыму написал Бахчисарайский фонтан, в Бессарабии Цыган, во внутренних про-

¹⁰⁷ РО ИРЛИ, № 801.

¹⁰⁸ Эфрос А. Автопортреты Пушкина. М., 1945, с. 128.

винциях писал он прелестные картины Онегина. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане Кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного. Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим сохранить нашего поэта среди ужасов брани»¹⁰⁹.

Не забудем, что газета была правительственная и выражала официальную точку зрения, согласно которой от Пушкина ждали прославления Паскевича. Не случайно, что Санковский, и в этот приезд Пушкина встречавшийся с ним, уже ни словом не обмолвился ни о каких ожиданиях. По воспоминаниям Н. Б. Потокского, как отмечалось, во многом недостоверных, Пушкин на вопрос Санковского, почему он так скоро вернулся из армии, ответил: «Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, дядек; мне крайне было жаль расстаться с моими друзьями, но я вынужден был покинуть их. Паскевич надоел мне своими любезностями: я хотел воспеть геройские подвиги наших молодцов кавказцев; это — славная часть нашей родной эпопеи, но он не понял меня и старался выпроводить из армии»¹¹⁰.

По свидетельству того же Потокского, Пушкин посетил свежую могилу Грибоедова на Давидовой горе, «преклонил колена и долго стоял наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы»¹¹¹. Достоверность этого показания, как и того, что Пушкин посетил вдову Грибоедова Нину, подтверждается уже тем искренним уважением, которое он питал к погибшему другу.

В Тифлисе же должна была состояться встреча Пушкина с его давним знакомым **Александром Александровичем Бестужевым (Марлинским)**. В день восстания он «поутру ходил по ротам Московского полка, возбуждая нижних чинов к мятежу, и грозил пистолетом генерал-майору Фридрихсу и майору Моллеру. На площади он построил каре и отвращал сделанные начальством предложения. Но прежде сего он отклонил Якубовича и Каховского от покушения на жизнь покойного императора, а также уговорил Каховского отказаться... нанести удар ныне царствующему императору»; был осужден по I разряду и по конфирмации приговорен к 20 годам каторги, срок сокращен до 15 лет, затем по особому высочайшему повелению отправлен в Якутск, 18 IX 1829 г. по его ходатайству определен рядовым в Отдельный Кавказский корпус¹¹². В начале августа он вместе с декабристом

¹⁰⁹ Тифлиские ведомости, 1829, 28 июня, № 26.

¹¹⁰ Цит. по: Шумит Арагва предо мною... с. 17.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Восстание декабристов, т. 8, с. 34—35 и 279—280.

В. С. Толстым прибыл в Тифлис, однако разминутся с Пушкиным. В письме П. С. Санковскому от 3 января 1833 г. Пушкин писал: «Если вы выдаете А. Бестужева, передайте ему поклон от меня. Мы повстречались с ним на Гут-горе, не узнавши друг друга, и с тех пор я имею о нем сведения лишь из журналов, в которых он печатает свои прелестные повести. Здесь распространился слух о его смерти, мы искренно оплакивали его и очень обрадовались его воскрешению» (X, 426, пер. — 845). И А. Бестужев крайне сожалел, что не встретил Пушкина у Б. Г. Чиляева: «Я рвал себе волосы с досады, — столько бы вещей я бы ему высказал», — писал он 9 марта 1833 г. К. А. Полевому¹¹³.

16 августа А. Бестужев выехал из Тифлиса и направился в Арзрум, где получил назначение в 41-й егерский полк, участвовал в кровопролитных сражениях 26 и 27 сентября под Байбуртом; после же окончания военных действий вместе с полком отбыл на зимние квартиры в Тифлис; однако 8 декабря 1829 г. переведен в Дербентский гарнизонный полк, воевал в Дагестане против горцев, убит 7 июня 1837 г. при занятии мыса Адлер.

Вместе с ним из Сибири в Кавказский корпус был направлен и **Владимир Сергеевич Толстой** (1806—1888). Он был прапорщиком Московского пехотного полка, член Северного общества с 1824 г. и знал его цель — создание конституции и, может быть, цареубийство; осужден по VIII разряду и по конфирмации 10 VII 1826 г. приговорен к каторжным работам на 2 года; по особому высочайшему распоряжению переведен на поселение, затем 18 IX 1829 г. определен рядовым в 41-й егерский полк¹¹⁴ и также принимал участие в Байбуртском сражении 26—27 сентября 1829 г.

Из слов самого Пушкина видно, что и эти дни пребывания в Тифлисе, как и в мае, он провел «в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских» (VI, 700). И хотя мы отнесли воспоминания К. И. Савостьянова о празднике в честь Пушкина к его приезду в Тифлис, но он мог состояться и в дни перед его отъездом. 6 августа Пушкин выехал из Тифлиса и тем же путем — по Военно-Грузинской дороге — доехал 10 августа до Владикавказа, где встретил Пушина и Р. Дорохова, ехавших «на воды лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы» (VI, 701). На столе Пушина лежали русские журналы. «Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи... Надобно знать, что разбор был украшен обыкновенными затеями нашей критики: это был разговор

¹¹³ Рус. вестник, 1861, № 4, с. 429, 436.

¹¹⁴ Восстание декабристов, т. 8, с. 186 и 402—403.

между дьячком, просвирней и корректором типографии, Здравомыслом этой маленькой комедии» (там же). Как установил Ю. Тынянов, речь идет о Н. И. Надеждине — критике и издателе журнала «Телескоп» с еженедельным приложением «Молва», выступившем в журнале «Вестник Европы» (1829, № 8) со статьей о поэме «Полтава», написанной в форме комедии; ее действующие лица: автор — «классик», его собеседники — «романтик», Незнакомец и отставной корректор, из которых первого Пушкин назвал «дьячком», а второго — «просвирней»¹¹⁵.

«Таково было мне первое приветствие в любезном отечестве» (там же). На этом заканчивается очерк Пушкина «Путешествие в Арзрум».

На Горячих Водах Пушкин пробыл с 14 августа по 8 сентября, написав поэму «Тазит». Еще в первую поездку на Кавказ с семьей Раевских он интересовался бытом и нравами горцев-черкесов, что нашло отражение в «Кавказском пленнике»; ряд наблюдений он сделал и при путешествии в Арзрум: как отмечалось, побывал на осетинских похоронах и описал их обряд, испытал опасности поездки по Военно-Грузинской дороге, высказал свои суждения о способах и мерах по умиротворению горских народов. Поэт восхищался их храбростью и смелостью, но вместе с тем осуждал фанатизм, подстрекаемый Турцией, понимал благотворное значение их присоединения к России, необходимость для них просвещения, приобщения к цивилизации и культуре, к гуманистическим нравственным и моральным нормам человеческого общения. В Пятигорске Пушкин познакомился с Шора-Бекмурзин Ногмовым, который содействовал ему в собирании местных народных преданий, рассказывал о жизни горцев-черкесов племени адыге и их ветви абаздехов (адехов), обитавших здесь; в свою очередь поэт помог Ногмову в переводе песен с адыгейского языка на русский (IV, 566).

Поэма «Тазит» осталась незаконченной, однако в черновых набросках поэта сохранился ее план:

«I

Обряд похорон
Уздень и меньший сын
I день — лань — почта, грузинский купец
II — орел, казак
III — отец его гонит
Юноша и монах
Любовь, отвергнутый
Битва — монах

¹¹⁵ Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум», с. 204.

1 Похороны	8 Сватовство
2 Черкес христианин	9 Отказ
3 Купец	10 Миссионер
4 Раб	11 Война
5 Убийца	12 Сражение
6 Изгнание	13 Смерть
7 Любовь	14 Эпилор

Наброски имен для поэмы
Гасуб — Тазишъ — Чу — Танасъ

(там же).

Напомним сюжет поэмы: на двор старика Гасуба съезжаются адехи — убит его сын; в родной сакле творится погребальный обряд, затем похороны. Неожиданно появляются «старик седой и отрок стройный» Тазит, тринадцать лет назад, еще младенцем, оставленный Гасубом в чужом ауле, которого воспитал приезжий, сделав из него «храброго чеченца».

Проходят дни. Тазит ведет себя не так, как остальные горцы: он избегает людей, погружен в мечтания, не ищет воинской славы.

Гасуб недоволен Тазитом, он отправляет его в набег против врагов. Через три дня Тазит возвращается, и отец спрашивает, где он был, ответ: «В ущелье скал, Где... путь открыт на Дариял», а что делал — «Слушал Терек».

Отец

А не видал ли ты грузин
Иль русских?

Сын

Видел я, с товаром
Тифлиссский ехал армянин.

Отец

Он был со стражей?

Сын

Нет, один.

Отец

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса? —

Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

(IV, 317—318)

Тазит вновь уезжает на два дня, и по возвращении Гасуб спрашивает его, где был и кого видел. Оказывается, он видел бежавшего от них раба, но не привел его на аркане обратно. Гасуб еще больше разочаровывается в сыне, который не может шашкой добыть «злата. Ни стад моих, ни табунов Не наделят его разезды».

В третий раз Тазит седлает коня, «два дня, две ночи пропадает. На третий, бледен, как мертвец, Приходит он домой». Он был около станиц Кубани, увидел там «супостата», «убийцу брата». На вопрос Гасуба — «..где голова его? Тазит!.. Мне черед этот нужен», — отвечает:

Убийца был

Один, изранен, безоружен...

Отец

Ты долга крови не забыл!..

Врага ты навзничь опрокинул,

Не правда ли? ты шашку вынул,

Ты в горло сталь ему воткнул

И трижды тихо повернул,

Упился ты его стонаньем,

Его змеиным издыханьем...

Где ж голова?.. подай.. нет сил..

На молчание Тазита Гасуб с гневом восклицает:

Поди ты прочь — ты мне не сын,

Ты не чеченец — ты старуха,

Ты трус, ты раб, ты армянин.

(IV, 320)

Он проклинает сына, изгоняет его из дома, чтобы мертвый брат ему на плечи «окровавленной кошкой сел», чтоб «дети русских деревень» его «веревкою поймали И как волчонка затерзали».

Мы подробно изложили эту часть поэмы потому, что слова Гасуба якобы свидетельствуют о неуважении поэта к армянам. Между тем это мнение полностью несостоятельно не только потому, что отождествляет автора и созданных им действующих в его произведении лиц, но и не соответствует, как мы в том убедились, действительному отношению поэта к армянам и армянскому народу. Гасуб не мог иначе расценить поступок Тазита, ибо его сознание целиком пропитано жестокими законами адата¹¹⁶, проникнуто ненавистью ко всем иноверцам — будь то рус-

¹¹⁶ Неписанный закон, обычай народов, исповедующих ислам (Слоарь иностранных слов. М., 1983, с. 16).

ские, грузины, армяне, вообще «гяуры» — христиане. Симпатии Пушкина на стороне Тазита, воспитанного в духе добра и любви к людям, милосердия к ним вне зависимости от их национальной принадлежности. Именно он, а не Гасуб, выразитель идеалов поэта, положительный герой поэмы, чего, к сожалению, не понимают те, кто недостаточно знает жизнь и творчество Пушкина.

Но вернемся к событиям русско-турецкой войны. Пока Пушкин находился на обратном пути, Паскевич предпринял новый поход на лазов, применив такие жесткие меры, что восстановил их против русских и сделал их сообщниками турок. Он задумал завоевать Трапезонд, но, измотав войска в переходах по непроходимым дорогам, был вынужден отказаться от своей затеи и вернуться назад. Небольшим русским гарнизонам, оставленным в Хнусе, Баязете, Карсе и Ардагане, пришлось вновь выдерживать кровопролитные бои с турками и мятежными шайками, понеся при этом тяжелые потери. Катастрофу потерпела экспедиция Остен-Сакена, назначенного вместо вызвавшего недовольство Паскевича Бебутова начальником Ахалцыхского пашалыка, в Аджарию. И это при том, что русские войска творили чудеса храбрости, поистине — один бился с тысячею, а два — с тьмою, что армяне и греки, проживавшие в Анатолии, оказывали поддержку и помощь своим освободителям, сражались рядом с ними.

Правда, были и удачи. Так, для обеспечения безопасности переброски запасных артиллерийских и инженерных парков в Гумри, в связи с переходом русских войск на зимние квартиры, 11 сентября из Арзрума выступил отряд подполковника **Монсея Захаровича Аргутинского-Долгорукова** (1797—1855) — одного из выдающихся деятелей Кавказской войны. Он происходил из древнего армянского княжеского рода владетелей Лори—Памбака. Окончив в 1816 г. благородный пансион в Тифлисе, основанный Цициановым, он переехал в Петербург, поступил юнкером в л.-гв. Конный полк, в 1817 г. повышен в корнеты. С началом русско-персидской войны в чине майора участвовал в составе Грузинского гренадерского полка во всех действиях отряда генерала Бенкендорфа, за отличия получил чин подполковника. Возглавлял переселение 40 тыс. армян из Персии в Россию, был знаком с Грибоедовым, Н. Н. Раевским, М. Пушиным, Вольховским и др. В том же полку провел обе компании русско-турецкой войны, за взятие Ольти награжден орденом Георгия 4-й ст., пользовался уважением и авторитетом в Кавказском корпусе. Дореволюционная «Военная энциклопедия», характеризуя личность М. З. Аргутинского-Долгорукова, называет его «человеком железной воли, высоко благородных душевных качеств», которому были свойствен-

ны «прямота, бескорыстие, прямодушие и твердость»¹¹⁷. Находясь в штабе Паскевича, он был в числе участников обеда в честь взятия Арзрума, на котором присутствовал и Пушкин.

Перед отрядом Аргутинского-Долгорукова стояла задача отогнать крупные силы турок, собранные в соседних с Карсом Ольгском и Нариманском санджаках с одноименными крепостями, совершавшие рейды на проходившие обозы и русские войска. Турки были разбиты и изгнаны из названных санджаков, крепости взяты. Осадой Ольти руководил декабрист Гангеблов, произведенный в чин подпоручика и командовавший пионерною ротой. Составлявшие костяк отряда Аргутинского-Долгорукова Карабахский, Шемахинский, Елисаветпольский, Эриванский и Нахичеванский полки показали себя в этой экспедиции с наилучшей стороны.

Тем временем под Байбуртом сформировалась 18-тысячная регулярная турецкая армия, получившая от султана приказ овладеть Арзрумом. Паскевич же, считая, что турки поздней осенью воевать не станут, решил перевести корпус на зимние квартиры и распустить конно-мусульманские полки. Приказ пришлось отменить; 26 сентября войска выступили и 27-го на рассвете приступили к штурму Байбурта. В этом кровопролитном бою пришлось брать не только укрепления врага, а и отдельные дома, в которых турки насильственно удерживали местных армян.

В Байбурте боевое крещение получил только что прибывший в Кавказский корпус ссыльный декабрист **Валерьян Михайлович Голицын** (1803—1852). После военной службы он поступил в департамент внешней торговли, имел звание камер-юнкера, являлся членом Северного общества; арестован 26 I 1826 г., осужден по VIII разряду и по конфирмации приговорен к поселению в Сибирь на 20 лет; в феврале 1829 г. переведен на Кавказ, в июне зачислен рядовым в 42-й егерский полк¹¹⁸.

Русский корпус готовился идти на подошедшую армию вновь назначенного арзрумского сераскира, но последний, увидев гибель Байбурта, отошел; к тому же он получил из Константинополя официальное известие о заключении мира с Россией. К Паскевичу же курьер с этим сообщением прибыл на рассвете 28 сентября, поход был приостановлен, русский корпус вернулся в Арзрум.

Так закончилась русско-турецкая война.

¹¹⁷ ВЭ. СПб., 1911, т. 3, с. 9—12.

¹¹⁸ Восстание декабристов, т. 8, с. 66 и 305.

Поездка в Закавказье в действующую в Западной Армении армию, встречи и беседы с ссыльными декабристами — «друзьями, братьями, товарищами», воочию увиденный героизм русских солдат и офицеров, ополченцев из местных национальностей, перенесенные тяготы похода и личное участие в боевых действиях, знакомство с жизнью и бытом населения края, его прошлым и настоящим, отношением к России, впечатления от суровой и величественной природы — это и многое другое обогатило внутренний мир Пушкина и его творчество. Завершилась молодость поэта, наступила зрелость.

Глава шестая

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ ОЧЕРКИ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ» РАБОТА НАД «ИСТОРИЕЙ ПЕТРА»

(сентябрь 1829—февраль 1837)

1

В двадцатых числах сентября Пушкин вернулся в Москву и вновь окунулся в мир житейских и литературных забот. Он поспешил к Гончаровым, но встретил довольно холодный прием. Журналы продолжали твердить об упадке его дарования, отсутствии патриотизма и т. п. По сравнению с тем, что Пушкин недавно пережил, все эти укусы журнальной братии выглядели как мышьяная возня мелких людишек.

Более серьезные неприятности пришлось пережить по поводу его поездки в действующую русскую армию. 20 июля 1829 г. Николаю I стало известно, что Пушкин находится в действующей армии, и он приказал Бенкендорфу «потребовать (от Пушкина. — К. А.) объяснений, кто ему разрешил отправиться в Арзрум, во-первых, это за границей, а во-вторых, он забыл, что обязан предупреждать меня обо всем, что он делает, по крайней мере, касательно своих путешествий. Дойдет до того, что после первого же случая ему будет определено место жительство»¹.

В свою очередь Бенкендорф, не ведая, что Пушкин уже вернулся, направляет 1 октября тифлисскому военному губернатору Стрекалову предписание, в котором сообщает, что царь, «осведомясь из публичных известий, что известный по отечественной словесности стихотворец, Александр Сергеевич Пушкин, разъезжая в странах закавказских, был даже в Арзеруме, высочайше повелеть мне изволил отнестись к вашему превосходительству, чтобы вы, м. г., изволили призвать к себе г. Пушкина и спросили его, по чьему повелению он предпринял сие путешествие и по каким причинам, против данного им мне обещания, не предупредил он меня о своем намерении отправиться в те страны, но исполнил сие без моего на то согласия? При сем случае, ваше превосходительство, не оставите заметить г-ну Пушкину, что сей его

¹ Рус. архив, 1884, № 6, с. 351.

поступок легко почесть может своеволием и обратить на него невыгодное внимание»².

14 октября, узнав, что Пушкин в Петербурге, Бенкендорф сообщает ему о недовольстве Николая I его поездкой и настаивает на том, чтобы уведомить его, «по каким причинам не изволили вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении вашем сделать сие путешествие»³.

24 октября Стрекалов отвечает Бенкендорфу: «Исправлявший должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майор барон Остен-Сакен уведомил меня по приказанию главнокомандующего в минувшем мае месяце о путешествии, предпринятом г. Пушкиным в марте месяце в Закавказский край, и просил меня по прибытии его в Грузию иметь за ним надлежащий секретный надзор.

Имея в виду высочайшее его императорского величества повеление о состоянии Александра Пушкина под надзором правительства, я, кроме того, что предписал грузинскому гражданскому губернатору наблюдать за его поведением, лично обращал на образ его жизни надлежащее внимание.

Путешествие Пушкина из Тифлиса в Арзрум произведено им по дозволению его сиятельства г. генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского, изъясненному в предписании его ко мне от 8-го числа минувшего июня месяца за № 194-м.

В конце августа месяца г. Пушкин возвратился в Тифлис, откуда по прошествии нескольких дней отправился в Москву. Перед отъездом его из Грузии я счел нужным тогда же уведомить об оном г. московского военного генерал-губернатора и сообщил ему высочайшее государя императора повеление о состоянии А. Пушкина под секретным надзором правительства»⁴.

10 ноября, видимо после долгих раздумий, Пушкин пишет объяснение Бенкендорфу, излагая такую версию обстоятельств своей поездки, которая потом вошла в «Предисловие» к «Путешествию в Арзрум»: «Генерал, с глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум. Снисходительная и просвещенная доброта вашего превосходительства и участие, которое вы всегда изволили мне оказывать, внушает мне смелость вновь обратиться к вам и объяснить откровенно.

По прибытии на Кавказ я не мог устоять против желания

² Там же.

³ Там же.

⁴ **Лернер Н. О.** Труды и дни Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910, с. 198

повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на приезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения. Я бы предпочел подвергнуться самой суровой немилости, чем прослыть неблагодарным в глазах того, кому я всем обязан, кому готов пожертвовать жизнью, и это не пустые слова.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением, и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

10 ноября 1829 г. СПб.» (X, 262—263, пер. — 797—798).

Слишком дорогой ценой пришлось оплатить Пушкину свою поездку в действующую русскую армию. Воспользовавшись этим прецедентом, шеф жандармов усилил надзор за Пушкиным и обязал его просить разрешения на любой свой выезд, даже из Петербурга в Москву.

За поездку Пушкина в Арзрум и встречи с ним пришлось расплачиваться и Раевскому. Хотя после восстания декабристов и ареста он был освобожден с «очистительным аттестатом», однако слежка за ним продолжалась. Так, в марте 1827 г., будучи в Тифлисе, начальник Главного штаба И. И. Дибич сообщал царю, что на обедах, устраиваемых Раевским, присутствуют из разжалованных декабристов Оржицкий, Пущин, Коновницын⁵. Помощь и поддержка, оказываемая Раевским ссыльным декабристам, вызывала вспышки гнева Паскевича и раздражение у власти предержавшей. Чашу их терпения переполнил приезд Пушкина, его пребывание в палатке Раевского, ставшей своеобразным центром встреч поэта со ссыльными декабристами, на которых обсуждались и критиковались действия Паскевича и, видимо, не только его, а кое-кого и повыше.

⁵ Архив Раевских. СПб., 1908, т. 1, с. 348.

В конце августа 1829 г. после сражения под Байбуртом Паскевич предоставил Раевскому отпуск в Тифлис, что на деле явилось не чем иным, как отставкой. Как вспоминал М. В. Юзефович, «по неудовольствию с фельдмаршалом» Раевский отправился в Тифлис с конвоем от Нижегородского полка, в который, по его просьбе, был зачислен и Захар Чернышев. «Ловкий соглядатай Бутурлин» проведал про это и, спустя время после отъезда Раевского, отправился за ними следом и «догнал их, как бы нечаянно, на бивачном ночлеге, где застал Захара Чернышева и еще двух разжалованных в одной палатке с своим генералом. Здесь он попросил позволения продолжать путь вместе. Делать было нечего: выхода из ловушки не оставалось. Государственные преступники продолжали есть и пить на одном с своим генералом ковре». Прибыв в Тифлис, Бутурлин тут же послал донос военному министру, после чего «генерал Раевский, по высочайшему повелению, за допущение таких отношений с государственными преступниками, был арестован, с часовым у дверей, а всех декабристов приказано было раскассировать по полкам, так чтобы не было их в одном полку более двух»⁶.

Помимо Захара Чернышева в конвое находились также майор Семичев и польские «бунтари» П. Ворцель и И. Карвицкий, являвшиеся видными и активными членами польского Патриотического общества, которые после его разгрома были лишены дворянского звания, разжалованы в рядовые и сосланы на Кавказ⁷. В своем доносе Бутурлин так и писал: «Раевский держит себя с людьми, сосланными под строгий надзор, на товарищескую ногу, **обедает за одним столом и проводит с ними время в разговорах на иностранных языках**»⁸.

29 сентября 1829 г. от военного министра А. И. Чернышева поступило предписание тифлисскому военному генерал-губернатору Стрекалову произвести дознание, то же было сообщено Паскевичу, который, вернувшись 25 октября в Тифлис, сам и занялся «делом» Раевского. Не вдаваясь в подробности, укажем, что Паскевич воспользовался случаем и свел счёты с Раевским. По решению царя Раевскому был сделан «строжайший выговор», его подвергли домашнему аресту «при часовом» и удалили из Кавказского корпуса, переведя в 5-ю уланскую дивизию в Полтаву. Клеймо политически неблагонадежного оставалось на нем в те-

⁶ Юзефович М. В. Памяти Пушкина. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 101—102.

⁷ О них см.: Нерсисян М. Г. Декабристы в Армении. Ереван, 1975, гл. VIII «Дело Н. Н. Раевского», гл. IX «Дружба с польскими революционерами».

⁸ Потто В. История 44-го драгунского Нижегородского его императорского высочества государя-наследника цесаревича полка. СПб., 1895, т. 3, с. 146.

чение многих лет, и когда Пушкин в марте 1830 г. выразил желание посетить его, то получил отказ. Расправился Паскевич и с другими деятелями прошедших войн — Н. Н. Муравьевым, В. Д. Вольховским, А. Г. Чавчавадзе, А. И. Красовским, добившись их удаления из Кавказского корпуса.

Характерна и история, происшедшая с В. Д. Сухоруковым, которого, по словам Паскевича, он считал близким и ценил за блестящие реляции с полей турецкой войны. Они-то и навлекли гнев военного министра, хотя и не содержали в себе ничего особенного, но вызвали полемику в газете. В этой связи военный министр А. И. Чернышев написал Паскевичу: «Сотник Сухоруков в разных статьях, печатаемых в журналах, говоря о военных действиях Отдельного Кавказского корпуса, принимает тон решительный и, выходя на сцену своим лицом, позволяет себе даже судить о распоряжениях начальства». Было предписано опечатать бумаги Сухорукова, а его отправить с фельдъегерем на Дон, оттуда — в отдаленнейшие места Финляндии. Паскевич хорошо знал содержание статей Сухорукова, однако даже не ходатайствовал об облегчении его участи и ничего не сделал для сохранения его труда по истории Донского войска⁹. Заметим, что Пушкин, узнав об изъятии бумаг у Сухорукова, «чуть не плакал и все думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы»¹⁰. Вскоре по этому поводу Пушкин написал в жандармское отделение записку о Сухорукове, однако она была отклонена. Он использовал в «Истории Пугачева» статью Сухорукова «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия», а в письме от 14 марта 1836 г. пригласил Сухорукова в сотрудники издаваемого им журнала (X, 565—566).

* * *

Уехав из Закавказья, Пушкин продолжал оставаться накрепко связанным с событиями, которые происходили в этом крае, и с кругом лиц, с которыми он там встречался. Он делился впечатлениями с близкими и знакомыми: побывал у Ушаковых и занес в альбом зарисовку Арзрума и подписал к портрету Фархат-Бека, посетил Д. Давыдова, с которым, очевидно, поделился мнениями о войне и Паскевиче, написал и доработал стихотворения «Из Гафиза», «Дон», «Дорожные жалобы», «Кавказ», «Обвал», «Делибаш», откликнулся на заключение 2 сентября 1829 г. Адрианопольского мирного договора с Турцией.

⁹ Потто В. Кавказская война... Тифлис, 1887, т. 4, ч. 4, с. 468—469.

¹⁰ Юзефович М. В. Памяти Пушкина, с. 100.

По условиям этого договора в состав России в Закавказье вошли Анапа, Поти, Ахалкалаки и часть Ахалцыхского пашалыка, а взятые русскими Карс, Баязет и Арзрум возвращены Турции.

Весть об уходе русских войск вызвала уныние и горе христианского населения Западной Армении — армян и греков, особенно той их части, которая сражалась в рядах русской армии: им грозило не только возвращение в прежнее бесправное, рабское состояние, а и физическое уничтожение. Как отмечает В. Потто, «русскому офицеру невозможно было проехать через деревню, чтобы толпы народа не встречали и не провожали его вопросами, что будет с ними и их несчастными семьями»¹¹.

Русская армия должна была покинуть завоеванные города в мае будущего года, но уже осенью 1829 г. из Арзрума ушло 500 армян, из Карса — около 2,5 тыс. семейств; их расселили в Памбаке близ Арагаца, в окрестностях Гумри и в Лорийской равнине, где имелось много пустых деревень со времен персидского вторжения. Весной 1830 г. началось массовое переселение, в котором выдающуюся роль сыграл уже известный нам архиепископ Арзрума Карапет Багратуни. Он не только сумел убедить в необходимости этой крайней меры своих соотечественников, но и приложил неимоверные усилия, чтобы с наименьшими потерями завершить переселение десятков тысяч людей, среди которых находились новорожденные младенцы, дети, старики, женщины, больные. Более 14 тыс. семейств — до 90 тыс. душ — струнулись с места, взяв направление в Русскую Армению. Если ремесленники и торговцы, уложив на арбу свое имущество, могли на новом месте приступить к своему делу, то крестьяне бросали засеянные поля и возделанные сады, шли в неизвестность, им предстояли труды и заботы еще на долгие годы. Наиболее тяжелые испытания пали на гюлюшханских и байбуртских греков, живших в горах и работавших на медных рудниках: у них не было перевозочных средств; они собрались менее нежели за сутки и явились в Арзрум без хлеба и без теплой одежды. Заботу о них также принял на себя архиепископ Карапет, выделив, елико это было возможно, арб и обеспечив в пути их продовольствием.

Турецкое правительство, как до этого персидское, стремилось любыми средствами сорвать уход столь значительного населения в пределы России. По справедливому замечанию В. Потто, «если переселение армян наносило тяжкий удар общественной жизни во всех ее проявлениях, то переселение греков, единствен-

¹¹ Потто В. Кавказская война..., с. 477.

ных рудокопов в этой стране, ставило на карту интересы чисто государственные, так как с их удалением богатейшие серебряные и медные рудники в Гюлюш-хане и Байбурте оставались... мертвым капиталом»¹². Но варварская сущность турецкой деспотии состояла в том, что, зная решающее значение армян и греков как производительной силы в экономике страны, она не только жестоко эксплуатировала их, но и лишила элементарных человеческих прав.

Огромный обоз беженцев тронулся из Арзрума; он тянулся по горам и землям Западной Армении; не имея обуви, а часто и хлеба, лишь через 7 месяцев переселенцы достигли русских пределов, где до 2 тыс. семей поселились в Борчалу, Памбаке и Шурагели, несколько сот — в Ахалкалаки, а основная масса — 35 тыс. — в Ахалцыхе на правом берегу р. Полховчай. За годы здесь образовалась новая часть города, которую стали именовать «Новый Арзрум», было открыто училище, названное в честь его основателя Карапетяновским. Сам престарелый архиепископ положил много усилий на благоустройство переселенцев, прожил остаток жизни в Ахалцыхе. Он похоронен в церкви во имя Спасителя (Аменапркич) в южной стороне ее ограды под камнем без всякой надписи.

Несколько легче сложилась участь армян из Карса, откуда ушло 2264 семьи, или около 20 тыс. человек, и из Баязета — 4215 семей, или около 30—35 тыс. человек, которые осели в Армянской области.

* * *

Невиданное по масштабам переселение более 150 тыс. армян и греков из Западной Армении привлекло внимание русской общественности и прессы, напечатавшей ряд корреспонденций с описанием его перипетий. Они не остались неизвестными и Пушкину, который по возвращении из Арзрума возобновил свои контакты с деятелями армянского освободительного движения, в частности с Лазаровыми — с Иваном Екимовичем, жившим в Москве, у которого в феврале 1831 г. он был на бале, а 1 марта участвовал в санном катании, и с Христофором Екимовичем в Петербурге, с которым 8 апреля 1834 г. он представлялся императрице Александре Федоровне¹³.

Более примечательны встречи Пушкина с его любимицей ли-

¹² Там же, с. 498.

¹³ Черейский Л. А., с. 216.

цейских лет Анной Давыдовой Абамелек¹⁴. В 30-е гг., когда они возобновились, Анна Абамелек была одной из просвещенных женщин своего времени, отличалась удивительной красотой и живым привлекательным умом. В 1832 г. она была зачислена фрейлиной императрицы Александры Федоровны, в 1835 г. вышла замуж за брата выдающегося русского поэта Е. А. Баратынского — Ираклия Абрамовича Баратынского (1802—1859), сенатора, генерал-лейтенанта.

9 апреля 1832 г. Пушкин вписал в альбом Анны Абамелек следующие стихи:

Когда-то (помню с умилением)
Я смел вас нянчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою, и вами,
Как нянька старая, горжусь.

(III, 237)¹⁵

Из стихов Пушкина видно, что он не только помнит Анну, какой она была в детстве, но хорошо знает ее настоящее и гордится им.

С 1831 г. она стала известна читающей публике как переводчица русской поэзии на английский, немецкий и французский языки, которыми она владела в совершенстве. Ей принадлежат переводы 18 стихотворений Пушкина, 16 — А. Толстого, 3 — Лермонтова, 3 — Некрасова, 2 — Тургенева, 5 — Хомякова, по 1 — Туманского и Апухтина. Ей принадлежат также переводы на русский ряда произведений Т. Мура, Шиллера, Гейне. Анну Абамелек окружали обожатели и друзья Пушкина — П. Вяземский, И. Козлов и др. Первый из них писал в 1833 г.:

¹⁴ Сведения об А. Д. Абамелек излагаются по: Хрущов И. П. Одна из воспетых Пушкиным. Харьков, 1900; Стефанович В. Переводчица русских и немецких поэтов. — Рус. лит., 1963, № 4; Черейский Л. А. Воспетая Пушкиным. — Работница, 1967, № 12; Михайлова О. И. Портреты А. Д. Абамелек. — Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986, вып. 20.

¹⁵ Сохранились черновики с вариантами: «Я вас лелеял с восхищеньем... Вы были чудное дитя. Лета прошли: с благоговеньем... Я радуюсь за вас и с вами...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 3, с. 884).

Любезной родины прекрасное светило!
Приветствуем тебя на чуждой стороне!
На небесах родных ты улыбалась мило,
Но на чужбине ты еще милее мне!

Других ты радуешь красою светозарной
И яркою игрой живых твоих лучей:
Но ты не говоришь их мысли благодарной
О милых таинствах заветных сердцу дней!

С другими наравне поклонник богомольный
Звезды любви, звезды поэзии младой —
Один, волнуемый заботою невольной,
Задумываюсь я, люблюся тобой.

Мечтой переносусь в край милый, в жизнь иную...
Воспоминаний луч скользит глубоко в грудь
И, радуясь тебе, о небесах тоскую,
К которым ты от нас склоняешь светлый путь!¹⁶

Из 16 строк стихов второго приведем заключительную строфу:

Восток горит в твоих очах,
Во взоре нега упоеня,
Напевы сердца на устах,
А в сердце пламень вдохновенья!¹⁷

Зачисление А. Абамелек в фрейлины двора вызвало отклик в популярном «Дамском журнале», поместившем ее портрет с подписью:

Умом и красотой кому же, как не ей,
Блистать в чертогах у царей...¹⁸

Спустя месяц, этот же журнал напечатал стихотворение, из которого видно, что посвящения Пушкина, Вяземского и Козлова еще до их публикации имели хождение среди читающей публики:

¹⁶ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1880, т. 4, с. 176.

¹⁷ Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960, с. 205.

¹⁸ Дамский журнал, 1832, т. 36, май, с. 108.

Наш Пушкин, Вяземский, Козлов
Тебя осыпали поэзии цветами.
Что после них сказать? Не нахожу и слов!
Скажу простыми лишь стихами:
Твой ум и твой талант дают тебе венец!..
И это суд сердец!¹⁹

На всю жизнь Анна Давыдовна сохранила святое почитание Пушкина. Показателен в этом отношении ее ответ от 14 мая 1880 г. на письмо акад. Я. К. Грота с приглашением на открытие памятника Пушкину: «Милостивый государь Яков Карлович! Высочайше утвержденный Комитет для сооружения памятника Пушкину почтил меня приглашением на торжество открытия... Вряд ли позволят мне обстоятельства воспользоваться столь лестным приглашением; во всяком случае считаю долгом выразить членам Комитета мою глубокую благодарность.

Прилагаю при сем собственно для Вас маленькую книжку, плод моих баденских досугов. Вы тут найдете несколько переводов из Пушкина. Я переводила для иностранных друзей то, что помнила наизусть, была одна и судьей и корректором своих трудов — не судите меня строго и примите уверения душевного уважения переводчицы. Вам искренне преданная А. Баратынская, урожд. княжна Абамелек»²⁰.

У нас нет достоверных сведений о посещении Пушкиным Лазаревского института восточных языков в Москве, попечителями которого являлись Иван и Христофор Лазаревы, а также Д. С. Абамелек (до своей смерти 23 X 1833), хотя среди его студентов об этом упорно держались слухи; тем не менее имеются основания утверждать, что Пушкин был осведомлен о деятельности этого крупного учебного заведения, во всяком случае, об издаваемых им книгах по истории и культуре армянского народа на русском языке, которые становились достоянием широкого круга читателей. Ряд из них мы отметили в пятой главе нашей работы, а здесь выделим сочинения Сергея Николаевича Глинки (1775—1847), драматурга, переводчика, журналиста и цензора, издателя журнала «Русский вестник» (1808—1824).

* * *

Дружеские отношения между Пушкиным и Глинкой сложились в конце 20-х — начале 30-х годов; известно, что последний был отстранен от должности цензора, Пушкин собирался хода-

¹⁹ Там же, т. 37, июнь, с. 171.

²⁰ ПД, архив Я. К. Грота, № 16056. Цит. по: Михайлова О. И. Портреты А. Д. Абамелек.

тайствовать за него; Глинка посвятил ему несколько стихотворений и критическую статью «Разговор о «Борисе Годунове» А. С. Пушкина» в «Дамском журнале» (1831, № 10). 24 августа 1830 г. Пушкин был с Глинкой и другими лицами у П. А. Вяземского. 10 апреля 1831 г. Глинка посетил Пушкина и его жену и написал экспромт «Того не должно отлагать». Позднее он прочел Пушкину и другой экспромт — «Странного света ты живописец», где критиковал «Онегина» как летопись «модных, бесцветных, безжизненных людей». 26 марта 1836 г. Глинка посетил Пушкина в Петербурге по поводу предполагавшейся публикации в «Современнике» записки Глинки о войне 1812 г.²¹ Это о нем Пушкин писал: «Пылкость и неустрашимость его духа обнаружилась в его речах, письмах и деловых записках. Он увлек сердца красноречием и, вопреки чувству уважения и преданности, глубоко питаемому нами к почтенному профессору²², мы желали победы его храброму противнику» (VII, 91).

С. Глинке принадлежит много произведений на армянские темы, две повести в стихах, научные труды по истории Армении. Все они были изданы иждивением И. и Х. Лазаревых в типографии Института восточных языков. В стихотворении «Графу Эриванскому, командиру русской армии князю Паскевичу», написанном в 1828 г. на взятие Карса, С. Глинка прославляет мужество и героизм русских солдат, освободивших Армению от чужеземного гнета, но главным образом Паскевича, который, «придя, узрел—и полонил, И в зыбкой влаге Арпачая Коней придонских напоил»²³. Более интересны «повести в стихах», содержание которых заимствовано из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.), вышедшей в переводе И. Иоаннесова в Петербурге в 1809 г. Одна — «Гайк — первый победитель завоевателя» начинается с библейского предания о Ноевом ковчеге, приставшем к Арарату:

Там — на вершинах Арарата
Ковчег окончил дивный ход.
Там — на Армянском небосклоне
Блеснул завета первый луч;
Там — к отвращенью мрачных туч
Любовь творца в своем законе
Велела кровь людей беречь,
Чтоб с небом связи не пресечь²⁴.

²¹ Черейский Л. А., с. 96—97.

²² Речь о М. Т. Каченовском — редакторе «Вестника Европы».

²³ «Славянам». 1828, ч. 8, с. 29.

²⁴ Глинка С. Две повести в стихах, почерпнутые из древних летописей. В типографии Лазаревского института восточных языков. М., 1831, с. 5—6. Далее ссылки в тексте.

Но вскоре мир между людьми нарушает исполин Немврод, в сердце которого прокралась «змея властолюбия»: он пожелал стать владыкой мира. Против него восстал прародитель армян Гайк, живший в Месопотамии:

Он общей управлял страну.
«Твое», «мое» в пределах тех
Уста еще не повторяли.

(с. 6)

Страна процветала, народ жил в благоденствии и руководствовался законом «любить всегда и всех любить». Узнав о том, что Немврод замыслил «отягчить» их «ярмом», Гайк призвал своих сородичей:

Уйдем с полей своих прелестных,
Чтоб не поникнуть в прах челом.

К этим строкам Глинка делает примечание: «Любя родную, или свободу отечественную, армяне и у могущественных калифов выговаривали право не быть никогда рабами их (см.: *Vullage roman*, ч. IV, с. 78). И в наше время, т. е. в 1828, переселяясь из прелестной азербиджской персидской страны в новоустановленную область Армянскую, армяне-переселенцы говорили: «Мы лучше хотим есть траву русскую, нежели хлеб персидский» (с. 7).

Гайк поселится в горах, однако Немврод его преследует; у озера Ван происходит столкновение противников. Немврод — «первый бить изобретатель» повержен, а с гор несетя клик армян:

Кто друг людей, тот стал велик!
Гайк с божеством умел сродниться,
За человечество сразиться.
Честь Гайку! честь его сынам!
Гайк соплеменник небесам!

В пояснение этих строк Глинка пишет: «За превосходные качества Гайка он назван Тюц-Азнь, т. е. потомок богов. Армяне и другие народы, подвластные его скипетру, любя Гайка как отца и государя своего, проименовали себя гайканами, а землю свою — страной Гайканскою».

Вторая «повесть в стихах» «Ардоат, или Адоад, Спаситель Армении и Отечества» навеяна мотивами армянской истории, повторяя в какой-то степени сюжет его произведения о Гайке. Действие в ней происходит после походов Александра Македон-

ского и распада созданной им мировой империи (IV в. до н. э.), между его наследниками «новая брань воспылала». В Армении же после того, как в сражениях с «непобедимым» (Александром) пал последний царь из рода Гайка — Ваге, «настала власть Неоптолема». Освободителем армян стал полководец Ардоат, живший в кругу семьи и детей «под сенью Арарата». К нему явился дух Гайка и призвал к спасению отечества, напомнив ему героические деяния предков под Троей, войны Тиграна с Киром, с Ассирией и Вавилоном. Во главе армянских полков Ардоат разбивает войска Неоптолема, великодушно оставляет ему жизнь, изгоняя его из Армении. В честь Ардоата, избавителя отчизны, слагаются хвалебные песни, его выбирают царем Армении.

В повести приводятся имена армянских языческих богов: Арев (солнце), Вагакн (правильнее: Ваагн, которого Глинка определяет как «друга людей и защитника их от зверей»), Мигр (по его словам, «бог войны»), Анагид (правильнее: Анаит, «то же, что Диана: богиня непорочности и покровительница отечества»), название праздника Вартевар (роз), что говорит о знакомстве Глинки с армянской мифологией.

Обе «Повести в стихах» С. Глинки не блещут художественными достоинствами, хотя они — и не упражнения графоманства, а находятся на среднем уровне тогдашней литературы.

Первый из исторических трудов С. Глинки — «Описание переселения армян азербиджанских в пределы России» (М., 1831) излагает историю массового возвращения на родину в 1828 г. угнанных в Персию армян, о чем говорилось в предыдущей главе в связи с заметками Пушкина о Грибоедове. Интерес С. Глинки направлен к деятельности армянских участников, главным образом полковника Лазаря Екимовича Лазарева, и тем испытаниям, которые выпали на долю переселенцев.

Другой труд С. Глинки — «Обозрение истории армянского народа» в 2-х частях²⁵. Автор предваряет его философскими рассуждениями о своем предмете, видя величайшую ценность истории в том, что она сохраняет для будущих поколений прошлое, подобно «баснословному фениксу... выходит из отдаленных столетий в полность нового бытия» (с. I); задача историка — «объяснить жизнь народа в его народности, т. е. в его первобытном положении и постепенном его ходе» (с. II). Особенности истории Армении автор усматривает в том, что «по коренному духу нравственных сил своих армяне не увлекались решительным порывом завоеваний... Оборона отечества, защита родной независимости, противоборствие покушениям внешнего насилия — вот главная цель их вооружений» (с. VII).

²⁵ М., 1832—1833. Далее ссылки в тексте.

С. Глинка уловил действительно присущее армянскому народу свойство — его миролюбие, отсутствие в нем агрессивных устремлений по отношению к своим соседям, почему и все войны, ведомые им, носили не наступательный, а оборонительный характер. В подтверждение автор ссылается на культ Мхера, который является носителем «не вещественного, а духовного огня» (там же).

Свое «Обозрение» С. Глинка основывает на изучении многих источников — армянских, греческих, римских и других, как древних, так и современных. Первая часть его труда охватывает древнейший период истории армянского народа — от прародителя Гайка до второй половины III в. н. э. — воцарения династии Сасанидов в Персии и начала их войн с Арменией. Вторая — от царя Трдата III (298—330) до вхождения Армении в состав России. С точки зрения современной науки во многом несовершенна его первая часть, где, как принято сейчас говорить, отсутствует критика источников. Лучше обстоит дело со второй частью, где С. Глинка имел возможность сопоставлять показания армянских и иноземных историков, доискиваться истины. В отличие от европейских исследователей истории Армении С. Глинка высоко ценит «отца армянской историографии» Мовсеса Хоренаци, отмечая, что «слог его благороден, повествование не сбивчиво, лица, им представленные, как будто бы сами высказывают то, чем были, и то, что делали. Отважною рукою срывает он личину с сильного злодеяния и мужественно защищает гонимую добродетель» (с. 48). Не вызывает возражений и трактовка причин утверждения христианства в Армении (с. 100—101), возникновения конфликта с сасанидской Персией (с. 108—111), двойственной политики Византии (с. 169—174) и др. Автор везде подчеркивает трудолюбие армянского народа, его тягу к знаниям, силу его духа, не сгибающегося под ударами судьбы, его творческий гений, создавший бессмертные произведения литературы и искусства.

Примечательны страницы, посвященные переселению и поселению армян в Древней Руси начиная с IX в.; в подтверждение С. Глинка приводит известные к его времени факты: об их колонии в столице волжских болгар, приглашении галицким князем Федором Дмитриевичем касохацких армян, льготах, предоставленных польским королем Казимиром в 1350 г. львовским армянам, сведения русских летописей о врачах-армянах, практиковавших в Киеве в XII в., и т. п. (кн. 10-я). С. Глинка прослеживает развитие русско-армянских отношений: при Алексее Михайловиче, Петре I и Екатерине II, подробно останавливается на деятельности Манука Лазарева, Иосифа Аргутинского, Манук-бей Мирзояна, Нерсеса Аштаракеци, полковника Лазаря Екимовича Лазарева и других, на армянских общинах в России и да-

рованных им привилегиях и т. п. По существу С. Глинка явился первым исследователем вековых русско-армянских исторических и культурных связей, который ярко и убедительно показал, с одной стороны, спасительную роль России в судьбах армянского народа, а с другой — верность и благодарность армян своим освободителям. Высокому научному уровню «Обозрения» С. Глинки способствовала и его работа по составлению трехтомного «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», служащего и по сей день первоисточником для исследователей русско-армянских исторических и культурных связей.

Названные сочинения С. Глинки отсутствуют среди книг дошедшей до нас библиотеки Пушкина. Однако, исходя из характера взаимоотношений поэта, с одной стороны, с С. Глинкой, с другой — с семьями Лазаревых и Абамелек, мы вправе утверждать, что они имелись у Пушкина, может быть с дарственными надписями их автора.

* * *

Из личных контактов Пушкина с армянами отметим его встречу в сентябре 1836 г. при посещении им с женой осенней выставки Академии художеств с ее воспитанником, впоследствии выдающимся художником-маринистом **Иваном (Ованесом) Константиновичем Айвазовским** (1817—1900).

В своих воспоминаниях, изложенных в письме Н. Н. Кузьмину²⁶ от 12 мая 1896 г., Айвазовский так описывал свое знакомство с Пушкиным: «В 1837 г. (здесь описка вместо 1836 г.—К. А.) до смерти за три месяца, именно в сентябре, приехал в Академию с супругой Натальей Николаевной на нашу сентябрьскую выставку Александр Сергеевич Пушкин.

Узнав, что Пушкин на выставке, в Античной галерее, мы, ученики Академии и молодые художники, побежали туда и окружили его. Он под руку с женою стоял перед картиной Лебедева, даровитого пейзажиста. Пушкин восхищался ею.

Наш инспектор Академии Крутов, который его сопровождал, искал между всеми Лебедева; чтобы представить Пушкину, но Лебедева не было, а увидев меня, взял за руку и представил Пушкину, как получившего тогда золотую медаль (я оканчивал Академию). Пушкин очень ласково меня встретил, спросил, где мои картины. Я указал их Пушкину; как помню, их было две: «Облака с Ораниенбаумского берега моря» и другая «Группа чухонцев на берегу Финского залива». Узнав, что я крымский

²⁶ Николай Николаевич Кузьмин — литератор, один из первых биографов художника, автор книги «И. К. Айвазовский» (СПб., 1877).

уроженец, великий поэт спросил, из какого города, и если я давно уже здесь, то не тоскую ли я по родине и не болею ли на севере. Тогда я его хорошо рассмотрел и даже помню, в чем была престелная Наталья Николаевна.

На красавице супруге поэта было платье черного бархата, корсаж с переплетенными черными тесемками и настоящими кружевами, а на голове большая палевая соломенная шляпа с большим страусовым пером, на руках же длинные белые перчатки. Мы все, ученики, проводили дорогих гостей до подъезда²⁷.

По свидетельству Н. Н. Кузьмина, Пушкин после беседы с начинающим художником напутствовал его словами: «Работайте, работайте, молодой человек, — это главное»²⁸. Он же со слов Айвазовского сообщает о его второй встрече с Пушкиным на улице в Петербурге²⁹.

Как утверждает исследователь творчества Айвазовского Н.С. Барсамов, имели место и другие встречи художника с Пушкиным³⁰.

* * *

Когда Пушкин находился еще в Западной Армении, газета «Северная пчела» напечатала сообщение своего корреспондента, подполковника И. Т. Раджицкого (с ним, кстати, Пушкин встречался у Н. Н. Раевского-младшего и на обеде у Паскевича 7 июля 1829 г.), в котором, описав осаду и взятие крепости Арзрум, автор заключал: «Дальнейшие подробности об Арзруме, ежели буду иметь время, сообщу вам в последующих письмах; но скажу вам, что вы можете ожидать еще чего-либо нового, превосходного от А. С. Пушкина, который теперь с нами в Арзруме»³¹.

Это было не частным мнением И. Т. Раджицкого, но и официальных кругов, которые настойчиво требовали от поэта восславить мудрость и решительность Николая I, осуществившего важнейшую цель русской внешней политики, намеченную Петром I, — завершить присоединение к России Закавказья, показать блестящие действия Паскевича, а через него и самого царя, одобрявшего план кампании 1829 г.

Между тем Пушкин молчал, а то, что он публиковал — «Из Гафиза» и «Делибаш», по справедливому замечанию Ю. Тыня-

²⁷ Айвазовский. Документы и материалы. Ереван, 1967, с. 275—276.

²⁸ Кузьмин Н. Н. И. К. Айвазовский и его произведения. СПб., 1901, с. 4.

²⁹ Кузьмин Н. Н. И. К. Айвазовский, с. 13.

³⁰ Барсамов Н. С. И. К. Айвазовский. М., 1962.

³¹ Сев. пчела, 1829, 22 авг.

нова, оказалось «бесконечно далеко от военных од», в них «нейтралитет поэтического наблюдателя явно переходит в сатирическое «равнодушие» поэта»³². Настораживали и точные датировки этих стихотворений: первая — «5 июня 1829 г. Лагерь при Евфрате», вторая — «7 сентября 1829 г.», явно указывающие на то, что эти стихи являются непосредственным откликом на войну. Это отметил журнал «Вестник Европы» в рецензии на стихотворение «Из Гафиза»: «Стишки..., на коих значится в подписи: Лагерь при Евфрате, показывают, что наш любимый Поэт вывез кое-что и из-за Кавказа, на утешение наше»³³.

Более определенно точку зрения властей предержавших выразил редактор официозной «Северной пчелы» и негласный осведомитель жандармского III Отделения Ф. В. Булгарин. Он писал: «А. С. Пушкин был на блистательном поприще побед и торжеств русского воинства, наслаждался зрелищем, любопытным для каждого, особенно для русского. Многие почитатели его Музы надеются, что он обогатит нашу словесность каким-нибудь произведением, вдохновенным под тенью военных шатров, в виду неприступных гор и твердынь, на которых могучая рука эриванского героя водрузила русские знамена»³⁴.

Правда, сразу же после заключения Адрианопольского мира Пушкин набрасывает стихотворение, оставшееся необработанным, в котором звучит гордость поэта за блестящие успехи русского оружия в войне с Турцией:

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие.

(III, 148)

Пушкин ясно осознает, что победа в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. имела огромное значение в вековечном споре между Россией и Турцией: она не только укрепила позиции первой в

³² Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум». — В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969, с. 195. Далее: Тынянов Ю. Н.

³³ Вестн. Европы, 1830, № 3, с. 248. Цит. по Тынянову Ю. Н.

³⁴ Сев. пчела, 1829, 16 нояб.

Закавказье и обеспечила мирную жизнь ее народам, но и оказала громадную поддержку и помощь национально-освободительному движению на Балканах, решала судьбу Греции, получившей независимость.

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

При пенье пламенных стихов
Тертя, Байрона и Риги³⁵
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги.

(Там же)

Повторим еще раз: Пушкин считал русско-турецкую как и русско-персидскую, войны справедливыми, почему стремился в них участвовать; он осуждал то, как они велись, и кто их вел. Эту же мысль он выражает в стихотворении «Олегов щит», также написанном как непосредственный отклик на Адрианопольский мир с Турцией. Поэт вспоминает поход стародавнего киевского князя, «вещего Олега», ко «граду Константина», когда «во славу Руси ратной, Строптиву греку в стыд и страх, Ты пригвоздил свой щит булатный На цареградских воротах», противопоставляя это уходу русской армии под командованием Дибича из-под стен Константинополя (также Паскевича — из Западной Армении).

Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

(III, 120)

Пушкин обвиняет высшее командование русской армии — Дунайской — И. И. Дибича, дошедшего до самого Константинополя, и Кавказской — И. Ф. Паскевича, перед которым также лежала открытой столица Турции, в нерешительности, в полном отсутствии полководческого таланта; по той же причине поэт

³⁵ Рига — Рисас Константин (1758—1798) — греческий патриот, восславивший в своих гимнах борьбу за освобождение Греции.

возмущен поведением министра иностранных дел К. В. Нессельроде, поддавшегося нажиму Англии и Франции и пошедшего на неоправданные уступки при заключении мирного договора. За всем этим Пушкин видит бездарного и самовлюбленного царя, по вине которого не были использованы все выгоды, приистекавшие из успехов русского оружия.

Именно глубокое проникновение в суть происшедших событий укрепило Пушкина в отказе писать оды в честь тех, кто пытался присвоить себе славу войны, замолчав ее истинных героев. Однако замысел написать о своей поездке в Закавказье не покидал поэта, ради чего он взял с собой «Арзрумскую тетрадь»; он лишь искал форму для его воплощения и остановился на жанре путевых очерков, дававшем ему возможность описывать все увиденное и услышанное, скрываясь за позой объективности. Первым опытом в этом направлении явился отрывок «Военная Грузинская дорога» с подзаголовком «Извлечения из путевых записок», напечатанный в издаваемой совместно с А. Дельвигом «Литературной газете» (1830, № 6). Уже здесь обнаружилась видимость, кажимость объективизма и нейтралитета позиции Пушкина: дабы избежать возможных неприятностей, он опустил свое свидание и беседу с Ермоловым, цитату из стихов Рыльева.

Убедившись, что ему не удастся спрятать под колпаком юродивого, как в трагедии «Борис Горунов», своего отношения к событиям и лицам, Пушкин отложил на время работу над продолжением очерков.

К ним Пушкин возвратился в 1835 г., о чем свидетельствует черновая рукопись «Путешествия», подготовленная для отдельного издания³⁶, состоящая из текста очерков, «Предисловия» и «Приложения» к «Путешествию в Арзрум». На отдельном листе, представляющем как бы обложку, рукою Пушкина с его же графическим начертанием типографских концовок обозначено:

ПРЕДИСЛОВИЕ

1835

СПБ³⁷

Оставляя в стороне пушкинские рукописи и связанные с ними текстологические вопросы, остановимся на «Предисловии», представляющем интерес в плане нашей работы. Оно вызвано появлением книги французского дипломатического агента Викто-

³⁶ РО ГБЛ, № 2383; РО ИРЛИ, № 1028—1035.

³⁷ Тынянов Ю. Н., с. 197.

ра Фонтанье «Voyages en Orient, entrepris par les ordres du Gouvernement Français de 1830 à 1833 voyage en Anatolie»³⁸, напечатанной в Париже в 1834 г., явившись тем самым стимулом и поводом для завершения Пушкиным всей серии очерков, составивших «Путешествие в Арзрум».

Исходя из колониальных интересов Франции на Востоке, В. Фонтанье резко ополчается против политики русского правительства в Закавказье, будто противоречащей чаяниям и стремлениям ее народов, представляя действия русских войск в русско-турецкой войне как цепь случайных удач, по словам Пушкина, «по-всеому описывая поход 1829 года» (VI, 639); с целью подтвердить свои заключения, В. Фонтанье пишет: «Один поэт, замечательный своим воображением, в стольких славных деяниях, свидетелем которых он был, нашел сюжет не для поэмы, но для сатиры» (там же, пер. — 821).

Это была опасная клевета по адресу поэта, грозящая ему новыми неприятностями, и хула на Россию, ее армию и ее подвиги, чего без ответа Пушкин оставить не мог; это стало также поводом, дававшим возможность осуществить свой замысел — правдиво обрисовать реальную картину войны, показать ее истинных и мнимых героев. Вот почему Пушкин с особой ответственностью отнесся к «Предисловию», написав четыре его варианта, тщательно обдумывая и взвешивая в нем каждое слово. Примечательно, что в первом из них содержалось официальное объяснение обстоятельств его поездки в Арзрум и полемика с теми, кто требовал от поэта славословий, которые Пушкин сжал во втором и третьем вариантах, оставив в четвертом лишь упоминание о критике и отведя главное место ответу Фонтанье.

В окончательно отшлифованном «Предисловии» Пушкин отмечает: «Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове³⁹ и об А. Н. Муравьеве⁴⁰. Оба находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход» (VI, 639). Как утверждает Ю. Н. Тынянов, здесь Пушкин дает

³⁸ «Путешествия на Восток, предпринятые по поручению Французского правительства» (франц.).

³⁹ Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель, драматург, критик.

⁴⁰ Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, писатель, автор книг духовного содержания. Служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, затем в святейшем Синоде.

понять своим критикам, что события войны не получили непосредственного ответа ни у кого из поэтов⁴¹.

К этой теме Пушкин вновь возвращается дальше, приводя слова В. Фонтанье, прямо указывающие на него: «Среди начальников, командовавших ею (армией князя Паскевича), выделялись генерал Муравьев... грузинский князь Чичевадзе...⁴² армянский князь Бебутов... князь Потемкин, генерал Раевский и, наконец, г. Пушкин... покинувший столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников» (там же, пер. — 821).

Приводя имена людей, среди них и тех, кто находится в опале, Пушкин словами француза Фонтанье подтверждает их выдающуюся военную деятельность в русско-турецкой войне. Он выражает против приписываемых ему поисков «вдохновения», говоря, что это всегда казалось ему «смешной и нелепой причудой: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня с одной стороны слишком самолюбиво, а с другой слишком непристойно» (VI, 640). И хотя Пушкин выдает себя за стороннего наблюдателя войны, не вмешивающегося в военные суждения: «Это не мое дело, — пишет он, однако, как замечает Ю. Тынянов, он делает серьезные возражения «чисто военного характера», обнаруживающие «тонкую военную осведомленность «штатского» автора»⁴³.

«Может быть, смелый переход через Саган-лу, движение, которым граф Паскевич отрезал сераскира от Осман-паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток, быстрый поход к Арзруму, все это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (какковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток)...» (там же).

Публикуя «Путешествие в Арзрум» в 1836 г. в первом томе издаваемого им журнала «Современник», Пушкин изъясил в «Предисловии» фразу относительно движения русского корпуса в Арзрум, что, напомним, было предметом споров «молодых генералов» в палатке Раевского в день прибытия поэта в русский лагерь; ошибочность этого стратегического шага Паскевича Пушкин видит и в гибели отряда Бурцова под Байбуртом, в игнорировании природных и климатических условий места военных действий, отсутствии заботы о солдатах, высокомерном пренебрежении к мнению окружающих, жестоком отношении к ссыльным декабристам,

⁴¹ Тынянов Ю. Н. Путеводитель по Пушкину. — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М.; Л., 1931, т. 6, с. 361—362.

⁴² Имеется в виду А. Г. Чавчавадзе.

⁴³ Тынянов Ю. Н., с. 200.

замалчивании их заслуг и превознесении себя — все это в осторожной, но доходящей до проницательного читателя форме сказано в его очерках. Правда, в «Предисловии» Пушкин именует Паскевича «прославленным полководцем», отмечает, что тот принял его ласково «под сень своего шатра» и нашел время «оказывать... лестное внимание», однако не только показания очевидцев, а и все последующее повествование свидетельствуют об обратном.

Приступая к написанию «Путешествия в Арзрум», Пушкин использовал значительную научную литературу. Мы уже называли в предыдущей главе ряд источников, здесь же добавим, что среди сохранившихся в библиотеке поэта книг насчитывается более десятка по истории войн России на Востоке⁴⁴. Поэтому очерки отличает, говоря словами Ю. Н. Тынянова, «точность, иногда несколько нарочитая и педантическая, подчеркивающая фактический научный характер сведений»⁴⁵.

2

Из поля зрения исследователей армянских взаимосвязей Пушкина выпал не заверченный им труд «История Петра», которому поэт посвятил последние годы жизни. В нем нашел отражение важнейший этап русско-армянских политических, экономических, культурных и других отношений, определивший во многом их будущее развитие в последующие столетия и углубление в который подвело фундамент под знания Пушкина об Армении и армянском народе.

В дошедшем до нас виде «История Петра» представляет в основном переложение 12 частей (томов) «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранных из достоверных источников и расположенных по годам» И. И. Голикова, изданных в 1788—1789 гг. К ним И. Голиков составил 18 частей (томов) «Дополнений к Деяниям Петра Великого», увидевших свет в 1790—1797 гг. По Голикову Пушкин набросал черновую конструкцию своей «Истории Петра», взяв у него и хронологическую канву и сами факты.

Иван Иванович Голиков (1735—1801) не был ученым-историком, но только собирателем «воедино дел Петровых и благодарный повествователь оных»⁴⁶. По словам В. Г. Белинского, «по-

⁴⁴ Их перечень см. в кн.: **Модзалевский Б. Л.** Личная библиотека Пушкина. СПб., 1910, отд. отд.

⁴⁵ **Тынянов Ю. Н.**, с. 205.

⁴⁶ **Голиков И.** Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. М., 1788, ч. 1. Предисловие, с. IX. Залес: **Голиков И.** Деяния.

луграмотный курский купец, выучившийся на железные гроши читать и писать, чувствует сильную потребность во что бы то ни стало узнать историю Петра Великого. Недостаток в средствах лишает его возможности собирать материалы; однако он делает для этого всевозможные пожертвования, урывками от коммерческих занятий и житейских забот читает он все, что попадетс^я ему под руку о Петре, делает выписки и таким образом полагает начало своему труду, огромности которого и сам не предчувствует»⁴⁷.

За злоупотребления по службе Голикова в 1757 г. заключили в тюрьму и лишь в 1782 г. вследствие «милостивого манифеста по случаю открытия монумента Петру Великому» отпустили на волю; тогда, упав перед ним на колени, он дал обет составить историю Петра. Как пишет Белинский, «тридцать томов остались памятинком его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рассказе нередко заметно одушевление, достойное предмета, его возбудившего», и, «явись Голиков у англичан, французов, немцев — не было бы конца толкам о нем, не было бы счета его биографиям...»⁴⁸.

Характеризуя труд Голикова, справедливо считают его первым старательным и обильным сводом фактов, «попыткой систематизировать их», в которой «чем дальше, тем изложение все более и более переходит в погодное размещение сырого материала, — обстоятельство... несомненно имевшее выгодную сторону: оно обеспечило труду Голикова вплоть до нашего времени значение первоисточника»⁴⁹. К недостаткам автор относит поверхностную обработку материала, «переданного в руки читателя почти в нетронутом виде»⁵⁰. Иными словами, труд Голикова эмпиричен, лишен общей идеи, определяющей отделение главного от второстепенного, выявление общих закономерностей развития России в эпоху Петра.

В этом море фактов, приводимых Голиковым, Пушкин совершает отбор, руководствуясь своей концепцией о предназначении Петра в истории России. По Пушкину, Петру предстояло поднять страну на уровень передовых европейских стран, для чего он осуществил свои государственные реформы, создал регулярную армию и военно-морской флот, усилил самодержавие; чтобы выстоять и выжить в окружении могущественных соседей, необхо-

⁴⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. СПб., 1903, т. 6, с. 120.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Шмурло Е. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912, с. 92—93. Цит. по: Фейнберг И. Незавершенные работы Пушкина. М., 1955, с. 101. Далее: Фейнберг И.

⁵⁰ Там же.

димо было возвратить захваченные земли и выйти на мировой простор экономических, политических, культурных связей, «прорубить окно» не только в Европу, а и в Азию, для чего он провел длительную войну со Швецией, предпринял Прутский и Персидский походы. В этом плане и все то, что занес Пушкин в свои тетради, в частности и об армянах, — не просто повторение Голикова, но выделение того, что представляется ему наиболее существенным, главным в истории России в эпоху Петра.

Известно, что помимо «Деяний» И. Голикова Пушкин глубоко изучил и другую научную литературу о Петре, большая часть которой имела в его библиотеке. И. Фейнберг приводит мнение специалиста в области русской историографии В. Иконникова, что занятия поэта «историей Пугачевского бунта и Петра Великого... обозначаются приобретением важнейших сочинений, относящихся к этим эпохам, имеющихся в русской и иностранной литературе»⁵¹.

Не перечисляя этих книг и отсылая к работе И. Фейнберга, где они обстоятельно рассмотрены, укажем, что Пушкин не ограничился лишь изучением печатных источников, но занялся самостоятельными разысканиями в архивах Петербурга и Москвы, уделив этому много времени. В июле 1831 г. Пушкин по его просьбе был зачислен в Иностранную коллегию «с позволением рыться в старых архивах для написания истории Петра Первого»⁵², где занимался до марта 1832 г.; затем он получил разрешение работать в Эрмитаже — над библиотекой Вольтера, «с разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему (т. е. Вольтеру) для составления его истории Петра Великого» (IX, 543), а наезжая в Москву, подолгу занимался в архивах Российской империи⁵³.

Насколько серьезно относился Пушкин к сбору документов, свидетельствует и его письмо к жене от 16 мая 1836 г. из Москвы: «В архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на шесть» (X, 580). По воспоминаниям Н. М. Смирнова конца августа 1836 г., Пушкин «читал очень много и, одаренный необыкновенной памятью, сохранял все сокровища, собранные им в книгах; особенно хорошо изучил он российскую историю и из оной всю эпоху с начала царствования Петра Великого до наших времен... Он этим делом занялся с любовью, но не хотел начать писать прежде, чем соберет все нужные материалы, и для дости-

⁵¹ Там же, с. 60.

⁵² Ныне — Архив внешней политики России. Далее: АВПР.

⁵³ Ныне — Центральный государственный архив древних актов. Далее:

ЦГАДА.

жения сего читал все, что было напечатано о сем государе, и рылся во всех архивах...»⁵⁴.

Круг источников, которыми пользовался Пушкин, был настолько широк и так им проработан, что давал ему основание писать жене: «Ты спрашиваешь меня о Петре? Идет помаленьку; скоплю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок» (X, 486).

Мы потому особо отмечаем разыскания Пушкина в архивах, что в них хранилось множество документов о сношениях России с народами Закавказья, в том числе и с армянским, которые непосредственно касались вопросов, затрагиваемых Пушкиным в «Истории Петра». И хотя многие из этих документов не нашли отражения в его записях, однако есть основания полагать, что из-за их значимости они отразились бы в его труде. По замыслу Пушкина, это должна была быть всеобъемлющая история Петра I, охватывающая, с одной стороны, социальное положение и взаимоотношения всех сословий внутри страны, их психологию, быт, нравы вплоть до анекдотов о царе и его окружении, а с другой — связи России с европейскими и азиатскими государствами, ее цели и задачи на международной арене. На это прямо указывает П. А. Вяземский: «В последнее время работа, состоящая у него на очереди, была история Петра Великого. Труд многосложный, многообъемлющий, почти всеобъемлющий. Это — целый мир! В Пушкине было верное понимание истории, свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость... Он не писал бы картин по мерке и объему рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению»⁵⁵.

Следовательно, даже в том виде, в каком рукопись «Истории Петра» дошла до нас, она должна восприниматься как некая «заготовка», которую Пушкин собирался развить и дополнить. Учтем также, что многое из собранного Пушкиным исчезло, а поэтому каждая запись, любое его замечание в «Истории Петра» приобретает значение ключа, который дает возможность восстановить хотя бы в общих чертах это утраченное.

Отметим также, что обращение к пушкинскому тексту «Истории Петра» по существу означает рассмотрение русско-армянских связей второй половины XVII — первой трети XVIII в., множество документов о которых сохранилось в русских архивах.

⁵⁴ Рус. архив, 1882, кн. 2, с. 229. Цит. по: **Фейнберг И.**, с. 18.

⁵⁵ **Вяземский П. А.** Полн. собр. соч. СПб., 1879, т. 2, с. 373.

Поэтому мы остановимся лишь на тех записях Пушкина, которые относятся к интересующей нас теме, оставляя многое за пределами настоящей работы для будущих исследований.

* * *

«Историю Петра» Пушкин предваряет «Введением», которого он не успел написать, но наметил ряд его пунктов и тезисно изложил в двух параграфах вопросы, на которых намеревался остановиться. Оно посвящено положению России в царствование Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича.

В области внешней политики Пушкин выделяет отношение России к Швеции и Польше, к Турции и «к прочей Европе» (IX, 7). Детализируя, он пишет: «1) Склонна к Польше, уже обессиленной, неприязненна к Швеции, усиливающейся час от часу.

2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье и Украину.

3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии нужна, как достоятельная соперница Турции» (IX, 7—8).

Обратим внимание — Пушкин особо подчеркивает ту опасность, которую представляла для России (и для Европы) агрессия Турции: Конкретно речь о попытках Турции отторгнуть от России воссоединившуюся с ней в 1653 г. Украину, а также о том, что начиная с этого времени Европа, главным образом Австрия, все более осознает значение России в противоборстве с Турцией.

Во «Введении» в параграфе «Россия внутри» отдельным пунктом Пушкин записывает:

«Внешняя торговля:

- а) Архангельская младенческая
- б) Персидская
- с) Волга».

(IX, 8)

В государственных архивах, в которых работал Пушкин, хранятся документы, свидетельствующие, что персидскую, или «кзылбашскую»⁵⁶, торговлю с Россией осуществляли преимущественно армяне из г. Новая Джуга близ столицы Персии Исфахана (Испаган). Первая запись об этом — сообщение Таможенного приказа в Посольский приказ от 26 марта 1626 г. — о при-

⁵⁶ Кзылбашы — красноголовые (оттого, что красили волосы хной).

возе в Москву 4 армянскими и 2 персидскими купцами товаров⁵⁷. Приток армянских купцов в Москву усиливается и из частного предпринимательства превращается при Алексее Михайловиче в дело государственной значимости. В марте 1660 г. в Москву прибыли представители армянской торговой компании Новой Джуги Захар Саградов «с девятью товарищи». Они привезли русскому царю трон, изготовленный из сандалового дерева, украшенный 28 фунтами золота, 8 фунтами серебра, алмазами, жемчугом и другими драгоценными камнями, закупленными в Индии. Его выполнили армянские мастера в Джуге в мастерской отца ходжи Захара — Сагада в тайне от шаха и без его ведома вывезли в Россию. Латинская надпись на троне гласила: «Могущественнейшему и непобедимому Московскому императору Алексею, на земле счастливо царствующему, сей трон, с величайшим искусством и тщанием сделанный, да будет счастливым предзнаменованием грядущего. 1659 год»⁵⁸. Вместе с тронном армянские купцы подарили русскому царю гравированную на меди композицию «Тайная вечеря», особенно ему понравившуюся. Подношения были сделаны и «сыну ево... благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеичу» (с. 22—23). В свою очередь и царь щедро вознаградил Захара Саградова, «пожаловал, велел ему и людям ево давать своего государева жалованья с приезде ево до отпуску...» (с. 25). Саградов был принят по протоколу посланника: он получил аудиенцию у царя, приглашался на дворцовые приемы; перед домом, где он остановился, был поставлен караул⁵⁹.

Опуская подробности переговоров в Посольском приказе об оценке привезенных Саградовым товаров, о произведенных им закупках и т. п., интересные для характеристики русско-персидской торговли в XVII в., укажем лишь, что помимо экономических вопросов стороны обсуждали и политические, касающиеся взаимоотношений Московского государства с Персией.

Спустя шесть лет — 21 декабря 1666 г. — в Москву прибыла группа армян во главе с приказчиком З. Саградова Григорием Лусиковым и Степаном Ромодамским, которые в этот день имели аудиенцию у Алексея Михайловича; они просили дать указ о

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Арменией, 1626 г., д. 6/№. Цит. по: Армяно-русские отношения в XVII в. Сб. документов / Подгот. к печати В. А. Парсамян, В. К. Восканян, С. А. Тер-Авакимова. Ереван, 1953, т. 1, с. 3—4. Далее ссылки на сборник в тексте с указанием страниц, а на архивы — в подстрочных примечаниях.

⁵⁸ Алмазный трон ныне находится в Оружейной палате Кремля.

⁵⁹ См.: Молева Н. М. Мастер из Джульфы. — *Вопр. истории*, 1975, № 8, с. 210.

даровании армянским купцам права свободной торговли шелком-сырцом «и иные всякие товары на русскую и на немецкую руку» в городах России и транзита через Великий Новгород или Архангельск в Западную Европу, возвращения из-за моря «с немецкими товарами» через Россию в Персию.

По царским законам многие товары считались «заповедными» и «указными», а ряд отраслей их производства и торговли объявлены монополией казны или купеческой верхушки. Существовала также конкуренция западноевропейских — английских, голландских и германских — купцов, которые, пользуясь предоставленными им привилегиями, теснили еще молодой и слабый торговый капитал России. В своих челобитных в 1626, 1646 и 1648 гг. русские торговые люди требовали ограничения торговли иностранцев, лишения их льгот⁶⁰. Наиболее острым являлся вопрос о транзитной торговле через Россию с Персией и Индией, которой упорно добивались европейцы уже с начала XVII в., однако получали решительный отказ: он диктовался как экономическими соображениями — защитой интересов русского купечества, так и политическими — необходимостью противодействия агрессии Турции, покорившей Закавказье и Балканы, закрывшей торговые пути между Западом и Востоком, стремившейся захватить Прикаспийские районы и устье Волги, страны Средней Азии, отъединить Персию от России⁶¹. В этой международной обстановке большое значение для России и Западной Европы приобретал волго-каспийский торговый путь и город Астрахань. С. М. Соловьев приводит свидетельство о том, что мусульманские владельцы обращались к турецкому султану с просьбой отнять у Москвы Астрахань, которая дает в день 1000 р. золотых.

В условиях запрета транзита европейцам и ограничения их привилегий в России обращение армянской торговой компании в Испагане к царю Алексею Михайловичу с подобной просьбой казалось, по крайней мере, несвоевременным. Однако вопреки своей традиционной внешней и внутренней торговой политике русское правительство даровало армянским купцам право свободной торговли в России, транзита в Западную Европу и обратно через Россию в Персию, о чем 31 мая 1667 г. был издан указ царя (с. 47). Лусиков и Ромодамский «со товарищи», получив поручения Алексея Михайловича, возвратились в Персию.

В декабре 1672 г. Лусиков вновь приехал в Москву. В результате его переговоров были увеличены поставки восточных товаров, прежде всего шелка-сырца, перебрасываемых через Ар-

⁶⁰ **Восканян В. К.** Ново-торговый устав и договор с армянской торговой компанией в 1667 г. — Изв. АН АрмССР. Обществ. науки, 1947, № 6, с. 29—30.

⁶¹ Там же, с. 30—32.

хангельск и Новгород в Западную Европу (с. 110 и др.). Из записей Посольского приказа выясняется, что перед Лусиковым были поставлены задачи достичь мира и союза между Россией и Персией, привлечь ее в антитурецкую лигу, содействовать возвращению на грузинский престол находившегося в Москве внука царя Теймураза — Николая Давидовича. Их Лусиков успешно выполнил: персидский шах Сулейман принял предложения России.

В январе 1673 г. из Испагана приехал в Москву Степан Ромодамский, который «будучи на приезде великому государю челом ударил узорочных товаров» (с. 99). Перечень привезенного им занимает в записях Посольского приказа десятки страниц, а стоимость приближается к сотне тысяч (с. 100—104). То же и закупленная армянской компанией в Сибирском и Новгородском приказах пушнина, рыба, кость и другое для вывоза в Персию (с. 104—110). 7 февраля 1673 г. «окольничий и начальник Серпуховский» боярин Артамон Сергеевич Матвеев по поручению царя Алексея Михайловича разработал с шахским представителем Степаном Ромодамским новый договор, подтверждающий заключенный 31 мая 1667 г. с Григорием Лусиковым «о привозе шелку сырцу в Великую Россию на Русскую и Немецкую руку с иными многими товарами для продажи» (с. 110). За армянской торговой компанией было оставлено право транзитной торговли и ряд привилегий, а русским местным властям дано указание принять все меры для обеспечения безопасности армянских купцов (с. 111—112), оговорены пошлины, взимаемые в пользу казны (с. 112—113); договор был запечатан «государственной большою печатью под государскою кустодиею»⁶².

Действие нового соглашения не замедлило сказаться. Резко увеличился приток восточных товаров, привозимых армянскими купцами; со своей стороны русские власти и лично Алексей Михайлович принимали все меры, чтобы обеспечить приезжим благоприятные условия для торговли: им предоставляются торговые дворы с жильем, выделяются подводы для перевозки товаров и т. п.

* * *

К русско-армянским связям во времена Алексея Михайловича подводит еще одна фраза Пушкина во «Введении»: «...любит иноземцев и печется о науках» (IX, 6). Обычно под «иноземцами» понимают европейцев, упуская из виду значительную группу армян, проживавших в Москве, — не только «торговых людей», а и переводчиков с восточных языков, разных мастеровых.

⁶² Кустодия — футляр для хранения привешенной к документу печати.

Из челобитных и других документов Посольского приказа устанавливается, что еще при Михаиле Федоровиче в нем служил в качестве переводчика армянин Саркиско Аванесов, бежавший из Турции в Крым из-за религиозных преследований, где он выкупил пленную русскую женщину, женился на ней и приехал с нею в Москву (с. 5—8). С Посольским приказом связана и деятельность воеводы и стольника армянина Василия Александровича Даудова, именующего себя в биографии Алимарцан Бабаев, сын Даудов⁶³. Он родился в Испагане, как и многие армяне из Новой Джуги, выполнял какие-то обязанности при дворе персидского шаха, пользовался его доверием и принимал участие в переговорах с русской миссией во главе с И. И. Лобановым-Ростовским, направленной Алексеем Михайловичем с целью склонить Персию к антитурецкой коалиции; при содействии русского посла Даудов выехал в Россию, прибыл в Москву в 1664 г., перекрещен в «русскую веру». Как пишет К. Н. Григорьян, его жизнь в России богата и красочна внешними фактами и могла бы послужить благодарным материалом для приключенческого романа⁶⁴. Он прослужил в Посольском приказе 50 лет, был возведен в дворянство, исполнял должности стольника и воеводы, возглавлял ряд посольств в разные страны, трижды ездил в Турцию, причем в последнюю поездку чуть не поплатился жизнью⁶⁵. Его сын Василий также служил в Посольском приказе и участвовал «в описи (переписи) армянских домов» и в подобного рода делах.

Из армян — сотрудников Посольского приказа, начавших службу при Алексее Михайловиче и продолживших ее при Петре I, отметим также толмача Павла Ормянина и Карапета Ширванова, о котором мы скажем дальше.

Другую категорию армян, прибывших в Россию по приглашению Алексея Михайловича, составляли живописцы, «сафьянных», ювелирных и других дел мастера. Один из них — живопи-

⁶³ О нем см.: Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X—начало XX в.). Ереван, 1974, с. 43—47. Далее: Григорьян К. Н. Со ссылками: Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, с. 180—181; Русский биографический словарь. СПб., 1905, с. 115—117; Селифонтов Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василия Александровича Даудова. — Летопись занятий Археогр. комиссии за четыре года, вып. 5, с. 1—41, Приложения, с. 1—175.

⁶⁴ Григорьян К. Н., с. 45.

⁶⁵ Поездки Даудова в Константинополь в 1678 и 1692 гг. (уже при Петре I) и его переговоры с Турцией отмечает и С. М. Соловьев («История России», т. 13, с. 849; т. 17, с. 403—404).

сец *Богдан Салтанов*⁶⁶, которого по приезде в Москву в июне 1667 г. направили в Оружейную палату с приказанием выучить «своему мастерству из русских людей учеников», назначив ему государево жалованье «в приказ с дворцов питья и корму». В 1674 г. Богдан Салтанов принял православие, был возведен в дворянское звание и продолжал службу при Петре I⁶⁷. Другой живописец — армянин «кизилбашенин» Лазар Иванович Бельский, родоначальник большой семьи художников⁶⁸. Около 1670 г. он перешел в Оружейную палату в ученики к Салтанову и остался при нем до 1678 г. Отсылая к статье Н. Молевой за подробным описанием живописных работ Лазаря Бельского и выполненных под его руководством, отметим, что по челобитной 1693 г. он перешел на приказную должность, передав свою профессию сыну — Ивашке Лазаревичу Бельскому. Последний работал у царицы Прасковьи Федоровны — вдовы старшего брата и соправителя Петра I Ивана Алексеевича. Когда в 1711 г. 208 мастеровых Оружейной палаты были переведены в Петербург, Иван Лазаревич Бельский хотя и брал подряды в новой столице, однако остался приписанным к Москве и числился на службе во вновь образованном цехе городского магистрата, где он достиг степени живописного мастера⁶⁹. Здесь же были зарегистрированы три его сына, ставших живописцами, — Алексей, Иван и Ефим Ивановичи Бельские⁷⁰. Известен также сафьянный мастер армянин Арапет Мартынов, живший в Москве и обучавший своему ремеслу учеников (с. 43).

Таким образом, в результате широкого развития экономических связей России с Персией, осуществляемых через армянских купцов, в Москве возникает армянское поселение, которое в конце XVII в. составляло около 2 тыс. человек⁷¹. Вот что скрывалось за строками конспекта Пушкина — «персидская торговля», «любит иноземцев» — о первых Романовых.

66 О нем см.: Царский живописец Иван Иевлевич Салтанов: (Из открытий в области истории русской живописи XVII века). Очерк приват-доцента А. И. Успенского. — Старые годы, 1907, март, с. 75—86 (с воспроизведением шести работ Салтанова в тексте статьи).

67 Молева Н. 1) Богдан (Иван) Салтанов в Москве. — ИФЖ, 1974, № 1, с. 39—52; 2) Иван Салтанов и его школа. — Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1977, № 10, с. 81.

68 Молева Н. М. О художниках Бельских. — Вестн. обществ. наук АН АрмССР, 1974, № 9, с. 38.

69 Там же, с. 44—47 со ссылкой: ЦГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 21, № 33711.

70 Там же, с. 47.

71 См.: Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1949, с. 143.

В 70-е гг. XVII в. завязываются непосредственные сношения между русским правительством и армянской церковью, которая в условиях отсутствия государственной власти в Армении выступала в качестве представителя и предводителя армянского народа. В свой приезд в Москву Лусиков привез и послание патриарха Карабаха Петроса на имя Алексея Михайловича (с. 92). В нем русский царь назван хранителем и оберегателем христианства, своими могуществом и силой превосходящим правителей всех остальных государств, на которого возложена миссия освобождения христианских народов, в том числе и армянского, от ига «агаронян» и объединения их всех под своей эгидой.

Следующий шаг в сближении армянской церкви с Россией сделал эчмиадзинский католикос Акоп Джугаеци — один из прогрессивных деятелей своего времени, поощрявший развитие национальной культуры и многое сделавший для развертывания книгопечатания на родном языке. С его именем связано послание «всемогущему и непобедимому августейшему императору московских русских и прочих народов», написанное по-латыни и сохранившееся в делах Посольского приказа. В самом титуловании Алексея Михайловича «августейшим императором» по образцу византийских, да еще властвующего не только над русским, но и «прочими народами», скрывается признание за ним права на всемирную монархическую власть (с. 257). Акоп Джугаеци просит русского царя оказать давление на Персию для защиты армян, хотя понимает, что в данных условиях, когда главной задачей русского правительства является организация отпора турецкой агрессии, оно навряд ли вступит в военный конфликт с Персией. Об ответе русского царя в источниках не сообщается, ибо переговоры носили тайный характер и обе стороны избегали гласности: армянская потому, что неизбежно навлекла бы гонения и кары шаха, русская потому, что, сочувствуя армянам и поддерживая их, была пока еще заинтересована в союзе с Персией против турок. Тем не менее в беседах Алексея Михайловича с Лусиковым, позже — с Ромодамским было дано устное обещание оказать помощь армянам в Персии всеми возможными способами, о чем свидетельствует дальнейшее развитие событий в Армении. В 1674 г. (или 1677 г.) католикос Акоп Джугаеци созвал в Эчмиадзине тайное совещание 12 наиболее видных представителей армянской знати и духовенства. На нем было решено вступить в сотрудничество с возглавившим вооруженное восстание против персидского шаха царем Картлии Георгием XI и Кахетии — Арчилом и вместе с ними направить послов в ряд государств Европы для переговоров о военной помощи. Русский царь

не назван, хотя, судя по приведенному выше посланию Акопа Джугаеци к Алексею Михайловичу и его тесным контактам с армянами из нободжугинской торговой компании, не исключено, что речь о возможной поддержке России на совещании шла.

Посольство, возглавляемое Акопом Джугаеци, отбыло в Грузию, оттуда — в Константинополь (Стамбул), чтобы отправиться в Западную Европу. Однако внезапная смерть католикоса в 1680 г. расстроила все планы. Лишь один из них, 20-летний сын сюникского мелика Исраэла, по имени Ори, продолжил путь в Европу. После 19 лет странствий в ней, службы во французской армии и у баварского курфюрста Иоганна Вильгельма в качестве комиссара в четырех городах Исраэл Ори вернулся в Армению. Здесь в апреле 1699 г. в поселке Ангехот в Сисиане⁷² состоялось собрание меликов, которые уполномочили Исраэла Ори и вардапета (архимандрита) Минаса Тиграняна вести переговоры в Западной Европе и одновременно просить помощи у русского царя.

Минас и Ори направились в Европу, однако их переговоры не дали реальных результатов. Тогда они выехали в Россию, в Москву, к Петру I. Согласно записи в Посольском приказе, «в нынешнем 1701 году, июля в 7 день, явились... иноземцы армяны: Исраиль Ория, а с ним армянской веры Абаз Мина вардапет с товарищи, пять человек»; которые представили свои «проезжие листы» от «цесарского величества Римского, да короля Польского и курфюрста Баварского»⁷³. Они привезли также послание армянских меликов царю Петру Алексеевичу, написанное на армянском языке и в переводе на латынь, где мелики сообщают о бывшем в Эчмиадзине совещании, посольстве Акопа Джугаеци и его смерти, об Исраэле Ори; охарактеризовав его, что «он досуж во всяких делах и научился всяких дел военных... даем ему похвалу, познаваем его ревности и добрый приступ к делу, и разум, и всякие таланты, и ведомость во всяких делах», что он «есть из первенственной фамилии королевства нашего», армянские мелики объявляют «со всяким покорством» о назначении ими Ори своим депутатом. «...и что он будет делати, и что нибудь постановит величество ваше, сие правдиво и добро быти соизволяем» (с. 191). Выражая полное доверие Ори, армянские мелики заявляют: «На-

⁷² Ныне в составе АрмССР.

⁷³ Этот и остальные документы сношений России с Арменией хранятся в ЦГАДА. Большая часть из них опубликована Г. А. Эзовым в сб. «Сношения Петра Великого с армянским народом» (СПб., 1898) (далее: *Эзов Г. А.*), а также: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сб. документов / Под ред. А. Иоаннисяна. Ереван, 1964, т. 2, ч. 1, с. 197—199. Далее ссылки на последний сборник в тексте.

ше намерение есть, дабы мы и все народы наши, великие и малые, поддалися бы власти и государствованию величеству вашему» (с. 193), т. е. добровольно соглашаются на подчинение России, связывая с ней освобождение от персидско-турецкого ига.

Ори был принят по рангу посла иностранной державы с оказанием всех соответствующих почестей. Петр поручил боярину Ф. А. Головину вести с ним «тайный разговор». В делах приказа сохранились вопросы к Ори, относящиеся к организации похода в Армению (с. 200), его докладная записка на латыни от 11—14 июля Петру (с. 200—201, пер. — с. 201—203), письмо Ф. А. Головину от 14 июля о готовности армян соединиться с русскими войсками (с. 203—204), его ответы на вопросы Головина (с. 205—208), протокол заседания государственного Посольского приказа от 23 июля, где Ори изложил свой план, который из-за незнания им русского языка переводили Николай Спафарий и подьячий Максим Алексеев (с. 83—85), его памятная запись от 26 июля Головину (с. 210—216).

В этих и других документах Ори излагает свои соображения по поводу освобождения от персидского господства Закавказья (кавказского побережья Каспийского моря, Тифлиса, Эривани и Нахичевана), для чего считает необходимым направить туда 25-тысячную русскую армию — 15 тыс. конных казаков и 10 тыс. пехоты, к которым присоединятся армянские и грузинские войска. В подтверждение реальности своего предложения Ори ссылается на Стеньку Разина, легко взявшего с 3 тыс. казаков персидскую провинцию Гилян (с. 214). Ори сообщает подробные сведения о составе населения, его занятиях, городах, селениях и даже об отдельных исторических личностях (там же), особо указывает на благоприятное время для войны, потому что «никакова войска и уготовления у них персов нет и... что ныне все христиане востали и збираются на персов», которые их «насильством бусурманят» (с. 215). В заключение, понимая всю свою ответственность, Ори заявляет: «И буде великий государь чает, что много пишу и много обещаюся делать, однакоже готов я всякому слову и делу отповедь чинить и показать совершенный довод» (с. 216).

Ори была назначена аудиенция у Петра I, состоявшаяся в промежуток 28 октября — 8 ноября 1701 г. Ори и Минас преподнесли царю и царевичу поминки (подарки), против чего по указу царя им дано вдвое. После приема переговоры продолжались в Посольском приказе, во время которых Ори выразил желание поступить на русскую военную службу. 11 марта 1702 г. к Ори и Минасу явился переводчик Николай Спафарий, который устно объявил о сострадании царя бедствиям армянского народа, его обещании освободить его от ига персов и турок после

окончания шведской войны и о принятии Ори на русскую службу. Со своей стороны Ори высказал пожелание об образовании под его руководством армянского полка, «который мог бы быть крылом войска, потому что люди этого полка будут знать дороги, переходы и язык населения»; он заявил, что намерен собрать в Астрахани «лутчих людей нашего народа... и от тех построится регимен карабинеров моими»; он просит у Петра разрешения купить на 15—20 тыс. оружия в Амстердаме и привезти его в Астрахань⁷⁴. По справедливому предположению П. Т. Арутюняна, намерение Ори вступить в русскую армию и назначение его полковником было вызвано стремлением создать армянский полк⁷⁵.

По поручению Петра I Ори и Минас написали соответствующие письма, посланные через армянина-толмача Назара Ореховича (Ареховича) баварскому курфюрсту и австрийскому императору. Для оповещения «старшин армянского народа» — меликов в Армению был направлен, по словам Ори, «верный человек, породю армянин», дослужившийся в русской армии до чина капитана, ныне ушедший в отставку и живущий в Москве, Мирон Васильев⁷⁶.

Узнав об обещании Петра I помочь армянскому народу, эчмиадзинский патриарх предписал повсюду совершать молебствия о здравии царского величества и за войско его, «дабы царского величества оружие счастливую и славную победу получило»⁷⁷. Вернувшийся из поездки в Армению Мирон Васильев 20 июля 1703 г. доложил в Посольском приказе о своем путешествии и вручил привезенные им грамоту от заместителя эчмиадзинского патриаршего престола, адресованную Ори и Минасу⁷⁸, и ответное письмо Ори и Минасу армянских меликов от 15 апреля 1703 г.⁷⁹ и их послание царю Петру Алексеевичу от 27 мая 1703 г.⁸⁰ В них выражена великая радость по поводу согласия русского царя после победы над шведами освободить их несчастную нацию, за что они дено и ночью непрестанно возносят Богу молитвы, во всех церквах молятся за ниспослание ему победы. Они выражают свою верность русскому царю и подтверждают прежде взятые обязательства о всяческом содействии русским войскам.

⁷⁴ Эзов Г. А., с. 221—223.

⁷⁵ Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века. М., 1954, с. 150. Далее: Арутюнян П. Т.

⁷⁶ Эзов Г. А., с. 224.

⁷⁷ Там же, с. 227—229.

⁷⁸ Там же, с. 138, пер. — с. 157—162.

⁷⁹ Там же, с. 149—152.

⁸⁰ Там же, с. 154—157.

Вся эта переписка между сторонами содержит примечательные подробности, заслуживающие пристального к ним внимания, однако мы вынуждены обойти их как выходящие за пределы нашей темы. Доскажем лишь дальнейшую судьбу Исфаэла Ори. В 1707 г., выполняя поручение Петра I, Ори в чине полковника русской армии выехал в Персию. В Шемахе произошла задержка: шах Хусейн стал препятствовать прибытию Ори в Испаган, ибо его уверили, что у армян существует пророчество о восстановлении их царства под покровительством России, что само имя «Исфаэл» (Израиль) означает «ангел смерти» и, наконец, что прием русского посольства воодушевит христиан—армян и грузин—встать против персов. Однако, опасаясь и гнева русского царя, шах после долгих проволочек разрешает приезд Ори, ведет с ним переговоры, о чем сообщает в грамоте на имя Петра от 7—20 сентября 1709 г.: «Согласно вашему желанию, к полному успеху посольства упомянутого Исфаэла Ориа оказали мы сему последнему милостивое наше внимание, помощь, уважение»; шах соглашается ограничить и преследования христиан и даже дать разрешение на отъезд в Россию вместе с Ори 20 армянских семейств, намеревавшихся поселиться на жительство в Москве⁸¹.

На обратном пути Ори остановился в Шемахе, вновь встретился с армянскими, грузинскими, азербайджанскими политическими и духовными деятелями, вел с ними беседы, обнадеживая их и укрепляя веру в Россию. Об их содержании можно судить по письму эчмиадзинского католикоса Александра Джугаеци и гандзасарского патриарха Исаяи Хасан-Джалаляна Петру I: «Когда Ори прибыл в эти края, то он был осведомлен о всех наших намерениях и узнал все здешние входы и выходы как приморские, так и с суши, [а также число] как пеших, так и конных войск...»⁸². И далее: «Мы с [нашей] страной и со всеми меликами и знатными и рамиками готовы и ожидаем [вашего прибытия]»⁸³.

После ряда приключений — бури при переправе через Каспийское море, когда шлюп, на котором плыл Ори, отнесло назад к Низовой, он прибыл в Астрахань. Согласно донесению казанского воеводы П. М. Апраксина от 7 ноября 1711 г., приехавший из Персии Исфаэл Ори «жив без мала месяц, умер в августе месяца и погребен по их закону в Астрахани у армянской церкви»⁸⁴.

В одном из своих последних писем Ори писал: «Жизнь моя

⁸¹ Там же, с. 251.

⁸² Там же, с. 243—244.

⁸³ Там же. Рамики — крестьяне.

⁸⁴ Там же, с. 351—377.

и все, что я имею, принадлежит царю, и да будет его воля». Убедившись в том, что лишь Россия может спасти армянский народ от ассимиляции и физического уничтожения, дать ему возможность для национального возрождения, Ори, перейдя на службу русскому царю, стал преданным защитником его интересов, верным сыном России.

Деятельность Исраэла Ори сыграла большую роль в политических связях русского и армянского народов. И хотя она не нашла отражения в записях Пушкина, однако надо полагать, что с ней он познакомился при сборе материалов по внешней политике Петра на Востоке.

3

С начала своего царствования Петр стал уделять серьезное внимание внешней торговле из-за тех экономических выгод, которые она приносила России. И. Голиков, рассказывая о пребывании Петра в Амстердаме в 1698 г., сообщает, что «из числа тех купцов, с которыми Его Величество ознакомился... были некие из Армянцев, из коих 14 ноября шести человекам Петру Афегову с товарищи дано дозволение производить торговлю в Москве на основании учиненной с Армянами конвенции; в указе повелено сверх того дать им дом для жилья»⁸⁵.

Этот факт Пушкин в свои тетради не внес. Его первая запись об армянской торговле датирована 1710 г.: «Петр с армянами заключил торговое условие. Персидский шелк через их руки шел частью в Турцию, частью через Россию в Голландию. Петр сделал шелк исключительно торговлею русской, и шах сии условия утвердил.

Петр запретил своим подданным продавать шелк иностранцам (кроме как армянам), облегчил сим последним пошлину, а с жемчугов и камней оную уничтожил, и повелел давать им конвой при проезде их в Астрахань или на Терек» (IX, 245). Затем Пушкин дополняет: «В 1716-м году Петр отказал англичанам участие в сей торговле» (там же)⁸⁶.

Торговлей шелком при предшественниках Петра, как говорилось, занималась армянская торговая компания из г. Новая Джуга, однако в дни войны со шведами — до 1706 г. — она почти приостановилась, и в архивах нет фиксирующих ее документов. Лишь с июля 1706 г. в делах Посольского приказа появляются

⁸⁵ Голиков И. Дополнения к «Деяниям Петра Великого, мудрого преобразователя России», собранные из различных источников и расположенные по годам. М., 1789, т. 5, с. 20—21. Далее: Голиков И. Дополнения.

⁸⁶ На этом же подробно останавливается и И. Голиков (Деяния, ч. 3, с. 228).

челобитные армянских купцов, указы «от великого государя» с разрешением провоза товаров из Астрахани до Москвы и из Москвы в Персию, в Европу через Архангельск, о взятых с них пошлинах и т. п.⁸⁷

Любопытна челобитная «шаховой области торгового армянина компанейского товарища» Сафара Васильева от 11 марта 1708 г.; в ней сообщается, что по пути из Персии в Европу через Архангельск и обратно Сафар Васильев и его спутники были ограблены пиратами-европейцами, почему он и просит разрешить вывозить товары в Европу не через Архангельск, а Новгород и Ругодев.

Росту армянской торговли способствовал ряд привилегий, предоставленных ей Петром, в результате чего ее объем настолько возрос, что в 1710 г. было заключено то «условие», о котором говорит Пушкин.

С Сафаром Васильевым связано и промышленное производство шелка-сырца в России. 10 марта 1710 г. он обратился с челобитной к Петру I, сообщив, что, когда ехал из Персии «мимо владения Андреевскова, которые есть расстоянием от Терек ходу два дни», там увидел «удобные древа, которые черви родят»⁸⁸. Из них же употребляется шелк сырец». Он просит Петра выделить ему места, пригодные для посадки туты, «сеяния сорочинского пшена (риса. — К. А.)» и производства «хлопчатой бумаги», освободив его от налогов «того ради, чтоб было им чем себя прокормить». Он также ходатайствовал дать в помощь «из вольных тамошних людей или же казаков или из русских людей» и брал на себя обязанность переселять «тайным образом» из Персии «шелкового дела мастеров с челядью», обучить «из молодых людей несколько человек» персидскому, арабскому и армянскому языкам «читати и писати, а я их буду имети на своих же проторях, пока они науку примут», просил также разрешить ему построить на Тереке армянскую церковь, «чтобы нам служить по своей вере без всякого утеснения» (с. 37—38)⁸⁹. 12 марта 1710 г. Петр в ответ на челобитную и по «статьям армянина торгового человека Сафара Васильева» приказал удовлетворить все его просьбы за исключением пункта об обучении молодых людей (с. 39—40)⁹⁰. Шелковый завод Сафара Васильева на Тереке стал первым в России, второй появился в Астрахани в 1720 г.

⁸⁷ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сб. документов/Под ред. А. Иоаннисяна. Ереван, 1964, т. 2, ч. 2, с. 6—13. Далее ссылки в тексте.

⁸⁸ Т. е. деревья шелковицы.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. 100, 1710 г., д. 3.

⁹⁰ Там же.

2 марта 1711 г., перечисляя данные Петром сенату «повеления», Пушкин отмечает: «О персидском торге, об армянах etc.» (IX, 255). Имеется в виду указ сената о строгом соблюдении установленных прежними договорами порядков — обеспечивать подводами прибывающих в Россию армянских купцов, не брать с них незаконного таможенного сбора и денег за перевоз⁹¹. 14 мая того же года сенат принял особое постановление, «чтобы впредь с отпускных армянских товаров пошлины и привозные деньги взимались не в порубежных городах, а лишь в Москве»⁹². Была принята во внимание жалоба армянских купцов, что «в Астрахани московских денег взять негде», из-за чего происходит задержка в продаже товаров, в платеже пошлины и в своевременном отъезде из России.

В 1715 г. под 27 июня Пушкин отмечает: «Отправлен в Персию послом Артемий Волынский, придав ему в свиту нескольких ученых» (IX, 347). В одном из пунктов собственноручно написанной Петром «Инструкции господину подполковнику Артемию Волынскому» послу поручается «стараться склонять шаха, дабы подданным ево армяном жулфинцом повелено было весь свой торг с шелком сырцом обратить проездом в Российское государство, в чем им самим по близости пути и в безопасном проезде великая будет польза» (с. 93).

В торговле шелком армяне выступали торговыми агентами шаха и феодальной верхушки, осуществляя продажу персидских товаров иностранным покупателям. Шах регулировал, сколько и куда их направлять, учитывая при этом интересы Турции и имевших с ним договоры компаний Англии, Франции и Голландии. И так как армянские купцы нередко нарушали условия договора с Россией, то Петр поручил А. Волынскому добиваться того, чтобы шах повелел им «весь свой торг обратить в Российское государство», дав право русским купцам преимущественной закупки шелка-сырца в Гиляне и Ширване (с. 116—128). Ответ шаха носил уклончивый характер, «что купцам есть воля их, как хотят, так и торгуют» (с. 142)⁹³.

Под маем 1716 г. Пушкин записывает: «В то же время писал Петр в Петербург о злоупотреблениях армянской торговли» (IX, 362). Они состояли в том, как разъясняет И. Голиков, что армяне нарушали запрет продавать в своих лавках на дому чужеземные товары, «в чем жалобы проистекали от иностранных и рус-

⁹¹ См.: Полн. собр. законов Российской империи с 1640 г. СПб., 1830, т. 7, с. 257.

⁹² Там же, т. 4, с. 662.

⁹³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1715—1717 гг., д. 1.

ских купцов»⁹⁴. А из донесения А. Волынского выяснилось, что по повелению шаха, пытавшегося задобрить султана, армянская торговая компания продолжала вывозить шелк-сырец через Турцию. Последовал указ Петра от 6 июня 1719 г. об отмене привилегий, данных армянской торговой компании, и предоставлении армянским купцам равных с иностранцами прав⁹⁵. Однако через четыре года Петр восстановил режим наибольшего благоприятствования для армянской торговли.

Не завершив еще войны со Швецией, но добившись решающих побед над нею, Петр стал готовиться к осуществлению своего другого жизненно важного для России плана — завоевания западного берега Каспийского моря и утверждения в Закавказье, а в дальнейшей перспективе — установления экономических и других связей с Индией.

С этой целью Петр предпринял ряд практических шагов. Он отправил экспедиции для разведывания водного пути в Индию через Каспийское море, Персию и Среднюю Азию. Оценивая шаги Петра, Пушкин пишет: «Более достойна его гения была мысль найти путь в Индию для нашей торговли» (IX, 392). Его заботят и осложнившаяся военно-политическая обстановка в Персии и в Передней Азии, отношение к России народов Закавказья, возможность их участия в помощи русской армии. Петр поручает А. Волынскому разведать об армянском народе, «много ли его и в каких местах живет, и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из купцов и каковы они к стороне царского величества», обходиться с ними «ласково и склонять к приязни» (с. 93—94)⁹⁶.

После смерти Исаэла Ори одним из посредствующих звеньев между русским правительством и деятелями армянского освободительного движения становится Минас вардапет. 20 ноября 1714 г. он обращается к Петру с просьбой построить с согласия персидского шаха в Низовой, на берегу Каспия, армянский монастырь, содержать при нем русские войска, привлекать туда армян, чтобы затем «армянский народ под свою державу принять» (с. 356—357)⁹⁷. В 1716 г. по поручению Петра Минас отправляется в Закавказье, где встречается с представителями разных слоев армянского народа. В послании от 15 сентября 1716 г. он пишет русскому царю: «Понеже, по вашему императорскому указу, отправлен я из Санкт-Петербурга для некоторого секретного интересу в Персицкую землю, где оное врученное исправя, воз-

⁹⁴ Голиков И. Деяния, ч. 5, с. 168—169.

⁹⁵ См.: Полн. собр. законов Российской империи, т. 5, с. 714.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Персией, 1715—1717 гг., д. 1.

⁹⁷ Там же, д. 2.

вратился назад и приехал в порубежной город Шемаху» (с. 365)⁹⁸.

В марте 1717 г. Минас прибывает в Москву и 14 числа является в Посольский приказ, где передает привезенные им написанные на армянском языке грамоту католикоса Аствацатура к армянам, проживающим в России, и письмо гандзасарского патриарха Исайи Петру I, датированное 10 августа 1716 г., в которых признается покровительство русского царя, выражаются связанные с этим надежды и обещание содействия русским войскам (с. 338—339 и 361—362)⁹⁹; о том же Минас подробно объявил в Посольском приказе, сообщив сведения и военного значения, дополнив их подробностями о состоянии крепостей, привлечении на сторону русских насильственно омусульманенных имеретинцев и т. п. (с. 370)¹⁰⁰.

8 марта 1722 г. Минас выдвигает перед царем проект о привлечении в Россию армянских купцов и ремесленников, отведении им места около Терека для постройки шелковых заводов; поселения их на побережье Каспийского моря станут центром притяжения для армян, проживающих в Персии, Турции и других странах, что, как мы увидим дальше, встретило одобрение Петра (с. 386—387)¹⁰¹. В преддверии Персидского похода деятельность Минаса, патриарха Исайи и других армянских патриотов не исчерпывалась тайными совещаниями, переговорами и перепиской с русским царем, сбором для него нужных сведений и т. п.; по их инициативе началась организация военных сил армян, главным образом в Нагорном Карабахе и Зангезуре. Они формировались по отдельным меликствам (княжествам) и располагались в естественно укрепленных местах, служивших опорными пунктами, которые в ту пору назывались «сыгнахами» от азербайджанского слова «сыгнак» — «убежище», «приют» — и глагола «сыгынмаг» — «искать убежища или защиты»¹⁰². В них входили местные жители-горцы, отличавшиеся храбростью и отвагой, смекалкой и выносливостью, а также насильственно завербованные в персидскую армию армяне, бежавшие из нее¹⁰³.

⁹⁸ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, д. 10.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 100, 1716 г., д. 3.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² **Иоаннисян А. Г.** Историческое введение. — В кн.: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Ереван, 1964, т. 2, ч. I, с. XXXIX. Далее: **Иоаннисян А. Г.**

¹⁰³ О службе армян в персидской армии еще в первой половине XVII в. сообщал известный путешественник Адам Олеарий, побывавший в России, что шемахинский хан выставил «более 2000 человек пехоты, большей частью ар-

Весть о «секретном деле»—предстоящем походе Петра в Персию привела к возникновению в 1717 г. первых отрядов в Карабахе под командованием Авана-юзбаши, штаб которых расположился неподалеку от деревни Шоша на вершине небольшого плато¹⁰⁴. В 1719—1721 гг. образовались отряды в Гюлистане и Чараберте, которыми руководили юзбаши Есаи и его брат юзбаши Саргис; затем к ним присоединились отряды предводителя города Гянджи мелика Иосифа. Когда в 1721 г. лезгины ворвались в Гянджу, его жители убили около 1200 человек и принудили врага к позорному отступлению; то же произошло и весной 1722 г. при повторном нападении лезгин, отогнанных от города отрядами мелика Иосифа.

* * *

В 1722 г. Петр приступил к осуществлению Персидского похода, весь ход которого Пушкин прослеживает вплоть до мельчайших деталей. Он отмечает, что в апреле Петр «дал Неплюеву (нашему резиденту в Константинополе) инструкции, как стараться сохранить мир с Турцией при наступающей войне с Персией» (IX, 419); что «князю Кантемиру велено ехать с царем и взять с собою азиатскую типографию» (IX, 420); что «15 мая, отслушав молебен в Успенском соборе, отправился на москворецком струге при пушечной пальбе etc.» (IX, 421); что «напечатал манифест на персидском и татарском языке» (там же).

Из происшествий в пути Пушкин под 8 июня записывает: «Осмотрел развалины булгарские» (там же). Речь о древней столице волжских булгар, которая находилась в 90 верстах от Казани и в 9 верстах от Волги. «Великий сей град, — пишет Голиков, — войною и временем превратившийся в развалины, стоит на горе; земляной вал около сих развалин виден и поныне, оне в окружности имеют более мили. Его величество с обыкновенным ему любопытством обходил все сии остатки. Он нашел около пятидесяти еще каменных зданий, из числа коих 10 палат, 4 башни, 2 столба почти были еще целые, а на самой высоте горы за земляным валом виден особый замок, имевший каменную стену; в нем Монарх нашел только 4 палаты, но уже развалившиеся. Великий государь некоторые здания, как то столбы и башни, при себе еще приказал вымерить; потом был на древнем кладбище города; он более пятидесяти видел гробниц или великих на гробах оных ка-

мянских христиан» (А. Олеарий. Описание путешествия. М., 1870, с. 256. Цит. по: Иоаннисян А. Г. с. XLIII).

¹⁰⁴ Позднее здесь возник город Шуша.

менных досок с надписями на разных восточных языках, показывающих различных в нем жительствовавших народов и древность города; ибо одна надпись на Армянском языке, замеченная его величеством, около тысячи ста лет до этого высечена»¹⁰⁵.

Следовательно, если было установлено, на каком языке надпись и год захоронения, то среди сопровождавших Петра находился кто-то, владевший армянским языком. Как сообщает С. Глинка, таковым был казанский армянин Иван Васильев, который на месте прочел и перевел надпись Петру¹⁰⁶. Ко времени Пушкина было обнаружено пять надписей, расшифровкой двух из которых занялся французский арменист Сен-Мартен, позднее — член Российской академии М. И. Броссе.

За пределами города на высоком скалистом берегу Волги Петр осмотрел остатки армянской церкви, получившей название «греческая палата», аналогичной по типу тем, которые строились в Армении и Крыму¹⁰⁷. Этот памятник древних русско-армянских связей XII—XIII вв. заинтересовал Петра, и он «повелел поправить болгарские развалины» (IX, 422).

15 июня Петр прибыл в Астрахань, «и там оный манифест обнародован» (там же). В нем Петр указывает на причины, вызвавшие его поход: бунт против шаха владельца Дагестанской земли Дауд-бека и казикулыцкой земли Сурхая, взявших и разграбивших 15 августа 1721 г. Шемаху, убивших не только подданных шаха, но и русских купцов. Это принудило Петра предпринять поход, чтобы наказать мятежников, отомстить за убитых русских купцов и помочь шаху восстановить порядок в стране; остальным подданным шаха всех вер и наций, «в сих странах пребывающим», в их числе армянам и грузинам, «никакого вреда чиниться не будет»¹⁰⁸. В манифесте об этом не сказано, но в инструкциях Петра своим посланникам, в переписке с армянскими и грузинскими руководителями он в качестве главной причины похода называет угрозу вторжения Турции с целью захвата Персии и Закавказья вплоть до Дербента, что затрагивало экономические и политические интересы России, создавало серьезную опасность ее юго-восточным рубежам.

Пушкин несколько раз возвращается к манифесту, одобряет идею Петра привлечь на свою сторону персов и народы края не столько силою оружия, сколько гуманным к ним отношением.

¹⁰⁵ Голиков И. Деяния, ч. 8, с. 183—184.

¹⁰⁶ Глинка С. Обзорение истории армянского народа... М., 1832, ч. 2, с. 204.

¹⁰⁷ Джанполадян Р. М. Армянская колония в городе Болгары. — ИФЖ, 1971, № 2.

¹⁰⁸ Голиков И. Деяния, ч. 8, с. 188—191.

Следуя Голикову, Пушкин дает краткий очерк современного состояния Персии, озаглавив его «Дела персидские». Чтобы представить чудо преобразования голиковского изложения в пушкинскую художественную прозу, проиллюстрируем это на одном примере.

Голиков: «Персидский шах Гуссейн, происходивший из фамилии Софиев, был Государь сластолюбивый, малодушный, от природы ленивый, любивший жизнь покойную и имел отвращение от трудов, убежал от дел государственных. Евнухи, приближеннейшие к его особе, узнали первые в нем сию слабость, стали помалу обращаться то в свою пользу»¹⁰⁹.

Пушкин: «Гусейн-шах в то время тиранствовал, преданный своим евнухам, изнеможенный вином и харемом. Бунты кипели около него. В поминутных мятежах истребился род Софии» (IX, 422). Здесь каждое выражение, слово не только заключает в себе, говоря по-современному, максимум информации, а и раскрывает сущность описываемого явления. Сколько ассоциаций порождает первая фраза, рисующая страну, где царит полный произвол и беззаконие, где у власти стоят скопцы, лишённые естественных человеческих чувств, высвечивающая фигуру безвольного и безучастного ко всему шаха, жизнь которого целиком отдана вину и женщинам.

Другую причину истребления «рода Софии» Пушкин видит в восстаниях подвластных шаху правителей отдельных областей. Он подробно излагает историю возвышения и захвата власти в Кандагаре предводителем афганцев Мирвейсом, выступление его сына Мир (эмир) Махмуда во главе 50-тысячного войска для захвата Испагана; повествует об отправке шахом Гусейном к Петру «трех посланников, одного за другим», с просьбой о помощи, о мятеже дагестанских феодалов Дауд-бека и Сурхая, разграбивших Ширванскую область, взявших Шемаху, убивших ее хана, «а также всех индийских, персидских и русских купцов (последних 300 человек)» (IX, 422—424).

Пушкин останавливается на падении Сефевидской династии в Персии для подтверждения того утверждения Петра, что его поход был предпринят для наведения порядка в Персии. Это соответствовало истине в той степени, что Петр действительно не ставил целью завоевание Персии, как то стремилась и сделала вскоре Турция. Передать России северные районы Каспия предложил сам шах Гусейн за оказание ему помощи, для чего еще до осады Испагана отправил к Петру посла Измаил-бека, о котором мы еще скажем. В данном случае, и это важно, русские выступали не как завоеватели, а как освободители, что являлось опре-

¹⁰⁹ Там же, с. 193—197.

деляющим в пушкинской исторической концепции оценки деятельности Петра. Что касается олеки России над Грузией и Арменией с предоставлением им государственной самостоятельности, то это, как мы видели, выражало жизненные чаяния грузинского и армянского народов.

Возвращаясь к походу Петра, Пушкин отмечает, что 15 июля царь прибыл в Астрахань. «Устрашенные мятежники Дауд-бек и Сурхай искали покровительства Порты, обещая ему за то области, близ Каспийского моря лежащие (**Наставление Петра гвардии подпоручику Толстому, посланному им к Вахтангу, царю грузинскому**). Сие-то предложение и понудило Петра спешить и ускорить поход целым годом» (IX, 424). По Голикову, Петр желал более основательно подготовиться к походу, отложив его на следующий год, однако опасность захвата Турцией побережья Каспия заставила его выступить в этом году, хотя «не успел подготовить флот и вынужден использовать речные суда»¹¹⁰.

Вслед за Толстым Петр отправляет в Грузию князя Бориса Туркестанова с предписанием, которое Пушкин формулирует так: «Напасть на лезгинцев в их земле и дать о том нам знать в Астрахань, к Теркам или Дербенту, где будем, и ждать приказа, куда быть».

Когда пойдет на соединение, то бы заказал под смертную казнию не грабить, не разорять, не обижать etc., etc. (политика тамошних войн. См. действия Паскевича в Армении, Турции etc.). Хлеб и скот брать не иначе, как через комиссаров etc.» (IX, 424—425).

Бросается в глаза, что политике грабежа и разбоя в «тамошних войнах» Пушкин противопоставляет требование Петра о добром отношении к местному населению. Пушкин одобряет Петра, считая его нововведение одним из тех, которые «суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости» (IX, 413). После Петра оно стало нормой для русских войск, чему очевидцем был Пушкин в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

К столь же мудрым мерам Петра Пушкин относит и собственноручный указ царя от 5 июля «о сбережении здоровья солдат сообразно климату» (IX, 425). В нем Петр предостерегал от объеденья дынями, сливами, шелковицей и виноградом, «от которых тотчас же могут быть кровавые поносы и прочие смертные болезни», от соленого, рыбы и мяса, кроме вареного; не ходить без шляп с 9 утра до 5 часов; не спать под кровлей и на голой земле, но подстилать под себя камыш, траву или какую одежду, в питье воды воздерживаться. В параллель Пушкин не мог не вспомнить Эриванский поход Паскевича, унесший от болезней и жары жиз-

¹¹⁰ Там же, с. 204, примечание.

ни тысяч русских. Эта переключка была не случайной: одновременно со сбором материалов для «Истории Петра» Пушкин работал над «Путешествием в Арзрум».

17 июля Петр повелел морской армаде в составе 274 судов с посаженными на них 22 000 регулярной пехоты и 5000 матросов выйти в море, что и было сделано 18 июля; до этого он отправил сухим путем конницу под начальством генерал-майора Кропотова. 21 июля русский флот встал «на якорях при острове Четыре-Бугра» (IX, 426). 24 июля Петр посылает гвардии поручика Лопухина «с манифестами в Дербент, Шемаху и Баку» (там же). В результате, когда Петр двинулся к Дербенту, местные правители за редким исключением не оказали сопротивления русским войскам: Дербент был взят 23 августа без боя, правитель Дагестана Абдул-Гирей перешел под покровительство России; «жители из Баку прислали Петру депутатов» (IX, 428—429).

В части о самом Персидском походе Петра Пушкин вносит в свои записи множество фактов, располагая их по числам, что свидетельствует о намерении их подробного изложения. Обратимся к тем из них, которые соприкасаются с нашей темой.

Поход Петра развивался успешно. 20 сентября Петр отправился к Сулаку, где в 20 верстах от него заложил укрепление, назвав его «крепостью Св. Креста (от имени древнего оной земли — Ставрополь или тат. *Хучь*)» (IX, 431)¹¹¹.

Сохранился документ, составленный в сопровождающей Петра канцелярии, где сказано: «1722 года сентября в 22 день в лагере при реке Сулак армянской Минас вардапет» объявил о том, что он получил от патриарха Исаяи письмо от 18 августа с. г. из Тифлиса (куда тот приехал из Гянджи с грузинским царем Вахтангом). В нем сообщается, что объединенное грузино-армянское войско изгнало лезгин из Гянджи, оставив в ней своих людей; что из Тифлиса в конце сентября Вахтанг вместе с армянами собирается идти на Шемаху (с. 14—15)¹¹².

22 сентября, в день, когда Минас вардапет доносил Петру, в Гяндже состоялась встреча 30-тысячного войска Вахтанга и 8-тысячного армянского во главе с патриархом Исаяей для дальнейшего движения к Ширвану, чтобы соединиться с русской армией. Как отмечает Пушкин: «Петр для похода в разные страны приказал печь хлеба и сухари. Провиант с ластовых судов, стоящих при устье Милукенти, начали выгружать» (IX, 430).

Но случилось непредвиденное. Как записывает Пушкин, «вдруг сделалась буря. Суда стали течь. Отрубили якоря, дабы сесть на

¹¹¹ Голиков поясняет: Ставрополь — греческое слово, означающее святой крест, то же и татарское «Хучь» (Голиков И. Деяния, ч. 8, с. 266).

¹¹² АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1722 г., д. 2.

мель; все 13 судов посажены были на мель в течение двух часов. Мука промокла вся. Суда разломали на дрова для хлебопечения». Петр ждал провианта на 30 судах из Астрахани, но они оказались испорченными. «Хлеба оказалось только на один месяц. Собран был совет. Положили, оставя гарнизон в Дербенте, возвратиться в Астрахань» (там же).

Подводя итоги кампании 1722 г., Пушкин пишет: «Итак, план Петра овладеть Бакою, заложить город при устье Куры, идти к Тифлису по сей реке, возобновить в Грузии христианство и утвердить Вахтанга в союзе и оттуда идти на Терки — не состоялся!» (там же).

Внезапно прекращение похода застало врасплох царя Вахтанга и патриарха Исайю — их объединенное войско оставило Гянджу и вернулось в Грузию и Карабах. Для того, чтобы рассеять сомнения своих союзников, как записал Пушкин, «Петр послал гвардии поручика Ивана Толстого к Вахтангу с грамотой» (IX, 432). По Голикову, в ней Вахтангу объяснены причины, побудившие оставить Персию, но при этом заявлено, что война будет продолжена в будущем году, что он, Петр, 21 год воевал со шведами, пока не довел дело до победы¹¹³.

Вера слову Петра была настолько сильна, что и армяне и грузины продолжали своими силами войну с угнетателями. В донесении Петру 9 декабря 1722 г. Минас сообщает: «...нашего арменского войска напред сего было двадцать тысяч, а нынече в собрании тритцать тысяч есть. Подлинно так; а велми они верно стоят, много оне и басурманов побили; Арарат, Кохтан кавар, Капан — и в тех местах стоят оне в готовности, а ожидают его императорского величества» (с. 16—17)¹¹⁴.

Сведения Минаса подтверждаются документами Архива внешней политики России. В них сообщается, что старшины Зангезура и других районов Восточной Армении собрали до 40 тыс. народного ополчения, плохо вооруженного и не обученного военному делу. Старшины обратились за помощью к царю Вахтангу с просьбой прислать группу военачальников из числа армян, служивших в его войсках. В конце 1722 г. она прибыла в Кафан в составе 30—40 чел. во главе с талантливым полководцем и политическим деятелем Давид-беком. В упорной и кровопролитной борьбе удалось освободить восточные округа от сефевидских властей и феодалов¹¹⁵.

Любопытная деталь, свидетельствующая о том, сколь глубоко был осведомлен Пушкин о делах в Закавказье. Он записывает:

¹¹³ Голиков И. Деяния, ч. 8, с. 269.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 1723 г., кн. 62, отд. II.

¹¹⁵ Арутюнян П. Т., с. 158.

«Грузинский царь получил от арзрумского паши предложение признать турецкое владычество. Петр опасался, чтоб шах в надежде на помощь не уступил бы им Грузию. Петр через Вахтанга предлагал персидскому шаху то, что уже мы видели, а Грузию старался склонить под свое владычество. Такое же письмо было послано и к армянскому патриарху Исайю (на Эчмиадзин?)» (IX, 432).

Вопросительный знак показывает не только стремление Пушкина к точности, а и знание им того, что в то время в Армении помимо Эчмиадзинского патриаршества существовало и Гандзасарское. Другой пример: отметив возвращение Петра в Астрахань 4 октября, Пушкин заносит в тетрадь, что царь получил через кабинет-курьера Чеботаева «от консула Аврамова из Гилани донесение и письмо **визиря** (?), в коем жители приглашали русских к себе на помощь» (там же). Вопрос Пушкина вызван тем, что у Голикова сказано: «от Визиря или коменданта»¹¹⁶; он же дополняет, что Петр стал расспрашивать Чеботаева, но его ответы не удовлетворили царя, и он велел позвать купцов Евреиновых, их приказчика Андрея Семенова, долго жившего в Испагане, говорил с ним о торговле в Грузии и городе Тифлисе, удобно ли от него по Куре в Каспийское море, «изъявлял сожаление, что мало или совсем оным не пользуются»; тогда же Петр решил построить при устье Куры город, «который будет сборным местом для всего восточного купечества», поручив Соймонову «все притоки реки осмотреть и вымерить».¹¹⁷ Петр беседовал и с другими купцами, «между которыми из самых знающих был индийский купец, бывший тогда в Астрахани, по имени Баниан Абдуран. Сей рассказывал, что до захвата Гиляна из него вывозилось в Турцию до 9000 тай [от 7 до 9 пудов] шелка, продавалось от 70 до 90 руб. пуд»¹¹⁸. В примечании Голиков производит расчет, что продажа 72 000 пудов шелка по 80 р. составляет 5 760 000 р., а так как цены поднимались до 200 р. за пуд, то получается «страшная сумма»; кроме того, на фабриках получало работу множество людей. «Одно это, — пишет Голиков, — могло побудить хозяйственную рачительность Великого Государя к предприятю его на сии богатые персидские провинции и на предприемлемое построение помянутого города»¹¹⁹.

Рассказ Голикова и его экскурс в область внешней торговли России Пушкин внес в свои записи: «На реке Куре для торговли Тифлиса с Каспийским морем Петр предполагает с Соймоновым заложить торговый город etc. (VIII—289).

¹¹⁶ Голиков И. Деяния, ч. 8, с. 284.

¹¹⁷ Там же, с. 289.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

См. разговоры etc. о Гилани с Банианом Абдураном. VIII—289 и примеч.» (IX, 434).

Эти заметки Пушкина имеют прямое отношение к русско-армянским связям. Если учесть, что «армянская торговля» шелком проходила через Астрахань и здесь находилось большое армянское население, то это даст основание полагать, что среди тех, кого расспрашивал Петр, были и армянские купцы.

В расследовании нуждается и национальная принадлежность Баниана Абдурана, названного «индийским купцом». Установлено, что в XVII—XVIII вв. во многих городах Индии — Мадрасе, Дакке, Калькутте, Дели и других существовали значительные богатые армянские общины, занимавшиеся международной торговлей хлопком и изделиями ремесленников почти со всеми странами Европы и Азии¹²⁰. Они активно поддерживали армянское национально-освободительное движение и также ориентировались на Россию. Новый приток армян в Индию из Персии, главным образом купцов из Новой Джуги, был вызван в конце XVII—начале XVIII в. гонениями бездарного шаха Гусейна, пытавшегося насильственно обратить их в ислам, позднее — нашествием афганцев. В случае с Банианом Абдураном наводят на размышления не только несколько искаженные его имя и фамилия, явно не индийские, а скорее армянские, а и глубокое знание им всех подробностей производства и торговли шелком, которыми занималась новоджугинская торговая компания.

Прямое отношение к армянам имел и проект Петра строительства торгового центра на реке Куре по той причине, что они имели в этой области необходимые навыки и умение. Заметим, что Пушкину не было свойственно аристократическое пренебрежение к торговле, он, подобно Петру, хорошо представлял ее значение для благосостояния страны. То обстоятельство, что Пушкин в своих записях несколько раз возвращается к торговому центру на Куре, свидетельствует о том, что он высоко расценивал эту идею Петра, видимо, не без влияния проекта Грибоедова по экономическому преобразованию Закавказья.

По Голикову, разговор с Банианом Абдураном укрепляет Петра в мысли развести «в местах терских столько шелку, чтобы превзойти Гилян»¹²¹. Это Пушкин заносит в свои записи, добавляя, что «казаки терские обрабатывали оный» (IX, 434).

6 ноября в ответ на обращение жителей Гиляна Петр отправил туда морскую экспедицию во главе с полковником Шиповым

¹²⁰ См.: **Абрамян Р. А.** Армянские источники XVIII в. об Индии. Ереван, 1968, с. 11—18 и др.

¹²¹ **Голиков И.** Деяния, ч. 8, с. 290.

и Соймоновым. Отклоняясь в сторону, приведем довольно любопытную выписку Пушкина из Голикова: «Шипов, получая инструкцию Петра, спросил: довольно ли двух батальонов? Петр отвечал: **«Стенька Разин с 500 казаков их не боялся (персиян), а у тебя 2 батальона регулярного войска»**» (там же).

Занятие Гиляна и Решта создавало возможность восстановления торговли шелком-сырцом, способствуя притоку армянских купцов в Россию. Именно эту цель преследовал указ Петра от 14 мая 1723 г. призвать «из армянской компании лучших двух или трех человек», объявив им, чтобы они расширили торговлю с русскими купцами шелком и другими персидскими товарами, «понеже Гилянъ ныне в стороне Е. И. В.», и привлекая к этому «других тамошних купцов», «а которые из них армян уже с торгами своими живут и похотят ездить для торгу в Гилянъ: и их отпущать невозбранно»¹²². Указом же от 25 июля 1723 г. Петр возобновил торговлю армян как в России, так и в завоеванных персидских владениях.

Продолжая хронику важнейших событий, Пушкин в своих записях отмечает голод в Испагане, отречение Гусейна от престола и заключение его в тюрьму (IX, 435); союз Мир-Махмуда с Турцией; жалобы Дауд-бека и Сурхая «на Петра в Турцию же, требуя защиты и предлагаа Порте Ширван»; прибытие к Петру в Астрахань турецкого посла Махмет-паши, имевшие место переговоры, во время которых «Петр с ним объяснился (разумеется, неискренно)»; приезд нового турецкого посла Капиджи-паши, переговоры с ним и согласие Петра признать Дауд-бека правителем Ширвана, несмотря на обещание Австрии в случае войны вступить за Россию, «что и успокоило Порту» (IX, 435—436).

Однако, стремясь сохранить мир с Турцией, подчеркивает Пушкин, Петр не думал отказываться от завоевания прикаспийских провинций: «Но меж тем русское войско отправлено для занятия **Ряща**, и приурочения военные продолжались» (IX, 436). О том же говорит распоряжение Петра генералу Матюшкину, дождавшись завершения постройки новых судов, «с 4 полками идти в море и взять Баку» (там же), занятие Решта экспедицией Шипова и Соймонова (IX, 436—437).

Занимают Пушкина и дела в Закавказье. «Вахтанг, — записывает он, — был согласен на все; он послал к шаху предложения Петра. Но уже было поздно» (IX, 436). Пушкин имеет в виду переданное через Толстого Вахтангу послание о помощи персидскому шаху, который, однако, к этому времени был низложен.

13 декабря Петр выехал из Астрахани и 18 декабря «въехал

¹²² Полн. собр. законов Российской империи, т. 7, с. 64, 65.

торжественно в Серпуховские ворота. В триумфальных вратах встретил Петра синод, а Феофан произнес речь» (IX, 437).

На этом заканчиваются записи Пушкина за 1722 г.

* * *

Архивы в которых занимался Пушкин, содержали много документов о роли армян в сборе информации о состоянии дел в Персии, Турции, на Сев. Кавказе и в Закавказье, в организации помощи и прямом их участии в военных действиях русской армии. Так, 14 января 1723 г. Минас пишет в письме к кабинет-секретарю А. В. Макарову о том, что от посланных вместе с И. А. Толстым в Тифлис двух армян получил известия об их встрече с Вахтангом и патриархом Исайей, готовности их войска, посылке Дауд-беком посла в Турцию для переговоров и т. п. (с. 22—23)¹²³.

30 января тому же А. В. Макарову поступило донесение бригадира Василия Левашова из Персии «о поступках в Гиляне» и что «посланной со мною арменин Петр Сергеев во интересах его императорского величества здесь со усердием верную службу кажет и великую мне помочь чинит и обретающиеся при мне конные армяне 50 человек чрез него собраны и своего к тому же иждивения он не жел[ает]» (с. 23—24)¹²⁴. Упомянутый армянин Петр Сергеев — Петрос ди Саркис Гиланянец являлся командиром армянского эскадрона в 1723—1724 гг., автором «Дневника осады Испагана афганцами», охватывающего события в Персии с 1722 по 1734 гг. (СПб., 1870). Как видно из сообщения Левашова, в военных действиях в Реште участвовал и армянский эскадрон.

Пушкин вносит в свои записи: «Между тем в Реште визирь тайно приготовлялся выжить русских. Ежедневно входили в город вооруженные персияне. Визирь кескерский и астаринский прибыли туда. Собралось до 15 тыс. Рештинский визирь послал сказать Шипову, чтоб он отваливал. Шипов, взявший свои предосторожности, отвечал, что того не может учинить» (IX, 441). Продолжая, Пушкин отмечает, что Соймонов, выполняя приказ Петра, собрался ехать на Куру для осмотра места предполагаемого города; дожидаясь его отплытия и думая, что он возьмет с собой артиллерию, визирь сделал вид, что успокоился, «но продолжал коварствовать и старался укрепить пролив Зинзили»; когда же Соймонов вышел в море, визирь возобновил свои требования, стал угрожать Шипову. «Персияне решились напасть на русских. Они открыли огонь из четырех пушек по караван-сараяу, 5000 атако-

¹²³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 1723 г., кн. 62, отд. II.

¹²⁴ Там же.

вали три суда, на коих находились капитан-лейтенант Золотарев с 100 человеками. Золотарев отразил их в 1/4 часа». Ночью Шипов с тремя ротами сам напал на персов; они «бежали и усмирились. Из Астрахани пришло прибавочное войско» (IX, 442).

Занятие русскими войсками Решта вызвало осложнение отношений между Россией и Турцией. Пушкин остановился на попытках верховного визиря избежать войны путем направления посла для переговоров с Петром об «очищении Дербента и прочих городов», совместных действиях послов Франции, Австрии и России с целью успокоить турок, что им и удалось (там же). «Но вдруг разнесся слух, что 4000 русских дошли уже до Тифлиса. Ага поехал к Петру и в марте прибыл в Петербург с французским курьером» (IX, 442—443).

Из архивных документов устанавливается, что другой причиной, вызвавшей тревогу в Турции, явился все более ширящийся размах национально-освободительного движения армянского и грузинского народов, их союз с Россией. В начале марта 1723 г. Петр получает послание четырех карабахских меликов — Исая, Ширвана, Сергея и Иосифа — с просьбой ускорить приход русских войск и отписать «к Вахтангу, чтоб он с войском своим пришел в Ганжу, а мы с ним будем обще до прибытия вашего величества стоять против неприятелей, таже нам и Вахтангу ныне стал великой неприятель и разоритель кахетинский Магметь Кули хан» (с. 31)¹²⁵.

19 апреля поступило донесение Петру от Минаса из Астрахани с известием от армянина Айваза, отправленного вместе с Шиповым в Решт, «что посланные при оном полковнике армяне в тамошних местах всячески проведывают и [о всем] ему доносят» (с. 32), т. е. собирают по поручению Шипова сведения и сообщают ему, что дало ему возможность противодействовать коварству рештского визиря. Далее Минас сообщает, что «собралось де армян 24 000 и пошли под местечко Нахичеван и осадя взяли, и содержат тем местечком оные армяне», что патриарх Исая находится между Гянджой и Кафаном с 12-тысячным войском «и ожидает приходу войск вашего величества, а наипаче желает видеть очи вашего величества» (с. 33). Первая цифра — 24 000 может показаться преувеличенной (хотя в письме Минаса от 26 августа того же года говорится: «Армяне [числом] 50 000 людей конных опричь пеших [которых] боли того [чем] 50 000»¹²⁶), однако, по справедливому замечанию А. Г. Иоаннисяна, «завышенные сведения относятся к численности не войск, фактически несших военную службу, а контингента лиц, которые могли быть

¹²⁵ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1723 г., д. 1.

¹²⁶ Эзов Г. А., с. 359.

в случае надобности мобилизованы»¹²⁷. Поэтому за исходную следует принимать цифру войска, выступившего в поход, в сражение. И еще: армянское войско ощущало сильную нужду в оружии, которое они изготовляли зачастую сами, что покрывало менее 50% потребности. Так, юзбаши Аван в сыгнаке Шоша писал, что в его отряде всего 500 чел. имеют оружие, а 6400—нет (с. 57)¹²⁸.

В письме Минаса говорится об отправке из Тавриза войск 4 ханов для истребления собравшихся в Зангезуре у местечка Акулис (под начальством Давид-бека) армян, бывшей там баталии, и что «едва ханы ушли, а прочих много побили, и при той баталии были грузинцы присланы от Вахтанга для вспоможения», а также об обмене послами между новым персидским шахом Тахмасом и турками; о сосредоточении на границе арзрумского пашалыка войск 7 пашей, пославших к Вахтангу посла, «чтоб Тифлис уступить в Турецкую область, и хан Вахтанг ответственал, что православных в басурманскую сторону отдавать не надлежит», и ряд других сведений (с. 32—33)¹²⁹.

15 мая Минас вновь подтверждает вероятность турецкого вторжения в Армению и Грузию (с. 35—36)¹³⁰, что дало возможность русскому правительству принять свои контрмеры. Когда в последних числах марта в Петербург прибыл турецкий посол, изложивший претензии султана, то, как записывает Пушкин: «Петр отправил турецкого посла с тем же прежним ответом, но предписал генералу князю Голицыну, находящемуся в Украине, расположить свои 70 или 80 тысяч по границам крымским и турецким (при том подробная инструкция)» (IX, 443)¹³¹.

3 июня Петр посетил Коллегию иностранных дел генерал-адмирала Ф. М. Апраксина и тайного действительного советника П. А. Толстого, где «изволил слушать грамоту, сочиненную к армянскому народу, обретающемуся в Персии, в ответ на их письма, и повелел оную отправить за государственною большою печатью с армянином Иваном Карпетом» (с. 36—37). Отметим «приключившееся в Персии замешание», разорение и убийство русских купцов в Шемахе, принудившее «в тех краях оружие свое употребить» и занять многие города на берегах Каспийского моря, а также призыв к нему за помощью обретающихся в Персии и в России армян, Петр обращается к армянским купцам, обещает им ряд привилегий и приглашает возобновить и восстановить свои торговые дела как внутри Российского государства, так и в

¹²⁷ Иоаннисян А. Г., с. XLVI.

¹²⁸ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1724 г., д. 4.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 1723 г., кн. 66, отд. II.

¹³⁰ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1723 г., д. 3.

¹³¹ Об этом же см.: Голиков И. Деяния, ч. 8, с. 358.

городах Прикаспия, перешедших под ее опеку (с. 37). Он выражает особое доверие «по прошению обретающихся здесь армян одному из их братии» Ивану Карапету, что подтверждается «отверстой грамотой», данной ему за «государственную печатью» (с. 37—38). В помете к грамоте сказано, что ее с русского перевели «армяня Лука Ильин, Пири Манацаганов, Иван Карапет» (с. 38)¹³².

В тот же день 3 июня Петр «изволил слушать и апробовать меморию армянину Ивану Карапету, который отправляется к армянскому народу с грамотою его величества для объявления тому народу во ответ на прошении их...» (с. 39). В ней перечислены «знатнейшие начальники» армянского народа: «патриарх Нерсес, да из знатных один Исай, из провинции Парарту, другой Сергей из провинции Чараперуту, да Шируан, Григорей, Сарухан, Аван сотники, сотник Ишруан, Сарухан и Григорей, из провинции Хачину», которые «через отправленные свои письма нам объявили, в каком они превеликом гонении от неверных соседних народов обретаются, и для того нас просили, дабы мы по христианству, в протекцию свою их приняли и из-под ига тех неверных сильною рукою выручили, и при том представляли, что они с немалым числом военных людей собравшись, от тех неверных по возможности себя обороняют и нашу помощь к себе ожидают, требуя между тем, чтоб мы для вящаго укрепления того христианского армянского народа, к вышепомянутым четырем знатнейшим армянским начальникам наши все милостивейшие грамоты и указы отправили» (с. 40). Ивану Карапету поручается объявить армянскому народу и перечисленным выше лицам, что русский царь «по их прошению, оных в протекцию свою принять и из-под ига тех неверных высвободить весьма склонны и готовы»; вместе с тем разъяснить им, что дело освобождения армянского народа связано с утверждением России в Прикаспии, а потому «армяня в показанной до сего времени ревности и добром своем намерении не ослабели и токмо б искали на малое время чрез всякие возможные способы себя содержать» (там же); если же знатным из них окажется невозможно «оставатца и содержатца» в своей стране, то переселиться в занятые русскими войсками города Прикаспия, повелев народу «себя содержать до времени в тишине, пока все потребныя предуготовления учинятца и мы в состоянии будем избавление их с надлежащею силою предвосприять» (с. 40—41)¹³³.

Во исполнение своего обещания Петр торопил отправку морской экспедиции в Баку, занятие которого открывало прямой путь на Эривань, в Тифлис и в Нагорный Карабах. Пушкин записы-

¹³² АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1723 г., д. 2.

¹³³ Там же.

вает, что «Матюшкин посадил 4 полка на вновь прибывшие суда, разделив эскадру на три части под начальством 1) своим, 2) генерал-майора князя Трубецкого, 3) князя Барятинского. Артиллерию отдал майору Герберу, судами управляли князь Урусов, Пушкин и Соймонов, и 20 июня вышли из Астрахани, а 6-го июля прибыли в Баку» (IX, 444). На отказ султана сдать крепость Матюшкин высадил войска на берег; была отогнана напавшая на нее конница, город подвергся бомбардировке, «25 июля определен штурм, но не состоялся по причине бури на море (?). Город сдался и 26-го июля был занят. 80 пушек взято. 700 человек гарнизону и начальник их взят в нашу службу» (IX, 444—445)¹³⁴.

Много места Пушкин уделяет прибытию в Санкт-Петербург 10 августа персидского посла Измаил-бека, его аудиенции 14 августа и речи его, делая ссылку на «Ежемесячные сочинения» (1767 г., ч. I—387), его переговорам и требованию передать России «провинции, уже нами занятые, также Мезандерана и Асрабата. О Шемахе велено объявить, что она уже под властью турок, и так и ее просили в придачу; за то обещали мы вспоможение и покровительство» (IX, 445). Переговоры, длившиеся до 12 сентября, завершились заключением «с Персией трактата», по которому «Дагестан, Ширван, Гилань, Мезандеран и Асрабат уступлены России (VIII—389, весь оный трактат)» (там же). В день отпускной аудиенции персидского посла — 14 сентября «Петр получил известие о взятии Баку» (IX, 446), чему обрадовался. Он приказал князю Барятинскому «послать к Куре команду и ту страну завоевать и ехать ему (?) с Соймоновым в Петербург» (там же). Вопросительный знак Пушкина вызван некоторыми противоречиями в распоряжении о Соймонове — ехать на Куру и прибыть в Петербург — и сделан по ходу чтения Голикова, у которого сказано, что Петр вызвал Соймонова для указаний по порученному ему делу.

16 сентября Петр отослал обратно в Гилан русского консула Семена Аврамова «с подробной инструкцией» (там же), в которой, по Голикову, русскому консулу предлагалось оповестить жителей уступленных Персией провинций о переходе под власть России, восстановить в Гилане армянскую торговлю шелком и мануфактуры, занятые его обработкой¹³⁵.

Между тем обстановка в Закавказье накалялась: весной 1723 г. крупные силы турецких войск вторглись в Грузию. До этого шах Тахмас отнял у Ваханга за приверженность к России картлинский престол и передал преданному Персии кахетинско-

¹³⁴ См. также: Голиков И. Деяния, ч. 8, с. 342.

¹³⁵ Там же, с. 399.

му царю Константину. Последний с помощью дагестанских отрядов захватил Тифлис, разграбив и разрушив его до такой степени, что на восстановление города потребовалось несколько десятилетий. Турки развернули наступательные действия на Гянджу и Карабах. Их 60-тысячный отряд в июне осадил Гянджу, но после 18-дневных боев, понеся большие потери, был отброшен усилиями местных жителей—армян и азербайджанцев при поддержке военных сил Карабаха. В июне же турки внезапно нагрянули на Тифлис, возвели на престол брата Вахтанга Иесея, поставив его под контроль своего паши. В этих условиях Вахтанг вынужден был запросить разрешения выехать с семьей и свитой (более 1200 человек) в Россию.

Пушкин записывает: «Вахтанг, угнетенный турками, просился в Астрахань, Волынский к великой досаде Петра то и дозволил ему» (IX, 446). Как разъясняет Голиков, Петр не был против въезда Вахтанга в пределы России, но желал, чтобы он обосновался в крепости Св. Креста, на границе близ Грузии, чтобы возглавить борьбу против турок. Однако Петр не только принял как должное совершившийся факт, а и отправил Вахтангу письмо с согласием на его приезд¹³⁶.

Большая часть приехавших с Вахтангом, среди которых находились и армяне, занимавшие высокие посты в грузинской армии и при царском дворе, обосновалась в Москве. На участке, отведенном выходцам из Грузии, Вахтанг тогда же отвел место для строительства армянской церкви¹³⁷. Из многих лиц из окружения грузинского царя назовем исполнявшего обязанности его секретаря Георгия Ахшарумова¹³⁸, одним из потомков которого был уже упоминавшийся нами первый историк Отечественной войны 1812 г. генерал-майор Дмитрий Иванович Ахшарумов. За приехавшими с Вахтангом сохранились прежние титулы и звания и их именовали «грузинские дворяне».

Вторжение турок осложнило положение русских войск в Закавказье. Поэтому в наказе канцлера Г. И. Головкина от 9 апреля 1723 г. русскому посланнику И. И. Неплюеву предлагалось приложить все усилия для мирного урегулирования возможного конфликта с Турцией (см. с. 131—132)¹³⁹. Даже после занятия Баку в рескрипте Г. И. Головкина от 24 октября И. И. Неплюеву ставилась задача добиться хотя бы согласия Турции на нейтралитет

¹³⁶ Там же, с. 400.

¹³⁷ ЦГАДА, ф. Абамелек—Лазаревых, № 1252, д. 1.

¹³⁸ См.: **Нерсисян М. Г.** Утопист социалист Д. Ахшарумов. — В кн.: **Нерсисян М. Г.** Страницы из новой истории армянского народа. Ереван, 1982, с. 129. На арм. яз.

¹³⁹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1723 г., д. 2.

Грузии и Шемахи (с. 147—151)¹⁴⁰. Об этом Пушкин записывает: «Турки думали притом отобрать обратно у Персии земли, некогда им принадлежавшие. Петр вступил с ними в переговоры, обещая им эквивалент» (IX, 447). 14 июля 1723 г. в Константинополе состоялась конференция турецких министров при участии И. И. Неплюева и французского посланника Бонака об урегулировании русско-турецких отношений. В записях Пушкина сказано: «Переговоры наши с Турцией шли успешно. Положено было:

1) Персидскому шаху Тахмасибу прислать в Константинополь послов *pour sauver les apparences*¹⁴¹.

2) России владеть землею между Кавказскими горами и Каспийским морем — Дербенгом, Баку, Гилянном, Мезандераном и Астрабадом до реки Оссы.

3) Границе быть между Шемахою и Баку.

4) Турции владеть (сверх ею завоеванного?) Эриванию, Табризом и Касбинской областью, до древних турецких границ.

5) О прочем трактовать после» (IX, 448).

Условия были явно невыгодны России и поставили в тяжелое положение армянский и грузинский народы. Однако в тех обстоятельствах не уступить означало для России войну с Турцией, которая упрочила бы положение Австрии и нанесла удар по притязаниям Франции. Поэтому-то французская дипломатия взяла на себя посредничество между Турцией и Россией¹⁴². Вместе с тем и самой России необходимо было создать форпосты в Закавказье, укрепиться в отошедших к ней прикаспийских провинциях. Учитывая эти обстоятельства, Пушкин и оценил переговоры как успешные, хотя все его сочувствие было на стороне армян и грузин.

Заклучив договор с Турцией, Петр лишь на время отложил свой план создания армянского и грузинского царств под эгидой России. Показательно в этом отношении упорство и последовательность Петра основать город на Куре именно в то время, когда «турки повели крымскому хану готовиться к войне» (IX, 446). Замысел Петра заходил значительно дальше — он «думал завести еще пристань в Зинзилинском заливе для Гиляни, другую — для складки товаров, третью в Астрабаде для торгов с Хоразанью, Бухарой, Самаркандом и **Индией**. Он приказал их и строить, а между тем отправил (тайно?) к индейскому моголу в Бенгалию виц-адмирала Вильстера, капитана Мяснова и капитан-поручика Кошелева на трех фрегатах (5 декабря).

Велено было им захватить и в Мадагаскар и предложить королю наше покровительство» (IX, 448).

¹⁴⁰ Там же, д. 4.

¹⁴¹ чтоб сохранить внешнее приличие (франц.).

¹⁴² См.: **Иоаннисян А. Г.**, с. XXXII—XXXIII.

Нет, Петр ни в коей мере не думал отказываться от своего плана «прорубить окно на Восток», — напротив, он действовал в направлении расширения сферы русской торговли, распространяя ее на Среднюю Азию и вплоть до далекого Мадагаскара.

* * *

В заглавие заключительной части своих записей Пушкин поставил: «1724 и начало 1725-го года». Она, по замечанию И. Фейнберга, «в целом далеко не обработана и не завершена, но в ней сказывается глубокое постижение Пушкиным Востока»¹⁴³. Очевидно, что Пушкин дополнил бы эту часть не только выписками из 30-ти томов И. Голикова (отсылки на которого здесь часты), но и материалами, обнаруженными им в архивах. В последних же имелось множество документов о сношениях Петра с армянским народом: донесения его посланцев Ивана Карапета и Минаса вардапета, обращения и письма духовных и светских руководителей армянского национально-освободительного движения, других армянских патриотов. Мы ограничимся теми из них, которые непосредственно соотносятся с записями Пушкина в «Истории Петра» или отмечены в сочинениях И. Голикова.

Под 27 июня 1724 г. Пушкин записывает о заключении Неплюевым трактата с Портой и его ратификации 5 августа (IX, 455), после чего продолжает: «Румянцов определен чрезвычайным послом в Царьград, но сперва послан он в Персию для распределения границ (см. инструкцию) 24 августа» (там же). Вот ее некоторые пункты по Голикову: «1) Чтоб мера часовая правдивая, а не укорочена¹⁴⁴; 2) Смотреть накрепко местоположение — от Баку до Грузии какая дорога, сколько можно с войском идти и можно ли фураж иметь и на сколько лошадей, и путь каков для войска;... 4) Армяне далеко ль от Грузии и с того пути;... 7) Состояние и силу Грузинцов и Армян, таже пути, которые удобнее для действия воинского, сие самое главное дело»¹⁴⁵.

Через месяц после отъезда Румянцева Петр пишет ему вдогонку: «Я забыл при отъезде вашем о сем, того ради отныне пишу: понеже путь вам или близ или через Армению будет, также в Грузии много Армян; того ради сколько возможно старайтесь подговаривать, чтобы они шли в Гилян, в другие тамошние места

¹⁴³ Фейнберг И., с. 173.

¹⁴⁴ В примечании Голиков поясняет, что вместо миль и верст турки и персы измеряли пространство в часах пройденного пути.

¹⁴⁵ Голиков И. Деяния, ч. 9, с. 132.

жить, и если они многим числом будут, мы персов будем переселять в другие места и имущество, где они имели, отдавать»¹⁴⁶.

Смысл инструкции Петра ясен: готовясь к войне с Турцией, он интересовался сведениями военного характера, подтверждая свою заинтересованность в заселении отошедших к России территорий армянами.

В «Дополнениях» к «Деяниям Петра Великого» Голикова после сообщения о письме Румянцеву сказано: «Народ Армянский присылает к Монарху депутатов с прошением о принятии всего их народа под покровительство»¹⁴⁷. Этому предшествовала длительная подготовка, что устанавливается из архивных документов. В письме Минаса вардапета от 25 июня в Коллегию иностранных дел он просит разрешить приезд в Петербург представителя сыгнахов Карабаха и священника из Шемахи, пересылая челобитную последнего Петру (с. 183—184)¹⁴⁸. О том же Минас направляет письмо 13 августа канцлеру графу Г. И. Головкину (с. 191) и 28 августа — Петру (с. 193—195)¹⁴⁹.

В начале ноября делегаты — поп Антон, Кехви Челеби и присоединившийся к ним ширванский поп Петр прибыли в Санкт-Петербург и 5 ноября явились в Коллегию иностранных дел. Они сообщили, что в январе 1724 г. Иван Карапет собрал в Гандзасаре у патриарха Исайи тайное собрание: «... в то время в близости войска армянского обреталось 12 000 со многими юзбашами, между которыми 2 главных управителей, зовомые Аван и Мирза» (с. 204). Иван Карапет прочитал перед всеми грамоту Петра о помощи армянам, после чего «собралось из той же карабахской провинции войска армянского всего до 40 000 человек, из которых 30 000 конницы и 10 000 пехоты, над которыми всеми главные управители помянутой патриарх Исайи и 2 юзбаша Аван и Мирза. Ружье у того всего войска есть фузеи и сабли, и сверх того у конницы пистолеты, також пороху и свинцу у них довольно, и оное ружье и порох и свинец делают они, армяны, сами, понеже у них таких руд довольно. А пушек при них ничего нет, понеже хотя у них руда медная и железная есть, но мастеров пушечных нет» (там же). Было решено сверх грамот патриарха Исайи и меликов послать к Петру депутацию и передать словесно, что, когда царь прибудет в «персидские края», они приготовят для «войска российского 60 000 пуд хлеба и 10 000 быков и прочие потребные запасы» (с. 205), что до прибытия русского войска они будут держать оборону против турок и персов, что желающих перейти под

¹⁴⁶ Там же, с. 133.

¹⁴⁷ Голиков И. Дополнения, т. 12, с. 384.

¹⁴⁸ АВПр, ф. Сношения России с Арменией, 1724 г., д. 2.

¹⁴⁹ Там же.

протекцию России в Карабахе «будет со сто тысяч дворов», также из Кафана, где «народу армянского еще более» (там же). Поп Петр заявил, что прибыл от имени 10 000 армян волости Кабала¹⁵⁰, которых «ширванские бесурманы привели насильно в свою веру и церкви их армянския пожгли, и хотя они армяны принуждены от страху явно бесурманскую веру держать, однакож по ночам тайно молитвы по христианскому закону отправляют, и для того желают от той бесурманской неволи избавления», ради чего он и прибыл к русскому царю (там же)¹⁵¹.

10 ноября, по рассказу Голикова, «удручаемый болезнями своими Монарх, но которого великий дух превыше был оных (болезней. — К. А.), призывает к себе четырех Армянских депутатов, присланных от народа их к Е. И. В. и препроводя с ними несколько часов в разговорах, отправил их обратно, дав им за своим подписанием к генерал-майору Кропотову, начальнику крепости Св. Креста, указ». В нем предлагалось принять все меры к отправке делегатов в Армению, в места, «в которые надо им ехать»¹⁵². В отличие от Пушкина, занимавшегося в архивах, Голикову осталась неизвестна данная 10 ноября грамота Петра армянскому народу, направленная через депутатов «честнейшему патриарху Исаяну и честнейшим юзбашам Авану и Мирзе и всем протчим честным юзбашам и управителем, и всему честному армянскому народу» (с. 208). Сообщив о своих переговорах с делегатами Карабаха, Петр объявлял: «И понеже мы честный армянский народ ради христианства во особливой нашей милости содерживаем, того ради мы на сие ваше прошение всемилостивейше соизволяем», он дал приказ в отошедших к России прикаспийских землях, «когда кто из вас туда прибудет, не токмо приняли, но и для жития и поселения удобные места отвели и в протчем во всякой милости и охранении содержали» (там же). Тогда же указ об этом отправлен «за подписанием Е. В. собственныя руки, в Гилянъ, к бригадиру Левашову, в Баку, к полковнику Остафьеву, в Дербент, к полковнику и коменданту Юнгеру, в крепость Святого Креста, к генерал-майору Кропотову» (с. 209)¹⁵³. Так, в предписании генералу Кропотову говорилось: «Понеже народ Армянской нас просил, дабы оный в свою протекцию приняли и в наших новополученных персидских провинциях для поселения удобные места отвести... повелеваем тебе, чтобы, когда из того армянского народа какие в край Св. Креста прибудут, — немедленно отвести им при оной крепости по рекам Сулаку, Аграхани и Тереку, где они по-

¹⁵⁰ Область западнее г. Шемаха.

¹⁵¹ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1724 г., д. 2.

¹⁵² Голиков И. Дополнения, т. 14, с. 389.

¹⁵³ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1724 г., д. 2.

желают, потребные и довольные места — учинить им всякое вспоможение, содержать в крепком охранении, чтобы никаких жалоб, понеже мы оный Армянский народ во особую нашу императорскую милость и протекцию приняли»¹⁵⁴.

11 ноября по указанию Петра было направлено письмо Ивану Карапету всячески содействовать переселению армян в прикаспийские области, ибо «Е. И. В. для обороны и защищения их армян в те места, где они ныне живут, войска свои послать весьма невозможно, понеже имеет с Портою Оттоманского трактат» (с. 215—216)¹⁵⁵. Выдвигая свое предложение, Петр исходил из того, что после Константинопольского договора армянский народ, признавший себя подданным России, попав под варварское господство турок, окажется в невыносимых условиях жизни вплоть до его физического уничтожения. Однако уход армян означал бы отказ от своей родной страны, ее прошлого и настоящего, от идеи ее освобождения от иноземного гнета, в чем они рассчитывали на помощь России. Правда, была надежда, и Петр это обещал, на войну с Турцией, исходя из чего армянский народ почти четыре года — до 1728 г. — вел борьбу против турецких оккупантов; но было также известно, что русский царь тяжело болен и у него нет достойного продолжателя его дел.

Руководители армянского освободительного движения, придерживаясь по-прежнему русской ориентации, от массового переселения отказались. В 1726 г., уже после смерти Петра, командующий русскими областями в Прикаспии генерал В. В. Долгоруков сообщал русскому правительству: «А что велено мне армян уговаривать, чтобы в завоеванных наших провинциях в Персии, где похотят, селились бы, и армяня о том слышать не хотят, — и правда, великий резон есть... оставить места удобные и идти в бесплодные» (с. 289)¹⁵⁶.

Но продолжим рассмотрение записей Пушкина. Под 9 ноября он отмечает, что генерал Матюшкин отправился морем в Баку, где застал солдат убитого Зимбулатова (IX, 456). До этого Пушкин записал, что полковник Зимбулатов был послан в Сальяны, чтобы выбрать место для строительства города на Куре; однако местная ханша Ханума, войдя в доверие Зимбулатова, пригласила его и русских офицеров на обед, которых предательски зарезали ее слуги; затем было совершено нападение на солдат, часть их убила, оставшиеся на судах отплыли в Баку (IX, 446—447).

Матюшкин из Баку отправился в Сальяны, примерно наказал коварную покровительницу края. «Потом, — продолжает Пуш-

¹⁵⁴ Голиков И. Дополнения, т. 14, с. 335—336.

¹⁵⁵ АВПр, ф. Сношения России с Арменией, 1724 г., д. 2.

¹⁵⁶ Там же, 1725 г., д. 2.

кин, — поехал в Решт, где 20 000 персиян под начальством кескерского визиря готовы были напасть на русских (6 батальонов пехоты, 500 драгун и легкое войско из казаков, армян etc.) под командой Левашова, генерал-майора» (IX, 457). По Голикову, было и несколько рот, составленных «из Армян, Грузинцов и донских казаков»¹⁵⁷.

Как утверждает русский историк П. Г. Бутков, «когда турки заняли Грузию и Армению, то многие из грузин и армян... оставили свое отечество, вышли в Гилян в 1723 г. и там вступили в российскую службу»¹⁵⁸. Согласно источникам, было образовано два эскадрона — армянский и грузинский — числом более 700 человек. Помимо того, Матюшкину было предложено «по прежде данным указом... призывать армян и грузинцов как в службу, так и для поселения» (с. 250)¹⁵⁹.

Матюшкин предпринял экспедицию в Решт против нападений на русское войско персов, подстрекаемых фанатичным духовенством. Пушкин отмечает героизм отряда под командой Левашова: «В течение двух месяцев персияне атаковали при Реште россиян, но всегда были прогнаны» (IX, 457). Другой случай произошел с консулом Аврамовым, находившимся при шахе Тахмase в Ардевиле. «На него напала чернь, но он был счастливее Грибоедова. Он отстрелялся и бутылкою вина утушил всё сие дело» (там же). Это последняя запись Пушкина, относящаяся к Персидскому походу за 1724 г., хотя события как в Персии, так и в Закавказье развивались. Турки вторглись в Эриванское ханство, разорив по дороге все населенные пункты, взяли в плен более 20 тыс. человек жителей, обратив их в рабство. Они разбили войска местного персидского хана и, несмотря на героическое сопротивление армянских крестьян из окрестных деревень и горожан, после трехмесячной осады 28 сентября 1724 г. взяли Эривань.

Новая попытка турок в июне 1723 г. захватить Гянджу и Карабах окончилась их поражением. Местные армяне и азербайджанцы, заключив договор о союзе и совместных действиях, разбили турок, о чем известили Петра в послании от 6 апреля (с. 99—102)¹⁶⁰. В этом большую роль сыграл Иван Карапет, что видно из письма карабахских меликов в марте—апреле 1724 г. Петру (с. 93—94)¹⁶¹. Одновременно была отправлена делегация к шаху Тахмасу, которая, по словам Ивана Карапета из его донесения

¹⁵⁷ Голиков И. Дополнения, т. 9, с. 157.

¹⁵⁸ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869, ч. 1, с. 523.

¹⁵⁹ АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1725 г., д. 5.

¹⁶⁰ Там же, 1724 г., д. 2.

¹⁶¹ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, кн. 66, отд. II.

от 23 июня 1724 г., просила «на время помирится пока дожждутся помощи российской» (с. 114)¹⁶². Шах принял это условие и одарил меликов халатами, и видимо, под воздействием последних назначил в 1725 г. Давид-бека правителем Кафана.

Так, в обстановке неизвестности и тревог, в ожидании наступления турок закончился для армянского народа 1724 год.

За 1725 г. у Пушкина лишь одна запись за январь имеет отношение к нашей теме: «Петр получил известие от Матюшкина. Шамхал, собрав 30 000 войска, осадил крепость Св. Креста. Генерал-майор Кропотов его разбил и землю его разорил. Петр уничтожил звание шамхала» (IX, 460). Речь об измене дагестанского шамхала, его переходе на сторону турок, по заданию которых он пытался внезапно захватить крепость Св. Креста, о чем еще 6 марта 1724 г. настоятель мейсарского армянского монастыря вардапет Мартирос предупреждал русского коменданта Дербента (с. 82)¹⁶³.

Последняя запись Пушкина обрывается на смерти Петра 28 января 1725 г. До этого, описывая Прутский поход Петра, Пушкин отмечает: «Предание гласит, что Петр на одре смерти жалел о двух вещах: что не отомстил Турции за Прутскую неудачу, а Хиве за убиение Бековича» (IX, 272). Но сам Пушкин показал, что противоборство с Турцией определялось не личными чувствами Петра, а жизненными интересами России. То, что не успел выполнить Петр, — освободить народы Закавказья, в их числе и армянский, от иноземного гнета — стало одной из главных задач внешней политики его преемников. Оно осуществилось, как мы видели, в дни жизни Пушкина добровольным вхождением в состав России Грузии и Армении, участием поэта в русско-турецкой войне. Работа над «Историей Петра» открыла начало этого процесса, замкнув круг знаний поэта об Армении и ее народе.

¹⁶² АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1724 г., д. 2.

¹⁶³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, кн. 66, отд. II.

АРМЕНИЯ – ПУШКИНУ

Обратимся к обратной связи отношений Пушкина с Арменией — к переводам произведений Пушкина на армянский язык, откликам на его творчество в армянской критике, восприятию его художественного опыта армянскими писателями, пушкинской теме в армянской литературе и искусстве и многому другому, в чем и как выразилась благодарная память армянского народа о гениальном сыне России.

Армянская пушкиниана за более чем 150 лет развития накопила довольно большое количество фактов, которые зафиксированы в библиографическом указателе, доведенном до 1972 г.¹ Мы остановимся лишь на наиболее значительных из них, расположив в хронологическом порядке, что дает возможность увидеть динамику рецепции Пушкина в армянской действительности.

1

Знакомство армянского читателя с творчеством Пушкина на родном языке состоялось в начале 30-х годов, еще при жизни поэта. Армяне же, проживавшие в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Дерпте, Тифлисе и других культурных центрах России, получившие русское образование, читали произведения Пушкина на языке оригинала, и многие из них, такие как семьи Абамяк, Лазаревых, Худобашевых, — чуть ли не с лицейских лет.

Первым переводчиком Пушкина на древнеармянский литературный язык (грабар) был Мкртич (Никита) Осипович Эмин (1815—1890), впоследствии крупный ученый-ориенталист, пере-

¹ А. С. Пушкин. Библиография переводов на армянский язык. Приложение:

А. С. Пушкин в армянской литературной критике и периодике / Сост. и автор предисл. А. Калашян, Ереван, 1974. Далее: Библиография.

водчик на русский Мовсеса Хоренаци и других древнеармянских авторов. В третьем томе «Собрания актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», сданном на цензурное рассмотрение в 1836 г., сказано, что «Мкртич Эмин, студент Лазаревского института восточных языков в Москве, отправленный в указанный институт из Калькутты (Индия), в стихах перевел с русского языка на армянский сочинения А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник». Эти переводы в скором будущем выйдут в свет, и тогда певец Фонтана и Пленника станет известным в различных странах Азии, населенных армянами»².

Переводы М. Эмина по каким-то причинам в свет не появились, однако, как отмечает известный арменист Ю. А. Веселовский, «из записи, поданной тем же Эмином в 1841 г., — когда он был уже учителем, — директору института Х. И. Лазареву, видно, что в четвертом классе ученики на уроках армянского языка наряду с «Ундиной» Жуковского переводили «Путешествие в Арзрум» Пушкина»³.

Ученик М. Эмина, впоследствии выдающийся армянский поэт Рафаэл Патканян, вспоминал, что «первый раз с сочинениями Пушкина и Лермонтова познакомил нас он (Эмин. — К. А.), часто во время лекций он читал нам их произведения, прививая вкус и любовь к русской поэзии»⁴.

Трагическая гибель Пушкина вызвала отклик и среди армянской молодежи, учившейся в Санкт-Петербургском и Московском университетах, в Лазаревском институте восточных языков. В бумагах А. А. Краевского, редактора «Литературных прибавлений» к «Русскому инвалиду», позднее — «Отечественных записок», находящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома⁵, сохранилось стихотворение, подписанное «Я. Арапетов». К нему приложена краткая записка на имя А. А. Краевского: «Автор просит напечатать следующую пизсу в Литературных прибавлениях, если найдете ее не противоречащую с целями журнала. Я. Арапетов»⁶.

² Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1838, т. 3, с. 262.

³ **Веселовский Ю. А.** Поэзия Пушкина в преддверии Азии. — В кн.: **Веселовский Ю. А.** Очерки армянской литературы, истории и культуры / Вступ. статья, сост., ред. и примеч. А. Давтян. Ереван, 1972, с. 347.

⁴ **Патканян Р.** Воспоминания о профессоре М. Эмине. — В кн.: Сочинения М. О. Эмина. М., 1898, с. 210. На арм. яз.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 244 Пушкина, оп. 32, № 58.

⁶ Там же, л. 2 об.

Затем следует сама «пиэса»:

Его уж нет

Дума

Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря
.
Потух огонь на алтаре!...

«Онегин».

Скажи, Кавказ! где дух тот величавый,
Чей звучный стих, чей сладостный напев
Нам передал всю роскошь горных дев,
Кого пленил твой Эльберус двуглавый?
Скажи, Кавказ! где он, где твой Поэт?..
Но мрачен ты. В ущельях ветер свищет;
Шумит поток; твой сын в безумье рыщет;
В слезах дочь гор... и мне одно в ответ:
Его уж нет! его уж нет!..

* * *

Скажи, семья беспечная, живая!
Как иногда, любя ваш вольный быт,
Не в таборе ль свободном он укрыт,
Он, что вас пел, от света убегая?
Скажите мне, где он, где ваш Поэт?..
Но все молчит. Унынье меж шатрами;
Смуглянки лик покрыт тоски слезами;
Ваш визг утих... и мне одно в ответ:
Его уж нет! его уж нет!

* * *

Скажите мне, о вы, берега Салгира!
Где гений тот, что оживил ваш край?
Кем славен стал навек Бахчисарай,
Где чудная его звучала лира?
Скажите мне, где он, где ваш Поэт?..
Но что же вы! Берега и доли немые;
Мрачна как скорбь там бродит тень Заремы,
И слез фонтан одно журчит в ответ:
Его уж нет! его уж нет!

Скажи, Земля великая, родная!
 Где славных дел певец твой молодой?
 Могучий Дух поэзии родной,
 Великий сын огромнейшего края?
 Святая Русь! скажи, где твой Поэт?..
 Но ты молчишь. Поэта лик священной
 Народ кропит слезою умиленной,
 И стон немой мне роковой ответ:
 Его уж нет! его уж нет!..

Я. Арапетов

В Тульском областном архиве хранится дело (ф. 39, оп. 2, д. 75) коллежского асессора⁷ Якова Исаевича Арапетова — его прошение Тульскому дворянскому собранию от 14 декабря 1844 г., в котором, сообщая о своем деде, артиллерии майоре Иване Ивановиче Арапетове, владевшем здесь имением, и о себе, что до поступления на службу был внесен «в родословную книгу оной губернии», — просит восстановить его в списке местных дворян. Из приложенного к сему формулярного списка выясняется, что лет ему 31 (следовательно, родился в 1813 г.), происходит из армян, вероисповедания армяно-григорианского, не женат, окончил в 1832 г. «курс наук в имп. Московском университете по отделению словесности, выпущен с правом на степень действительного студента»; 2 декабря 1834 г. вступил на службу в канцелярию Министерства внутренних дел; 7 февраля 1835 г. указом правительственного сената «утвержден в чине губернского советника со старшинством со дня вступления в действительную службу»; 12 июня 1835 г. «определен чиновником особых поручений по Министерству внутренних дел»; в январе 1836 г. «командирован в числе прочих чиновников... для приведения в ясность отчетов по постройкам Кавказских Минеральных вод» и за «отличное усердие» получил благодарность начальства; 13 марта 1837 г. переведен в статистическое отделение Совета Министерства внутренних дел и 30 апреля назначен помощником производителя статистических работ, 20 августа «всемилоостивейше пожалован за отлично усердную службу в коллежские секретари», в августе 1839 г. по болезни уволен со службы, а 24 октября того же года зачислен в Департамент духовных иностранных вероисповеданий Министерства внутренних дел, в феврале 1842 г. перемещен чи-

⁷ Гражданский чин 8 класса в России, дававший до 1845 г. потомственное дворянство, после — личное.

новником особых поручений в этом департаменте и указом правительственного сената в апреле «произведен в титулярные советники», в феврале 1843 г. «по высочайшему повелению откомандирован в Эчмиадзин по случаю выборов армяно-григорианского патриарха» и 19 ноября «по окончании вышеозначенного поручения по засвидетельствованию начальства об отлично усердной службе всемилостивейше пожалован коллежским асессором».

На этом наши сведения о Я. И. Арапетове обрываются, известно лишь, что 14 января 1845 г. его прошение было удовлетворено и его имя внесено в родословную книгу тульского дворянства.

Данные из формулярного списка Я. И. Арапетова позволяют комментировать не только его стихотворение на смерть Пушкина, а и опубликованные им статьи и очерки, о которых мы скажем дальше. Исходя же из того, что А. А. Краевский редактировал «Литературные прибавления» в 1837—1839 гг., а также из тональности стихов, посвященных Пушкину, следует заключить, что они написаны в дни всенародного траура как непосредственный отклик на смерть поэта. Эпиграф, взятый из «Евгения Онегина», все содержание стихотворения с упоминанием произведений Пушкина говорит о знании и почитании автором творчества поэта, о влюбленности в его поэзию. Поразительна последняя строфа «Думы» Я. Арапетова, в которой Пушкин назван «могучим Духом» «родной поэзии», где определение «родной» свидетельствует о ее близости автору, а «великий сын огромнейшего края» — о понимании им поэта как славы России. И суть важно не некоторое несовершенство формы «пизэсы» Арапетова, но звучащая в ней искренняя боль по поводу невосполнимой утраты, вызванная этим всенародная скорбь, когда «поэта лик священной Народ кропит слезою умиленной...».

После поездки в Армению Я. И. Арапетов напечатал в «Журнале Министерства внутренних дел» (СПб., 1844, т. 6, с. 203—243) статью «Эчмиадзинский монастырь», в которой привел описание утвари храма и книг книгохранилища монастыря с краткой характеристикой (аннотацией) сочинений древнеармянских авторов. Позднее он опубликовал в «Отечественных записках» (1848, т. 41, № 7) А. А. Краевского «Заметки по пути из Москвы в Закавказский край». Как замечено, они написаны под прямым влиянием «Путешествия в Арзрум»⁸, в чем еще раз сказалась верность Арапетова Пушкину.

Описывая дорогу, точнее бездорожье, на пути в Ставрополь

⁸ См.: Арешян С. Г. Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1954, с. 96.

и частые поломки экипажа, Арапетов приводит строки из «Евгения Онегина»:

Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колени
И рвы отеческой земли.

(V, 155)

Проезжая Кабарду близ разоренного аула Татаруба, Арапетов, увидев минарет, вспоминает, что Пушкин обратил на него внимание; в Екатеринодаре разговор с женой полкового учителя — Верой Ивановной, кабардинкой, попавшей в плен и вышедшей замуж за русского офицера, напомнил Арапетову «рассказ старого Цыгана об Овидии в поэме Пушкина»; одинокая церковь на вершине Малого Казбека привела на память стихотворение Пушкина «Монастырь на Казбеке»:

Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер,
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

(III, 141).

Но не только в отборе тех явлений жизни, на которые обратил внимание Пушкин, и не в цитировании произведений сказано следование ему Я. Арапетова; как справедливо отмечает армянский литературовед Э. Акопян, Я. Арапетов, «руководствуясь литературными приемами и поэтической манерой Пушкина в восприятии, оценке и воспроизведении отдельных явлений действительности... много места уделяет «живописным поэтическим ужасам Кавказа»..., бытовым сценам, воспоминаниям о побывавших в этих краях русских поэтах»⁹. Без преувеличения, Я. Арапетов придерживался пушкинской интонации, «его подчас стремительных переходов от эмоционального повествования к лирическому описанию картин». Так, рисуя сцены из тифлисской жизни, Я. Арапетов писал: «Все лавки, состоя из трех стен, совершенно

⁹ Акопян Э. Русские литературные источники 20—30-х годов XIX в. об Армении. — В кн.: Связи армянской литературы с литературами народов СССР. Ереван, 1982, вып. 2, с. 162.

обнаружены для проходящих. Это — театральная сцена. На этой сцене портные, сидя, поджав под себя ноги, шьют национальные платья; повар готовит кушанье; тут бреют, там фабрикуют кинжалы с богатой оправой; далее продают овощи и другие товары; здесь хлебник печет лаваша, а возле башмачник занимается своим ремеслом. Все это стучит, шумит, курит кальяны или трубки; а между тем по той же улице скрипят двухколесные арбы, оборванные мальчишки погоняют навьюченных ослов; тут же тянется караван верблюдов со свежими персидскими товарами, или кое-как плетется лошадь с перекинутым на обе стороны огромным бурдюком, с продажною курскою водою. Живая, пестрая, оригинальная картина!».

В иной тональности ведется рассказ о близкой его сердцу, встающей из руин Армении: «Я в Эчмиадзине! Передо мною священный Арарат возвышает до небес заповедную главу, покрытую вековым снегом! С гранитных берегов Невы очутился я на скромных берегах патриархального Аракса, в стране, озаменованной библейскими преданьями».

Я. Арапетов со знанием излагает историю Армении с древнейших времен до первой трети XIX в., говоря об Эривани, называет его городом, «игравшим такую важную роль в истории последних наших войн с Персией», подробно перечисляет его достопримечательности, останавливается на занятиях, быте, нравах армян, и не как сторонний наблюдатель, но как сородич, с кровной заинтересованностью.

Конечно, Я. Арапетов — не армянский писатель, но он патриот своего народа, и мы вправе гордиться тем, что в дни трагической гибели Пушкина один из сыновей армянского народа разделил с передовой Россией ее боль и гнев.

Преданным и неизменным почитателем гения Пушкина был и И. К. Айвазовский, который, как уже отмечалось, встречался с поэтом в 1836 г. Достоверно известно, что Айвазовский продолжал знакомство с вдовой Пушкина, подарив ей в 1847 г. картину «Лунная ночь у взморья», которая, как сообщал русский художник А. И. Иванов, была навеяна стихотворением Пушкина «Ночной зефир струит эфир» (II, 203); он заключает свои впечатления от нее словами: «Если Пушкин видит за гробом, то верно уже давно послал Айвазовскому свое спасибо за испанскую ночь»¹⁰.

На темы пушкинских стихов Айвазовский написал 10 картин: в 1880 г. «Пушкин у скал Аю-Дага» («Там, где море вечно плещет» — III, 36) и «Прощание Пушкина с морем» («Прощай, свободная стихия» — II, 198); помимо того о жизни поэта в 1877 г. «Пушкин среди скал», в 1887 г. совместно с Репиным — «Проща-

¹⁰ Айвазовский: Документы и материалы. Ереван, 1967, с. 90.

ние Пушкина с Черным морем», в 1890-е гг. — «Пушкин на южном берегу Крыма близ Гурзуфа и Парженита с семейством Раевских»¹¹, то же в том же году повторно, в 1896 г. — «Пушкин на вершине Ай-Петри», в 1899 г. — «Пушкин у Гурзуфских скал» и одноименный карандашный рисунок¹².

Работы Айвазовского вошли в классику живописной пушкинианы, а его традиции были продолжены армянскими художниками, создавшими немало произведений, посвященных Пушкину.

* * *

В 1843 г. в Москве вышла в свет небольшая книжка под названием «Переводы в прозе и в стихах с русского на армянский язык из Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Баратынского и Гнедича», отпечатанная в типографии Лазаревского института восточных языков. Переводчиком был студент этого же института Ованес Амазаспян, уроженец Астрахани, который после окончания учения вернулся в родной город и поступил там на государственную службу. Из Пушкина в книжку вошли «Земля и море», «И путник усталый на бога роптал...», «Кавказ», «Не дай мне бог сойти с ума...», «Похоронная песня Иакинфа Маглановича» («С богом, в дальнюю дорогу!»), «Пророк», «Русалка» («Над озером, в глухих дубравах»), «Соловей и роза» («В безмолвии садов, весной, во мгле ночей»), «С тобою древле, о всеильный» (IV подражание Корану), «Туча» — всего десять стихотворений.

Отметим, что они переведены на древнеармянский язык, а это ограничило круг их читателей, свело почти на нет значение опыта О. Амазаспяна для последующих армянских переводчиков Пушкина. Тем не менее самый отбор произведений, их тематическое и идейное разнообразие давали представление о широте лирики Пушкина, вводили читателя в мир его творчества.

Другим переводом на древнеармянский язык, но уже в прозе, был отрывок из поэмы «Цыганы» («Птичка божия не знает...»), принадлежавший Рафаэлу Патканяну, опубликованный в тифлисском журнале «Арагат»¹³.

С утверждением в 50—60-е годы в армянской литературе нового литературного языка (ашхарабар) он становится языком и переводов произведений Пушкина. В силу этого переводы Пушкина приобретают все более интенсивный характер, что расширяет диапазон их воздействия на армянское общество.

¹¹ Там же, с. 199.

¹² Там же, с. 459.

¹³ 1850, № 4, с. 64. На арм. яз.

Первой ласточкой стал свободный прозаический перевод Ов. Багдасаряна «Сказки о рыбаке и рыбке», озаглавленный им «Рыбак и рыбка» и напечатанный в тифлисском журнале «Мегу Айастан» («Пчела Армении») ¹⁴. Однако этот перевод остался единственным для Ов. Багдасаряна и имеет скорее историко-литературное, чем эстетическое значение.

В популяризации творчества Пушкина большую роль сыграл журнал «Юсисапайл» («Северное сияние»), выходивший в Москве, который стал средоточием прогрессивных и демократических сил армянского народа. Его редактором являлся С. Назарян — публицист, ученый-востоковед и критик. В статье по поводу перевода «Демона» М. Ю. Лермонтова на армянский М. Садатяна С. Назарян провел сопоставительный анализ творчества Лермонтова и Пушкина ¹⁵. В журнале сотрудничал выдающийся армянский революционер-демократ Микаэл Налбандян, который в 1850—1854 гг. перевел из поэмы «Кавказский пленник» «Черкесскую песню» ¹⁶ и в подражание пушкинскому «Поэту» написал одноименное стихотворение, наполненное пафосом гражданского служения поэзии интересам общества. Воздействие Пушкина на М. Налбандяна сказалось не только в его переводе и подражании, но и на всем его раннем творчестве.

На страницах «Юсисапайла» увидели свет переводы писателя-переводчика Геворка Бархударяна — «Я пережил свои желанья» ¹⁷, «Я вас любил: любовь еще, быть может...» ¹⁸ и известного армянского поэта Смбата Шахазиза — «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») ¹⁹. Укажем, что С. Шахазиз принадлежал к тем армянским поэтам, кто в своем творчестве широко использовал художественный опыт русской литературы, особенно Пушкина и Лермонтова. Отвечая на вопрос Ю. Веселовского, какое влияние оказала на него русская литература, С. Шахазиз писал: «...наиболее сильное впечатление произвели на меня, конечно, Пушкин и Лермонтов!.. Пушкиным я всегда увлекался прежде всего как разносторонним и правдивым поэтом-художником, творчество которого представляет собой для отзвучившего читателя как бы прекрасный, цветущий сад, блещущий райской красотой... Следы влияния его поэзии, в частности — «Евгения Онегина» (до из-

¹⁴ 1858, № 16. На арм. яз.

¹⁵ Назарян С. «Демон». Восточная песнь. Произведение русского поэта М. Лермонтова. — Юсисапайл, 1863, дек. На арм. яз.

¹⁶ Опубликовано в «Андес гракан ев патмакан» («Литературный и исторический журнал»). М., 1890, кн. 3. На арм. яз.

¹⁷ Юсисапайл, 1860, № 6. На арм. яз.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, 1864, № 6.

вестной степени даже «Графа Нулина»), заметны местами в моей «Скорби Леона». Независимо от этого я когда-то задумал и начал писать поэму из новой армянской жизни, которая явилась бы отчасти подражанием «Евгению Онегину», в особенности — романтической завязке поэмы, истории Татьяны»²⁰.

В 60-е гг. возникает и новый тип связей армянского читателя с наследием Пушкина. 14 декабря 1860 г. министр внутренних дел С. Ланской циркулярно одобрил призыв «воспитанников всех курсов императорского Александровского лицея открыть повсеместную подписку для сооружения памятника питомцу сего заведения Александру Пушкину»²¹. В феврале 1861 г. на этот счет поступило распоряжение попечителя кавказских учебных заведений директором гимназий и семинарий края, в их числе и Эриванской области²². Сохранились подписные листы Эриванского, Ордубадского и Нор-Баязетского училищ с указанием лиц, сделавших взносы. Не все подписи разборчивы, но среди откликнувшихся учителей — армяне, русские, греки, а также учащиеся; из последних по Эриванской мужской гимназии — ученики 2-го класса Херер Гаков, Маруков, М. Лунковский, Кегамов и другие, 3-го класса — П. Аветисов, А. Тигранов и др.²³.

Следовательно, уже в начале 60-х гг. прошлого столетия имя Пушкина стало известно даже в таких глухих уголках Армении, как Ордубад и Новый Баязет.

С 60-х гг. дело переводов и популяризации поэзии Пушкина все более сосредоточивается в культурных центрах Закавказья. В тифлисском журнале «Крунк айоц ашхари» («Журавль страны армянской») в 1862 г. печатается стихотворение «Эхо» («Ревел ли зверь в лесу глухом») ²⁴, там же через три года — «Брожу ли я вдоль улиц шумных»²⁵, в «Мегу Айастани» в 1863 г. под заглавием «Жена рыбака» — «Сказка о рыбаке и рыбке»²⁶, в 1867 г. — «Поэт («Поэт! не дорожи любовью народной...»)»²⁷ и «Скупой рыцарь»²⁸.

²⁰ **Веселовский Ю. А.** Русское влияние в современной армянской литературе (на основании анкеты). — В кн.: **Веселовский Ю. А.** Очерки армянской литературы, истории и культуры, с. 304—305.

²¹ Центральный государственный исторический архив АрмССР, ф. 2, оп. 1, д. 18. Далее: ЦГИА АрмССР.

²² Там же.

²³ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 24.

²⁴ Крунк айоц ашхари, 1862, № 2. На арм. яз.

²⁵ Там же, 1865, № 5—6.

²⁶ Мегу Айастани, 1863, № 13. На арм. яз.

²⁷ Там же, 1867, № 18.

²⁸ Там же, № 43—44.

Мы не называем имен переводчиков, ибо они выступали как любители его поэзии, и их обращение к Пушкину ограничилось лишь разовыми переводами. Процесс же рецепции Пушкина в армянской действительности шел в направлении привлечения к переводам писателей и профессиональных переводчиков, что и было осуществлено в последующие десятилетия. Это определило расширение географии переводов Пушкина, вовлечение в их дело более квалифицированных сил, большую интенсивность вхождения наследия великого поэта в литературу и культуру армянского народа.

Из переводов 70—80-х гг. отметим поэму «Бахчисарайский фонтан»²⁹ (переводчик не указан), «Путешествие в Арзрум»³⁰, принадлежащий педагогу и литератору К. Кушнаряну, опубликованный в издаваемом в Венеции конгрегацией мхитаристов журнале «Базмавеп» («Полигистор»), «Сказку о рыбаке и рыбке» в переводах Р. Патканяна (под псевдонимом Гамар Катиба)³¹ и известного армянского прозаика Г. Агаяна³² и таких лирических произведений, как «Брожу ли я вдоль улиц шумных» К. Кушнаряна³³ и его же «Ангел»³⁴ и др.

Особняком стоит изданный в 1887 г. в Шуше сборник стихотворений Тер-Аветисяна, в который помимо оригинальных произведений автора вошли переводы из Пушкина, Лермонтова, Добролюбова, Байрона, Гейне, Шиллера и др. В нем помещено и стихотворение «Памятник Пушкину», принадлежащее Тер-Аветисяну и написанное по случаю открытия памятника поэту в 1880 г. В нем прославляется Пушкин — «певец свободы», в ком народ, «очнувшись от глубокого сна», увидел своего доблестного поэта, «от мощного голоса» лиры которого «рухнули скалы», «в трепете рассеялись темные силы»; «поэту-жертве», «светочу родной страны», сделавшему много для «просвещения своего народа», только после «мучительных дней» воздвигнут памятник; теперь же у подножья памятника его преследователи славословят поэта, и по их адресу автор восклицает: «Радуйся, о гений! Под влиянием твоей поэзии честными стали и каменные сердца»³⁵.

²⁹ Дастирак (Воспитатель), Феодосия, 1874, № 5. На арм. яз.

³⁰ Базмавеп, 1883. На арм. яз.

³¹ Варжаран (Школа), Тифлис, 1884, № 7—10; то же: Масис, Константинополь, 1884, № 3740, также отдельным изданием — Тифлис, 1884, 20 с. Все на арм. яз.

³² Тифлис: Изд-во журнала «Ахпюр». 18 с. На арм. яз.

³³ Базмавеп, 1876.

³⁴ Там же, 1882.

³⁵ См.: Мхитарян А. Г. Пушкин и Армения. — Тр. Тбилисс. гос. пед. ин-та им. А. С. Пушкина, 1949, т. 7, с. 71.

Одновременно развивается и та отрасль армянской критической мысли, которая занимается популяризацией и осмыслением творчества Пушкина. В 1876 г. «Базмавеп» печатает статью «А. С. Пушкин» с изложением биографии поэта³⁶. В 1880 г. наиболее популярная газета того же времени «Мшак» («Труженик»), выходящая в Тифлисе и редактируемая крупным общественным деятелем и публицистом Гр. Арцруни, помещает корреспонденцию «Письмо из Москвы» с кратким обзором творчества Пушкина³⁷. В 1883 г. в том же «Мшаке» его редактор Гр. Арцруни выступает со статьей «Раньше и теперь», в которой рассматривает противоречие суждений русской критики о поэтическом наследии Жуковского и Пушкина, проводит сравнение трагической судьбы Пушкина с участью армянских писателей³⁸. В 1887 г. тифлисская газета «Нор-Дар» («Новый век») перепечатывает статью из московской «Недели» (1887, 13 янв.) под названием «Поведение нашей периодической печати» — по поводу споров о проведении 50-летия со дня смерти Пушкина³⁹.

В 1890 г. к переводам из Пушкина приступает конгениальный ему великий армянский поэт Ованес Туманян. Первым его опытом стали пушкинские «Заклинание» («О, если правда, что в ночи»), а еще через два года «Романс» («Под вечер, осенью ненастной»), вошедшие в двухтомник его стихотворений⁴⁰.

Поэзией Пушкина Ов. Туманян увлекся в школьные годы, и с тех пор она всю жизнь сопровождала его. Туманян был в числе тех, кто сумел правильно понять и оценить мировое значение творчества Пушкина — величие утверждаемых им общечеловеческих идей, непревзойденную по изяществу и красоте художественную форму его произведений. В письмах, статьях, беседах Ов. Туманяна имеется множество высказываний о Пушкине, которые очевидно свидетельствуют о любви и душевной близости армянского поэта к гению русской литературы. Он ставил Пушкина в один ряд с Шекспиром, Гете, Гейне, Байроном, Хайямом, Шелли, отводил ему первое место в русской поэзии. В воспоминаниях его дочери Нв. Туманян рассказывает, что Ов. Туманян всегда стремился «понять душой все совершенство» и значение пушкинской поэзии, проникнуть в ее бездонные глубины, узнать как можно больше нового о личности Пушкина, о его жизни. Туманян читал не только самого Пушкина, но и книги, критические исследова-

³⁶ Базмавеп, 1876.

³⁷ Мшак, 1880, 2 июля. На арм. яз.

³⁸ Там же, 1883, 23 февр.

³⁹ Нор-Дар, 1887, 11 февр. На арм. яз.

⁴⁰ М., 1892, т. 2, с. 79—80, 113—115. На арм. яз.

ния о нем⁴¹. По ее словам, «размышляя на такие вечные и всегда важные для художника темы, как истинный смысл и назначение поэзии, поэт и судьба его родины, народа, вдохновение и пафос в искусстве, таинство художественного творчества и т. д., Туманян очень часто обращался к Пушкину»⁴².

Не углубляясь в тему «Пушкин и Туманян», общность их мировоззрения и творчества⁴³, приведем свидетельство самого армянского поэта. Отвечая на тот же вопрос, что и С. Шахазиз, о влиянии на его творчества Пушкина, Туманян писал, что изученные им еще в школе произведения русских поэтов, например, из Пушкина «Полтава», «Цыганы», «Песнь о вещем Олеге», «Утопленник», «Зимний вечер» (Туманян называет и ряд произведений Лермонтова), он «настолько полюбил, что они должны были непременно повлиять на меня... Скажу больше. Я нашел, что русские поэты, главным образом — Пушкин и Лермонтов, всегда казались мне **более родными и близкими, чем наши армянские поэты** (речь идет о поэтах предыдущего поколения). Причиной этого было не только превосходство их талантов, но и следующий весьма существенный факт: в силу каприза судьбы или стечения обстоятельств наши армянские поэты жили и творили вдали от нашей родины и в их песнях не отразились ни наша природа, ни народная жизнь (если иногда они и пытались все это изображать, это выходило весьма неудачно)»⁴⁴.

Туманян особо подчеркивает значение поэм Пушкина и Лермонтова в создании его собственных произведений этого жанра: «Я, как кавказец и горец, полюбил эти песни и поэмы. И хотя любовь к горам и тоска по горской жизни всегда были в моей душе, но, без сомнения, русские поэты побудили меня писать, дав такую форму поэмы, какую использовал я, потому что в нашей литературе не было поэм такого рода, в которых воспевалась бы наша природа, обычаи и предания народа. Таким образом, хотя и бессознательно, начинал я под воздействием русских поэтов. Но это происходило так незаметно, так неосознанно, что теперь я даже и

⁴¹ Туманян Н. Воспоминания и беседы. Ереван, 1969, с. 155. На арм. яз.

⁴² Там же, с. 184—185, 199—201.

⁴³ Она рассмотрена в статьях: Тертерян А. Пушкин в армянской литературе. — Науч. тр. Ереванск. ун-та, 1939, вып. 9. На арм. яз.; Джрбашян Эд. Туманян и Пушкин. — Науч. тр. Ереванск. ун-та, 1956, т. 57. На арм. яз.; Григорьян К. Н. Ованес Туманян. Ереван, 1969; Джанполадян М. Г. Пушкин и Ованес Туманян. — В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975.

⁴⁴ Веселовский Ю. А. Русское влияние в современной армянской литературе, с. 312—313.

не могу определить это воздействие на мои стихотворения, но чувствую его в моем сердце. в моих вкусах, в моем нравственном облике»⁴⁵.

Заключительные слова Туманяна несут в себе глубокий смысл и предостерегают от трактовки влияния на его Пушкина и Лермонтова, как простого им подражательства. Будучи самобытным художником слова, он творчески осваивал опыт Пушкина и Лермонтова, сплавливая его в единое целое с многовековыми традициями армянской поэзии.

Своеобразие восприятия творчества Пушкина Ов. Туманяном отразилось и в его переводах. Как и каждый поэт «божьей милостью», Ов. Туманян был исключительно избирателен в своих переводах, в том числе и из Пушкина. Он в разные годы перевел пять стихотворений и одну строфу из оды «Вольность», и в них ярко отразились не только те принципы, которых он придерживался при передаче произведений Пушкина на родной язык, но и их дальнейшее совершенствование. В 1890 г. Туманян перевел «Заклинание» («О, если правда, что в ночи...»), в 1892 г. — «Романс» («Под вечер, осенью ненастной»); в них он опустил некоторые детали пушкинских стихотворений и даже целые строфы, стремясь, по словам М. Джанполадян, «вести перевод в русло армянских поэтических традиций, «погрузить» его в реальную армянскую атмосферу»⁴⁶, однако позже он отказался от подобных отступлений, сохранив основной принцип — оставаясь верным оригиналу, создать не копию, а произведение родной поэзии с присущими ей особенностями художественной формы.

Выдерживая хронологию армянской пушкинианы, мы еще вернемся к последующим переводам Ов. Туманяна, а здесь отметим примечательное событие в культурной жизни народов Закавказья — **открытие в Тифлисе памятника великому гению русского народа**. Подчеркнем еще раз — в дореволюционной России Тифлис являлся одним из крупных торгово-промышленных и культурных центров, средоточием русской, грузинской и армянской интеллигенции; в нем издавались десятки газет, журналов, альманахов на русском и местных национальных языках, имелось много школ и гимназий, семинарий, различных научных обществ, действовали профессиональные и любительские театры, клубы и т. п. Знаменательно и то, что в Тифлисе глубоко чтили память о похороненном там Грибоедове, о пребывании Пушкина, откликались на их юбилейные даты и широко их отмечали.

⁴⁵ Туманян Н. Воспоминания и беседы, с. 268.

⁴⁶ Джанполадян М. Г. Пушкин и Ованес Туманян, с. 423—424.

Почитание гения Пушкина выразилось в том, что, когда в начале июня 1880 г. в Москве начались его чествования и 6 июня состоялось открытие его памятника, по решению тифлисской городской думы улица, прилегающая к Эриванской площади, была названа его именем, а на доме, где он останавливался, прибита мраморная доска с надписью золотыми буквами: «Александр Сергеевич Пушкин жил в этом доме в 1829 году». Тогда же возникла идея разбить вдоль улицы сквер, дав ему имя великого поэта, что и было осуществлено в 1886 г. Это событие в свою очередь навело на мысль быв. полицмейстера, действительного статского советника Л. А. Россинского установить памятник Пушкину в сквере его имени, для чего он объявил подписку среди населения.

Истории сооружения этого памятника в тифлисской печати 1887—1892 гг. уделялось много внимания. Постоянно публиковались заметки о ходе сбора средств, споры о том, каким быть памятнику и кому поручить его исполнение. Все эти перипетии подробно изложены в номере от 27 мая 1892 г. старейшей частной армянской русскоязычной газеты «Тифлисский листок», основанной в 1878 г. С. И. Багатуровым, редактором и издателем которой с 1887 г. стал Х. Г. Хачатуров.

Согласно газете, на призыв Л. А. Россинского откликнулись тысячи горожан, причем пожертвования поступали не столько от людей достаточных, сколько «из скромных лепт среды народной». К январю 1890 г. было собрано более двух тысяч рублей и исполнение было поручено свободному художнику-скульптору Ф. И. Ходоровичу, который изготовил бюст по модели, сделанной еще при жизни Пушкина профессором Витали. Отливку бюста, лиры и ленты из венецианской бронзы произвел литейный завод Верфеля в Петербурге, и, по словам газеты, «весьма художественно», в нем благородные черты лица поэта «схвачены верно, лепка и отделка частностей прекрасны».

25 мая 1892 г. состоялось торжественное открытие памятника. Он был поставлен на Эриванской площади, на небольшой площадке перед фонтаном, почти напротив того дома, где Пушкин жил в 1829 г. Дом этот с вечера украсили флагами и гирляндами роз, в сквере рядом устроен навес из материй национальных цветов, где духовенству предстояло совершить службу. Вокруг площадки выстроились воспитанники гимназий с двумя оркестрами духовой музыки, ученики ремесленных и городских училищ, масса приглашенной публики. Вся Эриванская площадь, окна, балконы и даже крыши прилегающих к ней домов были переполнены народом; по разговорам в толпе, сообщает газета, было видно, что люди пришли не из праздного любопытства, а сознавая, что «присутствуют на торжестве, имеющем важное значение в нравственно-духовном отношении; на русском, грузинском, ар-

мянском и даже татарском языках в толпе передавали друг другу все, что было известно о поэте и о его жизни».

В час дня на площадь прибыли помощник главноначальствующего граф И. Д. Татищев, весь состав городской управы и гласных во главе с городским головою кн. М. В. Аргутинским-Долгоруким, тифлисский губернатор кн. Шершевадзе и другие официальные лица, директора и преподаватели тифлисских мужских и женских гимназий, высокопоставленные лица военного и гражданского ведомств.

После краткой литургии по покойному поэту и провозглашения ему вечной памяти с памятника было снято покрывало и соединенный ученический оркестр исполнил российский гимн; городской голова М. В. Аргутинский приставил к подножию памятника лиру и лавры, затем выступил с речью, в которой, рассказав о том, что было сделано для увековечения памяти Пушкина в Тифлисе, в частности сказал: «В настоящее время в России уже поставлено пять памятников Пушкину: в Москве, Санкт-Петербурге, Кишиневе, Одессе и, наконец, последний по времени сооружения сегодня открытый в Тифлисе. Таким образом, сбылось предсказание Белинского: «Придет время — и само потомство воздвигнет вековый памятник поэту».

Счастлив тот народ, который чтит своих великих людей и постановкой им памятников исполняет в отношении их свой нравственный долг. Народонаселение города Тифлиса постановкой настоящего памятника свидетельствует пред грядущими поколениями свою восторженную благодарность за те высокохудожественные произведения, которыми поэт запечатлел природу дорогого нам Кавказа и оставил потомству одно из лучших описаний нашего Тифлиса — этой столицы Кавказа.

Открывая ему настоящий памятник накануне 93-й годовщины рождения Пушкина, я вполне счастлив, что на мою долю выпала как на тифлисского городского голову высокая честь осуществить сию народную волю населения Тифлиса. Да повлияют благотворно эти дорогие черты лица великого поэта на посещающее этот сквер наше подрастающее поколение и да укрепят высокохудожественные произведения Пушкина в них веру в идеал и возвысят в них высоконравственное начало, тесно связанное с поэзией и с поэтической стороной жизни человека».

Артист императорских театров Давыдов прочувственно прочел свое стихотворение, посвященное Пушкину, была послана телеграмма инициатору сооружения памятника Л. А. Россинскому, после чего состоялось шествие учащихся школ города.

Случайно или нет, но с этим событием совпали переводы из Пушкина на начинающего поэта Александра Цатуряна, бывшего ученика тифлисского училища, затем курьера, каменолома, учите-

ля, переехавшего в 1888 г. в Москву. Главной темой его творчества являлась тяжелая жизнь обездоленного армянского трудового люда, его мечты о лучшем будущем, критика пороков буржуазного сословия. Переводы из русской литературы занимали у Цатуряна значительное место, и Ю. Веселовский справедливо назвал его неутомимым переводчиком поэтических и прозаических вещей русских авторов, много сделавшим для популяризации русской литературы в армянском мире⁴⁷. Сам же Цатурян, говоря о значении для него русской литературы, писал: «Что же касается влияния русской литературы и особенно русской поэзии на меня, то оно огромно. Моя скромная лира многим и многим обязана этому влиянию. В силу тяжелых условий и обстоятельств моей жизни, не получив серьезного образования, я рос и развивался умственно и духовно только благодаря прежде всего, конечно, родной, а потом уже русской литературе»⁴⁸.

Переводы А. Цатуряна из Пушкина появились в журналах с 1893 г. Это были «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной»)⁴⁹, «О дева-роза, я в оковах»⁵⁰, «Желание» («Элегия»)⁵¹, «Буря» («Там видел деву на скале») и «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой»)⁵². Затем они периодически печатались вплоть до 1899 г., войдя в состав сборника «Лирическая поэзия Пушкина», о котором скажем дальше.

Из других переводов отметим повесть «Капитанская дочка» — Ар. Карапетяна⁵³, рассказ «Гробовщик» — М. Тимиджяна⁵⁴, драмы «Каменный гость» — под псевдонимом «М»⁵⁵ и «Скупой рыцарь»⁵⁶ и поэму «Полтава»⁵⁷ А. Тер-Геворкяна и др. Помимо того было переведено более 29 лирических стихотворений Пушкина, причем «Брожу ли я вдоль улиц шумных» — трижды, «Ангел» — дважды.

Интерес к поэзии Пушкина проявляли и армяне, проживавшие за пределами России. Так, константинопольская газета «Айре-ник» («Родина») напечатала в переводе известного поэта и дра-

⁴⁷ Веселовский Ю. А. Русское влияние в современной армянской литературе, с. 319.

⁴⁸ Там же, с. 319—320.

⁴⁹ Тараз, 1893, № 14. На арм. яз.

⁵⁰ Мурч, 1893, № 9. На арм. яз.

⁵¹ Там же, № 11.

⁵² Там же, № 12.

⁵³ Александрополь, 1895. 169 с. На арм. яз.

⁵⁴ Базмавеп, 1890; окончание — там же, 1891.

⁵⁵ Татрон (Театр), Тифлис, 1896, № 2. На арм. яз.

⁵⁶ Мурч (Молот), Тифлис, 1895, № 12. На арм. яз.

⁵⁷ Там же, 1898, № 10—11.

матурга Л. Шанта эпиграмму «Любопытный»⁵⁸ и «Телегу жизни» («Хоть тяжело подчас в ней бремя») ⁵⁹.

Движение замечается и в литературной критике. В 1896 г. со статьёй «Литературные школы (французский классицизм)» дебютирует студент Сорбонны, впоследствии выдающийся ученый-арменист Манук Абемян, рассматривая взаимодействие творчества Пушкина с французским классицизмом⁶⁰. В критике появляется и собственный «нигилист», отрицающий народность поэзии Пушкина, — литератор Ов. Шахназарян, выступивший под псевдонимом Ов. Гнуни со статьёй «Что завещал своей нации Пушкин?» в журнале «Нор-порц» («Новый опыт») ⁶¹. Разделяя взгляды Д. Писарева, Ов. Гнуни утверждал, что наследие великого поэта чуждо народу, а потому и не нужно.

Статья Ов. Гнуни вызвала решительный отпор в армянской критике. Против нее выступил революционер-демократ, редактор журнала «Мурч» Аветис Арасханян. Опираясь на высказывания Белинского, Чернышевского и Добролюбова, их оценки роли и значения Пушкина, автор вскрывает несостоятельность и вредность суждений Ов. Гнуни и в противовес ему призывает больше переводить произведения гениального поэта⁶². Аналогичную позицию заняли Искусствовед и литератор Г. Левонян в «Нор-Даре»⁶³ и критик А. Тароян в «Таразе»⁶⁴.

Кульминационным в дореволюционной армянской пушкиниане явился 1899 год — 100-летие со дня рождения поэта.

Не загружая наш обзор перечислением новых переводов и имен переводчиков, отметим среди них основателя новой армянской поэзии Иоаннеса Иоаннисиана. В ответ на вопрос Ю. Веселовского о влиянии на него русской литературы И. Иоаннисиан писал: «...хотя первыми поэтами, произведшими на меня сильное впечатление, были Байрон и Гейне, но потом я очень полюбил Пушкина и Лермонтова. В подражание «Евгению Онегину» я написал, будучи еще учеником Лазаревского института, целую поэму...»⁶⁵.

К переводам из Пушкина И. Иоаннисиан приступил в 1880 г., но опубликовал их в 1899 г. — «Брожу ли я вдоль улиц шумных»,

⁵⁸ Айреник, 1892, 3 янв. На арм. яз.

⁵⁹ Там же, 12 янв.

⁶⁰ Нор-Дар, 1896, 5 и 7 июня. На арм. яз.

⁶¹ Нор-порц, 1897, № 1. На арм. яз.

⁶² Мурч, 1897, № 10.

⁶³ Нор-Дар, 1897, 8 и 13 нояб.

⁶⁴ Тараз, 1897, № 48.

⁶⁵ Веселовский Ю. А. Русское влияние в современной армянской литературе, с. 310.

«О дева-роза, я в оковах»⁶⁶. Тогда же он перевел «Недоконченную картину» («Чья мысль восторгом угадала»), «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») и «Мне вас не жаль, года весны моей», которые вошли в упоминавшийся сборник «Лиры Пушкина». Впоследствии И. Иоаннисиан перевел еще ряд стихотворений, отбирая наиболее близкие собственному творчеству, что уже являлось критерием их добротности.

В дни юбилея кроме «Лиры Пушкина», куда вошли 25 переводов А. Цатуряна и 3 — Иоаннисиана, выпущенной тифлисским армянским издательским обществом, увидел свет и небольшой сборник в 31 страницу «Стихотворения», подготовленный редакцией тифлисского журнала «Ахпюр-Тараз» («Родник моды»). Его украшением стал «Утопленник» в переводе Ов. Туманяна, где с точностью до деталей воспроизведены быт, горькая доля, поверья, разговорная речь русского крестьянина, даже пушкинская ритмика. Кстати, таким же шедевром переводческого искусства Ов. Туманяна явилась и «Песнь о вещем Олеге», напечатанная в газете «Мшак»⁶⁷, в которой армянскому поэту удалось удивительно верно воссоздать исторический колорит баллады, особенности ее поэтического стиля⁶⁸.

Юбилей Пушкина во многом способствовал проникновению его поэзии в широкие народные массы. Свидетельство тому — сообщения с мест в армянской прессе о пушкинских празднествах в Тифлисе, Эривани, Александрополе, Гандзаке, в Геворкяновской академии в Эчмиадзине, в Ахалцыхе, в д. Камарлу (близ Эривани), Ахалкалаки, Шемахе и др.⁶⁹. Инициаторами и организаторами выступали местная интеллигенция и учащаяся молодежь, под давлением которых начинали шевелиться и власть имущие. Чтобы дать представление о том, как проводился юбилей, ограничимся материалами, относящимися к торжествам в Эривани. Учительская семинария выписала из берлинского художественного магазина бюст поэта; городской клуб закупил у «физико-механика и оптика двора Е. И. В.» Ф. Швибе «волшебный фонарь» (проектор), диапозитивы к биографии Пушкина и его произведениям, которые демонстрировались детям членов клуба; 26 мая в зале клуба состоялось чествование памяти Пушкина после панихиды в Покровском соборе; начальство мужской и женской гимназий и учительской семинарии устроило 27 мая «литературно-вокально-музыкальное утро», на котором учащиеся и семинаристы ис-

⁶⁶ Тараз, 1899, № 26.

⁶⁷ Мшак, 1899, 8 янв.

⁶⁸ См.: **Джанполадян М. Г.** Пушкин и Ованес Туманян, с. 426—427.

⁶⁹ См.: Библиография, с. 96—105.

полнили ряд номеров, в частности спели «гимн в честь Пушкина», читали его стихи, поставили сценку из «Бориса Годунова»⁷⁰.

Обратим внимание — празднование 100-летия со дня рождения Пушкина сблизило между собой все народы России, в том числе и Закавказья. В дни торжеств в армянских тифлиских газетах и журналах (также в грузинских и русских) появились два объявления. Первое: «По решению армянской, грузинской и русской прессы 26 мая в 11 ч. утра в церкви Св. Георга состоится молебен в честь рождения великого русского поэта А. С. Пушкина, организованный редакциями газет и журналов «Кавказское сельское хозяйство», «Мшак», «Новое обозрение», «Тифлиссский листок», «Ахбюр», «Тараз»⁷¹; второе: «Редакции тифлиских армянских, грузинских и русских газет заказали в Петербурге венок с надписью «Пушкину 1799—1899 гг.» и обратились с просьбой в Пушкинский комитет возложить венок на могилу поэта»⁷².

По этим объявлениям можно судить не только о масштабности пушкинских торжеств, а и о единении и братстве русской, армянской и грузинской интеллигенции. Отметим также, что армянская пресса, расценивая юбилей как общий праздник народов России, не ограничивалась лишь местной информацией, но помещала сообщения из Москвы, Петербурга и других городов, прибегала к перепечатке материалов русских газет. Так было в Тифлисе и в других центрах армянской культурной жизни — в Петербурге, Москве, Баку и других городах России, где проживали армяне. Поистине творчество Пушкина стало той почвой, на которой, по словам поэта, «народы, распри позабыв, в единую семью объединятся».

Заканчивая наш обзор за 1899 г., отметим первую монографию о жизни и творчестве поэта, написанную видным ученым, литературным критиком и педагогом С. Д. Лисицианом⁷³, уже упоминавшуюся работу Ю. Веселовского «Пушкин в преддверии Азии», включенную в «Пушкинский сборник. В память столетия со дня рождения поэта»⁷⁴, выход в Москве поэмы «Бахчисарайский фонтан» с обложкой и иллюстрациями известного художника Вардкеса Суренянца, заслужившими похвалу и признание русской и армянской критики. В. Суренянц месяцами жил в Крыму, сделал более 76 зарисовок, отдав этой работе два с половиной

⁷⁰ ЦГИА АрмССР, ф. 3, оп. 1, д. 422.

⁷¹ Мшак, 1899, 25 мая; то же в еженедельнике «Нор-Дар», журналах «Тараз», «Лума» («Лента»).

⁷² Тараз, 1899, № 18.

⁷³ Лисициан Ст. А. С. Пушкин. Тифлис: Тифлисск. арм. изд-во, 1899. 140 с. На арм. яз.

⁷⁴ СПб., 1899.

года⁷⁵. Они были выставлены в дни юбилея на выставке в Москве, организованной Обществом любителей российской словесности.

В дореволюционной армянской пушкиниане последующих лет выделим отдельные издания: драмы «Русалка» профессионального переводчика с русского К. Красильникяна⁷⁶, двух книг «Русские поэты» А. Цатуряна с его вступительной статьей, куда вошли 34 перевода из Пушкина, в их числе и 7 новых⁷⁷, «Сказка о попе и о работнике его Балде»⁷⁸, «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»⁷⁹, принадлежащая известному детскому писателю А. Хнкояну (Хнко-Анер) и включение ряда произведений поэта в учебники для армянских школ⁸⁰.

С переводом Пушкина на армянский связан и любопытный эпизод: в 1903 г. один из руководителей большевиков Закавказья Степан Шаумян обратился к Ов. Туманяну с просьбой перевести строфу из пушкинской оды «Вольность» — «Самовластительный злодей, тебя, твой трон я ненавижу...». Армянский поэт охотно исполнил это поручение, жгущие сердца людей слова Пушкина были напечатаны на листовке и распространены на первомайской демонстрации.

До установления Советской власти в Армении (ноябрь 1921 г.) переводы из Пушкина продолжали Ов. Туманян (в частности, «Зимний вечер» в 1909 г., ставший шедевром переводческого искусства), А. Цатурян, Ар. Туманян и другие; появляются новые имена — Сим. Бабианца («Аквилон»⁸¹, «Бесы»⁸²), Ов. Паляна («Узник», «Эхо» и др.⁸³), Л. Манвеляна и др. Публикуются в прессе и выходят отдельными изданиями около 200 переводов произведений Пушкина, многие в различных переводах.

В критике этих лет наряду с популяризаторскими очерками

⁷⁵ Овнан Г. Пушкин и его произведения в иллюстрациях армянских художников. — Советакан граканутюн ев арвест (Советская литература и искусство), 1949, № 6. На арм. яз.

⁷⁶ Тифлис, 1902. 40 с. На арм. яз.

⁷⁷ Цатурян Ал. Русские поэты. Пушкин и Лермонтов. М., 1905, кн. 1. На арм. яз.

⁷⁸ Аскер (Колосья), 1908, № 11. На арм. яз.

⁷⁹ Тифлис, 1911. 30 с. На арм. яз.

⁸⁰ Мандинян С. Избранные отрывки русской литературы для армян. Начальная хрестоматия для армян. Тифлис, 1906, кн. 1; Тифлис, 1907, кн. 2. На арм. яз.

⁸¹ Тараз, 1900, № 42, с. 619.

⁸² Там же, 1902, № 45, с. 440.

⁸³ Базмавеп, 1904, № 5, с. 196, 192.

о жизни и творчестве Пушкина все больше места занимают аналитические статьи об армянских переводах произведений поэта, значении его художественного опыта для обогащения родной литературы. Заслуживают внимания две рецензии на перевод драмы «Русалка» К. Красильникяна — одна в «Мшак»⁸⁴, принадлежащая критику и переводчику с русского Тиграну Ованнисяну, другая — под псевдонимом «С. М.» — в вагаршапатском журнале «Арагат»⁸⁵. Указав на положительные стороны и достижения переводчика, оба рецензента отмечают и некоторые смысловые и стилистические ошибки, выдвигая свои решения, заметим, не всегда бесспорные.

Отклик вызвали и переводы А. Цатуряна — литературоведа Ов. Соловяна «О книге Ал. Цатуряна «Русские поэты»»⁸⁶, начинающего свой путь поэта и переводчика Т. С. Ахумяна «Ал. Цатурян»⁸⁷. При разности их суждений относительно удач и неудач в переводе отдельных стихотворений все они едины в оценке огромной роли А. Цатуряна в пропаганде русской литературы, ее гениев — Пушкина и Лермонтова.

В ряду работ дореволюционных литературоведов следует выделить небольшую, всего в 4 страницы, статью Ов. Соловяна «Замечания в литературе», в которой рассматривается роль переводов в развитии национальной поэзии и говорится об армянских переводах Пушкина⁸⁸. Автор лишь поднимает вопрос, но его основной тезис — об универсальности межлитературных взаимодействий — правилен.

Итак, зародившись в 30-е гг. XIX в., армянская пушкиниана подошла ко второму десятилетию XX в. со значительным фондом переводов произведений поэта и критических работ о нем. Это, как и широко отмеченные юбилейные даты, сделало его наследие достоянием армянской общественности, частью ее духовной жизни, заложив тем самым основания для дальнейшей более глубокой и разносторонней рецепции Пушкина в армянской действительности.

⁸⁴ Мшак, 1902, 24 марта.

⁸⁵ Арагат, 1902, № 5—6, 7—8. На арм. яз.

⁸⁶ Гехарвест (Искусство), Тифлис, 1908, № 2. На арм. яз.

⁸⁷ Армянский вестник, 1917, № 5.

⁸⁸ Гехарвест, 1911, № 4.

В первые годы после установления Советской власти в Армении замечается некоторый спад переводов Пушкина и откликов на его творчество. В 1922 г. были напечатаны два перевода Ов. Туманяна в книге его стихотворений — «Зимний вечер» и «Утопленник»⁸⁹, а в 1923 г. в учебник, составленный критиком-марксистом А. Сурхатяном «Кармир арев» («Красное солнце»), включено в переводе одного из зачинателей советской армянской литературы Д. Демирчяна «Во глубине сибирских руд»⁹⁰.

Эта сдержанность в переводах объяснялась преобладанием в советской критике и литературной науке вульгарно-социологической школы, с одной стороны, и увлеченностью армянских художников слова горячими буднями строительства социалистической жизни и культуры.

В 1924 г. в журнале «Нор акос» («Новая борозда», Ереван) появляется подписанная инициалами «А. Х.» статья с характерным названием «Сила и слабость Пушкина», в которой, признавая художественное совершенство произведений поэта, утверждает мысль об их устарелости и непонятности для современного читателя, что и делает трудным их перевод на армянский язык⁹¹. Правда, тогда же была напечатана краткая биография Пушкина в детском журнале «Кармир цилер» («Красные всходы», Тифлис), написанная А. Туманяном, однако и в ней сказалось влияние упрощенного подхода к классикам дореволюционной литературы.

В 1927 г. в связи с 90-летием со дня смерти Пушкина появляется ряд статей — Д. Демирчяна в республиканской газете «Хорурдаин Айастан» («Советская Армения») ⁹², композитора А. Тер-Гевондяна «Пушкин в музыке»⁹³, писателя Кара-Дарвиша (А. Генджяна) в тбилисской газете «Мартакоч» («Боевой призыв») ⁹⁴, перевод статьи В. Сутиряна «Пушкин и его наследие в наши дни»⁹⁵ и др. В доме армянской культуры в столице Грузии Союз писателей Армении организывает выставку и вечер памяти Пушкина, на котором состоялся концерт; были исполнены арии из оперы «Евгений Онегин», читались отрывки из «Скупого рыцаря» и «Бориса Годунова», стихотворение «Телега жизни»⁹⁶.

⁸⁹ Туманян Ов. Стихотворения. Константинополь, 1922. На арм. яз.

⁹⁰ Кармир арев. Ереван, 1923. На арм. яз.

⁹¹ Нор акос, 1924, № 2. На арм. яз.

⁹² Хорурдаин Айастан, 1927, 6 марта. На арм. яз.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Мартакоч, 1927, 5 февр. На арм. яз.

⁹⁵ Там же, 13 февр.

⁹⁶ Там же, 15 февр.

Перелом в отношении армянских советских поэтов к Пушкину внес великий Егише Чаренц. В 1929 г. он в одном из стихотворений писал о Пушкине:

Читал я... И лучи стиха
Мне в душу радостно лились...
Непревзойденный великан,
Как солнце, он поднялся вывы!

(Пер. В. Цвелева)

Это не означает, что до того Чаренц не знал и не читал Пушкина — его творчество он изучал в курсе русской литературы, учась в Карсском реальном училище; увлекшись в 1910-е гг. символизмом, он встречал почтительное отношение Брюсова и Блока к Пушкину. Но Пушкин воспринимался Чаренцем как величайшее явление поэзии, ушедшей в прошлое, как памятник, а не живой современник, опыт которого мог помочь в решении вопросов, вставших перед человеком и обществом начала XX в. Таковыми Чаренцу в 10-х гг. казались символисты, революционно-романтическая поэзия первых послеоктябрьских лет, в 20-е гг. — Маяковский и «Лэф».

Не будем вдаваться в обстоятельства прихода Е. Чаренца к Пушкину в плане творческого освоения его художественного опыта; они с достаточной полнотой и убедительностью исследованы в работах акад. АН АрмССР Э. М. Джрбашяна⁹⁷. Мы берем как данность, что «в конце 1920-х гг. Чаренца, как и всех передовых советских писателей, занимала прежде всего проблема выработки эстетических принципов искусства, рожденного пролетарской революцией, нового типа реализма, поиск адекватных его сущности стиливых, жанровых, выразительных форм. Того реализма, который через несколько лет, в начале 1930-х гг., получил название социалистического реализма. На путях решения этой большой и сложной новаторской задачи и была осознана Чаренцем необходимость и важность творческого освоения наследия Пушкина»⁹⁸.

Первым выражением этого отношения к Пушкину явилась книга Чаренца «Эпический рассвет», написанная в Ленинграде осенью 1929 г. и изданная в 1930 г. Как отмечает Э. М. Джрба-

⁹⁷ Джрбашян Э. М. 1) Пушкинские традиции в поэзии Чаренца. — В кн.: Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975, с. 428—439; 2) Егише Чаренц и наследие Пушкина. — В кн.: Литературные связи. Ереван, 1984, с. 61—94; 3) Егише Чаренц и наследие Пушкина. — В кн.: Джрбашян Э. М. Поэтика и литературное развитие. Ереван, 1985, с. 262—309.

⁹⁸ Джрбашян Э. М. Поэтика и литературное развитие, с. 264—265.

шян, Пушкин для Чаренца выступает в качестве живого примера той истины, «что поэзия обретает величие и долговечность лишь тогда, когда она становится «дыханием времени»⁹⁹. В стихотворении «Послание из Еревана другу-поэту» Чаренц, следуя Пушкину, утверждает неразрывное единство поэзии и времени:

И Александра прочитав,
Я снова понял, почему
Как памятник в людских сердцах
Стоять предрешено ему.
В туманный горизонт веков
Не погружаясь никогда,
Он блещет, бесконечно нов,
Лучист и ярок навсегда.

(Пер. В. Звягинцевой)

Чаренца, как и Ов. Туманяна, привлекает предельная ясность, художественное совершенство и гармоничность пушкинской поэзии. В стихотворении «Поэту-читателю» Чаренц пишет:

Учись писать, как тот поэт кудрявый,
Что с нами чрез столетье говорит.
Как ясны эти ямбы и хорей,
Как мужественен, чист его язык,
Совет он к жизни, жаром души грея,
И этим он бессмертен и велик.

(Пер. В. Звягинцевой)

Чаренц не просто декларирует эпическую ясность и мудрость Пушкина, но стремится к их достижению в своих произведениях. Их анализ, данный Э. М. Джрбашяном, показывает, что Чаренц творчески освоил многие элементы содержания и формы пушкинской поэзии, вплавив их в собственный неповторимый индивидуальный стиль. Взаимодействие с опытом Пушкина сказывается в стихотворениях Чаренца «Дашнакам», «Сожженные песни», «Послание критику N. N.», в фрагментах «25—26 октября 1917», в неоднократных обращениях к образам «Медного всадника».

Как справедливо подчеркивает Э. М. Джрбашян, «многочисленные «пушкинские страницы» творчества Чаренца... являются одним из самых ярких проявлений вечно живого значения наследия Пушкина для развития современной поэзии»¹⁰⁰.

⁹⁹ Там же, с. 270.

¹⁰⁰ Джрбашян Э. М. Пушкинские традиции в поэзии Чаренца, с. 439.

Примечательно, что любовь к Пушкину становится у Чаренца его личным отношением. 23 марта 1934 г. он заносит в свой дневник: «Нет для меня большего наслаждения, чем ... читать какого-либо классика. Больше всего я люблю читать Пушкина. Когда мне грустно и, уставший, я хочу вознаградить себя величайшим наслаждением, я закрываю двери своего дома, ложусь и начинаю читать Пушкина — любое его произведение»¹⁰¹.

Чаренц приступает к переводам из Пушкина — в сб. «Лирический антракт» (1927—1930) он приводит в качестве эпиграфа пушкинскую эпиграмму «Ex ungue leonem» («Недавно я стихами свистнул»), в «Книге пути» (1933) — «Бог веселый винограда...», «Жил на свете рыцарь бедный...» и «Труд» («Миг вождельный настал: окончен мой труд многолетний»); в бумагах поэта сохранились «Пророк», «Узник», «Свободы сеятель пустынный», которые хотя не доработаны, однако «несут на себе яркую печать чаренцевского почерка, свидетельствуют о его поэтическом стиле и мастерстве»¹⁰². Имеются сведения и о том, что одно из четверостиший пушкинского «Памятника» — «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой...», приведенное в передовой статье «Правды» от 17 декабря 1935 г. и перепечатанное в армянской республиканской газете «Хорурдаин Айастан» 18 декабря, было переведено Чаренцем. Известно также, что Чаренц собирался перевести поэму «Медный всадник» и что под ее идейным влиянием, с явной тенденцией использовать ее «формальные особенности, армянский поэт начал поэму «Чугунный человек», фрагменты которой дошли до нас; эпиграфом к ней он избрал пушкинские строки «На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн...».

Призыв «учиться у Пушкина» звучит у Чаренца и в его публицистических выступлениях. В речи на Первом съезде писателей Армении в 1934 г. он видел дальнейший путь развития армянской литературы в освоении достижений классиков мировой культуры, среди них Пушкина¹⁰³.

Чаренц называл Пушкина «поэтическим солнцем мировой литературы», говорил о «солнечном облике поэта». Он с полным основанием утверждает, что «...нет ни одного армянского поэта начиная с XIX века — по сей день, который бы так или иначе не был воспитан на Пушкине и в творчестве которого не отражалось бы влияние великого поэта»¹⁰⁴. В беседе с корреспондентом газеты «На рубеже Востока» Чаренц сказал: «На произведениях Пушкина мы учились понимать, что такое настоящая поэзия, отражающая

¹⁰¹ Чаренц Е. Собр. соч.: В 6-ти т. Ереван, 1967, т. 6, с. 483. На арм. яз.

¹⁰² Джрбашян Э. М. Поэтика и литературное развитие, с. 306.

¹⁰³ Чаренц Е. Собр. соч., т. 6, с. 343, 348.

¹⁰⁴ Там же, с. 353.

лучшие, величайшие стремления человечества. Через Пушкина мы восприняли все то лучшее, что было в русской культуре. Пушкин является бездонным океаном человеческого гения, в котором каждый человек, к какому бы слою общества он ни принадлежал, может почерпнуть духовную пищу»¹⁰⁵.

Перейдя к армянской советской поэзии, Чаренц добавил: «...после всяческих колебаний и шатаний по путям и перепутьям старой культуры, после долгих исканий большинство наших поэтов находит правильный путь, обращаясь к Пушкину, обретая в нем настоящий образец не только поэтического мастерства, но и творческой методики поэзии»¹⁰⁶.

Мы охватили лишь часть темы «Пушкин и Чаренц», весьма важной и существенной для армянской пушкинианы советского периода. Завершая ее, укажем, что в 1936 г. Чаренц был введен в состав редакционного совета академического издания сочинений Пушкина, возглавляемого А. М. Горьким, постановлением ЦИК СССР утвержден членом Всесоюзного комитета по проведению юбилея 100-летия со дня гибели поэта под председательством А. М. Горького, назначен решением ЦИК АрмССР председателем республиканской комиссии. В качестве такового Чаренц развернул кипучую деятельность по переводу и изданиям произведений Пушкина, увековечению его памяти. Однако в июле 1936 г. он был отстранен от работы в комиссии и участия в проведении юбилея. Тем не менее именно поворот Чаренца — лидера армянской литературы к Пушкину обусловил коренное изменение отношения армянской общественности к наследию гения русского народа.

Обратим внимание — в 20-х гг. помимо упомянутого перевода Д. Демирчяна и четырех переводов Ов. Туманяна, и то в числе его стихотворений, — новых не последовало. Это длилось до 1932 г., когда в журнале «Ноембер» («Ноябрь») была напечатана в переводе Т. Ахумяна драма «Моцарт и Сальери»¹⁰⁷, а в книге Е. Чаренца «Стихотворения» — эпиграмма «Ex ungue leonem»¹⁰⁸. Еще через год вышли в свет — дважды повесть «Дубровский» в переводе А. Мазманяна¹⁰⁹ и под названием «Драматические отрывки» — «Моцарт и Сальери». — «Каменный гость». — «Скупой рыцарь». — «Пир во время чумы»¹¹⁰ Т. Ахумяна. Заметим, и это любопытно, что оба они были близки к Чаренцу, к тому же хорошо владели русским и армянским языками, обладали поэтиче-

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Ноембер, 1932, № 1. На арм. яз.

¹⁰⁸ Чаренц Е. Стихотворения. Ереван, 1932. На арм. яз.

¹⁰⁹ Ереван, 1934. 127 с. и 144 с. На арм. яз.

¹¹⁰ Ереван, 1934. 106 с. На арм. яз.

ским дарованием, и для них переводы произведений русской литературы представляли не случайное занятие, а дело жизни, почему их переводы надолго остались в армянской литературе.

В 1935 г. появляются первые монографии, посвященные Пушкину, — С. Арутюняна «Столетняя жизнь Пушкина в армянской литературе»¹¹¹ и переведенный на армянский биографический очерк Б. Томашевского «А. С. Пушкин»¹¹².

Мощное движение армянской пушкиниане дал 1937 год — год 100-летия со дня гибели поэта. Подготовка к нему началась в 1936 г. образованием правительственного комитета во главе с Е. Чаренцем, который разработал, а главное, осуществил обширный план мероприятий. К переводам Пушкина Е. Чаренц привлек молодых поэтов — Н. Зарьяна, В. Норенца, С. Таронци, Г. Сарьяна, А. Граши, С. Вауни, Р. Погосян и других, которые уже в 1936 г. выступили со своими переводами на страницах республиканской печати. Тогда же были изданы «Капитанская дочка»¹¹³ и «Кирджали»¹¹⁴ в переводе С. Сукиасяна, сборник «Стихотворения. Сказки»¹¹⁵, составленный С. Арутюняном, куда вошли лучшие из дореволюционных переводов Ов. Туманяна, И. Иоаннисиана, А. Цатуряна, К. Красильникяна, а из советских — Д. Демирчяна и Е. Чаренца.

Поток переводов еще более увеличился на следующий год — вышли повторными и даже двойными изданиями «Дубровский», «Капитанская дочка», «Пиковая дама», «Братья разбойники», «Кавказский пленник» и другие, под редакцией Н. Зарьяна — сборник «Проза», вобравший в себя повести и рассказы Пушкина¹¹⁶, под его же редакцией другой сборник — «Сказки. Стихотворения. Проза»¹¹⁷, составленный как из дореволюционных, так и новых переводов; новостью явилось создание серии «Пушкинская библиотека», рассчитанной на учащуюся молодежь. В отличие от дореволюционного периода, когда переводами иногда занимались любители, привлекаются писатели и наиболее квалифицированные переводчики, наряду с публикациями в периодике чаще практикуются издания отдельных книг.

Таким образом, к 100-летию гибели Пушкина почти все его лирические произведения, поэмы, сказки, проза, драмы стали достоянием широких масс армянского народа, причем, повторим еще

¹¹¹ Ереван, 1935. 106 с. На арм. яз.

¹¹² Ереван, 1935. 129 с. На арм. яз.

¹¹³ Ереван, 1936. 150 с. На арм. яз.

¹¹⁴ Ереван, 1936. 20 с. На арм. яз.

¹¹⁵ Ереван, 1936. 176 с. На арм. яз.

¹¹⁶ Ереван, 1937. 103 с. На арм. яз.

¹¹⁷ Ереван, 1937. 210 с. На арм. яз.

раз, в переводах различных авторов. Непереведенным остался «Евгений Онегин», хотя некоторые шаги в этом направлении в 1936 г. сделала поэтесса Р. Погосян, в 1937 г. — А. Багдасарян и С. Таронци, переведшие несколько отрывков из романа. И хотя количественный рост не всегда сопровождался повышением качества перевода, но он — показатель той интенсивности, которую приняло дело переводов в эти годы.

Этот процесс сказался и на армянской критике и литературоведении. Отдельными книгами были изданы переведенные с русского монографии В. Вересаева «Жизнь Пушкина»¹¹⁸, В. Десницкого «Пушкин и мы»¹¹⁹, а также труд армянского литературоведа В. Терзибашяна «Пушкин и Восток»¹²⁰. Особо отметим два сборника, первый, подготовленный Институтом истории и литературы АрмССР «А. С. Пушкин. К столетию со дня трагической гибели»¹²¹ и второй — «А. С. Пушкин. 100 лет со дня смерти», состоящий из переводов работ русских пушкинистов и вкрапленных между ними переводов Н. Зарьяна «Памятник» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный») и А. Мазманяна «На смерть поэта» М. Лермонтова¹²².

Остановимся лишь на содержании первого из них. Он открывается переводой из «Правды» «Гениальный поэт русского народа», за ней — «Ленин и Пушкин. (По письмам и воспоминаниям Н. Крупской)» и выдержки из Белинского, Чернышевского, Добролюбова и Горького о Пушкине. Армянские материалы представлены подборкой из различных источников, объединенных заглавием «Влияние Пушкина на армянскую общественную мысль», это краткая история армянских переводов произведений поэта, посвященное ему стихотворение Мирза Фатали Ахундова, высказывания о нем армянских писателей в ответ на анкету Ю. Веселовского и т. п., а также оригинальная статья проф. С. Д. Лисициана «Пушкин в Армении» — о путешествии в Арзрум с картой, принадлежавшей автору, и небольшое сообщение искусствоведа Рубена Дрампяна «Пушкин и его произведения в армянском до-революционном искусстве» — о картинах И. Айвазовского и иллюстрациях В. Суренянца. Большой интерес представляет раздел «Материалы», куда вошли «Мысли о Пушкине» (из неопубликованных произведений Ов. Туманяна), «Несколько неизвестных рукописей И. Иоаннисиана» (переводы стихотворений Пушкина

118 Ереван, 1937. 70 с. На арм. яз.

119 Ереван, 1937. 79 с. На арм. яз.

120 Ереван, 1937. 66 с. На арм. яз.

121 Ереван: Изд-во Армфана АрмССР, 1937. 395 с. На арм. яз.

122 Ереван: Армгиз, 1937. 102 с. На арм. яз.

и подражания), рукописные материалы о Пушкине в Литературном музее АрмССР. Среди последних — черновик стихотворения, написанный рукой поэта и озаглавленный «К. Г. О» («Орлову» («О ты, который сочетал...»)), датированный 14 июля 1819 г. Его впервые опубликовал Б. Л. Модзалевский в XIX томе «Пушкин и его современники»¹²³, определив в качестве начального варианта стихотворения и дав подробное описание. Автограф Пушкина приобрел у наследников Алексея Николаевича Астафьева, сокурсника Льва Сергеевича Пушкина по Благородному пансиону, музыковед В. Г. Карганов. Заключает сборник первая известная нам библиография переводов произведений Пушкина и литературы о нем, составленная А. Бабаяном.

Помимо сборников более 100 статей было помещено на страницах республиканских газет и журналов. В них освещались разные стороны жизни и творчества Пушкина, история армянских переводов произведений поэта и аналитический разбор некоторых из них, информация о пушкинских днях в городах и селах Армении. Из них отметим высказывания армянских писателей о их восприятии творчества Пушкина, с которыми выступили М. Арази «Великий поэт и его наследие»¹²⁴, Н. Зарьян «Любимейший родной поэт»¹²⁵, Ав. Исаакян «Титан русской поэзии»¹²⁶ и др. Ав. Исаакян писал: «Мы все, с детства и до последних дней нашей жизни, остаемся зачарованными этим великим гением. Он всегда с нами, всегда в нашей душе.

Когда мы были детьми, его золотые сказки уносили нас в счастливые миры воображения. Будучи юношами, мы всем сердцем увлекались его прелестной любовной лирикой, мы сливали свою любовь и печаль с его любовью и печалью и бродили вместе с ним по обширным степям великой русской родины — по берегам ее могучих рек, по лесам в золотую пору осеннего листопада. В молодые годы нас окрылял его свободолюбивый дух. Его дерзкие, бурные песни направляли нас, толкали нас на борьбу, на самопожертвование. В старости мы глубоко задумываемся над его великой мудростью, его исключительно полным познанием мира».

Своеобразной рецепцией Пушкина явились и посвященные ему стихи армянских поэтов — Азата Вштуни, Н. Зарьяна, Гургена Борьяна, Ашота Граши, Р. Погосяна и др. Н. Зарьян в стихотворении «Пушкину», заключая, пишет:

¹²³ СПб., 1913.

¹²⁴ Гракан терт, 1937, 19 янв. На арм. яз.

¹²⁵ Коммунист (Ереван), 1937, 6 февр.

¹²⁶ Там же.

О если б миг такой настал
(Мечта безумная, мелькни!),
И ты негаданно восстал,
Живой вошел бы в наши дни!

Как славословя, как любя,
Объятая бурные раскрыв,
Страна встречала бы тебя —
Вся — стоя, вся — один порыв!

Сейчас она полна твоим
Дыханьем, взятым не из книг.
Стал собеседником живым
Тебе всяк сущий в ней язык.

(Пер. П. Антокольского)

На столетие со дня гибели Пушкина откликнулись и все другие виды армянского искусства. В оперном театре была поставлена опера «Евгений Онегин», в Ереванском драматическом театре — «Каменный гость», в Ленинаканском театре — «Скупой рыцарь» и «Каменный гость», передвижном театре им. Харазяна — «Станционный смотритель», то же — в Алавердинском и Котайкском театрах, «Каменный гость» — в Кафанском, в кукольных театрах Еревана, Тбилиси — «Сказка о царе Салтане», Ленинакана — «Золотая рыбка»¹²⁷.

В доме художника открылась выставка, на которой были представлены иллюстрации В. Суренянца к «Бахчисарайскому фонтану», М. Арутчяна — к «Капитанской дочке», гравюры, фотоснимки. Экспонировались картины народного художника Мартироса Сарьяна «Встреча Пушкина с телом Грибоедова» и заслуженного художника Седрака Аракеляна «Пушкин в Лори». По сообщениям газет, заслуженный художник Акоп Гюрджян и художник А. Чилингарян заняты картиной о пребывании Пушкина в Армении, то же и скульпторы Сурен Степанян и Ер. Кочар. Откликнулись и армянские композиторы — Н. Тер-Гевондян, Н. Майлян и М. Мирзоян, написавшие романсы на стихи Пушкина¹²⁸.

9 февраля 1937 г. Центральный Исполнительный Комитет Армении вынес постановление «Об увековечении памяти великого русского поэта А. С. Пушкина в связи со столетием со дня его

¹²⁷ Варданян В. Пушкин и армянский театр. — Хорурдаин арвест (Советское искусство), 1937, № 3—4. На арм. яз.

¹²⁸ Коммунист, 1937, 16 янв.

смерти». В нем село Русские Гергеры Степанаванского района было переименовано в Пушкино, Безобдальский перевал — в Пушкинский, то же и родник близ него. Имя Пушкина присвоено вновь построенной в Ереване школе № 6, предложено Ереванскому и Ленинанканскому городским исполнительным комитетам назвать его именем одну из центральных улиц; в Ереванском университете установлены две именные пушкинские стипендии для студентов¹²⁹.

* * *

Юбилей 1937 г. сыграл большую роль в рецепции Пушкина в Армении. Его наследие настолько органически вошло в духовную жизнь армянского народа, что публикации и издания переводов его произведений, статей и работ о его творчестве, постановки его драм на сцене, посвященные ему стихотворения, картины, скульптуры приурочивались не только к датам жизни поэта, а стали повседневным явлением, превратились в устойчивую культурную традицию. Поэтому, продолжая хронику армянской пушкинианы, мы вынуждены в дальнейшем отказываться от упоминания многих ее фактов и ограничиваться лишь наиболее значительными из них.

В 1938 г. на Безобдальском, теперь уже Пушкинском, перевале был установлен по проекту архитекторов А. Мазманяна и Г. Мурзы памятник-родник¹³⁰, на котором бронзовый барельеф работы скульптора С. Степаняна, изображающий встречу Пушкина с телом Грибоедова на арбе. Сохранилось архивное дело «Об открытии памятника на Пушкинском перевале»¹³¹, из которого устанавливается, что первоначально предполагалось поставить памятник на вершине г. Безобдал, у родника кочевников с. Гергеры — так, чтобы оси памятника и дороги совпадали. Однако в процессе строительства выяснилось, что геологические условия не позволяют поднять воду на более высокую отметку, местность неустойчивая и неудобная для закладки фундамента, в силу чего памятник был поставлен на 860 м. ниже. В результате место памятника было определено не точно — он поставлен на старом шоссе из Степанавана в Ленинанкан, хотя встреча произо-

¹²⁹ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства АрмССР, ф. 112, оп. 1, д. 910. Далее: ЦГАОРСС АрмССР.

¹³⁰ Кстати, первый такого рода в Армении, ставший распространенным в память павших в Великой Отечественной войне.

¹³¹ ЦГАОРСС АрмССР, ф. 113, оп. 4, д. 850.

шла, как говорилось, не доезжая до Джалал-Оглы. В 70-х гг. сквозь гору Безобдал был проложен тоннель, и памятник остался в стороне от новой автомобильной дороги.

В 1939 г. армянская общественность отметила 140-летие со дня рождения Пушкина, ознаменовав его новыми переводами произведений поэта и статьями о нем. Из первых упомянем переводы В. Маргаряна «Кавказ» и «Няне» («Подруга дней моих суровых»), опубликованные в венецианском журнале «Базмавеп»¹³², из вторых — статью профессора А. Тертеряна «Пушкин в армянской литературе»¹³³.

В 1940 г. вышли в свет два тома трехтомника «Избранных произведений» Пушкина под редакцией Н. Зарьяна. В первый вошли стихотворения, сказки, поэмы, драмы (362 с.), во второй — проза (475 с.). Были и новые переводы — самого редактора издания Н. Зарьяна, главным образом близкая ему по духу вольнолюбивая лирика поэта и поэма «Полтава», Г. Сарьяна — «Кавказский пленник», С. Вауни — «Бахчисарайский фонтан», Г. Асатура — «Цыганы», [П. Макинцяна]¹³⁴ «Борис Годунов», М. Геворкяна — «Путешествие в Арзрум» и др. В третий том предполагалось включить письма и критические работы Пушкина, однако начавшаяся Великая Отечественная война приостановила издание.

Но и в эти дни войны Пушкин не уходит из поля зрения армянских переводчиков и литературоведов. Делаются попытки найти ключ к переводу «Евгения Онегина» (Гурген Севак)¹³⁵, переводится «Медный всадник» (за подписью А. Б.)¹³⁶, издается монография Р. Нанумян об армяно-русских литературных связях, в которой рассматриваются переводы произведений Пушкина на армянский язык¹³⁷.

В послевоенные годы армянская пушкиниана набирает силу. Отдельным изданием выходит «Медный всадник»¹³⁸; среди переводчиков появляются армянские поэты нового поколения — Сильва Капутикян, Амо Сагян, Паруйр Севак, С. Григорян, переводчики В. Микаэлян, Л. Асланян и др. В собрание сочинений А. Ца-

¹³² Базмавеп, 1939, № 8—9 и 10—11. На арм. яз.

¹³³ Учен. тр. Ереванск. гос. ун-та, 1939, вып. 9. На арм. яз.

¹³⁴ Без упоминания имени переводчика.

¹³⁵ Письмо Татьяны к Онегину. — Советакан граканутюн ев арвест, 1941, № 12. На арм. яз.

¹³⁶ Там же, 1942, № 9—10. На арм. яз.

¹³⁷ Нанумян Р. Вокруг армяно-русских литературных связей. Ереван, 1945. 53 с. На арм. яз.

¹³⁸ Ереван, 1946. 12 с. На арм. яз.

туряна включается 31 перевод стихотворений Пушкина¹³⁹. В литературоведении интерес представляет сборник «Русские писатели об Армении», в котором помещены отрывки стихотворения «Дон», из поэмы «Бова» и «Путешествия в Арзрум» с соответствующими комментариями¹⁴⁰.

В годовщину 150-летия со дня рождения Пушкина (1949 г.) издаются однотомник, правда, несколько странный по своему содержанию, в который входит лирика Пушкина, поэмы «Руслан и Людмила», «Полтава», «Бахчисарайский фонтан», повесть «Капитанская дочка»¹⁴¹, впервые полностью переведенный Г. Севаком роман «Евгений Онегин»¹⁴², вызвавший справедливую критику за буквализм и непоэтичность перевода. Из работ литературоведов укажем на брошюру профессора Ереванского университета Р. Оганнисяна «Великий русский писатель А. С. Пушкин»¹⁴³, его же труд «Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью»¹⁴⁴. В последней, разъясняя, что вкладывается им в понятие «оценка», Р. Оганнисян называет следующие ее формы: переводы на армянский произведений русских писателей, статей русских критиков; статьи и работы армянских ученых о русской литературе; постановки пьес русских драматургов на армянской сцене; переложение на музыку сочинений русских писателей; посвящение им стихотворений, их изображение в живописи и скульптуре¹⁴⁵. В соответствии с поставленной задачей автор собрал и систематизировал большой материал — до 6000 фактов оценки русской литературы армянской общественной мыслью с древних времен (XIII в.) до периода Великой Отечественной войны (1945 г.), разбросанных более чем в 1000 газет, журналов, учебников, сборников¹⁴⁶. Автор уделил место и армянским переводам Пушкина, начиная с первого, затем по периодам — в 60—70-е и 80—90-е гг., празднования юбилея в 1899 г., высказыва-

¹³⁹ Цатурян Ал. Собр. соч. / Сост. и ред. А. Мкртчян. Ереван, 1948. На арм. яз.

¹⁴⁰ Русские писатели об Армении / Сост. С. Арешян, Н. Туманян; Вступ. статья С. Арешян. Ереван, 1946. 234 с.

¹⁴¹ Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. Капитанская дочка / Под ред. Н. Зарьяна, Ст. Зоряна, Р. Оганнисяна. Ереван, 1949. 366 с. На арм. яз.

¹⁴² Ереван, 1949. 236 с. На арм. яз.

¹⁴³ Ереван: Изд-во Ереванск. гос. ун-та, 1949. 44 с. На арм. яз.

¹⁴⁴ Ереван: Изд-во Ереванск. гос. ун-та, 1949. 406 с. На арм. яз. Рус. изд.— Ереван, 1952. 297 с.

¹⁴⁵ Оганнисян Р. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван, 1952, с. 10.

¹⁴⁶ Там же.

ниям о нем армянских писателей. Ценна библиография, хотя по условиям того времени во многом неполная.

Как и повсеместно в Советском Союзе, так и в Армении, были проведены торжественные заседания в столице республики и крупных городах, вечера и лекции в учебных заведениях, на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, научные сессии, студенческие конференции, выставки, театральные постановки. И эта сложившаяся традиция сама по себе явилась свидетельством того, что наследие поэта широко освоено в национальной культуре и не требует экстраординарных мер. В этом же русле шло и постановление Совета Министров АрмССР в ознаменование 150-летия со дня рождения Пушкина присвоить его имя степанаванской городской школе, соорудить перед школами Еревана и Ленинанкана его имени постаменты с его бюстом; установить две студенческие и одну аспирантскую стипендии в педагогических институтах¹⁴⁷.

Крупным событием в культурной жизни армянского народа стало издание сочинений Пушкина в 5-ти томах, редакторами и составителями которого были Н. Зарьян, С. Вауни и А. Салахян. Первый том «Стихотворения» (480 с.) вышел в 1954 г. с обширной вступительной статьей А. Салахяна; он вобрал в себя лирику главным образом в переводах армянских советских поэтов, упомянутых выше, к которым прибавились новые имена — Ваагна Давтяна, Рачия Ованесяна, Геворка Эмина, Ахавни (Ахавни Грегорян), Ашота Лусенца, Хачика Грачьяна, Анри Зарьяна и др. Из дореволюционных переводов были включены четыре Ов. Туманяна, два И. Иоаннисиана, пять А. Цатуряна, а из ранних советских — два Е. Чаренца.

Второй том — «Поэмы и сказки» (1955. 372 с.) включил большей частью также новые переводы Г. Саряна, М. Хейраняна. С. Вауни, А. Лусенца, Н. Зарьяна, Х. Грачьяна, С. Багдасаряна и других; из старых переводов — «Сказка о рыбаке и рыбке» Г. Агаяна, «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» А. Хнкояна. Третий том — «Евгений Онегин. Драматические произведения» (441 с.) увидел свет в 1956 г., первый — в переводе П. Микаэляна, вторые — Т. Ахумяна, П. Микаэляна и Г. Асатура; четвертый «Проза» (495 с.) в основном в апробированных переводах С. Сукиасяна, Р. Кочара, А. Тер-Авагяна — в 1958 г.; пятый — «Путешествие в Арзрум» и «Критика и публицистика» (435 с.) первое — в переводе М. Геворкяна, второе — А. Туршяна — в 1960 г.

Конечно, приток новых переводчиков Пушкина был закономерен и обусловлен тем, что, как писал Белинский, «Пушкин при-

147 ЦГАОРСС АрмССР, ф. 113, оп. 32, д. 615.

надлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не оставившимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающих развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего...»¹⁴⁸.

Перевод также представляет своеобразную интерпретацию, и отсюда обращение многих переводчиков не только разных поколений, но и современников к одному и тому же произведению с целью выразить собственное его понимание. Эта интерпретация обусловлена текстом оригинала, его содержанием и формой, их слитностью, требующей адекватной передачи, что помимо владения «ремеслом» предполагает если не конгениальность, то творческую близость. Вот почему так редки переводческие шедевры, вот чем объясняется избирательность классиков национальных литератур при переводах.

Особенную трудность представляют переводы из Пушкина, личность которого сплвила в гармонической цельности все многообразие человеческой природы. Он един во всех своих произведениях, но различен в каждом из них. Вот почему не может быть одного переводчика его произведений, их было и будет множество.

Следовательно, редакторы и составители пятитомника сочинений Пушкина были правы, привлекая к переводам свежие силы. Эта благая цель обернулась, однако, своей оборотной стороной: в пятитомник вошли хотя и новые, но более слабые переводы, чем прежние, дореволюционные. На это указали в своей рецензии «Сочинения» Пушкина на армянском языке (к выходу в свет «Собрания сочинений» Пушкина на армянском языке) критики Х. Абебян и А. Варданян¹⁴⁹. Отметив большую работу, сделанную редколлекцией и переводчиками, авторы ставят вопрос о том, насколько верно был совершен отбор произведений Пушкина и насколько качественно они передали на армянском языке обаяние пушкинского стиха, богатство содержания и тончайшие оттенки его поэзии, т. е. то, что было достигнуто Ов. Туманяном, А. Цатуряном, И. Иоаннисианом, Е. Чаренцем и Д. Демирчяном.

Ответ их не однозначен — они высоко оценивают переводы Н. Зарьяна и С. Вауни, в которых сохранен идейный смысл и образная ткань пушкинских стихов, а из молодых выделяют В. Давтяна, Р. Ованесяна, А. Сагяна, Х. Грачяна, отличающихся искренностью и непосредственностью. Вместе с тем немало переводов вялых, бледных, в которых ясный и лаконичный язык

¹⁴⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 345.

¹⁴⁹ Коммунист, 1955, 31 июля.

Пушкина заменен обычными чуждыми поэзии «красивыми оборотами»; имеются и грубые смысловые ошибки, отсебятина, вызванные недостатком мастерства, профессионализма. После ряда примеров искажений пушкинских стихов в упрек редколлегии ставится то, что она упустила из виду многие первоклассные переводы дореволюционных переводчиков, заменив их неудачными новыми.

Не менее существен и другой недостаток, указанный авторами: несмотря на заявление, что представлена вся лирика Пушкина, кроме «нескольких несущественных исключений», на деле из 800 произведений поэта за 1813—1836 гг. в первый том включено всего 250, среди них и такие, как «Арион», «Калмычке» и др.

Пятитомник Пушкина как бы подвел итоги почти 140-летней работы армянских переводчиков по ознакомлению армянского читателя с наследием гения русской литературы. Вместе с тем это издание высветило и некоторые нерешенные проблемы армянской пушкинианы в области перевода — необходимость анализа накопленного материала, разработки критериев его оценки, отбора наиболее ценного, осмысления в теоретическом и практическом плане опыта работы армянских переводчиков. Как мы увидим дальше, этим занялась новая отрасль, возникшая в армянской критике и литературоведении в 70-х гг., разрабатывающая вопросы перевода произведений русской литературы, в том числе Пушкина, на армянский язык.

Но продолжим наш обзор. В 1957 г. отдельными изданиями вышли «Борис Годунов», «Дубровский», в 1958 — «Стихотворения» Ал. Цатуряна, где были помещены все его переводы из Пушкина, в 1959 г. — «Сказки», в 1964 — «Бахчисарайский фонтан», в 1967 г. — «Проза», 1970 — «Маленькие трагедии», 1972 — «Евгений Онегин».

В критике и литературоведении укажем на брошюру А. Макаряна «Пушкин и армянская литература»¹⁵⁰, первую часть двухтомной монографии Г. Овнана «Русско-армянские литературные связи в XIX—XX веках»¹⁵¹, где рассмотрены армянские контакты Пушкина и его переводы на армянский язык, очерк жизни и творчества Пушкина Р. Оганнисяна в учебном пособии для армянских вузов¹⁵², исследование А. Салахяна «Классики и современники», в котором дан сопоставительный анализ «Медного всадника» Пушкина и поэмы Е. Чаренца «Чугунный человек» и

¹⁵⁰ Ереван, 1957. 25 с. На арм. яз.

¹⁵¹ Ереван, 1960. 507 с. На арм. яз. О Пушкине — с. 20—25.

¹⁵² Оганнисян Р. Пушкин. — В кн.: Очерки русской литературы. Ереван, 1960, с. 5—87. На арм. яз.

«Октябрь 25—26 1917»¹⁵³, статьи о принципах перевода Пушкина на армянский — Э. М. Джрбашяна «О природе армянского стиха», в которой сравнивалась метрическая структура пушкинского стихотворения «Зимний вечер» и его перевода Ов. Туманяном¹⁵⁴, и А. Калашян «Стихотворение Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных» в армянских переводах»¹⁵⁵ и др.

Традиционно отмечены — публикацией переводов произведений Пушкина в республиканской печати и статьями о нем в 1959 г. — 160-летие со дня рождения поэта и в 1962 г. — 125-летие со дня его смерти, проведены научные сессии, вечера.

Памятной вехой армянской пушкинианы стал 1974 г. — празднование 175-летия со дня рождения поэта, совпавшее со 145-летием его пребывания в Армении. В этот год Ереван стал одним из центров Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, приобретшего поистине всенародный характер и получившего освещение в центральной и местной печати. В нем приняли участие делегации краев и областей России, союзных и автономных республик. Он открылся 30 июня в Ереванском государственном академическом театре оперы и балета им. А. Спендиарова торжественным заседанием, на котором со «Словом о Пушкине» выступил переводчик его произведений, видный армянский поэт Рачья Ованесян, представители всех делегаций, читавшие на родном языке творения гения русского народа. 1 июля праздник перекинулся на заводы и фабрики столицы, в учебные заведения и учреждения, переехал в г. Ленинакан, где состоялось открытие мемориальной доски на памятнике-роднике в центре города со следующей надписью на русском и армянском языках: «Во время путешествия в Арзрум А. С. Пушкин остановился в Гумри 11—12 июня и 28—30 июля 1829 года».

Следуя маршруту Пушкина, праздник завершился у Пушкинского перевала грандиозным митингом, куда собрались жители Гугарка, Кироваканского и Степанаванского районов.

Неразрывной частью дней Пушкина в Армении явилась и Всесоюзная научная конференция, проведенная в столице республики в июне Ереванским государственным университетом совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР с участием ведущих ученых-пушкинистов Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик. Ее темой явилось уяснение той огромной роли, которую сыграло творчество Пушкина в развитии русской культуры и народов дореволюцион-

¹⁵³ Салахян А. Классики и современники. Ереван, 1971, с. 469—472. На арм. яз.

¹⁵⁴ Лит. Армения, 1972, № 5.

¹⁵⁵ Ереванск. ун-т, 1973, № 3. На арм. яз.

ной России, в расцвете многонациональной советской литературы. В следующем 1975 г. сборники материалов этой и предыдущей (1972 г.) конференций вышли в свет в Ереване¹⁵⁶, встретив положительную оценку научной общественности.

В дни праздника вышли в свет: сборник «Армения — Пушкину» (на русском и армянском языках), в который вошли посвященные ему стихи армянских поэтов и высказывания о нем армянских писателей; однотомник его «Лирики» (195 с.), упомянутая библиография А. В. Калашян об армянских переводах Пушкина, монография К. Н. Григорьяна «Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений», в которой рассмотрены знакомство Пушкина с книгой «Жизнь Артемия Араратского», первые переводы Пушкина на армянский язык, Иоаннисиан, Цатурян, Туманян и наследие Пушкина, Ав. Исаакян о Пушкине.

Последующие годы — до 1987 — 150-летия со дня гибели Пушкина — отмечаются планомерной работой в области переводов и издания произведений Пушкина, углубленным изучением взаимосвязей его творчества с армянской литературой.

Из наиболее примечательных явлений этого периода выделим четырехактную оперу «Путешествие в Арзрум» — музыка народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Армении, композитора Эдгара Оганнесяна (р. 1930), либретто народного артиста СССР, профессора Г. П. Анисимова. Ее главные действующие лица — Пушкин, Н. Н. Раевский, Грибоедов, Паскевич, Николай I, юноша-армянин Артемий, декабристы и др. События разворачиваются в Арзруме, Петербурге, Тегеране, Армении. Опера была поставлена в 1987 г. в Ереванском академическом театре оперы и балета им. А. Спендиарова и заслуженно нашла горячее одобрение публики и музыкальной критики.

Развитие армянской пушкинианы продолжается: на повестке дня — создание академического полного собрания сочинений Пушкина на армянском языке, требующее большой и тщательной подготовки, анализа и отбора лучших переводов, может быть, с параллельной публикацией вариантов, их научным комментированием, со сведениями о переводчиках, что вполне доступно армянским критикам и литературоведам.

Сегодня бессмертные творения Пушкина стали неотъемлемой частью армянской культуры, его память навечно в сознании армянского народа.

1987 г.

¹⁵⁶ Пушкин и литература народов Советского Союза, Ереван, 1975. 519 с.; «И назовет меня всяк сущий в нем язык...». Наследие Пушкина и литература народов СССР. Ереван, 1975. 366 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	4
Глава первая. Начальное знакомство с Арменией	8
Глава вторая. Поездка на Кавказ и по Крыму с Раевскими	29
Глава третья. Кишиневские впечатления (сентябрь 1820—июль 1823)	71
Глава четвертая. «...друзья, братья, товарищи» (Декабристы в Армении)	112
Глава пятая. Поездка в Армению (май—август 1829)	173
Глава шестая. После возвращения из Закавказья. Очерки «Путешествия в Арзрум». Работа над «Историей Петра» (сентябрь 1829—февраль 1837)	258
Глава седьмая. Армения — Пушкину	321

Казар Варганович Айвазян

«Я СТАЛ СПУСКАТЬСЯ... К СВЕЖИМ РАВНИНАМ АРМЕНИИ»

А. ПУШКИН

Издательский редактор **Н. Э. Хунунц**

Художник **В. Х. Мандакун**

Художественный редактор **С. С. Мкртчян**

Технический редактор **К. Г. Саркисян**

Контрольный корректор **Р. Б. Оганесян**

ИБ № 6124

Сдано в набор 7.08.1989 Подписано в печать 29.01.90.

ВФ 05804 Формат 60×84¹/₁₆ Бумага тип. № 2

Гарнитура «Литературная» Печать высокая

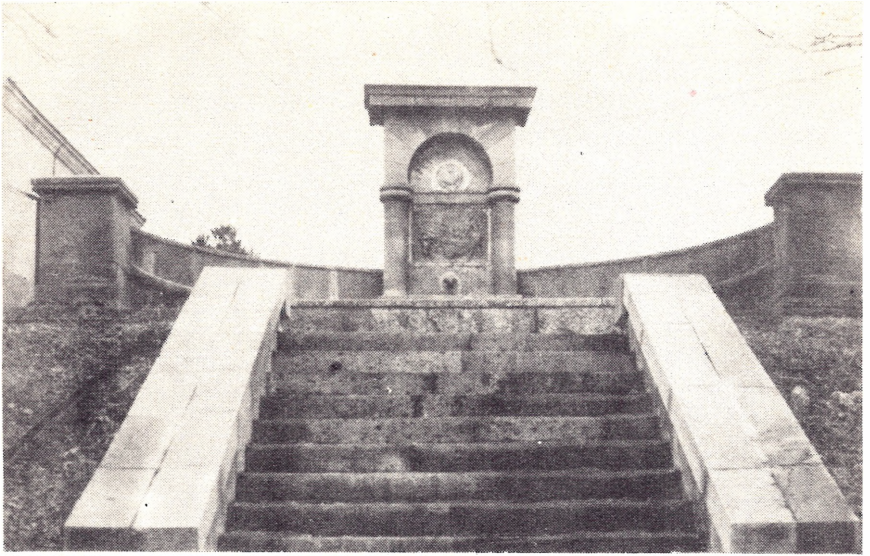
22,55 усл. печ. л. 23,92 изд. л. +14 вклеек

Тираж 2000. Заказ 1606. Цена 2 р.

Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. А. Исаакяна, 28

Типография № 1 Госкомитета АрмССР по делам издательства,

полиграфии и книжной торговли. Ереван-10, ул. Алавердяна, 65.

Памятник Пушкину на Пушкинском перевале.

Ереван. Школа им. Пушкина.

Ленинакан. Мемориальная доска на памятнике-роднике о пребывании Пушкина в 1829 г. в Гумри.

Памятник Пушкину в Тифлисе.

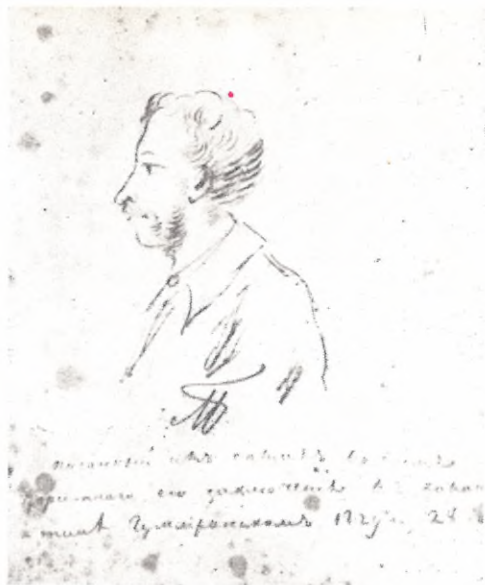

Анна Давыдовна Баратынская (урожд. Абамелек).

М. Сарьян. Встреча Пушкина с телом А. С. Грибоедова.

А. С. Пушкин. Автопортрет.
1829 г.

И. Айвазовский. Пушкин
на берегу Черного моря.

Покорение крепости Арзрум 27 июня 1829 г.

Арзрум. Рис. А. С. Пушкина.
1829 г.

Фархат-Бек. Рис. А. С. Пушкина.
1829 г.

Встреча Пушкина с телом А. С. Грибоедова. С акварели П. Бореля.

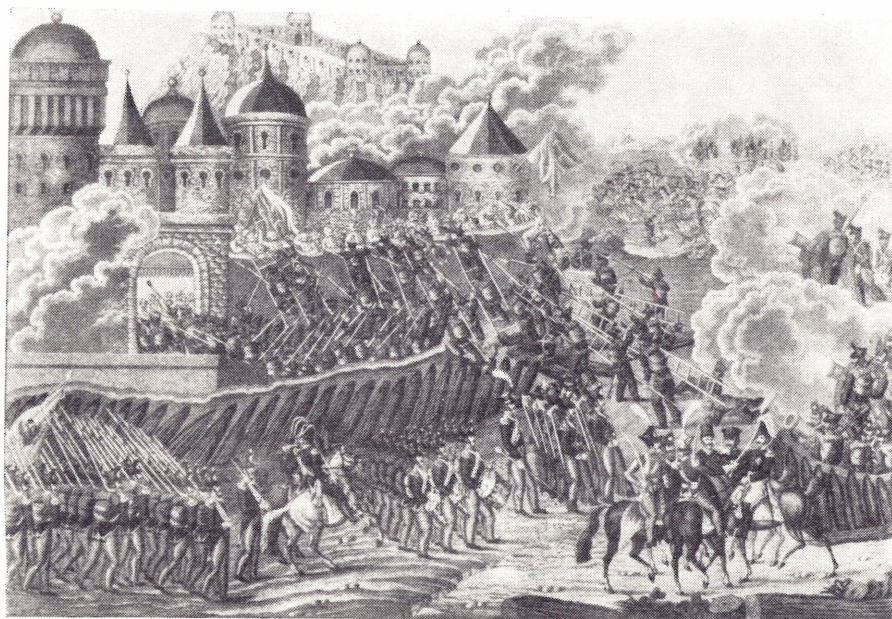

Генерал В. О. Бебутов.

А. С. Грибоедов. Рис. А. С.
Пушкина. 1828 г.

Штурм крепости Карс 5 июня 1828 г.

Л. С. Пушкин. Рис. А. С. Пушкина. 1829 г.

Е. Е. Лачинов.

Н. Н. Оржицкий.

И. П. Шипов.

И. Г. Бурцов.

М. И. Пушкин.

П. П. Коновницын.

А. А. Суворов.

Н. Н. Раевский-младший.

В. Д. Вольховский.

Н. Н. Муравьев.

Группа солдат сводного гвардейского полка.

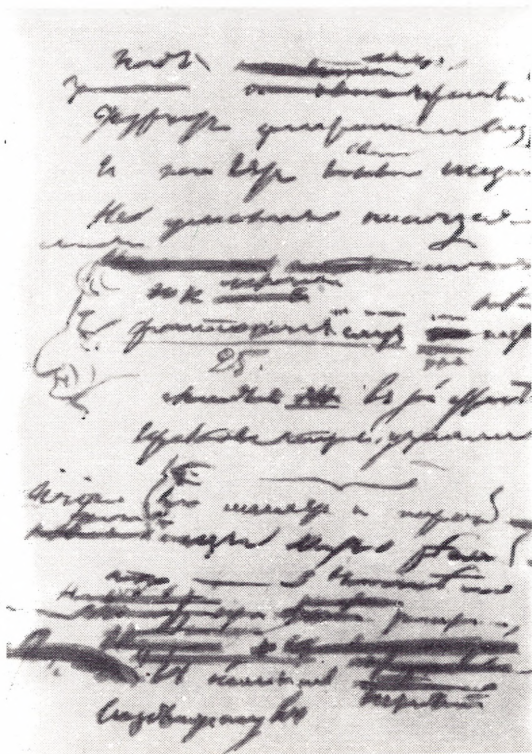
Д. В. Давыдов. Рис. А. С. Пушкина. 1825 г.

Генерал В. Г. Мадатов.

Групповой портрет армян и молдавы в церкви. Рис. А. С. Пушкина. 1821 г.

Портрет Худобашев. Рис. А. С. Пушкина. 1821 г.

Портрет генерала А. П. Ермолова. Художник П. З. Захаров.
Ок. 1843 г.

Генерал П. С. Котляревский.

Подвиг солдата 17-го егерско-го полка Г. Сидорова.

Памятник отряду О. А. Монтрезора.

Генерал П. Д. Цицианов.

Генерал В. А. Зубов.

Генерал Н. Н. Раевский-старший. Рис. А. С. Пушкина. 1821 г.

Анна Абамелек 2-х лет.

Анна Абамелек 6-ти лет.

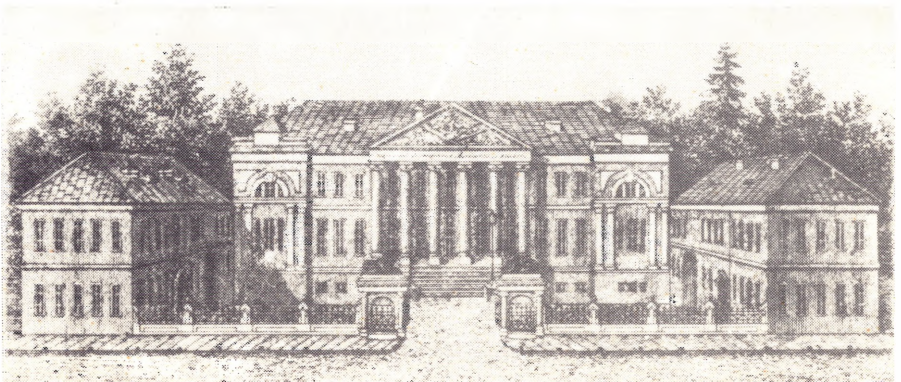

Марфа Екимовна Абаметск (урожд. Лазарева).

Лазарь, Иван, Иоаким и Христофор Лазаревы.

Лазаревский институт восточных языков.

Пушкинский кабинет ИРЛИ